ТРУДЫ
ИНСТИТУТА КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ

РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В КЛАССОВОМ ОСВЕЩЕНИИ

СБОРНИК СТАТЕЙ
ПОД РЕДАКЦИЕЙ
М. Н. ПОКРОВСКОГО

Т. II

25907

МОСКВА—1930

ИЗД-ВО КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ

ТРУДЫ ИНСТИТУТА КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ

DB
10
P89

РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В КЛАССОВОМ ОСВЕЩЕНИИ

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТА КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ
№ 110843/8

СБОРНИК СТАТЕЙ
ПОД РЕДАКЦИЕЙ
М. Н. ПОКРОВСКОГО

ТОМ ВТОРОЙ

2590/

ИЗДАТЕЛЬСТВО КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АК
МОСКВА — 1930

ИКА 628

Госуд. публичная историческая библиотека РСФСР
110843/8

изд-ва „Дер Эмес", Москва, Покровка, 9. Тираж 3000.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

М. А. Рубач — Федералистические теории в истории России 3

О. А. Лидак — П. Н. Милюков как историк 123

М. Нечкина — В. О. Ключевский 217

А. Петрова — Н. А. Рожков как историк России 353

М. А. РУБАЧ

ФЕДЕРАЛИСТИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ В ИСТОРИИ РОССИИ

ВВЕДЕНИЕ[1]

Федералистические идеи, ставящие своею целью установление федеративного государственного устройства, в своем историческом развитии создали три вида федерализма:

1. Феодальный федерализм, борющийся с централизмом абсолютизма, торгового капитала и вырастающей промышленной буржуазии.

2. Мелкобуржуазный федерализм с анархическим уклоном, направленный против социально-экономического угнетения торгового и промышленного капитала, политически организованного в централизованном государстве.

3. Национально-государственный федерализм, связанный с развитием промышленного капитализма в национально-угнетенных странах, борющийся с политическим и экономическим централизмом великодержавных наций и государств.

Федерация как определенная форма государственного устройства исторически возникает двумя путями: или как средство более тесного об'единения государств, до того разрозненных и самостоятельных, или

---

[1] Настоящая работа писалась с декабря 1924 г. по апрель 1925 г.

Сдана в набор в конце 1926 г. Печатается же, по независящим от автора обстоятельствам, в 1929 г. За эти 2½ года вышло в свет много журнальных статей, непосредственно относящихся к той или иной части нашей работы. Связанные тем обстоятельством, что текст работы был уже набран, мы не имели возможности использовать новую литературу, хотя использование последней, требуя значительной переработки доклада, основных выводов не изменило бы, а дало бы только в некоторых местах более свежий материал.

Вследствие необходимости сокращения для печати общего об'ема работы, из первоначально написанного доклада здесь опущены две главы, посвященные: 1) Драгоманову и 2) отношению революционного марксизма к федерализму.

как средство раздробления уже организовавшихся крупных централизованных государств. Таким образом федерация есть одна из ступеней в развитии политических форм государства. Она может быть в каждом конкретном случае или еще недостигнутой формой или уже превзойденной. Федерация выступает не только в качестве децентрализующей силы, но и нередко в качестве об'единяющей (Германия, Соединенные штаты С. А.). Раздробление и децентрализация не есть свойства, имманентно присущие федерации. Эти элементы суть обычно наследство и остаток прошлого. Дальнейшее развитие ее создает условия, при которых децентрализационные черты, являющиеся тормозом для более тесного об'единения, постепенно отходят на задний план, заменяясь противоположными тенденциями большего единства. Федерация, являясь компромиссом между прошлыми, но не совсем отжившими условиями и необходимым будущим, вытекающим из настоящего, неизбежно должна иметь известную двойственность. Поэтому противопоставление федерации единству и централизации, так же как отождествление федерации с децентрализацией и раздроблением, может быть верным только при конкретном анализе к а ж д о й исторической формы федерации. Нужно «анализировать именно переходные формы, чтобы учесть в зависимости от конкретно исторических особенностей каждого отдельного случая, переходом о т ч е г о к ч е м у данная переходная форма является» [1].

П е р в ы й вид федералистических идей, как мы выше указали, отображал борьбу феодалов против развивающегося капитализма, за сохранение своего социально-экономического господства. Централизованная государственная власть образовалась по мере победы абсолютизма над феодализмом, на основе развития и укрепления торгового, а потом промышленного капитализма. Приход к власти промышленной буржуазии обозначал окончательную победу централизма над феодальной разобщенностью разных районов. В процессе этой борьбы федерализм был одной из теорий, идейно обосновавших борьбу феодалов против централизма самодержавной власти. Стремление закрепить хотя бы часть былой самостоятельности феодалов находило свое выражение в требовании ограничения центральной и усиления за ее счет местной власти. Глубокое развитие буржуазной революции толкало

[1] Н. Л е н и н, т. XIX, стр. 226.

вправо умеренную часть буржуазии. Правая часть жирондистов выступила в качестве федералистов для ограничения централистской власти якобинского Парижа. Феодалы мелких немецких государств со всех сил задерживали и тормозили об'единение Германии в единое государство. В России, благодаря ряду внутренних и внешних условий, самодержавие, сравнительно с Западной Европой, рано победило феодализм, задолго до Германии, Италии и др., создало бюрократически централизованную власть на территории огромного государства.

Но против развивающегося капитализма и создаваемого им государственного централизма выступали не только феодалы, но и сельская и городская мелкая буржуазия.

Капитализм разорял и отрывал от земли огромные массы крестьянства. Капиталистическая мануфактура, а потом машинное производство беспощадно разрушали средневековое ремесло и цехи с их былой регламентацией и независимостью. На место феодальной эксплоатации пришли «прелести» первоначального накопления — еще большая эксплоатация торгового и промышленного капитала. Разоряемая, угнетаемая мелкая буржуазия сел и городов ищет выхода. Не имея и не видя перспектив впереди, в возвращении к «счастливому» прошлому она находит свои идеалы. Происходит идеализация старины, первоначального общественного устройства. Сельское хозяйство и средневековое ремесло противопоставляется ненавистной индустрии. Государство, завинчивающее налоговый пресс, охраняющее незыблемые основы собственности и эксплоатации, осуществляющее через свои принудительные аппараты отрыв мелких производителей от средств производства, загоняющее «освобожденных» от земли вчерашних крестьян на фабрики и заводы в крупные имения, вызывает страшную ненависть. Выдвигаются планы реорганизации государства, уничтожения централизма, возвращения былых вольностей и автономных прав периода феодализма. На сцену выдвигаются федералистические идеи с анархическим оттенком. Борьба аграриев-феодалов против развивающегося промышленного капитализма совпадает с борьбой крестьянства против общего врага. И первый и второй виды федерализма, несмотря на то, что представлены двумя разными враждебными классами, имеют то общее, что они оба представляют и защищают отживающую эпоху против капитализма, прогрессивно разрушающего феодальные путы и создающего единое централизованное национальное хозяйство.

Дальнейшее развитие промышленного капитализма капитализирует или окончательно разоряет феодалов и одновременно глубже диференцирует крестьянство, создавая кулачество и пролетаризируя крестьянскую бедноту. В связи с этим изменяется отношение крестьянства к государству. Кулачество начинает нуждаться в защите накопления, эксплоатации, собственности. Оно начинает быть заинтересованным в сильном государстве, обеспечивающем «порядок и спокойствие». Пролетаризирующиеся слои крестьянства, вовлекаясь в сферу влияния крупного производства, отходят от былой разобщенности мелкого индивидуального хозяйства, меняют свою идеологию. Таким образом 2-й, преимущественно крестьянский, вид федерализма теряет свою социальную почву.

* * *

Однако развитие промышленного капитализма, разлагающее крестьянский мелкобуржуазный федерализм, благодаря ряду особых условий возрождает и развивает новую его форму в национально угнетаемых странах. Эта новая форма, условно нами отмеченная как 3-й вид федерализма, социально тесно связана со 2-м и исторически (первое время) одновременно и параллельно развивается с ним.

Развитие товарного хозяйства и промышленного капитализма, с его все ускоряющимся оборотом, расширением связи между разными районами и областями, способствовало более тесному об'единению населения разных местностей. Процесс ликвидации феодализма и победы капитализма является одновременно процессом собирания людей в нации. В этот период во всей широте буржуазией был выдвинут национальный вопрос как средство тесного об'единения более крупных территорий, создания более крупных рынков, как средство борьбы с феодализмом и его разобщенностью. На Западе период формирования крупных централизованных государств в общем и целом совпал с этим процессом формирования наций, облекавшихся в оболочку крупных централизованных государств (Франция, Англия, Италия). На Востоке же Европы процесс организации крупных централизованных государств, происходивший на той же основе, как и на Западе, благодаря ряду причин был настолько ускорен, что опередил процесс окончательного сформирования ряда национальностей, создав ряд смешанных многонациональных государств (Австро-Венгрия, Россия), для которых во-

прос о формах государственного устройства с самого начала их укрепления был связан с необходимостью решения национальной проблемы.

Но с дальнейшим развитием капитализма и в других «однонациональных» государствах появился национальный вопрос, так как стремление завоевать новые рынки сбыта и источники сырья привело к покорению силой новых областей и национальностей, до того бывших самостоятельными, — к созданию колоний.

Развитие капитализма, с одной стороны, создавало более тесное об'единение разных территорий, развило пути сообщения, укрепило взаимную зависимость народов на основе экономического сотрудничества и разделения труда, т. е. действовало в направлении изживания национальных и расовых особенностей, но с другой стороны, эти процессы происходили в т а к и х ф о р м а х, которые противоречили прогрессивному историческому смыслу этого процесса, в немалой степени разрушая его положительные результаты.

Развитие капитализма шло не путем добровольного сотрудничества народов, а. путем п о д ч и н е н и я одних другим, путем угнетения и эксплоатации менее развитых народов. «Колониальные грабежи и захваты, национальный гнет и неравенство, империалистический гнет и насилие, борьба «цивилизованных» наций между собой за господство над народами «нецивилизованными» — таковы те формы, в рамках которых протекал процесс хозяйственного движения народов. Поэтому, наряду с тенденцией об'единения, нарастала тенденция к уничтожению насильственных форм этого об'единения, борьба за освобождение угнетенных колоний и зависимых национальностей от империалистического гнета [1].

Это же развитие капитализма, с его потребностью в грамотных, культурно-развитых и квалифицированных рабочих руках, вместе с неизбежным развитием на определенной ступени капитализма более демократических форм управления, поднимало к политической жизни более широкие пласты до того отсталого, мало подвижного крестьянства, являющегося наиболее верным хранителем национальных особенностей угнетенных народов. Переход сельского населения в города и приобщение его к общественно-политической жизни содействовало возрождению национального движения даже там, где оно уже было

[1] Стенографич. отчет XII с'езда РКП, § 2, резолюц. по национальному вопросу.

почти совершенно подавлено, где национальные особенности в значительной степени уже были заглажены. Ко 2-й половине XIX века во всех крупных государствах возникла национальная проблема, органически связанная с вопросом о формах государственного устройства этих государств.

Развитие промышленного капитализма на территории угнетенных наций, усиливая диференциацию крестьянства угнетенных наций, содействует быстрому росту национального торгово-промышленного капитала, приходящего в столкновение с метрополиями. Параллельное быстрое развитие нац. интеллигенции идеологически оформляет движение. Федерация и автономия становятся первоначально основными требованиями растущего национального движения. Федерализм становится лейтмотивом ряда исторических схем, публицистики, идеологии угнетенных национальностей.

Но это только на время, пока нация, «удерживаемая насильственно в границах данного государства, окончательно сконструируется как нация, соберет, узнает, организует свою силу» (Н. Ленин, том XIX, стр. 139). Потом, национальные социально-экономические потребности выдвигают необходимость еще большей экономической территориальной, культурной и политической консолидации.

В результате, сначала в приложении к внутренним условиям социально-политической жизни, федерализм вытесняется ц е н т р а л и з м о м. Потом, чем более нац. движение приближается к осуществлению своей цели, чем больше становится его сила, тем больше федерации отходят на задний план, заменяясь лозунгом создания «своего» совершенно независимого и самостоятельного государства. Все усиливающаяся борьба между господствующими и угнетенными нациями метрополий и колоний фактически исключает на значительный период федерацию, требующую обоюдного равноправного соглашения.

Таким образом и здесь федерализм перерождается, заменяясь централизмом.

* * *

Кончается ли на этом история развития федеративных идей? Не совсем. Как известно, национальный вопрос не может быть разрешен в рамках капитализма, существование которого в эпоху империализма органически связано с национальным угнетением народов, потерявших

и теряющих свою самостоятельность в результате империалистических войн.

В эпоху мировой пролетарской революции рабочий класс, свергая власть буржуазии, должен разобраться в наследстве, оставляемом ему капитализмом, должен в частности решить национальный вопрос. И здесь в новых, радикально изменившихся условиях власти пролетариата в переходном периоде, ломки старого и строительства нового, федерация выступает как одно из средств решения национального вопроса, как форма государственных взаимоотношений тех наций, пролетариат которых завоевал власть.

Федерализм в социалистической идеологии пролетариата не имеет никакого самостоятельного значения. Если для мелкого буржуа, не понимающего классового характера государства, та или иная форма государственных взаимоотношений разных народов есть панацея от всех социальных зол, то для пролетарской марксистской идеологии федерация есть только наиболее благоприятная форма государственных взаимоотношений разных наций, — форма, получающая значение только после и на основе решающей предпосылки для решения национального вопроса — взятия власти пролетариатом.

Пролетарски-социалистическая федерация эпохи диктатуры пролетариата есть только форма государственного устройства. Ее задачей является об'единение разных стран и народов, изживание былых национально-государственных антагонизмов эпохи империализма, — процесс, который стал возможным только после победы пролетариата и установления его диктатуры.

Федерализм этого периода принципиально отличается от федерализма национально-государственной эпохи развития промышленного капитализма, так как он не ведет к отделению, к ликвидации былых экономических связей, не ведет к созданию новых национальных централизмов наций, ранее угнетенных. Федерация эпохи диктатуры пролетариата, наоборот, является формой государственного устройства, сглаживающей, уничтожающей былые противоречия не только между бывшими великодержавными государствами и ранее ими угнетаемыми нациями, но и между разными великодержавными государствами, враждовавшими между собой.

Практика советского строительства СССР и политика Коминтерна в области национального государственного строительства, стре

мящаяся к созданию социалистических Соединенных штатов Европы, Балканской федерации и т. д., являются конкретным выражением федеративных идей эпохи диктатуры пролетариата, федеративных идей, ничего общего с анархизмом не имеющих, ведущих не к раздроблению, а соединению, к об'единению разных стран и народов, созданию тех основных первоначальных слагаемых, сумма которых должна дать мировой союз всех народов и стран, — союз, могущий возникнуть на основе процесса фактического создания организованного мирового хозяйства.

I ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ФЕДЕРАЛИЗМА В ОБЩЕСТВЕННОМ ДВИЖЕНИИ В РОССИИ

Федералистические идеи в общественном движении России начали развиваться в первой четверти XIX века под непосредственным влиянием федералистических идей Соединенных штатов Сев. Америки, Великой французской революции и национального возрождения западного славянства, начавшегося после наполеоновских войн в связи с развитием промышленного капитализма.

Одним из первых звеньев в развитии федералистических идей было общество «Соединенных славян», организовавшееся в 1823 г. [1]. Оно существовало первое время совершенно независимо от Южной организации декабристов, значительно отличаясь от последнего по своей тактике и программе. Федералистический характер общества «Соединенных славян» можно ясно видеть из воспоминаний активного его участника Горбачевского: «Общество имело главной целью,— пишет он в своих воспоминаниях,—освобождение всех славянских племен от самовластия, уничтожение существующей между некоторыми из них национальной ненависти и соединение всех обитаемых ими земель в федеративном союзе. Предполагалось с точностью определить границы каждого государства, ввести у всех народов форму демократического представительного правления, со-

[1] Мы не останавливаемся здесь на истории некоторых масонских лож, программы и деятельность которых в известной степени имели федералистический характер, в частности на истории ложи „Соединенных славян", образованной в 1818 г.

ставить конгресс для управления делами союза и для изменения в случае надобности общих коренных законов, представляя каждому государству заняться внутренним устройством и быть независимым в установлении своих частных узаконений»[1] (разрядка наша — *М. Р.*).

«Соединенные славяне» были первой сравнительно крупной организацией, имевшей определенно выраженный федералистический характер в отношении государственного переустройства славянских народов. Представляя низшие материально мало обеспеченные слои офицерства, они проявили явные черты идеологии мелкой буржуазии; «Бережливость, трудолюбие и нравственность... помогать бедным, но не быть расточительным;—находим мы там же у Горбачевского, — не делать людей богатыми, но научить их таким образом, посредством труда и бережливости, без труда для себя и других, пользоваться оными». «Соединенные славяне», присоединившиеся впоследствии к «Южному обществу» декабристов, занимали в нем наиболее левую радикальную позицию, требовали более активных действий и широкой пропаганды не только среди офицеров, но и солдатских масс.

* * *

Однако, федералистическим было не только левое крыло декабристов, но и значительная часть правого крыла «Северного об-ва», возглавляемая Никитой Муравьевым. В обоих его проектах конституции России, написанных им для программы Северного об-ва, Н. Муравьев выдвигал план федеративного устройства России. Во вступительной части первого проекта, отвечая на вопрос, какой образ правления «приличен» русскому народу, он пишет: «Народы малочисленные бывают обыкновенно добычей соседей и не пользуются независимостью. Народы многочисленные пользуются внешней независимостью, но обыкновенно страждут от внутреннего утеснения и бывают в руках деспота орудием притеснения и гибели соседних народов. Обширность земель и многочисленность войска препятствуют одним быть свободными; те, которые не имеют сих неудобств, страждут от своего бессилия.

Федеральное или союзное правление одно разрешило свою задачу, удовлетворило всем условиям и согласило вели-

[1] „Русский архив", 1882, книга 2-я—„Записки Неизвестного", стр. 443—445.

чие народов и свободу граждан. Под надзором государя одно законодательное собрание находится в столице и делает все распоряжения, общие для всего государства; частные распоряжения, касающиеся областей, представлены областными законодательными собраниями, образованными наподобие столичного, и таким образом доставляется благосостояние целого и частей»[1]. Кроме Муравьева, пользовавшегося большим влиянием в «Северном о-ве», над проектами федеративного устройства России работали также декабристы: Батенков, Завалишин, еще до них Дмитриев-Мамонов и Н. Новиков.

По этому проекту Муравьева предполагалось разделить Россию на 14 держав и 2 области: Донскую и Славянскую. Главным городом последней предполагался Н. Новгород, который должен был быть столицей всей федерации[2]. На федерализме Н. Муравьева резко чувствуется влияние конституции Северо-американских Соед. штатов, с которой им списан ряд пунктов.

Н. Муравьев, идеолог наиболее правой части декабристов, фактически тормозивших декабристское революционное движение, в своих стремлениях ограничить центральную власть отчасти отражал интересы крупного землевладения, полуфеодалов, стремившихся на местах лучше защитить свои классовые интересы. Это было также отражением былой борьбы удельного периода против абсолютизма и централизма самодержавия.

Решительным противником федералистических идей выступил идеолог «Южного о-ва» — Пестель, который принципиально отвергал федерализм как форму государственного устройства, гибельную для России. У него мы встречаем развернутую аргументацию против федерации, на целое столетие предвосхитившую доводы ее противников из лагеря российской буржуазии. После общих теоретических возражений о вреде федерации Пестель, возражая Муравьеву, останавливается специально на России: «Что же касается до России, то, дабы в полной мере удостовериться, до какой степени федеративное образование государства было бы для нее пагубно, стоит только вспомнить, из каких

---

[1] Н. Муравьев, Библиотека декабристов, стр. 134, вып. IV.

[2] См. В. И. Семевский, Кирилло-Мефодиевское общество 846—47 гг., стр. 32, отдельный оттиск из журнала „Голос минувшего".

разнородных частей сие огромное государство составлено. Области его не только различными учреждениями управляются, не только различными законами судятся, но совсем «различными языками» говорят, совсем различные веры исповедуют, жители оных различные происхождения имеют, к различным державам некогда принадлежали; и потому, ежели сию разнородность еще более усилить через федеративное образование государства, то легко предвидеть, что сии разнородные области скоро от коренной России тогда отложатся, и она скоро потеряет тогда не только свое могущество, величие и силу, но даже может быть и бытие свое между большими или главными государствами». И в заключение Пестель приходит к выводу: «Всякая мысль о федеративном для него устройстве отвергается совершенно, яко пагубнейший вред и величайшее зло»[1] (разрядка наша—*М. Р.*). Пестель верно отражал социально-экономические интересы развивающегося капитализма, которым противоречили децентрализация и опасность, что «разнородные области от коренной России отложатся». Несмотря на всю его ненависть к «аристократии богатств», имея под ней в виду главным образом полуфеодальную земельную аристократию, он верно защищал интересы подымавшейся новой буржуазии.

В движении декабристов, в их идеологии, наиболее резко и ярко выявивших состояние умов наиболее активных элементов общественного движения того периода, мы видим федералистические идеи разного типа.

Федерализм Муравьева, отражая позицию против самодержавия не левых, а правых феодально-помещичьих элементов, по своей классовой сути аналогичен федерализму правой части жирондистов Великой французской революции. «Соединенные славяне» имели другие социально-экономические корни в лице служилого бедного офицерства, происходившего из захудалого дворянства. Их федерализм,

[1] И далее Пестель декларирует: «Вследствие всего здесь сказанного об'является Российское государство, в пределах выше обозначенных, единым и неразделимым, отвергающим притом совершенно всякое федеративное образование, устройство и существование государства» (разрядка наша—*М. Р.*) В. И. Семевский, «Былое» 1906 № 3 стр. 165.

нося романтически-панславистский характер, был еще слабо связан с местной окружающей обстановкой [1], но по своей программе он был демократичным, являясь мелкобуржуазной радикальной критикой абсолютизма и централизма слева, отражая также интересы угнетенных славянских народностей.

Федерализм декабристов, как «Соединенных славян», так и «Северного о-ва», хотя и не имел большого практического значения, однако, как и все восстание декабристов, имел большое влияние на дальнейшее развитие общественного движения. В развитии федералистических идей декабристы дали первые более или менее законченную формулировку программ федеративного переустройства России.

2

Следующий значительный этап в развитии федералистических идей в России тесно связан с национальным возрождением украинского народа. Появляются сборники украинских песен, украинские повести, пьесы, этнографические и исторические исследования. На почве развития национального, литературного и научного творчества формируются первые, небольшие кадры украинской интеллигенции, рекрутируемые из разночинных элементов и разоряющегося украинского дворянства. Тот факт, что привилегированные классы на Украине были почти полностью ассимилированы русскими и поляками, что основным хранителем национальных особенностей осталось крестьянство, неизбежно явился причиной тесной связи с крестьянством нарождающейся украинской интеллигенции, которая близко знакомилась с бытовыми и социально-экономическими условиями его жизни. Украинская литература, особенно в лице Шевченко, принимает явно выраженный социально-политический характер, будучи направлена против самодержавия, крепостного права и панов. Украинское национальное движение, опираясь на крестьянство, в условиях крепостного

---

[1] „Соединенные славяне“ хотя и были в большинстве украинцами и действовали на Украине, однако в украинцах они еще не видели самостоятельного народа. На их восьмиугольной печати обозначены 8 славянских народов, которые должны были составить федерацию, но украинцы среди них не упоминаются. Только отдельные члены общества были связаны с украинскими деятелями, Лукашевичем и другими.

права и самодержавия с его бюрократическим централизмом, неизбежно должно было носить революционный характер. Ядром этого движения были украинские деятели: Т. Шевченко, Н. Костомаров, Кулиш, Белозерский, Гулак и др., организовавшие в 1846 г. в Киеве первую политическую организацию национального движения, имевшую ярко выраженный федералистический характер — «Кирилло-Мефодиевское братство». О социально-политической и национальной программе «братства» можно судить не столько по его деятельности, так как оно скоро провалилось, сколько по захваченным при арестах его руководителей документам и воспоминаниям его активных участников. Довольно рельефно программа «братства» выражена в прокламации «к братьям украинцам». Здесь мы находим почти все ее основные черты:

«1) Мы принимаем,—читаем мы в этой прокламации,—что все славяне должны между собою соединиться; 2) но так, чтобы каждый народ составлял особенную Речь Посполитую и управлялся бы не слитно с другими, так, чтобы каждый народ имел свой язык, свою литературу, свое общественное устройство. Такими народами признаем: великороссиян, украинцев, поляков, чехов, литичан, корутян, иллиро-сербов и болгар; 3) чтобы единствовал сейм или славянское собрание, где бы сходились депутаты от всех республик славянских и там рассуждали бы и решали дела, которые относятся ко всему союзу славянскому; 4) чтобы в каждой республике был правитель, избранный на время и над целым союзом был такой же правитель, выбранный на время, чтобы в каждой республике было всеобщее равенство и свобода и никакие различия свободы; 5) чтобы депутатами и чиновниками делали не по происхождению и не по имуществу, а по уму и образованности, народным выбором; 7) чтобы вера христова была основанием законодательства и общественного порядка в целом союзе и в каждой республике. Вот, братья украинцы, жители Украины обеих сторон Днепра, мы даем вам это на размышление; прочитайте со вниманием и пусть каждый думает, как достигнуть этого и как бы лучше сделать»[1]. Общий характер общества и его возникновение Н. Костомаров описывает в своей автобиографии. Здесь он изображает ту обстановку, в которой создалась потребность в организации политического

[1] „Былое", февраль 1906, стр. 67, 68.

общества: «Наши дружеские беседы,—сообщает Костомаров,—обращались более всего к идее славянской взаимности... Взаимность славянских народов в нашем воображении не ограничивалась сферой науки и поэзии, но стала представляться в образах, в которых, как нам казалось, она должна была воплотиться в будущей истории.

Мимо нашей воли стал нам представляться федеративный строй, как самое счастливое течение общественной жизни славянских наций. Мы стали воображать все славянские народы соединенными между собой в федерацию, подобно древним греческим республикам или Соед. штатами Сев. Америки, с тем, чтобы все находились в прочной связи между собой, но каждая сохраняла свято свою отдельную автономию» [1].

Панславизм федералистов резко отличается от панславизма славянофилов. Потребности крепостнического крупного землевладения и прюндерской помещичьей буржуазии далеки от интересов крестьянской мелкой буржуазии и разночинцев.

Панславизм славянофилов являлся фактически панрусизмом. Славянофилы пытались позолотить пилюлю агрессивной царской политики. «Братство крови связывает русский народ с народами славянскими,—писал Хомяков.—Братство духа связывает его с греками. Это такие узы, которых ни забыть, ни отвергнуть мы не можем».

Отношение федералистов к славянофилам Костомаров изложил в своем письме к Герцену: «Идея панславизма, — пишет он, — принялась на Украине совсем не так, как в Москве, где она проявилась или в стремлении уразуметь смысл тропарей и букварей, или в расточительных похвалах старомосковской Руси, под которые боязливо подкладывалась всероссийскому престолу надежда простереть когда-нибудь свою десницу царственную на славянские народы и уготовить им вожделенную судьбу Украины и Польши» [2].

Но федерация Костомарова не носила только национальный характер. «Федерация только по одним народностям,—пишет Костомаров,—не оказалась для нас вполне удобной по многим причинам и в особенности по количественному неравенству масс, принадлежавших народностям... Мы пришли к результату, что с сохранением прав народностей необходимо другое деление частей будущего славянского госу-

[1] Н. Костомаров „Колокол" № 61, 1860 г.
[2] Там же.

дарства. Таким образом, составилась мысль об административном делении земель, населяемых славянским племенем, независимо от того, какой из народностей принадлежит это племя в той или иной полосе обитаемого им пространства. Мы не могли уяснить себе в подробности образа, в котором должно было явиться наше воображаемое федеративное государство, создать этот образ мы предоставляли будущей истории.

Во всех частях федерации предполагались одинаковые основные законы и права, равенство веса, мер и монеты, отсутствие таможен и свобода торговли, всеобщее уничтожение крепостного права и рабства, в каком бы то ни было виде, единая центральная власть, заведывающая сношениями вне союза, войском и флотом, но полная автономия каждой части по отношению к внутренним учреждениям, внутреннему управлению, судопроизводству и народному образованию. Ближайшим и вернейшим путем в достижении этой цели в далеком будущем предполагалось воспитание общества в духе таких идей, а потому считалось необходимым, чтобы в университетах и прочих учебных заведениях были люди, искренне преданные этим идеям и способные внедрять их в юное поколение. С этой целью явилась мысль образовать общество, задача которого была бы в распространении идей славянской взаимности как путями воспитания, так и путями литературными»[1].

Если принять во внимание, что автобиографию писал Костомаров — известный профессор, действительный статский советник, а не Костомаров 47 года, находившийся, по собственному признанию, под сильным влиянием Тараса Шевченко, наиболее радикального демократа-революционера в обществе, то станет ясным, что острые углы здесь уже несомненно сглажены, и что «Братство» в действительности носило еще более радикальный характер. Если принять во внимание этот поправочный коэфициент, то мы получим более правильную картину общего характера этой организации. Для пропаганды своих целей «Братством», кроме прокламаций и программ, была еще написана брошюра «Книга бытия украинского народа», являвшаяся подражанием известному сочинению Мицкевича «Книга польского народа и стран-

[1] Н. Костомаров, Автобиография, стр. 61—62.

ствование польское». «Книга бытия», написанная Костомаровым, в сжатом виде резкими мазками излагает взгляды последнего, положенные в дальнейшем в основу его исторических работ. Здесь Костомаров выступает как решительный противник царизма, бюрократизма, крепостного права и т. д.

Программа «Братства» и его идеология, находясь в органической связи с программой Соединенных славян, а в планах государственного переустройства самой России с проектом Конституции Н. Муравьева, представляет, однако, дальнейшее развитие и углубление федералистических идей, большую их увязку с практическими потребностями. В то время, как исходным пунктом панславистского федерализма «Соединенных славян» было преимущественно внешнее влияние Великой французской революции и национального движения западного славянства, движущими силами и предпосылками «Кирил.-Мефод. братства» в основном были внутренние причины, коренящиеся в возрождающемся национальном движении украинского народа, отражаемого зарождающейся украинской интеллигенцией. Хотя внешнее влияние и связь с чешским национальным движением здесь были шире, чем у «Соединенных славян», но они все-таки относительно играли вспомогательное, второстепенное значение.

Программа «братчиков» резко требует «всеобщего уничтожения крепостного права и рабства», республики и одновременно рядом с этим, «чтобы вера христова была основанием законодательства и общественного устройства». Здесь явно прощупывается более непосредственное отражение идеологии крестьянства, религиозно настроенного, но требующего отмены крепостного права, чем атеизм соединенных славян, навеянный французским рационализмом.

Требование выборности «не по происхождению и не по имуществу, а по уму и образованию» явно отвечает интересам разночинной интеллигенции, враждебно смотрящей на то, что самые лучшие государственные должности заняты представителями сановной знати, крупного землевладения и дворянства... Разночинная интеллигенция в национальном движении нашла опору своей деятельности. Ее ряды именно в этот период начинают пополняться руссифицированным, разоряемым мелкопоместным дворянством, возвращающимся к украинству. Экономическое разорение лишало былых привилегий, усиливало оппози-

ционное настроение против крепостнического крупного украинского землевладения.

Разгром «братства» в 1847 году, суровые приговоры против его руководителей временно разрушили организацию. Движение снизу продолжалось и развивалось, но его идеологическое оформление и выявление задерживалось вместе с из'ятием лучших выдвинувшихся вождей. В Киеве, Харькове, Полтаве, Одессе вырастали новые круги разночинной украинской интеллигенции, студенческой молодежи. Наиболее многочисленной и революционной она была в Киеве, где было сильно влияние польских революционных кругов, где наиболее резко отражалось влияние и последствия прокатившихся по Европе революций 1848—50 годов. Большое влияние на учащуюся молодежь Киева оказал историк проф. Павлов, радикально настроенный демократ-федералист. В 50-х годах росло и общественно-политически оформлялось новое поколение, из рядов которого вышли Т. П. Драгоманов, В. Б. Антонович, Битецкий и другие.

Однако «братчики» в ссылке не совсем прекратили свою работу. Н. Костомаров усиленно занимается историей, в ней ища идеологического обоснования своих политических взглядов. Конец 50-х годов, период общего под'ема общественно-политической жизни, подготовки крестьянской реформы, подготовки ускоряемой и подстегиваемой крестьянскими волнениями, бесспорно оказали революционизирующее влияние на лидеров бывшего «братства». По окончании ссылки, они опять собираются уже в Петербурге, где основывают первый большой украинский политико-литературный, исторический журнал «Основу».

Здесь на страницах журнала впервые в развернутом виде дается обоснование федералистических взглядов на историю Украины и России, обосновывается самостоятельность украинского народа.

Значительная часть идей «братства», заключавшаяся в нелегальных, подпольных материалах, освещалась легально на страницах журнала «Основа» в исторических и политических статьях Костомарова, Кулиша, в стихах Тараса Шевченко.

Но здесь вместе с расширением и углублением общественно-политических и федералистических идей естественно начинает проявляться все более и более внутренняя диференциация основной группы молодого украинского движения.

Левое революционное крыло, представленное Тарасом Шевченко, требуя национального освобождения Украины, одновременно устами поэта клеймило эксплоатацию трудящихся масс, провозглашало неизбежность революции. Шевченко презирал соглашателей, мирящихся с существующим социальным гнетом.

„Скрізь на славній Україні людей у ярма запрягли
Пани лукаві...
Нема сім'ї, немає хати,
Немає брата, ні сестри,
Щоб не заплакані ходили,
Не катувалися в тюрмі
Або в далекій стороні" (Неофити).

Шевченко жестоко иронизирует над идеализацией сельской жизни, порядков, царящих в ней:

„Он глядь — у тім раї, що ти покидаеш,
Латану світину з каліки здімають,
З шкурою здіймають, бо нічим обуть
Панят недорослих. А он розпинають
Вдову за подушне, а сина кують —
Єдиного сина, єдину дитину,
Єдину надію — в військо отдають.
. . . . . А он де під тином
Опухла дитина голодная мре,
А мати пшеницю на панщині жне („Сон").

Шевченко предсказывает близость и неизбежность революции.

„Схаменіться. Будьте люди,
Бо лихо вам буде,
Розкуються незабаром розковані люди.
Настане суд...
І потече сторіками
Кров у сине море
Дітей Ваших,
І не буде кому помагати.

Характерно, что Шевченко не в возврате к старине искал выхода.

Едучи на пароходе в 1857 году, Шевченко записывает в своем дневнике: «Пароход в ночном похоронном спокое представляется мне каким-то величайшим, глухо ревущим чудовищем, с развернутой пастью, готовой проглотить помещиков-инквизиторов. Великий Фультон и великий Уатт ваш молодой ребенок, растущий не по дням, а по

часам, в скором времени пожрет кнуты, престолы и короны и, как школьник лакомится конфеткой, закусит дипломатами и помещиками. То, что начали во Франции энциклопедисты, завершит на нашей всей планете ваш гигантский гениальный ребенок»[1]. Шевченко ясно видел перспективы развития. Не в возврате к казацкой старине, не в идеализации старых отношений, а в движении вперед, на основе новой техники, видел он выход из настоящего положения.

На другом фланге в «Основе» стоит Кулиш.

Правая часть движения, представленная им, уже в 1860 году боится развития капитализма, выступая против городской культуры. Кулиш боится за судьбу украинского крестьянина. Боится, чтобы капитализм не сделал с ним того, что сделал он с «лондонской и ирландской беднотой». Он не хочет цивилизации, в результате которой: «Половина в золоте купается, а половина в вонючей грязи тонет, надрывается в тяжелой работе и гибнет с голоду».

Кулиш против руководства и гегемонии города.

«Не думайте и не надейтесь, — обращается Кулиш к горожанам, — что мы, крестьяне, во веки вечные будем оставаться под городской опекой». Кулиш обращается к хуторянам: «подождите лучшего устройства, вы сами построите себе города и свои обычаи в них заведете, только не такие, как теперь в городах».

«Пусть вся страна селом станет, чтобы людям легче было на свете жить».

«Пусть грохочут и свищут чугунки, кому их нужно». Кулиш против того, чтобы хуторянин менял «свой тихий холодок» на «городской шум».

«Мы считаем, — пишет он, — что если на что-то нужно, чтобы одни люди как ангелы впереди всех шли, то, очевидно, нужно и то, чтобы другие, как мы, украинские хуторяне, позади оставались»[2]. В этой хуторянской, мелко-буржуазной философии Кулиша чувствуются уже те корни, которые привели его к блоку с царизмом.

Мелкобуржуазная реакция против развивающегося капитализма совпадала с борьбой против последнего крупного землевладения. Отсюда становится понятным дальнейшее ренегатство Кулиша по отно-

[1] Т. Шевченко, Дневник.
[2] „Основа“ 1862, стр. 311-313.

шению к украинскому национальному движению, осуждение им революционной борьбы крестьянских масс, раньше им воспеваемых, а теперь изображаемых как—«пьянюги», «розбышаки», «азиаты», «голота»

После смерти Шевченко и ренегатства Кулиша остается Н. Костомаров и молодые силы, участвовавшие в «Основе»: Антонович, Рыльский, Житецкий, Конниский, Чубинский и другие, работавшие большей частью на Украине.

Крах либеральных надежд, надежд на возможность работать в легальных условиях, разбивает движение на две части: одна часть уходит к общему революционному российскому движению, откладывая решение украинского и славянского вопросов «на другой день после победы над общим врагом» — русским самодержавием. Другое течение суживает свою программу действия до пределов чистого культурничества, могущего уложиться в рамках самодержавия, конечно, без республики федерации и крестьянских требований.

Только в дальнейшем, в 70-х и 80-х гг., появляется третье течение, во главе с Драгомановым, возрождающее старую программу Кирилло-Мефодиевского братства, отбросив от нее религиозно-мессианские элементы и придав ей еще более радикально-демократический характер национального федерализма с социалистическим оттенком.

Но это было дело дальнейшего. Пока же Костомаров заменил федерализм, как политическую программу настоящего и ближайшего будущего, федерализмом в прошлом истории, в ней ища основание для будущего.

Переломным моментом, окончательно определившим поворот Костомарова, было поражение польского восстания и развившаяся вслед реакция. Хотя элементы оппортунизма и соглашательства были значительны и раньше (разрыв с Чернышевским и студенческой молодежью по поводу высылки Павлова), но переломным моментом, окончательно определившим этот поворот, был 1863 год.

Наступающая реакция заставляет Костомарова отграничиваться от федерализма, как политического течения. Не случайно, что именно в 1863 году Костомаров в ответе И. Аксакову (напечатанном в газете «День» 1863 г. № 18) уже должен заявлять: «Два раза вы делаете намек на ложную теорию федерализма и на ученые федералистические теории. Ясно, что вы имеете в виду некоторые мои сочинения, касающиеся истории удельно-вечевого периода, где я

находил федеративное начало в сочетании стремления земель к самобытности с чувством и сознанием общерусского единства. Все, что я говорил и писал об этом, заключалось в сфере моего воззрения на древнюю нашу историю, но я не принимал на себя смелости переносить федеративные начала на современную почву» (разрядка наша—*М. Р.*). А на протяжении предыдущих нескольких лет федерализм в прошлом трактовался именно под углом зрения его необходимости в настоящем.

Это приспособление четко сформулировано у Костомарова в его письме к сосланному в Вологду Конискому от 25 февраля 1863 г.: «Теперь не то время, чтобы играться ссылкой,—пишет Костомаров,—нужно втихомолку сидеть дома и работать. Народное просвещение — вот наше дело, вот чего нам нужно добиваться, а с правительством нужно, как только можно, в мире жить, помня пословицу — «молчи язычок, кашки дам». Наиболее нужно стараться о том, чтобы правительство на нашу сторону волком не глядело, чтобы не пугалось ни бунтов, ни какого-то сепаратизма и не мешало бы на нашем языке народу науку излагать. А то, что за польза с того, если оно вас порассылает и народный язык начнет калечить. Вы там на чужине стоскуетесь, а на Украине народное дело как свечка растает» (разрядка наша—*М. Р.*)[1].

Костомаров кладет надежды на отдельные лица, а не как Шевченко, на массовое крестьянское восстание. Не свержение самодержавия, а соглашение с ним. Костомаров не надеется на массовое движение не только потому, что не верит в его реальность, но и потому, что не особенно хочет его.

Костомаров по своим взглядам, по своему положению и связям был слишком умеренным, чтобы взять курс на крестьянскую революцию. Но других революционных сил, кроме крестьянства и разночинной интеллигенции, на общественной арене 60-х годов не было. Отсюда соглашательство Костомарова. Этим об'ясняется то, что он в своем социально-политическом развитии застревает на идеологии 40—50 гг., на неопределенном идеалистическом романтизме с оттенком религиозного мистицизма. Двигаться дальше — обозначало итти вправо или влево. Вправо он итти не хотел, так как это обозначало соглашение

[1] „Украина“ журнал, 1925 № 3, стр. 75.

с царизмом; влево — он не мог, так как это противоречило его положению. Выход был найден в переходе к академической работе, к отходу от политики. Здесь, в своих исторических работах, Костомаров по-прежнему остается непримиримым критиком самодержавия, сторонником демократического федерализма, своими работами идеологически подготовляя почву для народничества, расчищая путь в головах молодежи для усвоения народнических идей.

II. ФЕДЕРАЛИСТИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ В ИСТОРИИ РОССИИ

Историки-федералисты хотя и были представлены профессорами, однако не были только академическими учеными. Научная работа у них была тесно связана с общественно-политической деятельностью, и здесь особенно рельефно выделяется органическая связь истории с публицистикой и политикой. Историки-федералисты выполняли задачи, которые ставил перед ними федерализм, как политическое течение общественной мысли, и эти задачи в основном определяли направление их работы. История, прошлое должны были помочь достижению федерализма в настоящем. «Идеалом удельно-вечевой жизни была самостоятельность земель русского мира так, чтобы каждая составляла свое целое в проявлении своей жизни, — пишет Н. И. Костомаров, — и все вместе были бы в соединении одною и общею для всех связью» Изучение этого «идеала» прошлого «составляет насущную потребность разумного знания нашей истории, важнейшую подмогу для уразумения нашего настоящего и, скажу более, для наших практических целей и в настоящем и в будущем»[1].

Федерализм в условиях царского самодержавия в свое время был бесспорно революционным течением общественно-политической мысли и в истории первым резко выступил против официальной и обще-

[1] Н. И. Костомаров, О значении Великого Новгорода в русской истории, т. I, „Исторические монографии и исследования", стр. 200—201.

М. П. Драгоманов по этому же вопросу прямо пишет: „Пока мы не напишем... истории своего народа, до тех пор мы должны сидеть посыпавши пеплом свою главу", а в другом месте: „Для политики нужна история, как для медицины физиология".

принятой историографии, выступил против самодержавия, бюрократического централизма, крепостного права и т. д. Не даром профессора-федералисты Костомаров, Щапов, Павлов, Драгоманов кончали свою академическую карьеру ссылкою, тюрьмой или эмиграцией.

Федералистические теории в истории, будучи тесно связаны с федерализмом, как политическим течением, тем самым неизбежно поставили себя в зависимость от последнего, вместе с ним переживая упадок, перерастая самое себя, как нечто самостоятельное. Федералистические теории в их анархическом уклоне разлагаются и исчезают вместе с значительным развитием капитализма, ростом более естественной экономической централизации, вместе с разложением народничества в общественном движении.

Те же теории в истории в их национальном уклоне перерастают себя, как только разрушена схема единой русской истории, научно доказана самобытность политической и экономической жизни народов, имевших в прошлом свои самостоятельные государства, выяснена и создана история соответствующего своего народа, — выполнив это, историки-федералисты в изучении уже «своей» истории, в об'яснении тех или иных событий или процессов не имеют почти ничего специфически федералистического, примыкая к той или иной исторической школе. Призванные разрушить схему единой русской истории и «собирания всея Руси» в единую неделимую державу, федералистические теории расчленяют ее на составные части, из которых она некогда «собиралась». На ее развалинах они строят ряд самостоятельных собственных историй, давая историческое обоснование национально государственному возрождению национально угнетенных народов.

Н. И. КОСТОМАРОВ

Первым крупным историком-федералистом, критически подошедшим к общепринятой господствовавшей схеме русской истории, был Н. И. Костомаров. Его федералистические взгляды сложились в значительной степени еще в 40-х гг. в период его наибольшей общественно-политической деятельности. К истории он пришел от политики. В годы ссылки, усиленно занимаясь историей, он приложил к ней свои федералистически-политические взгляды. Впервые сравнительно полно и

«Стеньке Разине» (напечатано в 1857 году), а затем в ряде теоретических статей, напечатанных в украинском журнале «Основа» в 1860—61 гг., им, под федералистическим углом зрения, был изложен ряд важнейших проблем и периодов русской истории.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ СХЕМЫ КОСТОМАРОВА

Схема Костомарова в своих основных положениях, выдвинутых в этих теоретических статьях и в других его работах может быть сведена, в наиболее существенном, к следующему:

1. Преобладающей формой общественного устройства древней Руси был не родовой, а племенной быт. Восточное славянство разделялось на ряд племен, имевших свои значительные особенности, которые оказали большое влияние на их дальнейшее историческое развитие. Эти племена, связанные в дальнейшем с определенной территорией, составляли самодовлеющие политические образования, именовавшиеся «землями».

2. Во всей первоначальной истории восточно-славянских племен и их земель до татарского нашествия и установления единодержавия в государственном и общественном устройстве преобладали федеративные и вечевые начала, исконные начала, естественно вытекавшие из общих условий жизни того периода и племенного характера восточного славянства в целом.

3. Эти естественные федеративные и вечевые начала были внешними силами, и между ними главным образом татарским нашествием, изменены в сторону единодержавия и централизма новыми началами, противоречащими первым и являющимися принципами, чуждыми славянам.

4. Построение русской истории, начиная с Киевской Руси до Москвы и Петербурга как единого процесса образования русского государства, которое в отдельные периоды под влиянием тех или иных причин распадалось, а потом опять собиралось, не соответствует действительности.

5. Единого русского народа как представителя всего восточного славянства не было. Существовало несколько родственных, но совершенно самостоятельных славянских народностей: украинская, великорусская и белорусская. Из них первая, а не вторая положила основа-

ние Киевскому государству, являвшемуся не единым государством, а федерацией самостоятельных земель, история которых принадлежит украинскому народу, так как великорусская народность образовалась позже возникновения Киевского государства в результате слияния северо-восточных племен русских с финскими, отчасти тюркскими народностями.

6. Главная задача истории заключается не в описании и об'яснении возникновения государства и самодержавия, собирания «всея Руси» в единое русское государство, а наоборот в том, чтобы выяснить историю отдельных областей и национальностей, их самостоятельное государственное и общественное развитие, причем основным является изучение самого народа, его внутренней духовной жизни, а не столько деятельности государства, учреждений, законов, выдающихся вождей и т. д.

7. Вся русская история резко делится на два периода: удельно-вечевой и единодержавный. Так как основой изучения является народ, а последний наиболее свободно и полно выявил свою творческую силу в первый период, когда он не был скован государственными путами, то главное внимание необходимо обратить на удельно-вечевой период. В этот период закладываются подлинно-народные, искони присущие ему общественно-государственные формы его жизни. Второй же период важен, главным образом, потому, что наполнен борьбой этих естественных форм против чуждого ему единодержавия. Государство и самодержавие не есть прогрессивное творческое начало в историческом развитии России, а, наоборот, отрицательное, сковывающее хозяйственное и культурное развитие народных масс. Государство и народ есть два враждебных непримиримых лагеря. Поэтому борьба «двух начал» характерна для всей русской истории.

«Русское государство,—пишет Костомаров,—складывалось из частей, которые прежде жили собственной независимой жизнью, и долго после того жизнь частенько сказывалась отличными стремлениями в общегосударственном строе. Найти и уловить эти особенности народной жизни частей русского государства составляло для меня задачу моих занятий историей (разрядка наша—*М. Р.*)[1].

---

[1] Н. И. Костомаров, Автобиография, стр. 114.

Исходный пункт доказательства «особенностей частей русского государства» и всей его федералистической схемы начинается у Костомарова с его теории племенного быта. Эта теория была противопоставлена с одной стороны юридической школе Эверса, Соловьева, Чичерина, Кавелина и т. д., а с другой—славянофильской теории общинного быта.

Племена. «Земли». Вече. Федерация

Н. И. Костомаров считал, что общественно-государственной формой организации восточных славян до прихода варягов были племенные союзы, образовавшиеся посредством естественного размножения родов и расселения их по соседству друг с другом; что эти племенные союзы были первой основой дальнейшего развития особенностей разных славянских земель, особенностей, усилившихся благодаря ряду колонизационных и внешних политических условий. «Различия между племенами,—указывает Костомаров,—ярко бросались в глаза современникам и не исчезали ни после укоренения единого княжеского рода, ни после распространения христианства... Климат и качество почвы поддерживали местные особенности племен... Пространство, на котором жили все эти племена, были слишком велики, а пути сообщения слишком длинны и затруднительны. Дремучие леса, непроходимые болота и широкие степи разделяли их друг от друга... Исторические обстоятельства не доставляли средств к слитию и сглажению племенных разностей. Влияния иноплеменных народов действовали на славян раз'единительным образом»[1]. Несмотря на различие между первоначальными племенами, составлявшими до некоторой степени политическую единицу под названием «Земли», между ними существовали некоторые элементы единства, и «зародыш федерации лежал в первобытном строе общественного быта»[2]. С понятием «Земли» Костомаров органически связывает город, исторически возникающий, как укрепленное место данной земли, населяющей его народности:

---

[1] Н. И. Костомаров, Мысли о федеративном начале в древней Руси, том I, стр. 4, 5, 6.

[2] Н. И. Костомаров, Начало единодержавия в древней Руси, т. XII, стр. 7.

«Город — место самоохранения и сбережания имуществ — естественно сделался скоро местом сходбищ и совещаний тех, которые строили этот город, а также местом управления... где помещалось начальное лицо края, признаваемое жителями, тянувшими к городу... Совокупность поселений по отношению к связи между ними носила самое простейшее название земли, обозначая не только пространство, на котором все жили и которое все считали своим, но и тех, которые в нем жили (разрядка наша—*М. Р.*). «Земля и город были равнозначительны. Город не значил ничего, кроме той же земли, нашедшей для себя средоточие. В городе сходилась земля, а потому словом город стали заменять слово Земля и в силу такой однозначительности вместо—Земля Северская—стали говорить—Земля Черниговская или просто Чернигов...[1]».

Увеличение Земли, как «собрания людей», заставляло делать выселки все дальше и дальше от города, и постепенно эти новые поселения, по постановлениям веча основного города Земли, строили новые города—пригороды. Новые города, получая автономию во внутреннем устройстве, образовывали свою «Землю», однако, в более узком понимании, подчиняясь и будучи связаны со старшим городом. Таким образом, понятие «Земля» получило два смысла: более узкое для каждого города и более широкое для совокупности городов, об'единенных одним первоначальным старшим городом. Высшим органом власти земли было вече, князь был только правитель, избиравшийся последним. А если получал данную землю как удел от старейшего князя, то все равно должен был заключать договор с данной землей.

Костомаров считает грубейшей ошибкой официальной историографии то, что она видит в Киевской Руси начало единого русского государства и самодержавия. Он категорически отрицает наличие в ней единого централизованного государства и считает легендой, что «будто вначале была какая-то единая Русская Земля, а потом раздробилась на княжения...». Костомаров считает, что это были отдельные земли со значительными племенными отличиями, нередко боровшиеся между собою, благодаря общности происхождения находящиеся в известной связи, более тесно об'единенные в дальнейшем единым княжеским родом, но сохранявшие одновременно во всей своей силе свою

---

[1] Н. Костомаров, там же, стр. 22.

самостоятельность. Для него удельный период не есть шаг назад, пустое досадное место в истории, раздробление целого, а, наоборот, период, приведший к большему единству самостоятельных русских земель. Костомаров признает, что единство русских земель до уделов заключалось только в платеже дани киевскому князю, а когда последний посадил в важнейших землях своих сыновей, то это был фактор не раздробления, а их большего об'единения. Христианство явилось новым значительным об'единяющим фактором, но вместе с тем «древние понятия об автономии земель и их самоуправлении продолжали существовать».

Подчеркивание особенностей племен, выяснение естественно-географических причин этих особенностей шло резко в разрез со схемами современной Костомарову господствовавшей историографии. Виднейший представитель ее С. М. Соловьев в противовес Костомарову выдвинул ряд прямо противоположных соображений. Если Костомаров в естественно-географических условиях находил основы для обособления, то Соловьев, наоборот, находит, что Россия есть «обширная равнина» без значительных возвышений и резких переходов; однообразие природных форм исключает областную привязанность, ведет народонаселение к однообразным занятиям; однообразность занятий производит однообразие в обычаях, правах, верованиях; одинаковость обычаев и т. д. исключает враждебные столкновения. Одинаковые потребности указывают одинаковые средства к их удовлетворению и т. д.»[1]. Соловьев отрицает, что естественно-географические условия русской равнины содействовали различиям и росту самобытности разных областей. Он считает, что «племена исчезают в первый... период, вместо них являются волости, княжения с именами, заимствованными не от племен, а от главных городов, от правительственных, стянувших к себе окружное народонаселение центров... Исчезновение племенных имен служит самым ясным доказательством слабости племенного начала у нас в Руси»[2] (разрядка наша—*М. Р.*). Костомаров, наоборот, в этом моменте не видит доказательства ослабления

---

[1] С. М. Соловьев, История России с древнейших времен, т. I столбец 9-й.

[2] С. М. Соловьев, там же, том XIII, столбец 630—631.

племенного начала, так как для него город это есть земля, а земля не есть только определенная территория, но и территория с определенными этнографическими особенностями ея населения. Хотя Костомаров и не отрицает, что «этнографические наименования не сходились в точности с понятиями о земле, и одна и та же народная ветвь могла разбиваться на несколько земель», но последние составляли между собою федерацию, находились между собой в связи. Рост городов и политические перегруппировки привели только к укрупнению отдельных племен и народностей.

Если Соловьев, признавая, что «племенное начало является влиятельным в истории только тогда, когда племя многочисленно, сомкнуто под одной властью и путем исторической деятельности получило ясное сознание о своей самостоятельности» [1], находил, что племена в удельной борьбе и междукняжеских отношениях не проявили самостоятельной исторической и политической деятельности, то Костомаров подчеркивает, что княжеские отношения не чужды племенных народных интересов, что удельная борьба не была только родовой борьбой за наследство, за уделы, что она тесно переплеталась с племенными интересами.

Признавая, что в распределении своих волостей князья «не сообразовывались строго с народностями, не думали, чтобы один или другой из их собратий владел тем или иным племенем», Костомаров вместе с тем подчеркивает, что «народные интересы сами собой стали пробиваться сквозь путаницу междукняжеских междоусобий, совершенно подчиняли своему направлению княжеские побуждения и хотя сами изменяли свой характер, но зато и характеры княжеских отношений сообразовались с ними» [2]. Таким образом, для Костомарова основы удельного периода не столько в родовых междукняжеских отношениях, которые были для него только надстройкой, а в развитии племенного начала, воплощенного территориально в землях с их вечевым устройством [3].

---

[1] С. М. Соловьев, там же, том XIII, столбец 631.

[2] Н. И. Костомаров, Мысли о федеративном начале в древней Руси, т. I, стр. 10.

[3] Своей теорией племенного быта и его большого влияния в истории России Костомаров выступил не только против юридической школы, но и против славянофильской общинной теории, в основном представленной

К концу XII века, когда княжеская власть значительно ослабела, «деление по княжениям нашло предел своему бесконечному разветвлению, народности указали ему границы: деление продолжалось, но уже новые ветви держали связи между собою в таких кругах, какие указывали им народности» [1]. В дальнейшем процессе развития и борьбы мелкие народности об'единялись, некоторые исчезали, но зато из оставшихся «определились и укрепились большие, слитые из меньших». В период удельно-вечевого уклада народная общерусская стихия, в конечном результате является в совокупности шести главных народностей: южно-русской, северской

Конст. Аксаковым. Между федерализмом и славянофильством на первый взгляд можно отметить некоторые родственные черты. Народность и самобытность — лозунги, общие для славянофилов и федералистов. Но эта общность только внешняя. Содержание, которое вкладывалось обоими течениями в эти лозунги, различно.

„Народность", „самобытность" славянофилов, их пропаганда возвращения к старым московским порядкам (поскольку она не отражала конкурентной борьбы с западом отечественной промышленности) не отвечала интересам промышленного капитализма. Здесь, наоборот, были представлены интересы помещиков—феодалов, боровшихся с промышленным капиталом, который забирал эту самую „народность" в город, на фабрики и заводы, отнимая у помещиков об'ект эксплоатации. Славянофилам нужна была тяглая, послушная народность старой Руси, с самобытной безропотностью переносящей гнет торгового капитала.

Федералисты интересуются народностью крестьянских восстаний: смутного времени, Стеньки Разина, казацких восстаний. Славянофилы, наоборот, в своих исторических работах идеализируют московские порядки, против которых восставала народность федералистов.

„Чутье Аксакова, — пишет Костомаров, — ощущает раздвоение власти и народа с начала русской истории, но попадает не туда, где оно в самом деле находится. Главная ошибка его та, что он придал первоначальному единству русской земли более, чем сколько его было на самом деле... Удельные дележи и междуусобия, если иногда и происходили из родовых отношений и представлялись чуждым народным побуждениям, то, с другой стороны, очень часто сходились с ними воедино, и народ вовсе не был так чужд княжеских притязаний, но часто самые эти притязания были только наружным явлением народных побуждений, так что князья были орудиями партий, проводивших то или иное дело народа или его части". Н. И. Костомаров, О значении критических трудов К. Аксакова по русской истории. *М. Р.*

[1] Н. И. Костомаров, т. I, стр. 11.

великорусской, белорусской, псковской и новгородской[1]. Этот процесс превращения многочисленных племен в несколько крупных народностей, из которых каждая об'единяла целую федеративную систему «Земель», изложен у Костомарова в значительной степени неясно и туманно. Не понимая экономической основы процесса национальной концентрации многочисленных племен и превращения их в нации, а с другой стороны, отрицая значение в этом вопросе роли государства, Костомаров теряет в этом вопросе руководящую нить, об'ясняет все духовными внутренними побуждениями, издревле заложенными в тех или иных племенах.

После подробного анализа элементов связи между отдельными русскими народностями и землями, заключавшимися в происхождении, быте и языке, в едином княжеском роде и в единой христианской церкви, Костомаров, хотя и придает большое значение об'единительной работе этих факторов над отдельными русскими народностями, однако, приходит к выводу: «И природа и обстоятельства исторические—все вело в жизни русского народа к самобытности земель с тем, чтобы между всеми землями образовалась и поддерживалась всякая связь. Русь стремилась к федерации, и федерация была формой, в которую она начала облекаться»[2].

Итак, федерация, по мнению Костомарова, была той естественной формой государственного устройства и взаимоотношений родственных, но самобытных русско-славянских племен, которая сложилась и должна была развиваться в дальнейшем, но «татарское завоевание сделало крутой поворот в ее государственной жизни». Появляется другой идеал единодержавия. идеал совершенно противоположный первому: «здесь свобода частей приносится в жертву другой идее — единого государства; здесь нет речи и быть не может даже о связи и соединении частей, потому что самые части поглощаются, уничтожаются. Цель первого в самом народе, цель второго—вне народа».

Олицетворением обоих начал в русской истории Костомаров

[1] Костомаров при перечислении основных народностей совершенно ошибочно причисляет Новгород к украинскому народу, беря за основание некоторые этнографические материалы и проводя совершенно неверную аналогию о близости новгородского наречия к украинскому языку.

[2] Н. И. Костомаров, т. I, стр. 30.

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТ КРАСН. ПРОФЕССУРЫ М

выдвигает Новгород и Москву. Новгородский строй выдвигается не как исключение, а как общее правило для всех русских земель: «Новгород не был исключением в русском мире... То же, что было в Новгороде, существовало везде»[1]. Костомаров резко возражает против того мнения, что в Северо-Восточной Руси, где создавался новый политический центр Великорусского государства, вечевые начала и другие элементы удельно-вечевого уклада не были распространены. Целым рядом документов и общих соображений он доказывает неправильность этой точки зрения и считает, что все русские земли имели одни начала, наиболее ярко представленные и развившиеся в Новгороде.

«Новгород в русской истории выразил сторону жизни удельно-вечевого характера, отличную от единодержавной, которой представительной силой сделалась Москва. Новгород вместил в себе то, что было достоянием всех земель в свое время и представил это ясно в своей истории. Новгород стоял за федеративный строй русской земли, за местную и личную свободу... Главное, чем отличается Новгород, это принципы местной автономии земли, федеративной связи с другими землями, выражаемой известной формой народоправления... Местная автономия не только поддерживалась самим Новгородом для себя, но допускаема была и в подчиненных ему пригородах и селах.

В Новгороде все исходило из принципа личной свободы. Общинное единство находило опору во взаимности личности. В Новгороде никто, если сам не продал своей свободы, не был прикован к месту; новгородец должен был подчинить свою личность общей воле только тогда, когда живет в общине, но он всегда мог выйти из нее и итти куда хочет. Так равно и в Новгород всякий мог приходить и жить равноправно. Народоправие Новгорода носило характер этой же личной свободы: вече, сколько нам известно, было почти не связано формами и ограничениями. Оттенки происхождения и состояния, образовавшиеся в виде сословий, равномерно являлись в нем: как бояре и богатые купцы, так и бедняки, ремесленники и поденщики, имели равное право участия»[2].

[1] Н. И. Костомаров, О значении Великого Новгорода, т. стр. 205.

[2] Н. И. Костомаров, там же, стр. 210.

Эта картина общественно-политического устройства Новгорода является идеалом Костомарова, идеалом не только для древней Руси, но и для дальнейшего. Этот идеал он находит в казачестве, общественный строй которого является для него программой и для будущего.

В противовес Новгороду «Москва хотела сделаться центром России, притянув к себе все ее силы, поглотить собой самодеятельность ее частей, слить ее особенности. Москва домогалась единого государства, подчинения личности общественной воле, выражаемой совмещением ее в идеале верховной власти... Самобытность приносится в жертву нивелирующему центру... Весь народ должен был слиться в сплошную массу, проникнутую одним духом повиновения и готовности встать в защиту отвлеченной идеи государства для распространения его пределов и для поддержания его чести... Личность человека тянула к чему-нибудь, человек сам по себе не пользовался самобытным существованием»...

Нечего и говорить, на чьей стороне симпатии Костомарова. Мы в конце покажем, как оценивал Костомаров «отвлеченную идею о государстве и распространение его пределов». Здесь же только укажем, что все отрицательное, все несчастья и беды исторического развития русского народа Костомаров связывает с самодержавным государством, в нем видя источник всех этих зол.

Эти «два принципа воплощались противоположными явлениями, потому неизбежна была борьба на жизнь или смерть для их исторических представителей» [1]. Эту борьбу двух принципов, двух начал Костомаров видит на протяжении всей русской истории, и для исхода первой победы самодержавия он придает огромное значение татарскому завоеванию и его дальнейшему влиянию на развитие русского народа.

Татарское завоевание и его значение для возникновения самодержавия

Н. И. Костомаров в противовес преобладавшей точке зрения считал, что «в дотатарский период не выработалось никаких основ для будущего самодержавия в России, а тем более не было сознательного стремления к нему. В удельно-вечевом строе этого периода не видно никаких признаков, которые приводили бы необходимо к еди-

[1] Н. И. Костомаров, там же, стр. 211.

нодержавному порядку. Русь дробилась все более и более, но не теряла только духовного единства, и тогдашний общественный склад мог скорее вести к федерации земель, а никак не к единому монархическому государству. С татарским завоеванием произошел быстрый и крутой переход... Условия, в которые стал завоеватель к покоренному, неизбежно должны были сразу парализовать вечевую жизнь: прежде над Русью не было единого господина—теперь он явился в лице грозного завоевателя—хана. Русь, покоренная его оружием, стала его военной добычей, его собственностью, все русские от князя до холопа стали его рабами без исключения. В этом то рабстве Русь нашла свое единство, до которого не додумались в период свободы»[1]. Великий переворот в русской истории начался после того, как князья поняли, «что теперь их княжения зависят от воли хана, их государя, как прежде зависели от согласия Земли или от собственной силы и ловкости. Прежде князь не считал и не мог считать своего княжения вотчиною, т. е. собственностью; политический склад был таков, что ему в голову не могло притти подобного стремления; он правил землею как правитель: если, подчас пользуясь своим положением, он позволял себе и произвол и насилие, то это все-таки делалось в качестве правителя земли, а не в значении государя, не собственника. Земля ему не принадлежала, земля была сама себе государь, а князь—господин, которому она сама себя доверяла и отдавала на ряд и управу... Теперь Земля перестала быть самостоятельной единицей: место ее заступил князь, она спустилась до значения вещественной принадлежности...»[2].

Но с приходом татар весь этот порядок изменился. Татары, стремясь использовать готовый государственный аппарат завоеванных земель, обычно не нарушали уклада жизни покоренных народов. В процессе завоевания значительная часть князей была уничтожена, а их специальные военные силы—дружины были большей частью разбиты. Укрепив свою власть, татары имели в русских землях перед собою две борющихся между собою общественно-политические силы—вече и князей. Основная задача татар заключалась в правильном собирании

[1] Н. И. Костомаров, Начало единодержавия в древней Руси, т. XII, стр. 42.

[2] Н. И. Костомаров, Две русские народности, т. I, стр. 41.

обильной дани с населения. Вече, как представитель широких слоев населения, с которых нужно было тянуть эти налоги, конечно, было враждебно настроено к ним и для выполнения татарских целей не могло служить им опорой. Князья же и боярство, которые в первый момент завоевания нещадно уничтожались татарами как господствующий элемент завоеванной страны, могущий организовать сопротивление — тоже первое время не были надежны. В первый период своего властвования орда не могла опереться ни на ту, ни на другую силу и вынуждена была создавать свой собственный аппарат, собирающий дань — баскаков с их низшими агентами и военными отрядами.

Через некоторый период, когда князья и боярство были в значительной степени обессилены, татары, присмотревшись поближе, увидели борьбу между вечевыми и демократическими элементами с одной стороны и князьями с боярством с другой. Когда опасность со стороны князей, как противодействующей силы татарам, уже миновала, и князья даже начали обращаться к ханам за помощью в своей внутренней борьбе, тогда татары изменили свою тактику и из двух борющихся между собой сил выбрали себе в помощь князей. Они использовали последних, как опытный аппарат, хорошо знающий местные условия, который сумеет выкачать побольше дани и налогов, чем они сами. Иметь с князьями дело было, конечно, неизмеримо легче и выгоднее, чем с населением земель и их вечем.

Однако князья могли успешно выполнять роль «русских баскаков» и наместников хана только при условии усиления их власти и поддержки военной силой татар для подчинения себе тех земель, которыми они до тех пор управляли по выборному и договорному началу, а теперь составлявших их собственность. В связи с этой татарской политикой земли перестали быть самостоятельными; их место заступил князь, они стали, по выражению Костомарова, «вещественной принадлежностью» князей. Власть последних усилилась еще больше, так как боярство, ранее вынужденное считаться с вечем, а иногда в той или иной своей части выступавшее вождем народной оппозиции против неугодных князей, теперь зависело всецело от последних, как ставленников татарского хана. Но этим дело не ограничилось. Для надзора за множеством мелких князей, за правильностью выполнения ими своих обязанностей хану, естественно, нужны были еще старшие князья. Татары воспользовались тем, что некоторые из князей еще до них имели

звание старейших. Они подняли эту власть и дали ей реальную силу. Старейшие князья теперь были «старейшими» не по собственной силе или родовому принципу, а по милости и назначению хана. Этим новым «великим» князьям, конечно, в конце концов должны были подчиниться как другие князья, так даже и Великий Новгород.

Неоднократные и страшные беспощадные разгромы целых больших земель, производившиеся татарами по призыву назначенных ими князей в момент, когда против них восставала народная масса, заставляли смиряться свободолюбивое население, привыкшее к самоуправлению. Эти разгромы подготовили «Русь к будущему единодержавию; они укрепляли в народе мысли, что его судьба зависит от верховного единого владыки; кого назначит этот владыка, тот народу и господин; все, и князья, и бояре, и простые поселяне,—все равны перед этим владыкой, а за непослушание его воле придется страшно отвечать не только виновным, но и десяткам тысяч невинного народа. «Вече» потеряло прежнее священное значение совещательного собрания свободной земли... Исчезло чувство свободы, чести, сознания личного достоинства; раболепство перед высшими, деспотизм над низшими стали качествами русской души»[1].

Костомаров дает ряд ярких иллюстраций, как все это происходило, как ездили князья на поклон к хану, как покорность последнему, а не другие достоинства стали добродетелью среди князей, как побеждал тот князь, который собирал побольше дани, и, наконец, чем кончались попытки некоторых земель и вольных городов не подчиняться назначенным ханом «великим» князьям. Костомаров, анализируя влияние татарского завоевания и порядков, созданных им, подводя итоги, приходит к выводу: «В татарский период сложились и установились нравственные и экономические условия, подготовившие народную громаду к тому, чтобы сделаться превосходным материалом для такого государства, каким явилась в XVI веке Московская монархия»[2].

---

[1] Н. И. Костомаров, Начало единодержавия в древней Руси т. XII, стр. 46—47.

[2] Н. И. Костомаров, Начало единодержавия в древней Руси, т. XII, стр. 53.

Н. И. Костомаров, отмечая, что самодержавие и Московское централизованное государство не создались сразу, выдвигает переходный этап, от второй половины XIII века до конца XV, определяя его как эпоху феодализма. Возникновение и развитие феодализма он об'ясняет, главным образом, также влиянием татарского завоевания. Характеризуя феодализм, как «политический строй, когда весь край находится в руках владетелей, образующих из себя низшие и высшие ступени с известного рода подчиненностью высшей, и верховной главой выше всех», Костомаров считает, не учитывая экономических черт феодализма, что до татар его не было, а после феодализм появляется, так как верховный владыка, завоеватель и собственник Руси, хан роздал князьям землю и вотчины, находившиеся между собой и раньше в известной подчиненности. Но когда князья стали собственниками земель, эта соподчиненность стала исключительно вотчинной и княжеской».

Такой феодальный строй мог существовать и был крепок до тех пор, пока была сильна власть орды. «Татарские ханы сделали князей из правителей земель вотчинниками земель; только при защите со стороны хана и могли князья держаться, а это могло быть до тех пор, пока ханы сильны, только тогда князь, слабый по сравнению с сильными, мог находить управу против покушений последнего... Но как только орда стала разлагаться, как только ханы перестали поддерживать созданный ими строй русской земли, стали довольствоваться только одной данью, предоставив земле внутреннее течение политической и общественной жизни, мелкие князья очутились без внешней опоры против крупных и сильных» [1].

Изменение общественного государственного устройства в связи с разрушением татарской орды не ограничилось изменением в положении князей. «По мере того, как влияние верховной власти ханов на внутреннее соотношение между собой ослабевало, крупные князья стали усиливаться, бояре и вольные служилые почувствовали, что им невыгодно держать слабых, и переходили к сильнейшим, сообщая последним еще больше силы своей службой» [2]. Характер княжеских вотчин начал изменяться, и они становились чем-то средним между вотчиной и кормлением. Это были, скорее, поместья, которые отличались от про-

---

[1] Н. И. Костомаров, там же, стр. 57.

[2] Там же, стр. 58.

чих только тем, что принадлежали данному лицу пожизненно. Роду же — до тех пор, пока род не прекращался.

После анализа взаимоотношений родового княжества и служилого боярства между собой и обоих к великому князю, уничтожения права от'езда, борьбы московских князей с боярством, стремившимся ограничить власть великого князя, роли и значения церкви в установлении самодержавия, Костомаров переходит к окончательному выводу: «Единодержавие, зародившись во время татарского завоевания, как неизбежное последствие покорения страны и обращения в собственность завоевателя, вмещаясь сначала в особе верховного владыки — завоевателя хана, устроившего для своего удобства на Руси феодальный порядок из найденных в ней и подвергнутых изменениям элементов, с ослаблением орды перешло от хана к московским великим князьям и, постоянно расширяясь, усиливаясь и подавляя собой как феодализм, так и признаки древней жизни, хотя уже парализованная, но все еще существовавшая и по своим качествам противная духу самодержавия, — достигла при царе Иоанне Васильевиче наивысшего развития и могущества»[1] (разрядка наша — *М. Р.*).

Такова в основных чертах схема Костомарова по вопросу о возникновении самодержавия. Эта схема явилась реакцией против официальной историографии, не придававшей значения татарскому завоеванию. Тот вывод, что самодержавие обязано своим возникновением и развитием татарам, что первыми самодержавными царями в России фактически были татарские ханы, конечно, был неприемлем ни для Соловьева, ни для Устрялова, ни для Погодина. «Поганые басурмане», могли ли они быть источником исконно вечного самодержавия, которое так присуще русскому народу. Централизованное самодержавное государство, возникшее, по схеме Соловьева, для борьбы с кочевниками, выполняя историческую миссию об'единения всех русских земель, теория борьбы «леса со степью» и... вдруг «дикие» обитатели этой самой азиатской степи являются непосредственными созидателями того единодержавия, которое возникло для борьбы с этой самой степью и населяющими ее татарами.

[1] Н. И. Костомаров, там же, стр. 85.

Для С. М. Соловьева в вопросе о возникновении и укреплении самодержавия «предметом первой важности была смена старого порядка вещей новым. Переход родовых княжеских отношений в государственные, отчего зависело единство и могущество Руси и перемена внутреннего порядка... Влияние татар не было здесь главным и решительным. Независимо от татар обнаруживаются на Севере явления, знаменующие новый порядок, именно — ослабление родовой связи, восстания сильнейших князей на слабейших мимо родовых прав... Татары в этой борьбе являются для князей только орудием, следовательно, историк не имеет права с половины XIII века прерывать естественную нить событий... и вставлять татарский период, выдвигать на первый план татар, татарские отношения»[1]. Для Соловьева основным является процесс изменения отношений между самими князьями, и вопрос тем самым переносится несколько в другую плоскость, так как для Костомарова исходным пунктом является отношения не между самими князьями, а между последними с одной стороны, вече и землями — с другой. «Великий переворот в русской истории» для Костомарова не в том, что князья перестали придерживаться родового принципа, а в том, что князья из выбираемых правителей при татарах превратились в вотчинников, собственников земель, в том, что резко изменилось положение огромного большинства крестьянства, попавшего в зависимость от князей и боярства, собиравших с него дань для татар.

Несмотря на эти расхождения, однако, по существу и Соловьев, и Костомаров идеалистически решают вопрос, хотя Соловьев методологически правильно намечает путь решения, ища его, главным образом, во внутренних причинах; однако, эти внутренние причины заключаются у него в чисто юридических нормах того или иного взаимоотношения князей. Тезис Костомарова, во внешних причинах находящий причины возникновения самодержавия, видящий основную суть в изменении тех же юридически-государственных отношений только между князьями и землями, также, по меткому выражению М. Н. Покровского, вводит «юридическую теорию с другого конца».

[1] С. М. Соловьев, История России с древнейших времен, т. I, столбец 4-й.

М. Н. Покровский, разбирая вопрос о влиянии татарского завоевания, в основном правильно решает вопрос: «поддерживая князей и их бояр,—отвечает он,—в борьбе с «меньшими» людьми, орда создает в конце концов Московское самодержавие, которое упраздняет за ненадобностью и самую орду,—эта отдаленная перспектива была вне поля зрения татарских политиков, и отчасти они были правы — полтораста лет беспрекословного подчинения Руси орде все-таки было обеспечено»... «Татарское нашествие недаром заняло в народной традиции то место, которое у него склонна была оспаривать новейшая историческая наука. Последняя была права в том отношении, что ничего по существу н о в о г о этот в н е ш н и й толчок в русскую историю внести не мог. Но, как обычно бывает, внешний кризис помог разрешиться внутреннему и дал, отчасти, средства для его разрешения» [1].

Нам кажется необходимым, не рискуя ввести юридическую теорию с другого конца, сделать немного большее ударение на вопросе о влиянии татар, так как полтора—два века безраздельного господства не были только «внешним толчком», а и фактором, более органически связанным с внутренним положением. Если принять во внимание, что в этот период господства татар подати, налоги и ряд других, связанных с ним, далеко не только юридических, моментов играли большое значение во всей экономической жизни страны, то станет понятным значительное влияние татарского завоевания и его последствий на ход внутренней социально-политической и отчасти экономической борьбы.

Татары впервые об'единили разрозненные русские земли, создали сравнительно однородную политическую систему, вошедшую в состав огромнейшей империи Чингис-хана. Об'единение русских земель вокруг Москвы происходило в н у т р и этой империи.

Новейшие изучения экономики тогдашнего Китая показывают, что тогда Китай стоял далеко впереди дикой, по сравнению с ним, Европы. Татары по отношению к России XII—XIV вв. выступили не дикими азиатами, а представителями высшей ступени экономического развития. Татары по всей вероятности были значительным определяющим фактором п е р в о н а ч а л ь н о г о развития торгового капитала в Московской Руси и ее политической консолидации [2].

---

[1] М. Н. П о к р о в с к и й, История России, т. I, стр. 108.

[2] То, что татары для русских земель тогда, когда в них еще была слабоазвита торговля, не были „отсталой Азией", сам М. Н. Покровский

Точка зрения Костомарова, несмотря на свою идеалистичность, преувеличение, методологически неправильный подход, безусловно, более верно оценивает фактическое положение вещей по сравнению с юридически-государственной школой. Но дать разрешение вопроса в целом Костомаров, конечно, не мог, не понимая значения торгового капитала для возникновения самодержавия [1].

Второй период русской истории. Борьба против самодержавия народных масс

Второй период русской истории начинается у Костомарова после победы самодержавия над удельно-вечевым укладом русских земель. В этом периоде его интересует, главным образом, та борьба, которая началась против монархизма со стороны народных масс. «Важнейшим элементом народного исторического движения» в этот период для него являются «гуляцкие» люди, убегавшие из-под власти самодержавия. Он рассматривает возникновение и развитие украинского и великорусского казачества, его многочисленные восстания, смутное время, восстание Стеньки Разина, восстание Богдана Хмельницкого и др. казацкие движения. В области чисто идеологической он рассматривает раскол, как фактор борьбы с самодержавием. Все это у него—части одного единого процесса: борьбы народных масс против самодержавия и связанного с ним крепостного права.

ярко показал в одной из своих последних статей, где им приведены данные, что уже тогда „дикие“ татары технически и экономически стояли на очень высоком уровне развития. В их столицах были крупные постройки, водопроводы, паровое отопление китайского образца, крупные мастерские, а в земледелии исскусственное орошение, искусственное укрепление песком и т. д. Не только татарские военные силы, но и ордынский купеческий капитал имел большое „влияние на экономическое развитие Московской Руси“.

М. Н. Покровский, Откуда взялась внеклассовая теория развития русского самодержавия, „Вестник Коммунистической академии“ № 1, 1925 г.

[1] Насколько Н. И. Костомаров придавал большое значение внешним факторам, видно из его следующего утверждения: „До сих пор на основании исторических данных всех веков, кажется, почти можно признать за правило, что единодержавие возникает или через покорение одного народа другим... или же необходимостью в самом народе отбоя чужеземных врагов. Так и случилось в России. Татары покорили Русь“, т. I, стр. 200.

В оценке борющихся против монархизма сил у Костомарова имеется некоторое противоречие, которое, отчасти, об'ясняется тем, что он разделяет эти силы на две части. Одна оппозиция самодержавию, возникшая в самом великорусском народе, по его мнению, не имела большого значения. Другая сила, более серьезная, имевшая определенную идеологию и определенные идеальные формы общественного устройства, — это украинское казачество и весь украинский народ, являвшийся непосредственным преемником и продолжателем республиканских древнерусских начал.

Переходя к общей оценке первой оппозиции, Костомаров считает, что татарское завоевание и последовавшие два столетия настолько укрепили самодержавное начало, не только материально, но и духовно, настолько придушили самодеятельность, стремление к свободе народных масс, что здесь оппозиция сама своими силами уже не могла победить. «Самодержавие, подавив против себя оппозицию боярства и создав для себя новый орган в дьячестве, возбудило через посредство этого органа новую оппозицию, уже не в людях породистых, а в народной громаде». Однако, «к счастью самодержавия, эта оппозиция не сплотила народа на домогательство каких-нибудь прав, не выработала в нем какого-нибудь представления о формах иного государственно-общественного устройства. Многоземельность и привольная пустынность на окраинах государства возбуждала недовольных не к сопротивлению, а к переселению, побегам и бродяжничеству»[1]. Костомаров придает этому обстоятельству большое значение, потому что наиболее мятежные и недовольные элементы уходили из Московской России, а оставались наиболее приспособляющиеся, терпеливые, и это содействовало победе самодержавия, так как уменьшало сопротивление враждебных самодержавию сил внутри России. Усиление оппозиции на окраинах хотя периодически и наносило тяжелые удары самодержавию, однако, не могло разбить его в центре, где сосредоточены были его силы.

Причину победы самодержавия Костомаров находит еще в том, что произошли идеологические перемены в отношении к нему народа: «Когда русский народ, приучившись из страха перед материальной силой и опасностью и привыкши в течение веков порабощения под та-

[1] Н. И. Костомаров, Начало единодержавия в древней Руси.

тарским владычеством повиноваться верховной власти завоевателей и их доверенных, перенес этот страх на отношения свои к московским государям, им, кроме того, руководило и сознание, что без единого владыки у него было бы много владык, а это для народа было бы хуже всего, и что, притом только при единовластии можно отстоять от иноземцев веру, жизнь, достояние. При пособии церковного взгляда, особенно с тех пор, как великие князья получили царственное значение, стали преемниками чести древних византийских монархов, помазанниками божьими, укоренилось и возросло понятие, что царь самодержавный владыка, дается от самого бога, и все, что он ни творит, совершается по божьей воле»[1].

«Народная оппозиция,—по словам Костомарова,—вызванная органами самодержавия, после его торжества в XVI веке была еще несостоятельнее прежней княжеско-боярской, постоянно падала и совершенно упала от собственного умственного бессилия. У нее недоставало идеала, и даже такого неопределенного, какое в свое время имел кн. Курбский. Если бы какому-нибудь Стеньке Разину или Булавину посчастливилось сделать то, что у них было, так сказать, начертано на знамени восстания,—именно поголовное избиение всех бояр, дьяков и под'ячих—всего того, что управляло народом и надоело ему—коренного переворота на Руси все-таки не произошло бы; прежнее должно было бы восстановиться; из народной громады поднялись бы новые бояре, воеводы, дьяки с верховным самодержавным главой», и в конце Костомаров приходит к такому выводу: «Единодержавие восторжествовало оттого, что за него было народное чувство»[2].

В тесной связи с этим взглядом находится отношение Костомарова к смутному времени и Земским Соборам: «Смутная эпоха не произвела коренного переворота во внутреннем мире исторической жизни русского народа... Бесследность смутной эпохи для внутреннего строя Московской Руси зависит от того, что причин для этого переворота следует искать не внутри, а вне России»[3].

Костомаров этими причинами считает поляков, стремящихся завоевать Россию, и панское католичество, мечтавшее о распространении

---

[1] Н. Костомаров, там же, стр. 90.

[2] Там же.

[3] Н. Костомаров, Московское разорение, „Вестник Европы", 1867 г., кн. 3, стр. 61—62.

унии с Малороссии на все Московское государство. Но когда смута уже началась, «выступили на свет таившиеся до времени побуждения... Московское единодержавие еще не совсем успело истребить элементы прежнего строя удельно-вечевой Руси. Давно сдавленные единодержавством, эти элементы уже ослабели; едва ли когда-нибудь они могли бы проснуться и заиграть сами собой и, конечно, должны были совершенно растаять под давящей силой; но когда эта давящая сила пошатнулась, они еще раз показались в истории. И вот мы видим, князья и бояре стали думать об ограничении самодержавия боярской думой, народная громада ищет вольности»[1]. Северо-восток Москвы лениво и неохотно помогал ее спасению, украинские города, Северская земля постоянно шли вразрез со столицей, инородцы на Востоке волновались и хотели сбросить с себя русскую власть, в Казани и Астрахани видны попытки оторваться, Псков со своею землею явно припомнил былую независимость, Новгород считал себя государством, имеющим право заключать договоры и распоряжаться землею... Понятно, что еще при нескольких годах расстройства такое распадение пошло бы прогрессивно, Русь скоро очутилась бы с удельными землями»[2].

В об'яснении причин повторной победы самодержавия Костомаров от «духа времени» и «нравственных сил» прибегает к более реальным факторам. Он разбирает заинтересованность разных слоев населения в сохранении или уничтожении «смуты» и созданных ею порядков. «Духовенство,—пишет он,—с самого начала более других званий стоит за старый государственный порядок. Духовенство и для церкви и для своего сословия не могло ничего хорошего ждать от польского владычества. Они понимали и гласно вопияли, что вся буря затем и поднялась на русскую землю, чтобы ввести латинство... В видах самосохранения духовные прежде всего должны были стоять и возбуждать народ против поляков.

«После духовенства за старый государственный строй стояли более других люди торговые и промышленные, для них, поставивших себе целью обогащение посредством промысла и расчета, естественно, прежде всего необходим порядок и мир. Жившие в отдаленных краях, куда не достигали польские шайки, лениво принимались за дело восстановления государства, пока у них были свои источники и

[1] Н. Костомаров, Московское разорение «В. Евр.,» 1867 г., кн. 3, стр. 68.
[2] Там же, стр. 70.

пути обогащения; но торговые города, в которых промыслы и операции были в органической связи с Москвой, с серединою Руси, как, например, богатая Вологда, Ярославль, Нижний прежде и живее чувствовали необходимость государственного порядка...

«Служилые и народ скорее увлекались надеждами на новизну, чем купцы и зажиточные промышленники. Служилые надеялись от новых властей милости и прав, народ — льгот от тягла, и тех и других соблазняла видимая возможность скоро пользоваться обещанным, тогда как, напротив, торговый и промышленный человек не может пользоваться самыми заманчивыми правами, как с течением времени, для которого необходим порядок, а коль скоро он не видит гражданской безопасности, то не дает никакой цены надеждам» (разрядка наша—*М. Р.*) [1].

То противоречие, что некоторые силы, как казачество и крестьянство, искавшие воли и освобождения от самодержавно-крепостного порядка, тоже выступили против поляков, тем самым неизбежно помогая восстановлению старых порядков, Костомаров об'ясняет внутренними противоречиями, которые были присущи общественному устройству Польши: «Польша в те времена обладала обаятельною, искусительною нравственной силой. Не говоря уже о превосходстве польской цивилизации перед такими странами, как Московская Русь, польская шляхетская свобода была могучее орудие. Польша была такая нация, которая способна была всякую страну, добровольно ли к ней примкнувшую или покоренную оружием, привязать к себе дарованием своих шляхетских прав высшему сословию этой страны, передавая ему вместе с тем в порабощение низшие слои народности» (разрядка моя—*М. Р.*) [2]. Вот этим последним обстоятельством, что поляки, неся боярству и дворянству преимущества, несли крестьянству крепостное право, еще горшее, чем в самой России, и об'ясняется то, что казачество, само созданное этим крепостным правом, будучи прекрасно знакомо с польскими порядками, выступило против поляков, выбрав из двух зол меньшее.

Таким образом, по Костомарову, Смутное время, возникшее в силу внешних причин и лишившись в значительной степени внутрен-

[1] Там же, стр. 72.

[2] Н. Костомаров, т. XIII, стр. 511.

ней поддержки, должно было неизбежно пасть и уступить прежнему самодержавию, укоренившемуся благодаря татарам.

**
*

Значением, которое придавал Костомаров татарскому завоеванию, и об'ясняется его отношение к Земским Соборам, в которых он не видит ничего особенного, напоминающего прежний федеративно-вечевой строй: «Наши Земские Соборы нельзя ни в каком отношении рассматривать как что-то похожее на западноевропейские парламенты и национальные собрания народных представителей. Это не были учреждения, установленные законом, своими приемами в составе, делопроизводстве, с определенной сферой для деятельности, не было определенных навсегда правил, по каким поводам созывать Соборы и на какие сроки... Все зависело от воли царя: прикажет выбирать из стольких-то мест столько-то лиц, из такого-то чина и выборным ехать в Москву... Там их спрашивают, о чем сами хотят спрашивать, не более,—они отвечают, толкуют, но толки их и замечания не имеют сами по себе смысла верховного решения: их слушают, сколько хотят, и распускают, когда хотят»[1]. Костомаров, указывая на ряд решений Собора по вопросам войны, выбора царей и т. д., которые не исполнялись, приходит к выводу, что если Земские Соборы первое время собирались часто и становились как будто бы необходимыми формами государственного управления, то в дальнейшем, когда «государство начало приходить в прежний строй, Земские Соборы стали собираться реже и, наконец, к концу XVII века испаряются... Не видно, чтобы русские люди сколько-нибудь дорожили созыванием выборных людей, как своим правом, а скорее смотрели на выборы и на поездку в Москву как на повинность, исполняемую по царской воле...»[2]. Костомаров вполне трезво и реально относится к значению Земских Соборов, и это логически вытекает из его схемы значения татарского завоевания, которое утвердило самодержавие. Для Костомарова федерализм в истории великороссийского народа кончается в XVI веке, и все остальные следы прежнего строя являются только остатками и не более.

---

[1] Н. И. Костомаров, т. XII, стр. 225.
[2] Н. И. Костомаров, там же, стр. 226.

Борьба украинского казачества против самодержавия и история украинского народа

Если оппозиция, таящаяся в самом великорусском народе, оказалась несостоятельной в борьбе против самодержавия, то другая сила, враждебная ему, была более серьезной, многочисленной, имела больше материальных и духовных сил для этой борьбы, что по Костомарову об'ясняется племенными отличиями украинского народа, рядом характерных черт, присущих ему. Основные взгляды Костомарова на историю украинского народа органически связаны с его общей федералистической схемой, но, однако, история казачества и всего украинского народа занимает у него особое самостоятельное место. Схема этой истории у него не есть функция общей схемы, не прилаживается к другим ее частям, а в ряде вопросов является самостоятельной, иногда даже определяя некоторые части его общей федералистической схемы всей русской истории. В процессе развития Костомарова, как историка, в установлении его взглядов, он исторически шел от украинского национального движения, от украинской истории к российской. Отсюда несомненна его племенная теория, поэтому Костомаров изучает и излагает историю казачества и украинского народа не только под углом зрения его борьбы с самодержавием и централизмом, но ставит еще особую задачу — доказательство самостоятельности истории украинского народа на всем ее протяжении.

Так как в данной работе мы рассматриваем Костомарова как федералиста, то здесь, излагая его исторические работы, посвященные Украине, мы выдвигаем в них, главным образом, федералистические моменты и только в кратких чертах останавливаемся на ее обще-украинской части.

Свою схему украинского народа Костомаров начинает с доказательства, что народ, положивший основание Московскому государству, не есть тот народ, который создал Киевское государство и жил на Днепре, в центре Киевской Руси: «На северо-востоке России,—пишет Костомаров,—слагалась новая славяно-русская народность с своеобразным характером, с отличными приемами жизни»[1]. Эта последняя народность, по его мнению, начала формироваться еще до упадка Киевской Руси от татарского нашествия, из переселенцев Новгородской земли, двигавшихся на Восток и встретившихся там с финскими

[1] Н. И. Костомаров, Две русские народности, т. I, стр. 47.

племенами. Эта первоначальная колонизация, создав ряд городов (Ростов, Муром, Суздаль) и усилившись новым притоком переселенцев с южной Руси, покорила финские племена и начала смешиваться с ними, дав в конечном результате новую великороссийскую народность. Славяне, поглощая финнов, однако, сами приобретали от последних ряд новых своеобразных черт, которые великорусская народность получила не благодаря усилению и развитию существовавших и ранее некоторых особенностей, имевшихся у древне-русских славянских племен северо-восточных провинций Киевского государства, а благодаря слиянию с совершенно чужими финскими племенами и влиянию новых естественно-географических условий: «Начало великорусской народности, — по мнению Костомарова,—теряется в прежних временах, о которых у нас нет известий; в XII веке она высказывает свое существование некоторыми выпуклыми чертами... Не зная, как происходила борьба внедрившихся в северо-восточный край России славян с туземцами, не зная, в какой степени происходило поглощение народности последних народностью первых, мы все-таки убеждены, что отношения славян к инородцам непременно должны были содействовать образованию особого народного типа...» [1].

После рассмотрения вопроса об отличиях великорусского народа от южно-славянских племен центра Киевской Руси Костомаров анализирует вопрос, как наименование «Русь», которое в период Киевского государства принадлежало южно-русским племенам, в дальнейшем образовавшим украинский народ, как это наименование было потеряно украинцами: «В XII веке,—пишет он,—в земле Ростовско-Суздальской под Русью разумели вообще юго-запад нынешней России. В смысле более обширном название Руси иногда распространялось на земли, связанные с Русью, сперва политически ей или Киеву подчиненные, а потом, когда политическое первенство Киева упало, все-таки находившиеся в церковной зависимости от русского митрополита и видевшие в Руси столицу общей веры. Но в своем собственном смысле это название в отличие от других славянских частей было этнографическим названием южно-русского народа... Название Руси за нынешним южно-русским народом перешло и к иностранцам, и все стали называть Русью не всю совокупность славянских племен материка нынешней России, а собственно юго-запад России... На Востоке имя

[1] Там же стр. 48.

Руси принималось как принадлежность к одной общей славянской земле, разветвленной и раздробленной на части: так как слитие земель было дело общее, то древнее название, употребительное в старину для обозначения всей федерации, сделалось парадным и для всей восточной Руси. Когда из разных земель составилось Московское государство, это государство легко назвалось русским... Имя русского сделалось для севера и востока тем же, чем с давних лет оставалось как исключительное достояние юго-западного народа». Но когда наименование «Русь» распространилось на все Московское государство, южная Русь, нынешняя Украина, потеряла свое название, которое отделяло его от других славянских народностей: «как в старину северо-восточная Русь называлась «Русью» только в общем значении, в своем же частном она имела собственное наименование, так и теперь южно-русский народ мог называться русским в общем смысле, но в частности, своенародным должен был найти себе другое название... В XVII веке и явилось название: Гетманщина, Малороссия, Украина» [1].

В дальнейшем Костомаров разбирает подробно вопрос различия между великороссами и украинцами. Он анализирует общественно-политическое развитие обоих народов, различие культуры и всего уклада жизни, этнографические особенности и приходит к выводу: «Южная Русь пошла иным своеобразным путем, одни и те же общие начала на юге устанавливались и утверждались иным образом, чем на севере... Племя южно-русское имело отличительным своим характером перевес личной свободы, великорусское перевес общностью. По коренному понятию первых, связь людей основывается на взаимном согласии и может распадаться по их несогласию; вторые стремились установить необходимость и неразрывность раз установленной связи и самую причину установления отнести к божьей воле, а, следовательно из'ять из человеческой критики... В политической сфере первые способны были создавать внутри себя добровольные товарищества...; вторые стремились образовать прочное общинное дело на вековых началах, проникнутое единым духом. Первое вело к федерации, но не сумело вполне образовать ее; второе повело к единовластию и крепкому государству» [2].

[1] Н. И. Костомаров, там же, стр. 37.

[2] Там же, стр. 55.

Федералистическая схема общероссийской истории в некоторой части несомненно играла служебную роль для доказательства самостоятельности украинского народа; знаменитая борьба «Двух начал» была очень удобна для обоснования самостоятельности украинского народа, являющегося олицетворением федеративного начала, сохранившегося у него от древне-славянской жизни и противостоящего другому началу: централизации, самодержавию, воплотившемуся в Великороссии. Вот почему великороссийский федерализм кончается у Костомарова вместе с победой самодержавия. Если бы Костомаров продолжил этот федерализм и на дальнейшую историю России (как это сделал Щапов), то это противоречило бы поставленной цели. Собственно говоря, великорусская история его интересует в основном только до победы самодержавия, а в дальнейшем он переходит к истории подлинного носителя федеративных начал—к истории украинского народа: «Южная Русь сохраняла в течение веков древние понятия; перешли они в плоть и кровь последней бессознательно для самого народа; южная Русь, облекшись в форму казачества... искала той федерации в соединении с московщиной, где уже давно не стало этих федералистических начал»[1]. «Старорусские элементы... долго крывшиеся в народе, выступают блестящим метеором в форме казачества» «Богдан Хмельницкий, освободивший казаков от шляхетского господства,—пишет Костомаров в другом месте,—не только не был против федеративной идеи, но полагал ее в основу будущим политическим стремлениям Украины... Малороссияне легко понимали, что ни их внутренние силы, ни географические условия, положение их края и их соседства не дадут им возможности образовать из себя самобытно отдельного, ни с кем не связанного государства, но их самобытность может держаться только в связи и постоянном союзе с другой державой, так, чтобы этот союз поддерживался обоюдной выгодой... Федерация не удалась ни с турками, которых боялись, ни с поляками, которым не верили, пришлось обратиться к Москве... Но московская политика не допускала федеративного идеала и присоединение Украины к Московскому государству понимало не иначе, как в смысле обращения вольных казаков в царских холопов—так, что-

[1] Н. Костомаров, Две русские народности, стр. 43.

бы народ южно-русский слился с народом московским, потеряв всю свою самостоятельность во всех отношениях. Против этого-то московского идеала стоял ребром другой своеобразный идеал, выработанный предшествующей историей Украины, идеал федеративной связи» [1]. Таким образом, Костомаров считал, что украинский народ не только в древние периоды своей истории, но и на всем ее дальнейшем протяжении, в силу об'ективных внешних и внутренних исторических условий, был носителем федералистических идей, стремясь их осуществить в казацком устройстве, в Запорожской Сечи и т. д.

«Казачество возникло тогда, когда удельная стихия падала под торжеством единодержавия; оно было противодействием старого новому. Старое удельно-вечевое начало Руси облеклось теперь в новый образ, то было казачество» [2]. В половине XVII века оно «охватывало более, чем пол-Руси и народное недовольство гражданским порядком давало ему пищу и силы; в казачестве воскресали старые, полугасшие стихии вечевой вольницы; в нем старорусский мир оканчивал свою борьбу с единодержавием» [3]. Казачество, будучи по своим традициям связано с прошлым, однако, получило свое огромное развитие благодаря современным ему условиям. Казацкие восстания не были случайными бессмысленными вспышками черни: «весь порядок тогдашней Руси, управление, отношение сословий, права их, финансовый быт—все давало казачеству пищу в движении народного недовольства» [4]. Под казачеством Костомаров понимал не только особый род войска, а, главным образом, «ту массу народа, которая искала воли и принимала это название в его первоначальном, более общем значении вольного человека». Костомаров подробно анализирует и рассматривает те социальные слои, которые питали казачество. Крестьянин уходил из волости, посадские из посада, боярский холоп из боярского дома, служащий человек от государственной службы. Бежали, чтобы избавиться от непосильных поборов и повинностей, произвола властей и т. д.

---

[1] Н. И. Костомаров, Мазепа и мазепинцы, том XVI, стр. 720—722.
[2] Н. И. Костомаров, Бунт Ст. Разина, т. II, стр. 408—409.
[3] Там же, стр. 411.
[4] Там же, стр. 412.

Бежали на юг и на восток, где было много незаселенных местностей, бежали подальше, туда, где не досягала тяжелая лапа самодержавия и крепостного права. Соседство в новых местах с хищными ордами кочевников заставляло беглецов вооружаться и становиться отчасти воинами. Поток беглецов направлялся из Московского государства и из украинских земель, принадлежавших Польше. Эти беглецы были в основном украинцы, создавшие в значительной степени также донское казачество.

Казачество в процессе своего развития сложило своеобразные «идеалы общественного строя», которые были противоположны государственным порядкам. Эти идеалы, по Костомарову, заключались в том, что «вместо подчинения казак считал личность свою ни от кого независимой; вместо разверсток, разрубов, даней—казак знал равный дуван от добыч и добровольную складку на общее дело; вместо мира у казаков был вольный казачий круг; казак не признавал для себя законною иной власти, кроме той, которая выбрана в этом вольном кругу и могла быть им же сменена; не терпел казак никакого тягла и прикрепления, признавая право каждому приходить откуда угодно и уходить куда угодно, не терпел никакой неволи, господства человека над человеком, никакого холопства; казак днепровский стал прирожденный враг польского пана, а донской ненавидел московского боярина... У казаков сложилась своя, единственно допускаемая им, форма землевладения: право каждому считать своей собственностью ту усадьбу, на которой он живет, и ту землю, которую сам обрабатывает. Казак не знал различия людей по породе и ненавидел его. Все власти сверху, поставленные именем царя или короля, были ему равно противны...»[1]. Этот идеал общественно-экономического устройства, также как и предшествовавший ему новгородский строй, противоречил самим основам самодержавия. Казачество, беспрерывно пополняемое беглецами, удиравшими от его векового врага, было связано живыми нитями и с Москвой и Польшей, оно не могло защищать только себя в занятой им территории, но стремилось распространить свои порядки и на провинции, подчиненные царской власти.

В оценке значения казачества, как прогрессивной силы в историческом развитии, Костомаров выступил против господствующей историографии.

[1] Н. И. Костомаров, Кто виноват в Смут. времени, т. XIII, стр. 503—4.

С. М. Соловьев считал, что «выход казака в степь из государства вовсе не был шагом вперед в общественном развитии, а скорее шагом назад; как бы ни было неудовлетворительно состояние того общества, из которого вышел казак, все же оно было гораздо выше образовавшегося в степи казацкого общества, которое по основному характеру своему, именно по хищничеству, имело часто отрицательное значение в истории... влияние такого общества на государство, разумеется, не могло быть полезным...» [1].

«Соловьев представляет казака выкидышем общества,—отвечает Костомаров. — Это были разбойники и ничего более... С народной точки зрения казак был не один реестровый, а всякий украинец, и когда не был им в действительности, то считал себя лишенным своего права... он хотел весь оказачиться, казачество было идеалом его общественной жизни...

«Смотреть на казаков как на хищников, за восстания против Польши, еще менее справедливо. Бежавшие с Украины в степь не думали там установить нового общества, то не были выселения людей, разрознившихся в убеждениях с большинством, это были люди большинства, люди массы, недовольные насилиями со стороны меньшинства, бежавшие в степь для того, чтобы найти там точку опоры для действия и, окрепнувши, разлиться в массе народа и поднять ее на дело освобождения...

«Как бы ни было слабо сознание у этих людей для создания нового общества, все же оно было выше того порядка, который существовал тогда под влиянием польской аристократии».

И далее Костомаров отвечает Соловьеву на его замечание, что казаки жили за чужой счет.

«На чей же счет мог хотеть жить целый народ? Не на счет ли польских панов, их надворных команд жидов-арендаторов. А на чей же счет жила эта честная кампания, утучнявшая себя потом, кровью и слезами малороссийского хлопа... Соловьев считает казаков хищниками и тунеядцами; но не более ли заслуживают такого названия те, которые, проводя дни в бражничаньи, сластолюбии и взаимных драках. вывели, наконец, из терпения этот народ» [2].

---

[1] С. М. Соловьев, Малороссийское казачество до Богдана Хмельницкого, „Русский Вестник“ № 18.

[2] Н. Костомаров, „Современник“ 1859 г., том 78, кн. II, стр. 56—57.

В разгоревшейся дальнейшей дискуссии с польским историком Тадеушем-Падалицей, который обвинил в том, что «г. Костомаров находит истинное наслаждение, давая услышать силу холопьего кулака на шляхетской спине...» Костомаров защищает правоту и превосходство казачества.

«Мы вовсе не стыдимся ни Павлюков, ни Наливаек, ни Кармелюков, ни Тараненок: напротив, если эти люди являлись в дикой, варварской форме — все-таки то были люди, проявлявшие собою (хотя неудачно) выражение того, что было затаено в народном сердце — нет, мы не стыдимся, безусловно, этих людей, в каком бы ужасном виде они ни представлялись. История нам показывает, что вор, разбойник, бродяга, заклейменные презрением, нередко сделались такими именно потому, что не могли ужиться в чадном, душегубительном обществе, исполненном господства произвола... Чаще всего те, которые убегают из общества, становятся во враждебное отношение к нему, или ограничиваются одной деятельностью в отрицательной сфере... не только не хуже тех, против которых в начале об'явили войну, но еще лучше. Бесчеловечный предводитель малороссийских гайдамаков в сущности то же, что польско-русский пан, канчуки которого довели мужиков до гайдамачества...

Произвол легализированный вызывает произвол беззаконный, стремящийся ниспровергнуть первый. Отчего бы, по какой бы причине люди ни вырывались из общества, часто в этом расхождении с обычным ходом жизни лежит зародыш стремления к чему-то лучшему... Посредственность довольствуется существующим, но то, что одарено высшими силами, ищет перемены, новой жизни. Разбойник часто бывает человек гораздо высшей натуры, чем мирный гражданин, спокойно поедающий плоды своих честных трудов; та же натура, которая при известных общественных условиях явилась разбойником, — при ином, более счастливом строе общества является руководителем общественой жизни в той или иной сфере» [1].

Если принять во внимание, что писалось все это накануне освобождения крестьян, что печатались эти статьи Костомарова в наиболее радикальном журнале того периода «Современник», журнале, руководимом Чернышевским, то не трудно понять, что споры о казачестве были далеко не академическими спорами. Костомаров «Стень-

[1] Н. Костомаров, О казачестве, „Современник", 1860 г., том 82.

кой Разиным», «Богданом Хмельницким», статьями о казачестве прозрачно намекал польским панам и дворянам о холопьем кулаке и казацкой сабле.

Победу самодержавия над второй народной оппозицией Костомаров об'ясняет неспособностью казачества и украинского народа к созданию самостоятельного государства, благодаря тяжелому международному положению Украины, являвшейся плацдармом в борьбе ряда сильнейших государств (Москва, Польша, Турция, татары), тем, что в борьбе за свои идеалы казачество встречало против себя в решительные моменты об'единенные силы царя и короля, польских панов и московского боярства. Благодаря насильственному нажиму Польши и Москвы, украинскому народу было навязано сверху чужими господствующими классами чуждое ему крепостное право, несовместимое с казацкими идеалами. Оно повело казачество к разделению на старшин богатых и простых казаков, в результате чего его силы были расколоты, чем воспользовалась централистическая самодержавная Москва. Ее цари, боярство заметили враждебное отношение «между казацким начальством и простыми казаками, между значными и чернью, между богатыми и бедняками, между владельцами земли и безземельными наймитами, между привилегированным казачеством и осужденным на поборы и повинности поспольством» [1].

Костомаров недостаточно понимал значение внутренних социально-экономических процессов, происходивших на Украине. Не заметить их он не мог. Слишком сильно эти процессы выпирали в документах. Костомаров, отмечая наличие «значных и черни, владельцев земли и безземельных наймитов, привилегированное казачество и осужденное на поборы и повинности поспольство», не понимает внутренних соц.-экономических корней и движущих сил развития этих явлений и процессов. Будучи идеалистом, он видит, главным образом, в н е ш н е е влияние Польши и Москвы, н а в я з ы в а ю щ и х, н а с а ж д а ю щ и х крепостное право, шляхетство и дворянство. «Польская попытка образовать из казаков высший класс, продолжалась и после Хмельницкого у правительственных лиц и у так называемых значных, соблазнявшихся польско-шляхетским духом; но ей постоянно противодействовала масса народа и противодействовала до тех пор, пока уж государственное влияние имперской России не взяло перевеса над проявле-

[1] Н. И. К о с т о м а р о в, Павел Полуботок, т. XIV, стр. 708.

нием своенародной политической жизни в Малороссии, парализованной разделом по Днепр» (Н. Костомаров, «Современник», 1859 г.).

РЕСПУБЛИКАНСКИЕ ВЗГЛЯДЫ КОСТОМАРОВА

В противовес официальной историографии, считавшей, что самодержавие искони присуще славянам и особенно русским, что любовь русского народа к царю есть его национальная положительная особенность, что именно самодержавие сделало Россию могучим и огромным государством, что республиканский строй или даже малейшее ограничение абсолютизма гибельны для последнего, в противовес этой официальной схеме (между прочим доказывающей правильность своих утверждений примером казачества и украинского народа, который свихнулся с праведного пути благодаря тлетворным западнопольским влияниям и польскому республиканизму), Костомаров не в этом видит причину поражения казачества и его разложение.

Он, наоборот, выдвигает тезис, что республиканский образ правления является издревле присущим славянству. Украинский, а не великорусский народ является подлинным носителем и продолжателем древне-русских начал общественного устройства. Костомаров подробно останавливается на вопросе о причинах падения Польши. Здесь он делает попытку ответить на вопрос, почему Польша, находившаяся вне большого влияния татарского завоевания, успешно сохранившая в борьбе с ним свою государственную самостоятельность, имевшая возможность самостоятельно развивать федералистические республиканские начала государственного устройства, присущие славянству, почему в Польше федерализм, нашедший широкое применение в течение ряда веков в общественной и государственной жизни, привел к таким печальным результатам.

«Польша сложилась в республику,—пишет Костомаров, отвечая на этот вопрос,—поставила свободу знаменем своего политического бытия в ряду европейских держав, но вместе с тем удерживала и лениво сохраняла крайнее рабство, беспредельное унижение человеческого достоинства. От этого выходило, что поляки хотели быть свободными гражданами, а были только деспотами. Деспотизм приучал к праздной умственной лени, к неумеренности чувств, наслаждениям, к необузданности страстей, к эгоизму, к предпочтению соб-

ственных узких интересов потребностям общего блага...» Именно здесь Костомаров выступает решительно и резко в защиту республики. Польша погибла не потому, что была республикой, а несмотря на то, что была республикой, благодаря роковому противоречивому сочетанию республиканских начал с деспотизмом и крепостным правом. «Республиканский строй общества,—подчеркивает Костомаров,—имеющий идеалом свободу—драгоценнейшее достояние человека,—не может быть источником разрушения. Везде, где только существовали и падали республики, не самая сущность республиканского строя была причиной их падения, а всегда другие явления, вредные именно потому, что были противны духу республиканского правления. Республика, как лучший образ общественного устроения, требует для своего поддержания того, что в человеческом существе есть наилучшего,—добродетели и любви к правде. Не республиканский строй. Речи Посполитой, с одной стороны, и не рабство, существовавшее в ней, с другой, привели это государство к падению. Нелогичное, чудовищное сочетание двух противоположных стихий оказало на нее губительное действие» [1]. Костомаров приходит к выводу, что Польша могла продолжать свое существование и развитие или при полной отмене крепостного права и сохранении республики, или при отказе от республики и сохранении крепостного права. «Но в Польше, где рабство пустило глубокие корни, где каждый свободный думал о себе и менее всего о нуждах государства и общества, где господствующий класс не соглашался поступиться своими интересами в общую пользу,—прогресса быть не могло. Передовые люди, понимавшие опасность положения, не могли победить эгоизма большинства. Польшу могло спасти уничтожение крепостного права, но в республике, состоящей из деспотов..., невозможно было это сделать, пока она оставалась республикой». Самодержавие же не могло, по мнению Костомарова, победить благодаря внешним международным условиям, в которых она находилась и в которых царил дух «коварства и насилия» [2].

Крепостное право при неестественном сочетании с противопо-

[1] Н. И. Костомаров, Последние годы Речи Посполитой, т. XVIII стр. 659.

[2] Н. Костомаров, там же, стр. 667—68.

ложными началами погубило Польшу, оно же содействовало разложению и Украины. Крепостное право, несовместимое с республиканским федерализмом, навязывалось Украине с обеих сторон—и Польшей и московским самодержавием. Проникая, по Костомарову, вопреки желаниям казачества и украинского народа, противореча его исконному природному характеру, оно однако насильно внедрялось, разлагало казачество и, распространившись, приглушило его свободолюбивое стремление.

Официальная историография утверждала, что республика, большая свобода провинций, вольности, ограничения королевской власти погубили Польшу—Костомаров, наоборот, утверждает, что крепостное право, деспотизм польских панов, политика окружавших Польшу самодержавных государств ее погубили. Здесь, так сказать, на «нейтральной почве» и как будто бы по поводу Польши, а в действительности по адресу России Костомаров отводит душу и дает для своего времени, хотя с неизбежными своими идеалистическими прикрасами, но блестящую по силе и резкости критику российского самодержавия, одновременно делая общую оценку исторического развития России второго периода.

Указывая, что крепостное право, существовавшее в Польше, не являлось основной причиной ее падения, Костомаров отмечает: «Существование рабства в государстве само по себе еще не должно было погубить Польшу; мы видим это зло и в других державах (читай: в России); дело в том, что там, где это было, господствовал монархический строй; мелкие деспоты как бы ни деморализовались от своего положения, но будучи подчинены единой верховной силе, уже через то самое составляют между собою единое тело и поневоле должны действовать заодно в делах, касающихся целости государства. Таким образом, при внутренних язвах невежества, угнетения, человеческого унижения, государство еще может быть достаточно крепким против внешних ударов. Притом, самая верховная деспотическая власть, по своей натуре склонная поддерживать косность и невежество, иногда принуждена бывает изменять себе, когда в соседних краях превосходство умственных сил над материальными покажет ей несостоятельность одних только материальных сил в случае борьбы с такими соперниками, которые обладают еще и силами первого рода. Тогда не из любви к че-

ловечеству, а из самосохранения... сами деспоты вводят у себя признаки иноземного устроения»[1].

Господствующая историография пела дифирамбы самодержавию, считая, что оно выполняет национальную историческую миссию русского народа (С. Соловьев, В. Ключевский), а Костомаров считает, что оно «деспотично по своей натуре, склонно поддерживать косность и невежество», что если оно проводило реформу, то это делало против своей воли, из чувства самосохранения, по принуждению внешних сил.

И дальше он дает оценку собирания Руси, превращения ее в огромное государство. «В политике понятие о справедливости чаще всего служило для взаимного обмана... Коварство и насилие были подпорою государственной безопасности... Власти не дозволяли думать подчиненному обществу иначе, как приказывали им сами. Массы народов переходили из-под одной державы под другую, обязанные питать чувство любви и преданности к тем, кого прежде приказывали считать врагами; министры решали их судьбу в тайных совещаниях, не спрашивая их согласия; возникали войны за принадлежность областей; разорение постигало ничем невиновных жителей спорных земель, ...их подчиняли чуждым для них законам и порядкам, жестоко угнетали и карали...

«Сокровища, собранные кровавым потом земледельцев и ремесленников, тратились по прихоти властей, на опустошительные войны, с восхваляемой целью расширения или округления границ государства...; сотни тысяч здоровых людей отрывались от семейств и мирных занятий, посылались на убой, и благодаря невежеству, в котором власти старались держать народ, не смели роптать, воображая себе, что в самом деле идут на смерть за правое и богоугодное дело; тайны покрывали замыслы и истинные деяния властей, а толпе в утешение бросали благообразную ложь; голос правды жестоко наказывался, как нарушение общественного спокойствия, а курения риторов (читай: официальных историков), воспевавших победы, мудрость и великодушие властей, назначались служить катехизисом, утверждавшим в умах и сердцах слепоту и обольщение»[2]. И приведя одну народную песню,

[1] Н. И. Костомаров, там же, стр. 668.

[2] Н. И. Костомаров, там же, стр. 671—2, т. XVIII.

ярко воспевавшую горькое разочарование крестьянства правобережной Украины от присоединения к России, поющую жалобы на тяжелую долю и крепостное право и польских и русских панов, Костомаров восклицает: «Вот где настоящая история, правдивая история народной жизни, которая катилась незаметно для профессоров, академиков, членов исторических обществ,—история совсем не согласная с тем, что мы слыхали от наших пиитов, риторов, педагогов»[1] (разрядка наша—*М. Р.*).

Комментарии здесь почти излишни. Костомаров насквозь проникнут возмущением против самодержавия и его воспевателей. Удивляешься только, как это пацифистское обличение, насквозь антимонархическое, проходило цензуру. Несмотря на все политические шатания Костомарова, его компромиссность в политических вопросах, как историк он был несоизмеримо радикальней, воскрешая в себе былую революционность Кирилло-Мефодиевского братства. Он являлся первым историком, начавшим в истории систематическую и решительную борьбу с самодержавием и царизмом.

Он развенчивал его на протяжении всей русской истории, начиная с момента возникновения и до вершин его могущества. Он разрушает его «исконность», представление о нем как о коренном начале. Только после татарского завоевания, после разрушения федеративно-республиканских форм древней Руси, только после «разорения, нищеты и отупения», только после того, как в русском народе «исчезло чувство свободы, чести, сознания личного достоинства, когда раболепство перед высшими, деспотизм над низшими стали качествами русской души», после упорной, жестокой борьбы со всем свободолюбивым, что осталось в русском народе, только когда русский народ был подготовлен «к безгласному и бессмысленному повиновению»—только тогда «образовалось государство с единодержавным главою, состоящее из холопов, сирот и богомольцев». Все лучшее, свободолюбивое убегало от него и боролось с ним.

Несмотря на все его недостатки, как общественно-политического деятеля, несмотря на то, что эти его взгляды доказывались нередко

---

[1] Н. И. Костомаров, там же, т. XVIII, стр. 674,

с помощью идеалистически-романтических аргументов, исторические работы Костомарова для своего времени имели немалое общественно-политическое значение. На них бесспорно воспитывались несколько поколений учащейся молодежи, и эти его работы были одним из значительных факторов идеологической подготовки народнической революции 70-х и 80-х годов.

ОБЩАЯ ОЦЕНКА

Исходные пункты костомаровского понимания основных задач истории представляли собою значительный прогресс ее развития как науки. Костомаров считал совершенно недостаточным следить «за постепенным развитием, изменением государства».

«Военные подробности, польские переговоры, кодексы законов и распоряжений не могут быть главным предметом наблюдений и исследований истории». Необходимо освещать жизнь народных масс с их общественным и домашним бытом, с их привычками, обычаями, понятиями. Но в это, несомненно, прогрессивное для своего времени понимание истории он вкладывал сугубо идеалистическое содержание.

«Не предметы должен иметь историк на первом плане, а живых людей, которым эти предметы принадлежали в свое время. В этом вся тайна современного исторического требования»[1]. На первом плане у историка должна быть «деятельная сила души человеческой, а не то, что содеяно человеком»[2]. Такова костомаровская философия истории. Однако, поставив перед собой задачу—изучение народных масс, их «духовной» жизни, он встретился с таким богатейшим, мало исследованным материалом, с таким вопиющим несоответствием современных ему историографических схем действительному положению вещей, что вопреки своему идеализму, его критицизм, имевший в своей основе глубокий демократизм, принес огромную пользу. Непосредственное изучение народной жизни, а не только официальных документов, давало ему большие преимущества сравнительно с другими историками. Костомаров считал обязательным для историка глубокое изучение этнографии. Он считал, что историк, не знавший ее,

[1] Н. И. Костомаров, Об отношении русской истории к географии и этнографии, т. III, стр. 720.

[2] Н. И. Костомаров, там же, стр. 721.

не может быть подлинным историком. И нужно отдать ему должное, что в этом вопросе сам он следовал своему правилу. Он изучал не только архивы (а изучал он очень много архивов местных, провинциальных), но и собирал самые разнообразные материалы непосредственно народного творчества — песни, сказания, былины, пословицы и т. д.

Во всех этих материалах он видел постоянную борьбу народных масс против государства, против царизма, против крепостного права и панства. Эта борьба выразилась у него в борьбе «двух начал», в идеализированной переломленной форме, отражавшей действительную вековечную борьбу мелкого собственника крестьянина, против эксплоатации всей системы крупного торгового капитала с его государственным аппаратом. Не понимая значения экономических корней и подоплеки этой борьбы, он идеалистически представил ее, как борьбу двух начал государственного устройства: федеративной республики и централизованного самодержавия.

Изображение Костомаровым древней Руси и ее развития до победы самодержавия, несмотря на идеализацию ряда вопросов, романтическое представление о «народном чувстве», «духе», племенном «исконном» начале, как факторах, влиявших и определявших историческое развитие, несмотря на неправильное социологическое обобщение, однако, в изображении фактической стороны древнего периода русской истории, несомненно, более близко к прошлой действительности. Его отрицание наличия политического и этнографического единства русских земель, наличия единого русского государства, выдвижение им на первый план внутренней жизни народных масс, а не междукняжеских родовых отношений, являются большим шагом вперед, сравнительно более научным об'яснением исторического прошлого восточного славянства. У него борьба самодержавия против самостоятельности и автономии областей и отдельных народов была также борьбой с подлинными народными массами. Он опровергает официальные схемы, что в этой последней борьбе народные массы тянули к московскому царю, что самодержавие боролось только с верхушкой [1].

---

[1] Эта официальн. схема, по которой борьба с самодержавием являлась в разультате интриги князей и боярства, а потом дворянства, характерно проходит, начиная с Карамзина, через Соловьева, вплоть до Ключевского. „Московские государи расширяли свою территорию,—находим мы у послед-

Как историк украинского народа, Костомаров бесспорно сыграл огромную роль, он впервые в истории выдвинул вопрос о самостоятельности украинского народа и его истории, не только для эпохи казачества, периода наибольшего проявления исторической жизнеспособности, но и для всей предыдущей древней эпохи. Костомаров впервые выдвинул положение, что наследником и продолжателем Киевского государства являются украинские земли, Галицко-Волынское княжество, перешедшее потом к Литве и Польше и составляющее неразрывное целое с украинским казачеством XVI—XVII вв. Он критически проработал, под углом зрения самостоятельности украинского народа, огромный материал по истории древней Руси и проделал очень большую работу по истории новой Украины. На этих его работах воспитывался ряд поколений, и по ним, собственно, широкие круги знакомились с украинской историей.

В истории казачества Костомаров выступил против установившихся взглядов, отрицательно оценивающих борьбу казачества против Польши и Москвы. Он впервые доказал моральную правоту казачества в его борьбе против польского панства и русского крепостничества и централизма. Жестокие эксцессы, погромы, разрушения были по его мнению неизбежным результатом об'ективных условий, в которых происходила борьба. В оценке казачества, также как и во всех своих работах, он поставил для себя исходным пунктом интересы народных масс, а не государственности, законности и т. д.

Несмотря на ошибочность некоторых положений, его статья «Две русские народности» явилась манифестом украинского возрождения [1]. Его статьи и исторические работы, впервые в таком размере и силе показавшие важнейшие эпохи развития украинского народа, дали большой толчок развитию украинского национального движения.

Как аналитик и социолог, Костомаров был слаб. Если его статьи по древней истории, являясь результатом проработки большого факти-

него,—и вооруженной борьбой, но то была борьба с местными правителями, а не с местными обществами... которые большей частью добровольно и раньше своих правителей тянули к Москве" (В. О. Ключевский, Историч. сословия, стр. 620).

[1] Костомаров считал, что политическая история Украины кончилась после ее об'единения с Россией. В этом об'единении он видит синтез исторического развития двух народностей, об'единившихся и составивших один могучий русский народ.

ческого материала, накопленного еще до него, и носят еще в основном итоговый аналитический характер, то этого совсем нельзя сказать о работах, хронологически выходящих за пределы XV века. Эти работы, посвященные, главным образом, украинской истории, блестящи по своему изложению, очень ярки и художественны, но страдают недостаточным анализом приводимого фактического материала. Костомаров не замечает и не понимает классового расслоения внутри казачества, выделение старшины, классовые мотивы ее соглашательской политики, портившие блестящие политические результаты народных казацких восстаний и приведших, в конечном результате, к закрепощению украинского крестьянства.

Костомаров, хотя и посвятил ряд лучших своих работ описанию борьбы народных масс против угнетения, однако не понимал значения классовой борьбы в истории, хотя он бесспорно везде сочувствует трудящимся, выступая в их защиту, однако, в понятие «народность» он вкладывает самое разнообразное и нередко противоречивое в классовом отношении содержание. Под одним и тем же названием «народность»—у него выступают и крестьяне, и бояре, и казачество, и его старшины, и даже командующее государственное чиновничество[1]. Будучи федералистом, ярым врагом централизации и самодержавия, он, исследуя борьбу против него, однако, смешивает в одну кучу борьбу широких масс против угнетения с борьбой феодалов против абсолютизма, не менее угнетавших те же массы. В изложении истории Новгорода значительно затемняется внутренняя классовая борьба между боярством, богатым купечеством и «меньшими людьми». Костомаров не различает и видит непосредственную преемственность борьбы удельно-вечевого периода, являвшейся в значительной степени борьбой феодалов против возникающегося абсолютизма, с борьбой крестьянства и казачества против польских панов и русского дворянства за социальное и национальное освобождение.

Костомаров был идеалистом-романтиком, причем идеалистом догегелевского периода. Диалектики в его работах почти совершенно нет. Часто не понимая внутренних движущих сил важнейших явлений, он об'ясняет их возникновение и развитие в н е ш н и м и обстоятель-

[1] Так, например, в его речи „о значении Вел. Новгорода“ Костомаров отмечает: „государство обособилось от народа, составило свой круг, образовало особую народность, примкнутую к власти“, т. I, стр. 213.

ствами, нередко «народным чувством», «особым духом», «племенным началом» и т. д. В этом отношении Костомаров значительно уступает своим современникам, уже приложившим гегелевскую диалектику к русской истории,—Чичерину, С. М. Соловьеву и т. д. Значения экономических и материальных факторов в историческом развитии Костомаров не понимал. Даже там, где он специально занимается их исследованием, это не является результатом преднамеренного понимания того, что эти факторы являются важными и решающими для об'яснения тех или иных исторических проблем. Он подходил к ним с точки зрения описательной. Увлекаясь внешними подробностями, часто красочным изображением тех или иных фактов, он дает мало для их об'яснения, оставляет в тени причины их возникновения и развития, иногда мало об'ясняя, а нередко давая явно неудовлетворительные и неправильные ответы.

Подводя итоги общей оценке Костомарова, мы должны отметить, что несмотря на все вышеуказанные значительные недостатки Костомарова, он выступил новатором в об'яснении и освещении целого ряда исторических проблем, неверно, ложно излагаемых господствующей историографией. Некоторым из них он дал верное об'яснение, для некоторых он наметил пути их разработки, некоторые он сам неверно и ошибочно об'яснял, но в общем и целом он значительно содействовал развитию русской истории, как науки, развитию общественно-политической жизни России и Украины.

А. П. ЩАПОВ И ЕГО ФЕДЕРАЛИЗМ СРАВНИТЕЛЬНО С Н. И. КОСТОМАРОВЫМ

Наибольшее значение в обосновании федералистических идей в истории после Н. И. Костомарова несомненно имеет А. П. Щапов. Если Костомаров изучал, главным образом, юго- и северо-запад: Украину, Новгород, Псков, Польшу, то Щапов занимался, преимущественно, северо-востоком России, где он вырос и провел почти всю свою жизнь. Живя на сев.-востоке Сибири, он наблюдал колонизацию новых незаселенных районов, взаимоотношения колонистов с туземными «инородцами». Картины, которые он видел в середине XIX века, несмотря на отдаленность от XV и XVI веков, давали прекрасные аналогии. Щапову пришлось изучать далекие провинциальные архивы,

более чем какому-либо из современных ему историков. Старые документы на фоне окружающей действительности оживали, наполнялись живым содержанием. Щапов так же, как и Костомаров, для понимания и дополнительного изучения далекого прошлого, придавал огромное значение народным преданиям, историческим песням и т. д. Оба они обратили свое главное внимание на изучение истории федеративных областей и их борьбы с централизмом. Щапов так же, как и Костомаров, основой для исторического изучения брал народ, крестьянские массы, а не государственные учреждения, не смену государственных форм.

Однако, несмотря на ряд сходных черт, мировоззрение Щапова имеет значительные отличия от федерализма Костомарова. Это расхождение и свое отношение, как к юридической школе, так и непосредственно к Костомарову, отметил еще сам А. Щапов в своей вступительной лекции в 1861 году: «Современные наши историки,—указывает Щапов,—Соловьев и Костомаров расходятся между собой. Соловьев не признает племенного деления в русской истории, а систематизирует факты, обобщая их в идеи государственности... Костомаров, напротив, приняв за основание идеи народности, находит в истории русского народа два условия: удельно-вечевой и единодержавный. Но и это деление нам кажется не вытекает вполне из идеи народности, а сближается с идеей государственности. Определение удельно-вечевого уклада не обнимает всех сторон фактов народной жизни до единодержавного уклада, а единодержавный уклад может быть допущен только в истории государства, а не истории народа: идея единодержавности не заключалась в понятии народности». Щапов верно схватил некоторую близость Костомарова к государственно-юридической школе, несмотря на то, что последний, как мы видели, выступил наиболее решительным ее противником. Для Щапова татарское завоевание и внешние причины не создают какого-либо решающего перелома в истории России. Переломный момент он находит в смутном времени: «Я нахожу два главных разделительных момента, или, лучше сказать, две формы общественной жизни великорусского народа: земельно-областную и государственно-союзную. Разделительной гранью... я признаю смутное время, т. е. период от 1601 до 1613 года. В это время произошла последняя разрозненность областей в борьбе с централизмом, или, по выражению актов, усилилась

розн ь всех великих царств и государств Великого Московского царства. В это время области после 7-летней розни соединились между собой, окончательно вступив в новую, государственно-союзную форму бытия»[1]. Таким образом, Щапов не видит в историческом развитии России чего-нибудь насильно ей навязанного извне, а естественно изменяющиеся формы общественно-государственного устройства.

«Русская история в самой основе своей,—пишет Щапов,—есть по преимуществу история областей, разнообразных ассоциаций, провинциальных масс народа до централизации и после централизации... Вся русская история представляет не что иное, как историческое развитие и видоизменение разнообразных областных общин в двух последовательно-преемственных формах: особно областной и соединенно областной. До образования Московского государства обширная русская земля представляла многосложную федерацию областей, разнообразную в историческом и этнографическом отношении»[2].

«Все великорусские области представляли несколько особных самостоятельных федеративных групп, образовавшихся путем колонизационного самоустройства, большей частью по речным системам. Каждая федерация и в ней каждая местная община стремились к территориальной особности, не прерывая федеративной связи между собой, основанной на колонизационной общности и союзности. Вследствие первоначального земского самообразования, путем колонизации на отдельных речных системах, областные общины стремились к земско-народной самобытности и общественному самоуправлению. Каждая область продолжала сама собой дальнейшую колонизацию своей территории путем «поставленья, посаженья новых починков и деревень в лесах», путем выставок или выселков из больших старых поселений. По принципу поземельной общинности, все члены областных общин давали земли всем миром, или поговоря со своей братьею из всей волости с сусе дями волостными. Народ в областях до XV века пользовался полным земским самоуправлением, выражавшимся в форме вечей,

---

[1] А. П. Щапов, Неизданные сочинения, Казань, 1926 г., стр. 17.
[2] А. П. Щапов, т. I, стр. 654.

земских советов, сельских мирских сходов, остатки которых сохранились в XVI, отчасти в XVII ст.ст.»[1].

Щапов считает, что в отношении этнографического разнообразия и самобытности «основная идея всей физиолотической истории великорусского народа есть идея последовательного историко-этнографического, областного самообразования, разнообразной местной организации постепенного нарождения, нарастания великорусской народности посредством принятия в состав ее в различных областях разных инородческих элементов—финских, тюркско-татарских, монгольских и друг., вследствие постепенной славянской колонизации среди этих областных народностей»[2].

Уже здесь можно отметить, что щаповское обоснование федерализма в прошлом отличается от Костомарова. Его аргументация, основываясь на естественно-колонизационных факторах, несомненно, имеет более материалистический характер, чем борьба «двух укладов» у Костомарова. Но стоя более твердо, чем Костомаров в обосновании федерализма до возникновения самодержавия, Щапов переходит на более шаткие позиции, чем Костомаров, когда он находит значительные элементы федерализма во всей дальнейшей истории великорусского народа. В дальнейшем Щапов излагает ту упорную борьбу, которую вели самостоятельные области с московской централизацией, начиная с половины XIII века до XVI столетия. Описывая подчинение Ростовской, Пермской и друг. земель, Щапов цитирует подлинные документы, передающие протест и недовольство населения, подчиняемого Москве и ее порядкам, и приходит к такому заключению в об'яснении успеха московского собирания и централизации: «С каким воплем, с какой упорной борьбой подчинялись иные великорусские области Московскому государству. Только вековая взаимная разрозненность их при исстаринном и постоянном стремлении к особенному, местному, земскому землеустройству, племенной антагонизм во многих областях, при разнообразной этнографической составности их, разновременность, раз'единенность, поодиночность их борьбы с Москвой—вот главные внутренние причины, почему области не выдер-

---

[1] А. Щапов, т. I, стр. 663—64.
[2] Там же, стр. 663.

жали вековой борьбы с московской централизацией и не отстояли своей самобытности»[1].

Внешними причинами победы Москвы Щапов считает постепенную, энергичную централизационную политику московских князей, беспощадное употребление силы, накопление, отбирание из областей в руки московских князей больших материальных средств, фаворитство и содействие орды, наконец, сильное, нравственно соединительное и колонизационно-географическое централизационное содействие московским князьям (заводчины и льготы) московской иерархии и всех московских, подмосковных, приволжских и заволжских монастырей»[2]. Щапов в об'яснении причин укрепления и победы самодержавия не придает большого значения татарскому завоеванию, считая его за одну из многих причин, имевших значение, но не первостепенное.

Но присоединение разных областей к Москве было непрочным. Не скоро и не сразу они могли изжить стремления прошлой жизни и порядки. Дух антагонизма, оппозиция против приказно-московской системы был живуч и силен, царские наместники и судьи часто избивались. В Астраханском и Казанском царствах происходили частые восстания и т. д. Смутное время у Щапова является естественным логическим развитием «шатости великой», которая, накопившись, вылилась наружу. Щапов не придает большого значения внешним причинам возникновения смуты: «Я смотрю на него (т. е. на Смутное время — *М. Р.*) как на разделительную грань между древней особно-областной и новой соединенно-областной централизованной Россией. В Смутное время разнообразная областная жизнь народа еще раз выразила реакцию против централизации, еще раз вскрылась, обнаружилась естественно-историческая особенность, рознь областных общин... Восстали и забунтовали области инородческие, юго-восточные, поднялись татары, чуваши, черемисы, обнаружилась рознь юридическая, во всех областях открылось местное народосоветие, открылись областные земские советы»[3].

Для Щапова Смутное время важно тем, что в нем проявились и заявили права свои черты самобытности и внутреннего самоуправления. Щапов видит в Смутном времени полную демократию и рознь. Перед

[1] А. Щапов, т. I, стр. 673—74.
[2] Там же.
[3] А. Щапов, т. I, стр. 681—82.

нами, указывает он, не рисуется теперь на исторической сцене на первом плане первопрестольная Москва со всем ее чинным, чванным, византийско-государственным этикетом. Вместо них действуют областные общины, сами ведущие переговоры между собой по тем или иным вопросам. «На исторической сцене видны: пермяки, вятичи, устюжане, вологодцы, костромичи, псковичи, малорусские казаки, словом, вся земско-областная Русь. Неслышно царских указов из Москвы, слышен только шум по областям на площадях главных городов. Вся распорядительная власть теперь сосредоточена в самих областных общинах. Они ясно выражают свое местное г о с п о д с т в о, или автономию и взаимное братство или равенство, они сами пишут грамоты друг другу, как равные к равным, называя друг друга г о с п о д а м и б р а т ь я м и»[1]. Излишне указывать, на чьей стороне симпатии Щапова.

Основой федерализма Щапова является не национальный момент отличия одной народности от другой, а местные областные особенности частей одного и того же великороссийского народа, исторически сложившегося в процессе колонизации в разнообразных географически-климатических условиях. Нельзя сказать, что Щапов не замечает национальных особенностей туземных народов, покоренных русской колонизацией. Он отмечает в анализе Смутного времени движение татар, башкир, стремящихся восстановить свою независимость, но для него это не основное, а частность, не играющая большой роли. Основное—это стремление к автономии, самоуправлению разных областей великорусской же народности. Национальный вопрос был на северо-востоке представлен слишком слабыми и неразвитыми народностями. Федерализм, вернее автономизм областей, который описывает Щапов, был направлен против угнетающей эксплоатации московского бюрократизма, тянувшего с этих областей все живые соки, а взамен не могущего дать им даже административного порядка. Но в этом автономистском движении великороссийских областей было внутреннее органическое противоречие. Вместе с автономизмом этих областей, пришли в движение также татары, черемисы, башкиры и т. д., которые стремились не только к независимости от московской централизации, но и к освобождению от непосредственной эксплоатации велико-

[1] А. Щ а п о в, т. I, стр. 685.

русских колонизаторов, живших между ними. Это противоречие на определенной ступени развития движения в корне подрезывало первоначальное автономистское стремление великорусского населения этих областей, проявившееся в первый период Смутного времени. Этим об'ясняется, что автономные области, когда они увидели, что Смута угрожает их преобладанию и господству, неибежно должны были обратиться к поддержке центральной власти, которая бы вооруженной рукой сумела поддержать их льготы и власть в колонизированных местах. Но это не значит, конечно, что эти области, стремясь создать эту центральную власть, стремясь быть в «любви, совете и соединении», ставили целью воссоздание былой московской централизации. Эти области стремились создать федеративное государство высшего типа, более единое, чем те федеративные формы, которые были в русских землях до утверждения самодержавия. Это была та вторая ступень соединенно-областной федерации, которую выдвигает Щапов для эпохи Смутного времени. Здесь не было противоречия, что области, боровшиеся против московской централизации, выбрав царя, как будто бы хотели опять ее восстановить. Это противоречие является только кажущимся. Избрание царя не обозначало еще установления самодержавия и централизации (несмотря на титул самодержца, который фактически был номинальным, особенно при первых Романовых).

Щапов указывает, что «вместо племенного федеративного союза нужно было восстановить вновь излюбленную всею землею, всеми областями государственную земско-областную федерацию». Он считал, что новый Великий Земский Собор русского народа и представители инородческого мира совершили это дело. «Областные земские народные собрания и советы переписывались, согласились быть между собою в любви, совете и соединении, т. е. в земско-областной федерации, созвали в сходе все города и на Великом Земском Соборе 1613 г. по совету всей земли спасли Россию, создали государственную земско-областную федерацию, вручили общее хранение ее прав излюбленному главе всей земли—царю новой династии... С тех пор принципы, идея государственных земских соборов не умирали в нашей истории»[1]. Щапов видит развитие и осуществление этого принципа в даль-

[1] А. Щапов, т. I, стр. 748.

нейших соборах 1619, 1642 и т. д., доводя до собрания депутатов 1767 г., которое, по его мнению, «открыло свет новой русской истории в лице представителей русского и инородческого мира, указало правительству на забытый принцип народностей, ожидающих новой жизни, человеческого внимания и улучшения быта. Екатерина стала лицом к лицу с народом... познала, что составляет живую сущность, самую жизнь государства, для чего существует правительство» [1].

Федерализм Щапова основан на естественно-географических условиях великорусской колонизации. Щапов всю историю строит на развитии федерализма от одной низшей формы к другим, более высоким. Развитие колонизации северо-востока создает обособленные области, которые создают у себя областные федерации. После Смутного времени возникает государственная земско-областная федерация, проявлением которой являются Земские Соборы. Вся эта схема в ряде пунктов, конечно, противоречит фактической истории, она не об'ясняет возникновения и развития самодержавия и централизации. Его схема, имея некоторые общие исходные пункты с Костомаровым в оценке федерализма, однако резко отличается от схемы последнего. Костомаров, вопреки Щапову, считает, что федерализм и самоуправление присущи великорусскому народу только до татарского завоевания и утверждения под непосредственным влиянием последнего самодержавия. Отсюда совершенно разные оценки Смутного времени, Земских Соборов и всей дальнейшей истории России. В то время, когда Костомаров, считая, что после победы самодержавия, федерализма в великорусском народе уже нет, переходит к истории Украины, Щапов находит этот федерализм и в следующих веках истории русского народа. Если первый об'ясняет появление смуты внешними причинами, то Щапов обращает внимание, главным образом, на внутренние причины, вытекающие из общих русских условий того периода. Костомаров совершенно иначе относится к Земским Соборам и особенно это ярко проявляется в его оценке работ Екатерининской комиссии. Костомаров считает, что они привели не к самоуправлению, как утверждает Щапов, а к укреплению крепостного права и еще большему централизму. Екатерина узнала, пишет Костомаров, «что Россия более всего желает рабства... ее здравый природный ум (т. е. Екатерины), начитан-

[1] А. Щапов, т. I, стр. 751—752.

ность показали ей, что в ее положении для охранения самодержавия, верховной власти и всего соединенного с ним порядка и спокойствия в государстве необходимо не только не разрушать прав высшего класса над крепостными крестьянами, но, расширяя их, поддерживать, чтобы тем привязать к самодержавной власти дворян. Вместо просимой крайной автономии Екатерина дала крепостное право, чем перетянула на свою сторону имущие классы украинской старшины»[1].

Таким образом в целом ряде вопросов исторические взгляды Костомарова и Щапова имеют значительные расхождения.

Если мы перейдем от федерализма Щапова в истории, который фактически является областным автономизмом, на основе естественно-географических колонизационных, а не национальных особенностей, к «федералистическим» взглядам Щапова в настоящем, то и здесь мы увидим ряд черт, отличающих его от Костомарова.

Щапов также видел преемственность в федерализме прошлого с политическими потребностями настоящего. «Принципы мирского экономического и юридического самоустройства, принцип мирской сходчивости, совещательности и мирского выборного начала составляют естественно-жизненную, историческую и природную потребность русского народа... Несмотря на все раз'едающие централизационные бюрократические начала, в крови народного организма сохраняется извековечная потребность мирской сходчивости и совещательности, мирской самобытной инициативы и самоуправительности»[2]. Мы не будем останавливаться на примитивности понимания того, что общественные формы заложены в крови человека, здесь для нас важно то, что прошлые формы по Щапову органически потребны и сейчас. Щапов прямо говорит об этом в статье о сельской общине: «Мир, начиная с малых кругов, внутренне самобытных и в себе законченных миров сельских, связуя их общиной, естественно-бытовой связью с мирами городскими, также внутренне самобытными и в себе законченными, и смыкая те и другие по земле и воде вместе самостоятельные земские областные миры, посредством федеративной совокупности последних, естественно возрастает и расширяется во всенародный русский мир и соединяя сельские и городские мирские сходы, самодеятельные, самораспорядительные областные сходы или земские советы, из совокупно-

[1] А. Щапов, т. I, стр. 799.

[2] Н. Костомаров, XIX том, стр. 225.

го выборного представительства которых собирается или вырастает, наконец, всенародный земский совет». И дальше Щапов приходит к выводу: «Ничто так не нужно, как именно дух об'единения... дух сходчивости и совещательности, дух мирской инициативы и круговой поруки... Нам нужен освежительный, оживляющий, примиряющий дух мира, мирской социальной жизни, мирского социализма. Только при мирском единодушии, при мирской сходчивости и инициативе мы способны будем целым миром, целыми артелями или ассоциациями разом, дружно, смело и решительно предпринять на деле то, что задумали»[1].

Достаточно сравнить эти выводы Щапова с выводами Костомарова, которые он делает из анализа характерных черт великорусской и украинской народности, чтобы представить себе все отличие их идеалов настоящего. «Стремление к тесному слитию частей,—указывает Костомаров,— уничтожение личных побуждений под властью общих, ненарушимая законность общей воли, выраженная как бы смыслом тяжелой судьбы, совпадает в великорусском народе с единством семейного быта и с поглощением личной свободы идеями мира, выразились в народном быте неделимостью семей, общинной собственностью, тяглом посадов и сел в старину, где невинный отвечал за виновного, трудолюбивый работал за ленивого...» Костомаров мало склонен к щаповскому миру с круговой порукой: «Обязательная общинность земская,—говорит он,—и ответственность личности миру для южнорусса есть в высшей степени несносное рабство и несправедливость. Не сметь назвать ничего своим, быть батраком какого-то отвлеченного понятия о мире, отвечать за другого без собственного желания—ко всему этому не расположила народ южно-русский его прошедшая жизнь. Громада по южно-русскому понятию совсем не то, что мир по великорусскому. Громада есть добровольная сходка людей; кто хочет—в ней участвует, кто не хочет—выходит оттуда добровольно. По народному понятию каждый член громады есть сам по себе независимая личность, самобытный собственник»[2].

Итак, федерализм Щапова, имея ряд сходных черт с федерализмом Костомарова, в оценке прошлого до Смутного времени, отличается в оценке дальнейших периодов русской истории и в его приложении

[1] А. Щапов, т. I, стр. 765—767.

[2] Н. Костомаров, „Две русские народности", т. I, стр. 60—61.

к настоящему. И у того и у другого сквозь туманно-романтические и идеализированные формы изложения истории чувствуется протест и борьба эксплоатируемого крестьянства против угнетающей централизации государства крупного землевладения и торгового капитала. Это протест крестьянства, работающего замкнуто в натуральном хозяйстве, для которого свои интересы своего ограниченного мира выше всего. Это был протест, который неизбежно приводил к отрицанию самого государства, к анархизму казанского и сибирского восстания. Но в федерализме Костомарова можно отметить новые черты. Здесь имеется не только недовольство крестьянства вообще, но и недовольство крестьянства национально-угнетенного. Однако, протест украинского крестьянства заключает уже в себе новые черты, новые веяния приходящего на смену натурально-замкнутому хозяйству капитализма. Идеал Костомарова — «независимая личность, самобытный собственник», но не самобытная община и круговая порука. Костомаров и Щапов отражают интересы и психологию крестьянства, но крестьянства, стоящего на разных ступенях экономического развития, прошедшего сквозь разные общественно-исторические условия.

3. М. С. ГРУШЕВСКИЙ

Михаил Сергеевич Грушевский родился в сентябре 1866 года в городе Холме в семье учителя греко-униатской гимназии. Детство и юность М. С. Грушевский провел в Ставрополе и Владикавказе, а затем учился в Тифлисской гимназии. Украинской историей и литературой Грушевский интересовался с самого раннего детства. В 1885 году напечатаны его первые литературные рассказы из украинской жизни. Уже в то время он углубленно изучал историю Украины, казацкие движения и т. д. В 1886 году М. С. Грушевский поступил в Киевский университет на историко-филологическое отделение, где под руководством В. Б. Антоновича приступает к научной разработке украинской истории. В 1887 г. вышла первая его работа „Южно-русские господарские замки в половине XVI века". К окончанию университета им написана первая его крупная работа „Очерк истории Киевской Руси от смерти Ярослава до конца XIV века", за которую он получил золотую медаль и был оставлен при университете для продолжения научно-исторической работы. Живя несколько лет после окончания в Киеве, М. С. в начале 90-х годов принимает более активное участие в украинском национальном движении, начинает сотрудничать в галицийских изданиях. В 1894 году он защищает магистерскую диссертацию „Барское староство" и переезжает во Львов, где занимает кафедру по украинской истории.

В Галиции М. С. развивает широкую научную и общественную деятельность и с 1897 г. становится редактором „Записок Наукового Товариства имени Шевченко“ (под его редакцией вышло свыше 100 томов). В 1898 году выходит в свет его первый том „Истории Украины-Руси“. Под его руководством разворачивается небывалая в украинском движении научно-издательская деятельность. Выпускается ряд серий научных работ по истории, этнографии, праву и т. д. В общем сотни томов, разнообразно освещающих прошлое и настоящее жизни Украины. Ряд изданий выпускается на иностранных языках для ознакомления с историей Украины и украинским движением европейского общественного мнения. Грушевский показывает себя не только как ученый, но и как крупный организатор. До 1905 года Грушевский, хотя и принимает активное участие в общественно-политическом движении, но в основном он остается академическим ученым. К политике—по собственному признанию—он пришел от истории. Во время пребывания в Галиции М. С. разрывает с правыми украинскими славянофильскими элементами, сближается с учениками и сподвижниками Драгоманова, выступая решительно против „угоды“ с господствующими польскими классами. Под его влиянием происходит большая демократизация так называемой народовской партии, программа которой становится значительно радикальней. Грушевский выступает резко в защиту сближения с наднепровской Украиной, требуя тесного об'единения, национально-политического сближения обеих частей Украины.

1905 год является в деятельности Грушевского переломным моментом. Из ученого он превращается, в первую очередь, в общественно-политического деятеля. В начале первой русской революции он переезжает из Галиции в Киев и становится в центре украинского политического и научно-культурного движения. В годы первой революции Грушевский занимается, главным образом, публицистикой, в ряде статей обосновывая запросы, нужды и требования украинского национально-демократического движения. В основанных им новых изданиях, в русских либерально-радикальных журналах появляется ряд его статей по вопросам общего переустройства России, федерализма, национального движения. Широкое, историческое образование, близкое знакомство с западноевропейской общественной жизнью делает его статьи, сравнительно, очень содержательными, показывая в нем незаурядный талант публициста (статьи эти собраны в трех сборниках: „З біжучої хвилі“, „Освобождение России и украинский вопрос“ и „Наша политика“. Принадлежа к так называемым украинским „поступовцам“, близким к левому крылу кадетской партии, он, однако, выступает с более радикально-демократической платформой, требуя обязательного выкупа и раздела между крестьянами государственных и помещичьих земель.

После революции Грушевский опять возвращается в основном к научно-исторической работе, выпускает в свет VI и VII томы своей истории „Украины-Руси“. Одновременно участвует, а потом редактирует украинскую газету „Рада“, в которой собрались умеренные либерально-демократические элементы. В начале войны, в связи с завоеванием Галиции и событиями в ней,

Грушевский как „опасный сепаратист" был сослан в Симбирск. В начале февральской революции, как известно, он избирается председателем украинской Центральной Рады, руководившей всем украинским движением, во главе которого он остается до гетманского переворота (конец апреля 1918 г.). В партийном отношении он первое время после февральской революции примыкал к украинской партии социалистов-федералистов, организовавшейся из бывших поступовцев, но потом переходит к украинским эсерам. Он был одним из идеологов украинского националистического движения и его западной немецкой ориентации. В 1919 году Грушевский выехал за-границу, где был председателем заграничного ЦК украинских эсеров (центрального течения). Приблизительно с начала 1920 г. Грушевский пошел несколько влево. Окончательная победа советской власти в гражданской войне приводит Грушевского к идейной капитуляции. Он признает свои ошибки: контр-революционность той политики, которую он сам в значительной степени возглавлял Грушевский приходит к выводу, что трудящиеся массы ставят в первую очередь „перед всеми задачи социально-экономического характера, а культурно-национальные и политические примут за свои лишь постольку, поскольку они не будут противоречить и ограничивать соц.-экономических задач. Украинская интеллигенция должна была соответственно составить свою программу и тактику так, чтобы политические и национальные требования, какие нужно было удовлетворить в процессе революции, были бы побочными задачами во время разрешения соц.-экон. проблемы...

Но, кается Грушевский, „жаль, что украинская интеллигенция не выдержала революционного испытания и в значительной части отскочила от народа, ударилась в контрреволюцию, антисоциализм" („Боритесь — поборите," 1920 г. „На село"). В 1923 г. он изявил желание возвратиться в Советскую Украину для окончания своей научной работы. В 1924 г. ему ВУЦИКом был разрешен приезд на Украину. Сейчас М. С. живет в Киеве, руководя историческим отделением Украинской Академии Наук, и усиленно работает над окончанием истории Украины, которую он в 1917 г. довел только до середины XVII века.

I.

М. С. Грушевский в своем лице сочетает крупного историка и значительного политического деятеля. Как историк М. Грушевский продолжает и увенчивает работу Н. Костомарова и ряда других украинских историков, как общественно-политический деятель, является преемником преимущественно П. М. Драгоманова [1]. Идеалом государ-

[1] М. С. Грушевский был преемником драгомановских взглядов последнего периода жизни и политической деятельности Драгоманова, когда последний являлся либеральным демократом.

ственного устройства, так же как Костомаров и Драгоманов, Грушевский считал федерацию: «верные заветам украинского освободительного движения, выдвинувшего федеративный принцип, как основание будущего устроения отношений политических и национальных, неизменно проводившего его, начиная с Кирилло-Мефодийского братства, мы признаем федеративные формы наиболее совершенным способом сочетания государственного союза с интересами свободного и нестесненного развития национальной жизни»[2].

Но федерализм С. М. Грушевского имеет в значительной степени новый характер. Анархические черты в нем отходят на задний план, а на передний выдвигается роль и значение государства. Вместе с выдвижением необходимости децентрализации государственного устройства для всей России, мы находим у Грушевского по сравнению с Костомаровым и Драгомановым новые ноты, определяемые новым периодом, в который вступило украинское национальное движение, становившееся массовым, стремившееся облечь в государственные формы свою национальную независимость. М. Грушевский считает необходимым «концентрацию всех национальных сил и всех частей украинской территории», развитие в них «чувства единства, солидарности и близости». Он считает недопустимым «муссировать отличия, которые их разделяли», так как «при таком муссировании» создастся опасность полного отмежевания, культурного и национального, «отдельных частей украинской земли»[3]. Здесь мы видим начало того процесса, когда национальное движение из первой своей стадии, требуя автономии «для того, чтобы сконцентрироваться, как нация, собрать и узнать, сорганизовать свою силу»[4], в процессе достижения поставленной цели, расширяет и углубляет свои требования, перерастает через автономизм и федерализм, требуя для своей нации, для своего государства перехода к национальной концентрации, а затем к тесно связанному с ним централизму в ряде отраслей государственной и общественной деятельности.

---

[2] М. С. Грушевский, Наши требования, сборн. „Освобождение России и украинский вопрос", стр. 88.

[3] М. С. Грушевский, Галичина і Украина, сб. „З біжучої хвилі", стр. 122

[4] Н. Ленин,—О праве наций на самоопределение, т. XIX, стр. 139.

Федерация не является уже «принципом», как это заявляет вначале Грушевский. Она становится в зависимость от данных реальных условий: «Полная самостоятельность и независимость является последним логическим завершением запросов национального развития... От стремления к созданию собственного государства может удержать только сознание, что принадлежность к данному государственному союзу дает слишком осязательные выгоды и удобства...»[1]. Таким образом, нужны «слишком осязательные выгоды», чтобы предпочесть федерацию независимости.

Этот процесс перерастания федерализма, отказа от него отразился в исторических работах М. С. Грушевского, и в настоящей работе мы рассматриваем их, главным образом, для иллюстрации этого перехода федерализма первого периода к национально-государственным формам. Мы оставляем в стороне рассмотрение в целом работ М. С. Грушевского, посвященных истории Украины.

М. С. Грушевский знаменует собой в украинской историографии новую эпоху.

«Время романтической идеализации старины прошло безвозвратно,—пишет он,—и ныне идеалы свои мы ищем не в прошлом, а в настоящем»[2]. Это было в значительной степени верно. М. С. Грушевский находился в новых условиях, чувствовал за собой, по сравнению с Костомаровым и даже Драгомановым, новые научные и социальные силы. Стоя на уровне общеевропейских достижений научной истории, опираясь на ряд вспомогательных для истории наук (этнография, антропология, сравнительное языковедение, археология и т. д.), он в значительной степени освобождается как от романтически-мессианского идеализма Костомарова, его борьбы двух начал, так и от анархических элементов мировоззрения Драгоманова.

М. С. Грушевский дал впервые обширную сравнительно научную и цельную историю украинского народа. Эта работа для него была облегчена тем, что между ним и Костомаровым имелись несколько вид-

---

[1] М. С. Грушевский, Галичина і Украина, сб. «З біжучої хвилі» стр. 47.

[2] М. С. Грушевский, Дорогою віків, тот же сборн., стр. 45.

ных украинских историков, как Антонович, Лазаревский и др., давших ряд ценных монографий и других работ по истории отдельных периодов и земель Украины. Это подготовило почву, накопило материалы, на основе чего стало возможным при очень большой самостоятельной работе самого М. С. Грушевского составление им его истории «Украины-Руси» [1]. Здесь он подытожил и более научно обосновал разрушение схемы «общерусской» истории, начатой его предшественниками.

КРИТИКА «ОБЩЕРУССКОЙ» ИСТОРИИ

Первоочередной задачей украинского национального федерализма в истории являлось доказательство полной самостоятельности украинского народа в прошлом и настоящем. Выполнение этой задачи было тесно связано с окончательным разрушением официальной схемы, утверждавшей, что украинский народ сравнительно позднего происхождения, что он исторически выявил себя как нечто самостоятельное только в эпоху казацких движений, что до татарского завоевания никакого самостоятельного украинского народа не было и т. д. Поэтому М. С. Грушевский в своей схеме и в своих работах обращает особое внимание на историю первоначального развития украинского народа, начиная с древнейших времен.

Критике построения русской истории и ее общепринятой тогда схемы М. С. Грушевский посвятил специальную статью «Звичайна схема «Рускої» історії й справа національного укладу історії східного словенства». В этой статье, подытоживая высказанные им в разных местах по этому вопросу взгляды, он пишет: «Обычно принятая схема русской истории всем известна. Начинается она с доисторических времен восточной Европы, обыкновенно сначала идет речь про не-славянскую колонизацию, затем про расселение славян, про образование Киевского государства. История его доводится до XII века, потом переходит к великому княжеству Владимирскому, а от него, в XIV веке,

[1] Хронологически история Украины-Руси доведена Грушевским до середины XVII века, издано восемь толстых томов. Между прочим работа Грушевского облегчалась еще тем, что она имела очень большое национально-политическое значение, и Грушевский сумел сорганизовать вокруг себя значительную группу молодых исследователей, вспомогательно разрабатывавших отдельные вопросы.

к княжеству Московскому, причем излагается вся история Московского государства и империи. Что касается истории украино-русских и белорусских земель, которые оставались за границами Московского государства, то иногда берутся из нее некоторые эпизоды... Но во всяком случае с присоединением этих земель к русскому государству они перестают быть предметом истории».

Дальше Грушевский считает неразумным слияние старой истории южных племен Киевского государства с его общественно-политическим строем, правом и культурой с Владимиро-Московским княжеством XII—XIV вв. «Как будто бы оно является его продолжением. Это было возможно для московских книжников, у которых в основе лежала генеалогическая идея московской династии. Киевское государство, его право, культура были произведениями одной народности, Украинской, Владимиро-Московское—другой, Великорусской. Эту разницу хотела затереть погодинская теория, населивши Поднепровье X—XII вв. великороссами, потом заставивши их в XIII—XIV вв. эмигрировать». Грушевский считает, что киевский период перешел не во Владимиро-Московский, а Галицко-Волынский XII века, потом Литовско-Польский XIV—XVI вв. По его мнению, Владимиро-Московское государство не было ни преемником, ни наследником Киевского, оно выросло на своих корнях, и отношение к нему можно скорее сравнить с отношением Римского государства к его галльским провинциям, а не с преемственностью двух периодов политической и культурной жизни Франции. Киевское правительство пересадило в великорусские земли формы общественно-политического строя, право, культуру, выработанные исторической жизнью Киева, но на этом основании нельзя еще включить Киевское государство в историю Великороссийской народности. Этнографическая и историческая близость украинской народности к великороссийской не обязана служить к их смешению—они жили своей жизнью, (по за своими) историческими столкновениями и встречами...»

Следствием отнесения Киевского государства к началу государственной и культурной жизни великорусского народа является то, что история великорусского народа остается без начала. Так как его историю начинают исследовать с середины XII в., то история сформирования великорусского народа остается до сих пор невыясненной. Не-

достаточно исследовав процессы изменения на великороссийской почве киевских общественных политических форм права и культуры, их включают в инвентарь великорусского народа попросту такими, какими они имелись в Киеве на Украине, вследствие чего остается без начала история украинского народа. Официальная историография поддерживает и культивирует представление, что история Украины, по ее терминологии, «малороссийского народа», начинается впервые с XVI—XVII вв. и что все, что было до этого, то является «общерусской историей». «Это вновь общерусская история,—продолжает Грушевский,—сознательно и бессознательно на каждом шагу подменяется понятием истории государства и культуры великорусского народа, и в результате украинская народность выходит на арену истории в XVI—XVII вв. как что-то новое, как будто ее перед этим там не было, не имея исторической жизни. Тем самым история украинской народности остается не только без начала, но и в виде каких-то осколков, органически не связанных между собою и разделенных провалами... Вообще в том, что зовется «русской» историей я вижу комбинацию или лучше столкновение нескольких понятий: история российского государства (формирование и развитие государственной организации и ее территории), история России, т. е. того, что было на ее территории, история «русских народностей» и, наконец, история великорусского народа (его господства и культурной жизни)...

История великорусская (такою остается «русская история» от XII—XIII вв.) с украинским (Киевским) пришитым к ней началом—это только искалеченная искусственная комбинация, а не какая-то «общерусская история». Наконец «общерусской» истории и не может быть, как нет общерусской народности. Может быть история всех «русских народностей», кому есть охота их так называть, или история восточного славянства. Она и должна стать на место теперешней русской истории»[1] (разрядка наша—*М. Р.*).

В своей критике официальной схемы русской истории важнейшим вопросом для Грушевского являлся вопрос о том, кому при

[1] М. С. Грушевский, „Звичайна схема „Рускої" історії й справ раціонального укладу історії східного словенства. Сбор. статей по славяноведению. Изд. Петерб. Акад. Наук. 1904 г.

надлежит история Киевского государства: великороссийской или украинской народности. Этот вопрос, несомненно, является краеугольным камнем, исходным пунктом для построения самостоятельной истории Украины.

Погодинская теория считала, что в Киеве издревле жило «великороссийское племя», что «великороссиянами» были Поляне — население Киева с окрестностями, а затем эти «великороссияне» «переселились на Север в землю Суздальскую, причем Киевская земля после татарского разгрома заселилась пришедшими с Запада «малороссами». Свою теорию Погодин и его последователи основывали на том, что письменные памятники Киевской Руси, написаны на языке, в котором нет «ничего малороссийского нынешнего», что киевские былины того периода поются у нас везде—в Архангельске и Владимире, Костроме и Сибири» [1], но не на Украине.

По этой теории получалось, что древняя Киевская Русь и вся ее история принадлежат непосредственно великорусскому народу, составляя первую, неразрывную часть его истории.

Поскольку правильность той или иной точки зрения доказывалась решением вопроса о том, какой язык тогда употреблялся в Киевской Руси, то погодинская схема подкреплялась рядом филологических соображений, выдвинутых отчасти Погодиным, а потом развитых его последователями, в частности особенно филологом Соболевским. Мы не будем излагать здесь истории возникшей по этому вопросу большой и продолжительной дискуссии (основные сведения по ней можно найти в I томе «Украины-Руси» М. Грушевского, § 34, примечание), укажем только, что в результате было доказано, что вообще запустение Киевской Руси чрезвычайно преувеличено, что нужно отличать значительные разрушения самого города Киева от разрушения Киевских земель, в меньшей степени пострадавших от татар, а самое главное это то, что уход населения от татар происходил на запад интенсивней, чем на северо-восток. «Необходимо предположить в Киевщине, в частности, в земле полян—пишет в своем резюме по этому вопросу М. Грушевский—существование значительного туземного ядра, пережившего и нашествие Батыя и последующие передряги отодвигавше-

[1] См. письмо Погодина к И. Срезневскому, том V „Изв. Акад. Наук", 1856 г. и том VII его „Исследований, замечаний и лекций о русской истории", стр. 410—442.

гося на юг по мере минования их, ядра, в которое постепенно подмешивались пришлые элементы, но которое никогда не меняло радикально своего состава, не замещалось пришлою стихией»[1].

Погодинская теория опровергалась тем, что, во-первых, Киевская Русь, ее центр совсем не представлял собой такой пустыни и его население в основном сохраняло свои этнографические признаки и особенности, а если после ослабления татар Украина заселялась колонистами с Запада, то это была колонизация тех же украинцев, которые в середине XIII века ушли на Запад. Что касается филологической стороны вопроса, то не имея здесь возможности излагать эту сторону дискуссии, мы ограничимся только указанием, что наибольший современный авторитет в этой области, академик А. Шахматов, в своем «Кратком очерке истории малорусского (украинского) языка» приходит к выводу, что «с точки зрения истории украинского народа мы должны отвергнуть самым решительным образом мысль о том, что Киевщина была в древности населена не предками современных малороссов, а предками современных представителей других русских народностей. Искать в X—XI веке у Днепра великороссов представляется совершенно бесполезным, ибо великорусская народность происхождения нового; она сложилась в историческое время в бассейне Оки из сожительства двух древних русских племен—северо-русского и восточно-русского... Киевщина и Переяславщина могли быть в начале нашей истории заселены только южно-русским, иначе малорусским племенем, которое сидело вообще по всему Поднепровью по обоим берегам Днепра»[2]. Таким образом, и с точки зрения чисто исторической и с точки зрения филологической погодинская схема является не научной.

Весь этот спор имел большое значение не только для истории украинского народа, но и для русской истории. Погодинская теория оказала значительное влияние на процесс складывания ее схемы, давая удобный переход от «Киевского» периода к «Владимирскому». Это влияние было настолько сильно, что погодинская схема вошла с некоторыми изменениями органической частью в соловьевскую схему: «Первоначальная сцена русской истории,—находим мы у Соловьева в его

[1] М. С. Грушевский, Очерк истории Киевской земли, стр. 441.

[2] А. Шахматов, Краткий очерк истории Малорусского (Украинского) языка, сборн. „Украинский народ в его прошлом и настоящем", т. II, стр. 683.

итоговом обзоре истории древней Руси,—знаменитая водная дорога из Варяг в Греки, в конце XII века оказалась неспособной развить из себя крепкие основы государственного быта. Жизненные силы, следуя из начала определенного направления, отливают от Юго-Запада к Северо-Востоку; народонаселение движется в этом направлении—и вместе с ним идет история»[1]

Погодин и вслед за ним С. М. Соловьев недооценивали предварительной консолидации и политического укрепления восточно-русских племен, сначала осевших в бассейне Дона, а потом вытесненных половцами в область его верхнего течения и в бассейн Оки. Это движение вятичей к северу и северо-западу из ранее занятого ими юго-востока, предшествовавшее на столетие татарскому нажиму, еще тогда привело к заметному росту Рязани, Владимира и др. городов. Восточное влияние хазар, непосредственно отразившееся на сравнительно высокой культуре древних великорусских городов, явилось результатом не западного киевского, а в большей степени результатом культурного восточного влияния, совершенно недооценивавшимся официальной историографией. Это привело к неправильному, механическому об'яснению быстрого роста Северо-Востока в XII и XIII вв., благодаря массовому переселению после татарского нашествия с Запада из Киевской Руси. Здесь несомненно действовала не только недостаточная проработка этого вопроса в начале второй половины XIX века, но, и преднамеренные задачи великодержавной политики, требовавшей исторического обоснования единства и неразрывности в прошлом и настоящем Великороссии и Украины, исконной принадлежности последней России.

Однако, М. С. Грушевский, будучи совершенно прав в отрицании научности погодинской схемы, в своих положительных утверждениях перегибает палку в другую сторону. Грушевский считает, что Киевская Русь, Киевское государство есть исключительная принадлежность украинской истории.

В какой степени это верно? Бесспорно, что история Киевского государства принадлежит в основном, в первую очередь, истории украинского народа. Но это не обозначает, что великорусский народ не имеет непосредственного отношения к истории киевского периода.

---

[1] Соловьев, История России, т. IV, столбец 1343.

Созидателями Киевского государства не были исключительно те племена, из недр которых в дальнейшем развивался и сформировался украинский народ. В социально-экономическом, в государственном, религиозно-культурном строительстве Киевского государства принимали активное участие и те северные и северо-восточные племена, которые в дальнейшем дали основание великорусскому народу. Утверждение Грушевского, что *начало* истории великорусского народа нельзя искать в истории Киевского государства, не верно. История великорусского народа в *своих истоках* начинается тоже в Киевском государстве. Центр тяжести ее *дальнейшего* развития передвигается все дальше на восток. Здесь действительно остается мало исследованным вопрос о самостоятельном культурно-передовом восточном влиянии хазар и ряда других племен и народов, явившихся проводниками влияния тогдашнего Китая на восточную часть Европы. Это восточное влияние, совершено независимое от Запада, Киевской Руси оказало большое влияние на формирование великорусского народа, на процесс его социально-культурного развития.

Если для А. Шахматова Киевщина в древности была населена «предками современных *и* малороссов», т. е. предками не только украинцев, но и других древнерусских племен, то Грушевский отрицает наличие в доисторическое время общерусского языка, не дошедшего до нас в исторических памятниках, он считает, что нет никакого «русского» языка или восточно-славянского, который «в действительности конкретно не существует и никогда не существовал»[1]. Таким образом, только украинцы, и ни в малейшей степени северо-восточные и северные древнерусские племена, являются исторически и политически непосредственными продолжателями древней Киевской Руси[2].

Правильное стремление доказать самостоятельность украинского народа, принадлежность Киевского государства, в первую очередь, к его истории, однако, привело М. С. Грушевского к неправильному отрицанию элементов значительной родственности в историческом и доисторическом прошлом обоих народов, происходящих не только от одного общеславянского корня, но и от одного ответвления послед-

[1] М. С. Грушевский, Вступні уваги, т. I. «України-Русі» стр. 4.

[2] Термин „русский" мы употребляем не в понятии великорусского, а древне-русского, общего для всей группы восточного славянства.

него—восточного славянства. Без достаточных оснований М. Грушевский утверждает, что еще в доисторической прародине, до расселения в Поднепровьи, выделилась и обособилась украинская группа племен. Беря исходным пунктом в истории украинского народа обособление южной группы восточно-славянских племен, из которых только в дальнейшем сформировалась украинская народность, Грушевский указывает, что «как в лингвистическом, так и психофизическом отношении обособление народностей украинской, белорусской и великорусской выходит далеко за пределы истории. Выходя из своей прародины, эти группы племен, уже там отмеченные известными отличиями, попадали в различные физические, экономические и культурные условия, в различную этнографическую среду...» [1].

Неправильное преувеличение обособленности, перенесение ее на более ранний период, характерное для схемы М. С. Грушевского, проявляется в его утверждении, что «порогом исторических времен для украинского народа можно принять IV век нашей эры, когда мы имеем уже известия, которые можем приложить специально к нему (разрядка наша—*М. Р.*). До этого времени мы можем говорить о нем только как о части славянских племен» [2]. Несмотря на то, что само расслоение и диференциация восточной группы славянства произошло на два—три века позже, Грушевский уже тогда, еще в IV веке, находит известие, «которое может приложить специально» к украинскому народу [3].

Полностью соглашаясь с тем, что Галицко-Волынские земли, а не Владимиро-Московские были в основном преемниками и наследниками

---

[1] М. С. Грушевский, Очерк истории украинского народа, стр. 15.

[2] М. С. Грушевский, там же, стр. 17.

[3] А. Шахматов, которого нельзя обвинить в какой-нибудь политической преднамеренности в украинском вопросе, считает, что „общерусский праязык распался на отдельные наречия в конце VIII или IX века." „Северо-руссы и восточно-руссы еще до XI века успели в своем языке уклониться от общерусского праязыка"... Хоть „уже в XI веке малорусская группа жила отдельною от прочих русских групп жизнью" но „для южно-руссов подобных уклонений раньше XII века мы указать не можем". А. Шахматов находит, что в XII веке, благодаря тем же причинам, большим передвижениям широких масс населения, их более тесной консолидации происходят „новые явления в языке южно-руссов", т. е. происходит образование украинского языка. (А. Шахматов, т. II, стр. 681)

Киевской Руси, ее культуры и языка, мы, однако, считаем в научно-историческом отношении излишним и неправильным игнорировать те реальные фактические связи, которые были между северо-восточной Русью—в дальнейшем Великороссией—и Киевской Русью вместе с Галицко-Волынской,—в дальнейшем Украиной. Мы согласны в основном с более поздним заявлением Грушевского, что «конечно, в IX—X веках не существовало украинской народности в ее вполне сформированном виде»... что, ставя «своей задачей проследить эволюцию народа, должно исходить из первых зачатков его развития, и с этой точки зрения культурная, экономическая и политическая жизнь южной группы восточно-славянских племен, из которых сложилась украинская народность, необходимо должна войти в историю украинского народа—во всяком случае с гораздо большим правом, чем в каком «Киевский период» включается в общепринятую историю великорусской государственности, называемой Русской историей»[1]. Это утверждение несколько расходится с предыдущими положениями Грушевского, и оно нам кажется более правильным.

Борьба имеет свою логику (а спор имел актуально-политическое значение), и эта борьба бесспорно заставляла М. Грушевского итти в своем отграничении украинского народа от великорусского значительно дальше границ, указываемых научно-историческими фактами. Правда, это была прогрессивная реакция против неправильной схемы, но у Грушевского она зашла слишком далеко, начиная нарушать научность своих же правильных утверждений.

СХЕМА ИСТОРИИ УКРАИНСКОГО НАРОДА И ЕЕ «ЗАПАДНИЧЕСКИЕ» ОСОБЕННОСТИ

После выяснения вопроса о происхождении украинского народа, о принадлежности истории Киевской Руси и ее государства к украинской истории М. С. Грушевский на этой основе в дальнейшем строит ее самостоятельную схему.

«Явления экономические, общественные и культурные,—заявляет он,—при изучении истории Украины должны быть на первом плане, так как единственно они создают цельность и непрерывность ее развития, не-

[1] М. С. Грушевский, Очерк истории украинского народа, предисловие, стр. 5.

смотря на политическую раздробленность украинского народа». Обычно, следя за историей политических организаций, куски украинской истории пришивали то к одному, то к другому государству—Польше, Литве или Москве, и история Украины распадалась на ряд не связанных между собою эпизодов. Наоборот, история эта становится органически цельной, когда в основу ее исследований кладутся экономически-социальные и культурные процессы, где преемственность никогда не прерывалась» [1].

Всю историю украинского народа Грушевский делит на четыре периода.

Первый период вмещает расселение украинских племен, их первоначальное социально-экономическое развитие: «столетия, непосредственно следующие за расселением, подготовляют государственную организацию, история которой составляет главное содержание первого периода исторической жизни украинского народа». Далее Грушевским рассматривается общественно-политическое устройство: земли, вече, общины, князья, дружины и т. д., упадок Киевского государства и его причины.

Второй период начинается с перехода украинских земель к Великому княжеству Литовскому и Польскому. Здесь обрисовывается значение Литвы как собирателя русских земель, конкурирующего с Москвой, ослабление этого процесса после унии с Польшей и изменение политики последней по отношению к русским землям. Здесь обрисовывается, как первоначально большое влияние русских земель на Великое княжество Литовское вытесняется все усиливающимся влиянием польских государственных форм права, общественных отношений и т. д. Как происходит процесс ускоренного образования привилегированного класса, крупных и средних землевладельцев и полное экономическое и юридическое порабощение широких масс населения,—процесс распространения господских запашек и фольварочного хозяйства, связанного с экономическим переворотом в Западной Европе, оживлением оборота, ростом цен на хлеб, приобретением Польшей морских портов и удобных к ним речных путей. Как это, в свою очередь, приводит к большему закрепощению крестьянства, принудительному отчуждению его земель, словом, той картине, которая, постепенно продвигаясь на Восток, достигла своего предела в расцвете барщинного хозяйства Велико-

[1] М. С. Грушевский, Звичайна схема русскої історії.

россии. Грушевский детально анализирует экономические и юридические условия закрепощения крестьянства, борьбы последнего против крепостного режима, который в дальнейшем был основой будущих казацко-крестьянских революций, продолжавшихся с перерывом полтора века. Он детальнейшим образом изучает колонизацию украинских земель и условия, которые в них создались к началу XVII века.

Второй период (ему посвящены IV, V и часть VI томов Истории Украины-Руси) Грушевский заканчивает анализом культурно-национальных и религиозных движений украинских городов, выступивших в лице демократических элементов руководителями всеобщего недовольства против польских крепостнических порядков, и отход, откол от украинских масс верхушечных слоев, перешедших в лагерь врагов.

Третий период заключает в себе наиболее интересную эпоху борьбы украинского народа во главе с казачеством, с враждебным общественно-экономическим строем Польши. Здесь исследуется процесс соединения социально-экономической национальной и религиозной борьбы, охватывающей в целом широкий круг интересов, включая в себя почти все общественные классы и группы. Грушевский подробно исследует те условия, которые создали казацкую революцию и обусловили ее широкое и глубокое развитие, то классовое расслоение, которое в дальнейшем произошло после ее блестящих побед к концу второй половины XVII века. Грушевский правильно наметил решающие причины поражения в том, что верхушка казачества, ее старшина, фактически превратившаяся в крупных и средних землевладельцев, собственников крупных поместий, предала во имя своих классовых интересов национальные и социально-экономические интересы крестьянских масс. Третий период Грушевский оканчивает XVIII веком, рассматривая постепенный упадок казачества и самостоятельности украинского народа, ослабление и падение его автономного строя вплоть до полной ликвидации последнего под соединенными ударами Великороссии и Польши. (Этому периоду посвящены часть VI тома, VII том и два выпуска VIII тома, а в кратком очерке—14—21 главы).

Четвертым периодом украинской истории Грушевский считает XIX столетие. Национальное возрождение второй половины XIX века им рассматривается как синтез всей украинской истории, который должен привести украинский народ к полной его самостоятельности. Четвертый период — синтез украинской истории—за-

ключается по Грушевскому «в столетии украинского возрождения, призывающего к новой жизни народные стремления... во имя осуществления идеалов, связывающих в одно целое массы народа с этой новой интеллигенцией».

Несмотря на то, что Грушевский нередко детально останавливается на исследовании социально-экономических факторов, однако, не они у него являются основой его схемы. Наравне с ними, он выдвигает на передний план национально-культурные и психологические факторы.

Понятие «нация» для Грушевского не есть исторически переходящая категория, обусловленная определенными социально-экономическими процессами. Нация у него имеет характер категории «вечной», раз навсегда данной, начинающейся с древних доисторических времен. Нация, национальное движение является у Грушевского стержнем и высшей целью исторического развития.

Грушевский приближается к материализму в период борьбы с официальной историографией, с юридически-государственной школой, с ее идеалистическим возвышением роли и значения государства. В ответ на отрицание самостоятельности украинской истории, аргументируемое тем обстоятельством, что украинский народ на длительное время не сумел создать своего государства, Грушевский отвечает указанием, что основой исторического развития данного народа является не государство, не смена государственных форм, а территория языка, культура, материальные социально-экономические процессы. Грушевский вынужден подойти ближе к материализму, так как иначе нельзя было дать картины беспрерывного исторического развития украинского народа. Но это только временное, вынужденное приближение. Борясь с идеалистически-государственными схемами, Грушевский, переходя к собственно украинской истории, кладет в основу ее схемы фактически ту же государственность, только в национальном истолковании.

В нашу задачу, как мы уже выше указали, не входит общее рассмотрение работ М. С. Грушевского по истории Украины. Мы ими занимаемся, поскольку это необходимо для иллюстрации развития и видоизменения федералистических идей. Поэтому мы переходим сразу к тем его схемам, частям его работы, которые характерны в этом отношении.

В своей истории украинского народа, его взаимоотношений с окружающими государствами, М. С. Грушевский везде противопоставляет Великороссию Украине и подчеркивает близость украинцев к Западу. Особенно резко он это выразил после 1917 года в своей публицистической работе «На порозі нової України», являвшейся, по собственному его признанию, его политическим завещанием. Несомненно, в этой работе имеется значительное влияние новых обстоятельств, отделения Украины от России в начале 1918 года, но основные мысли в более смягченном виде характерны для всей его предыдущей схемы. То, что в разных его работах рассыпано в отдельных замечаниях, здесь сконцентрировано и выражено в резкой форме. Бесспорно, что высказанные М. Грушевским в этой книге взгляды составляют скачок в его развитии как федералиста, но это был скачок не качественный, а количественный. Новые его взгляды были не новыми, направление их развития было одно и то же. Внешние события гражданской войны на Украине только ускорили их естественный ход.

«Первым, что я считаю пережитым и отжитым,—отмечает здесь Грушевский,—...это наша ориентация на Московщину, на Россию» [1].

«Украинский народ принадлежит к западно-европейским или просто европейскому кругу не только в силу исторических связей..., но и по своему складу народного хозяйства» [2]. Российскую — восточную—ориентацию мы должны заменить «западной ориентацией», и в дальнейшем М. С. Грушевский дает историческое обоснование этой западной ориентации.

«По сравнению с великорусским народом,—начинает он свое обоснование,—украинский является народом западной культуры, одним из наиболее богатых южными или восточными влияниями. Но все-таки он является западным народом по всему содержанию своей культуры и своего духа в то время, как великорусский, хоть и европеизированный, стоит вполне во власти восточного духа и стихии» [3]. Связь Украины с Западом и особенно с Германией Грушевский начинает с древних времен: «Оставляя в стороне те факты и данные, какие указывают на тесные связи Украины с германской и кельтской куль-

---

[1] М. С. Грушевский, На порозі нової України, 1918 г., стр. 9.
[2] Там же, стр. 19.
[3] Там же, стр. 13.

турой Подунавья еще в часах доисторических, мы имеем перед собой массовый наплыв скандинавского элемента в период формирования Киевского государства, потом во время ее расцвета в период Ярослава, а при его сыновьях и внуках широкие династические связи с немецкими княжествами и всякими другими малыми и большими государствами, находившимися в сфере немецкой культуры». Грушевский указывает на большое значение сношений с немецкими землями после падения черноморских сношений с Византией и балканскими странами. «Когда же с упадком Киева в конце XII века центр тяжести переходит к Галицко-Волынскому государству, это обозначает полный перевес западных влияний над той комбинацией византийских и восточных влияний, которые преобладали в период формирования Киевского государства».

«В то время, когда Москва в дальнейшем жила наследством Киевского государства, все более смешивая его с финскими, татарско-монгольскими элементами, Западная Украина, в которой с XIII века сосредоточилась украинская жизнь, входит вполне в круг западноевропейской жизни... В ее главнейших городах возникают большие западные колонии, особенно немецкие, которые служат живыми посредниками с Западом, проводниками западного влияния. Это началось еще при Галицко-Волынских князьях, еще более укрепилось и выросло с переходом этих земель под власть Польши». Грушевский отмечает далее, что Львов, культурный центр Украины в течение XIV, XV и части XVI вв., является преимущественно немецким городом. Тесно связанная с Западной Европой, «в первую очередь с Германией», Украина проходит период итальянско-немецкого Возрождения, немецкой реформации и католической реакции. «Украина жила одной жизнью, одними идеями с Западом, у него черпала культурные ценности».

«Вроцлав и Гданск—два исторических рынка украинского экспорта... были главными посредниками и источниками западных немецких влияний. Параллельно им широко развивалась связь в разных иных местах и моментах, начиная от заграничных, главным образом, немецких университетов, куда так часто ездили украинские студенты до конца гетманщины, и кончая теми ярмарками, куда шли гурты украинских волов, транспорты спирта, конопли, воска и т. д., и

откуда вывозилось все, начиная с бакалеи и аптек и кончая книгой, гравюрами и картинами...». Только в конце XVIII века, с упадком гетманщины, под принудительным нажимом победившей Великороссии, эти западные связи слабеют и падают, и Украина вступает в новую полосу.

«Российская торговая и промышленная политика приложила все старания, не останавливаясь ни перед чем, чтобы разорвать и разрушить торговые связи Украины с ее исторически сформировавшимися западными рынками, чтобы уничтожить вообще украинскую торговлю и отдать ее в руки московского купечества, притянуть экономически Украину к северу, к великороссийским центрам—Петербургу и Москве. Российская национальная политика разорвала природные и всякие иные связи украинской интеллигенции с западом, заграницей... Она преднамеренно затормозила, а затем начала уничтожать всякую культурную жизнь Украины, не давая возможности развиваться высшей школе, новым ее типам, на месте старой, пережитой, схоластической. Она всеми силами стремилась притянуть украинскую молодежь к российским школам Петербурга и Москвы, к российской службе и деятельности в ее местных учреждениях. Пускались в ход и террор и подкупы, действовали «и лисьим хвостом и волчьим зубом». В результате Украина XIX века была оторвана от Запада, от Европы и повернута лицом на Север, толкнута в глухой угол великороссийской культуры и жизни. Вся украинская жизнь была вывернута из своих нормальных условий, исторически и географически сформировавшейся колеи и была выброшена на великорусскую почву на поток и разграбление»[1].

Такова в основных чертах «западническая схема» М. С. Грушевского. Мы ни в малейшей степени не забываем отрицательного влияния, возмутительного безобразия великодержавной царской политики по отношению к Украине. Мы вполне согласны, что западные влияния бесспорно были сильны на всем протяжении украинской истории, но во всем подробно нами процитированном обосновании резко чувствуется преувеличение этих западных влияний, одностороннее освещение, преднамеренное умалчивание о реальных и совсем не только принудительных связях, которые были между Востоком и Украиной, на всем протяжении

[1] М. С. Грушевский, На порозі нової України, стр. 14, 15, 16 и др.

ее исторического развития. Украинский народ, исторически являвшийся самым западным народом восточного славянства, превращается у Грушевского в восточную часть западного славянства. Правильное выявление элементов западного влияния на Украину, ее связи с Польшей, отчасти Германией, связи, сознательно замазываемой российской историографией, однако, в этой работе Грушевского превращается в свою противоположность. Первоначальная схема самого же Грушевского, по которой украинский народ вместе с великорусским составляли восточно-славянскую группу, разрушается, и мы получаем, не в обиду будь сказано Грушевскому, видоизмененную навыворот погодинскую схему. Оставляется совершенно в стороне вся колонизационная проблема, обращенная целиком на Восток, а не на Запад, проблема, имеющая такое огромное значение в историческом развитии всего украинского народа и в прошлом и в настоящем. Здесь так же, как и у Погодина, чрезвычайно ярко выявляется «служебная» роль этой западнической схемы, долженствующая обслужить временные, чисто политические потребности. История—«высокая, чистая наука»—оказывается служанкой политики. Весна 1918 г., призыв немцев—вот где корни этой схемы, усиленного подчеркивания в ней немецкого влияния. Эта схема плоха не потому, конечно, что она служит политике, а в том, что она служила плохой реакционной политике, так как была направлена не против уничтожения самодержавия, а против пролетарской революции [1].

Наиболее ярко и резко эта преднамеренность и предвзятость «западнической» схемы отразилась в этой же работе в противопоставлении Грушевским социального характера украинского и великорусского народа.

По его мнению, великорусский народ глубоко отличен от европейского. «Эти анти-европейские черты: — отсутствие собственного человеческого достоинства, пренебрежение к достоинству другого человека, отсутствие понимания и вкуса к хорошей, урегулированной жизни для себя, пренебрежение чужими интересами и потребностями к такой жизни; отсутствие стремления к организованной общественно-политической жизни, склонность к анархизму и стремление к разру-

[1] Этим мы не даем общей оценки предыдущим работам М. С. Грушевского, в основном не имевшим этой предвзятости и бесспорно имевшим большое научное значение.

шению социального и культурного, легкомысленное отношение к культурным и общественным ценностям и возвеличение своей некультурности и неорганизованности в противовес этим ценностям; вечное шатание между общественным и моральным максимализмом и полным нигилизмом, которое доходит часто до полной утраты моральных критериев. Перед этими отрицательными чертами социального характера отступают на задний план разные добрые, даже очень хорошие черты индивидуального характера, поскольку и они также не заслоняются грубостью и индиферентизмом».

Этим отрицательным чертам великорусского социального характера Грушевский, как антитезу, противопоставляет характер украинского народа, черты которого обладают, по его мнению, «высоким развитием своего достоинства, уважения чужого, любви к известным, установленным внешним формам, этикету и хорошим манерам, любви к чистоте, порядку и красоте жизни, привязанности к ее культурным и общественным ценностям. Это все черты, которые делают украинца очень близким по духу и характеру к западноевропейской стихии— кое в чем к германской с ее солидностью, деловитостью, любовью к комфорту, порядку, чистоте, благосостоянию, к уравновешенности и стоицизму; в ином, к романской, например, этим тяготением к форме, элегантности, стремлением внести во все красоту, ею вообще осветить каждую сферу, светлым и ясным, радостным взглядом на жизнь» [1].

Мы считаем излишним входить в критику об'ективности, научности и историчности этих характеристик. Они достаточно сами говорят за себя. Укажем только, что в этой карикатуре на великорусский народ и излишней идеализации украинского чувствуется не историк, а националист, ошелюмленный бурными событиями гражданской войны [2].

---

[1] М. С. Грушевский, На порозі нової України, стр. 41.

[2] Причем националист, испуганный беспощадной борьбой крестьянских и солдатских масс, восставших против векового угнетения, рвущих и разрушающих на своем пути все препятствия, в том числе и украинскую мелкобуржуазную контрреволюцию, пытавшуюся тогда под национальным флагом остановить развитие пролетарской революции. Характерно, что в 1920 году М. Грушевский, наученный горьким опытом гражданской войны, лучше понял значение и соотношение социально-классового и национального

Вместо социально-исторического анализа причин некоторых анархических черт, присущих крестьянству, причем украинскому не менее, чем великороссийскому, Грушевский идеалистически и предвзято приписывает эти черты последнему, как проявление внутреннего духовного «народного характера, присущего великорусскому народу».

Противопоставление самостоятельного украинского народа великорусскому, отрицание не только надуманного московской историографией, но и реально исторических, конкретных элементов близости обеих народностей является органически составной частью процесса перерастания федералистических идей к их национально-государственным формам, а потом к отрицанию самого федерализма.

Н. И. Костомаров и Драгоманов, борясь против централизма, бюрократизма, за демократизм и свободу национального развития угнетенных наций, прилагали свой федерализм не только к внешним отношениям Украины в целом к Великороссии, а и к внутреннему устройству на федеративных началах и той и другой. Они оба, особенно Костомаров, были сторонниками общеславянской федерации, примирения всех славянских племен между собою. Оба они, и особенно Драгоманов, были не только демократически-республиканскими панславистами, но и ярыми врагами германизма. Отсталость славянства в обще-европейском развитии Драгоманов приписывал германскому колонизационному зажиму. В немецком Drang nash Osten он видел основную угрозу славянству. Не в отделении от Великороссии они оба видели выход для Украины, а в федерации с ней, в общей демократизации всей России.

В историческом развитии федералистических идей работы М. С. Грушевского создают грань не только в вопросе о федеративных взаимоотношениях между Великороссией и Украиной, но и в процессе перерастания идеологии федерализма в целом, в его принципиальном отношении к государству. М. С. Грушевский в своих исторических и тесно связанных с ними публицистических работах, ярко иллюстрирует этот процесс перерастания федерализма, отмирания в нем анархиче-

---

в революции. Он находит в истории аналогии для 17 года даже в XIII веке когда украинское крестьянство выступило против социального угнетения галицких князей и боярства, перейдя на сторону татар, вопреки, как будто бы, национальным интересам строившейся тогда, в XIII в., украинской государственности.

ских элементов, превращение его в национально-государственный федерализм, в котором, как мы указали ранее, национальная самостоятельность, облекаясь в государственную независимость, фактически отрицает федерализм как руководящий основной принцип государственного строительства. Высшей точки этот процесс достиг в 1918 году, когда Украина провозгласила свою полную независимость.

В начале 1918 года, когда лидеры мелкобуржуазной партии, в первую очередь украинские эсеры, призвали немцев, М. С. Грушевский в той же брошюре «На порозі нової України» сделал попытку дать для «своего» государства новую идеологическую платформу: «Украина должна быть крепким, могучим, способным противостоять своим врагам, единым государством». Нужно строить не только свободную и независимую Украину, но и «Великую Украину». «Мы все, вся сознательная общественность должны... стать государственным элементом. Это может звучать неприемлемо, так как государственность мы привыкли связывать с одной стороны с бюрократизмом, с другой, с империализмом... У нас под влиянием российской жизни и культуры, глубоко проникнутых противогосударственными и анархическими элементами, считалось хорошим тоном не иметь ничего общего с государством, сводить к минимуму его роль в общественной жизни, обходиться во всем без него и, наоборот, строить все, считаясь с ним, как с враждебной, разрушительной, а не конструктивной силой. Все это теперь решительно нужно отбросить, это пройденный этап, это бесспорно нездоровое и опасное наследство для наших государственных и народных интересов. Украинская общественность, украинская демократия должны как можно скорее отряхнуться от него... Они должны считать государственное дело своим делом и отдать его строительству и управлению всю душу и силу» (разрядка наша — *М. Р.*).

Отмечая дальше, что украинское государство не должно эксплоатировать другие народы, не должно быть империалистичным, оно вместе с тем должно быть «крепкой защитой и обороной своего народа и края и соответственно этому сконструировано».

«Все для государства», таков новый лозунг Грушевского, новый, однако, своими корнями уходящий вглубь его прежних работ. «Украинская общественность и демократия должны проникнуться чувствами государственности — патриотизмом и пиетизмом для своего трудового государства, сделать ее центром, все строить на государственном фундаменте, от государства ждать обеспечения своих потребностей и исполнения своих ожиданий...».

«Они должны укреплять идею украинской демократической государственности, распространить ее в общественности, которую необходимо воспитывать в чувствах долга перед государством как наивысшим стимулом общественной жизни, который должен об'единить в одном порыве всех людей, весь ее народ, преодолевая все партийные отличия и расхождения там, где начинаются основные интересы государства»[1]. Если мы отбросим неизбежную идеалистическую «левую» фразеологию о том, что все это нужно для развития особых, исключительно украинскому народу присущих морально-социальных ценностей, что пропагандируемое украинское государство должно быть «социализированным», трудовым и т. д., то останется сплошной апологетизм государства, сплошное его воспевание как высшего идеала и цели общественного развития украинского народа. Юридическая школа русской истории, давно похороненная и спокойно лежащая в гробу, может торжествовать. В украинской истории воскресли идеи государственности как венца и основного стержня исторического процесса.

«Гони природу в дверь—она влетит в окно».

Б. Чичерин, Кавелин, С. М. Соловьев могут торжествовать. П. Милюков может от души пожать руку М. С. Грушевскому.

Вот почему противопоставление федералистов государственно-юридической школе до конца, несмотря на все различие социально-экономических корней, было бы совершенно неправильным. Нельзя противопоставлять до конца потому, что федералисты одной своей стороной, несмотря на все различия, примыкают к этой самой государственно-юридической школе, против которой была направлена в

---

[1] М. С. Грушевский, На порозі нової України, стр. 46—48 (Разрядка везде наша—*М. Р.*).

значительной степени критика федералистов. Федералисты даже первого периода, будучи идеалистами, не понимали существа государства как орудия господствующих классов, думая, что в самой форме государства кроются причины, от изменения которых зависит улучшение общественного устройства, они неизбежно, хотя и с другого конца, приближались к своим противникам, которые тоже видели стрежень и движущие силы исторического развития в изменении и совершенствовании государственных форм. И те и другие, преследуя разные политические цели, представляя разные социальные интересы, обращали свое внимание на выяснение истории возникновения и развития централизованного государства. Федералисты только описывали борьбу с ним, старались показать его теневые и отрицательные стороны, а другая школа, наоборот, идеализировала это развитие, замалчивая все «прелести» собирания «всея Руси». Во втором периоде федералистические идеи, перерастая самое себя, уже непосредственно начинают в самом государстве видеть основную суть, и в лице Грушевского мы видим ярко эту картину.

Одни и те же причины дают в основном одинаковые результаты. Буржуазии не только крупной, но и мелкой нужно надклассовое, без различия классов и партий государство как высший идеал нации, которое чудодейственно должно все удовлетворить, все социальные проблемы разрешить. Недостает в украинской истории только «своей» развитой буржуазии. История в этом обидела Украину, но если нет сформировавшейся буржуазии своей, можно на время подзанять чужую, заинтересованную в украинских делах. В этом было идейное содержание (поскольку оно вообще было, украинской мелкобуржуазной контрреволюции, прибегавшей то к помощи Германии, то Антанты, то даже к помощи своего векового антагониста—Польши. Бесспорно положительный отход от анархизма, бесспорно прогрессивное перерастание федерализма к национально-государственным формам, признание значения государства, однако, сразу же превращается в свою противоположность, в буржуазную концепцию внеклассового государства, которое нужно буржуазии как орудие своего господства[1].

[1] Дальнейшее „полевение“ Грушевского, его ставка на крестьянство и только на него, опять возрождает в нем драгомановский анархический федерализм. Появляются на сцену драгомановские анархические планы переустройства Украины в федерацию автономных громад, экономически максималь-

Мы не ставим перед собой задачи дать характеристику М. С. Грушевского как политического деятеля — это совершенно самостоятельная задача. Мы затронули только некоторые его публицистические статьи, поскольку они тесно связаны с его исторической схемой.

Переходя к общей оценке Грушевского как историка, мы должны сказать, что Грушевский в основном, несмотря на понимание им роли экономических факторов и классовой борьбы, остается идеалистом. Несмотря на употребление гегелевской терминологии, он бесспорно далек от диалектики и в значительной степени является эклектиком, страдая отсутствием диалектического историзма. Некоторые положения давно прошедших периодов он механически переносит в настоящее, не замечая различия, видоизменения данного явления за истекшие столетия. Традиция является в его работах немаловажным фактором. Она придает большое значение этическому элементу в историческом процессе. Он считает (возвращаясь назад к Костомарову), что народы, в частности украинский, имеют ряд искони присущих им психологических черт, значительно влияющих на их историческое развитие. Он находит, например, что «тенденции к социалистическому порядку заложены в жизни украинского народа и выявляли себя в периоды его активности» [1].

Грушевский критически относится к марксизму. Он считает его безоглядным абстрактным упрощенством: «Из разных течений в социологии пока наиболее решительности и безоглядности в упрощении социального процесса показали марксисты, развивая тезис Маркса, что в основе всех социальных изменений лежит экономический процесс, главным образом, изменяющийся вместе с развитием производительных сил общества, формы производства, которые механически и автоматически изменяют социальную, политическую и культур-

---

но независимых и самодовлеющих. Причем конечно решающее значение, хотя и с оговорками, придается селу с его мелким производством (см. статьи Грушевского в заграничном эсеровском журнале „Борітеся—поборете“ 1920 г. № 1, 4 и др.). Но это уже новый период в эволюции Грушевского, который не входит в рамки нашей работы. Отметим только, что и у Драгоманова и у Грушевского полевение выражается не в идеологическом приближении к рабочему классу, к марксизму, а сопровождается поворотом к мелкобуржуазному анархизму. Общая для обоих—в эти периоды—социально-экономическая база закономерно дает в основном одинаковые результаты.

[1] М. С. Грушевский, журнал „Борітеся—поборете“, № 1, стр. 10, 1920.

ную жизнь»[1] (разрядка наша—*М. Р.*). Неправильно излагая и понимая Марксово материалистическое понимание истории, представляя, что «изменение форм производства механически и автоматически изменяет социальную, политическую и культурную жизнь», Грушевский пытается в своей «генетической социологии» опровергнуть Маркса, выдвигая свою, а по существу заимствованную у Вундта схему. Грушевский, отмечая, что даже сам Энгельс ограничивает действие экономических факторов, как решающих в первом периоде социального развития человечества, помещая на ряду с ними биологические факторы, находит, что если с самого начала развития общественной жизни основной закон развития производительных сил ограничивается в своем решающем влиянии, то, по его мнению, и дальше «с развитием духовной жизни человечества, уже на очень примитивных стадиях жизни, пареллельно им (т. е. биологическому и экономическому факторам) возникает очень важное и самостоятельное влияние—психологический фактор... По мере того, как вырастает над экономической основой социально-политическая и культурная надстройка, разные ее слагаемые, разные ее элементы начинают все самостоятельнее и сильнее влиять на социальную эволюцию...[2] (разрядка наша—*М. Р.*).

Таким образом Грушевский отрицает, что экономические факторы являются в конечном счете решающими движущими силами общественного развития. Сначала биологические, а затем самостоятельные психологические факторы не только ограничивают, по его мнению, действие экономических, но и нередко вытесняют последние, являясь не подчиненными, функциональными по отношению к экономическим, а самодовлеющими, имеющими в ряде случаев самостоятельное решающее значение. Три ряда факторов: биологические, экономические и психологические являются у Грушевского равноценными двигателями социального развития[3]. Отсюда, бесспорно, проистекают его эклектизм и идеализм, чуждый диалектике.

[1] М. С. Грушевский, Генетична соціологія, Прага, 1920 г., стр. 37.

[2] Там же, стр. 38.

[3] Общее понимание основ общественного развития Грушевский сформулировал так: „Все более и более укрепляюсь я в убеждении, что решающая роль в вечных изменениях человеческой жизни заключается

Однако нужно сказать, что эти его философские взгляды сформулированы им в позднейшее время и в незначительной степени являются руководящими в его исторических работах до 1917 года. Историк побеждает в нем его слабые, неверные социологические схемы, и мы видим, как нередко в ряде сложнейших проблем в истории украинского народа он об'ясняет их в значительной степени материалистически. Однако, чем дальше, тем идеализм его увеличивается и после 17 года, особенно в политике, получает свое большое развитие и яркое отражение (в этом отношении характерно его отрицание и непонимание классового расслоения крестьянства, которое он во всех своих работах после 17 года рассматривает как единое целое).

Переходя к его характеристике как историка-федералиста, мы должны отметить, что наибольшую роль Грушевский сыграл в деле разрушения единой «обще-русской истории». Грушевский и другие федералисты безусловно содействовали созданию более правильной и трезвой оценки исторического развития России. Пренебрежение и преднамеренное замазывание глубоких особенностей различных частей и районов огромнейшего государства, веками складывавшегося из ряда в прошлом самостоятельных народов, находившихся в самых разнообразных природных и социально-экономических условиях, конечно, не могло дать верной картины исторического развития России. Позднейшие условия сознательно и бессознательно переносились к более ранним периодам. Россию XIX века, связанную почтой и телеграфом, изрезанную железными дорогами; Россию, в которой развитие капитализма проделало огромную об'единяющую работу, официальная историография переносила в той или иной степени на прошлое, в котором самостоятельное развитие естественно-экономических и национальных областей и районов играло большое значение. Недооценка экономического и культурного значения и интересов этих местных центров, переоценка значения единого центра—Москвы, а потом Петербурга, характерная для националистической великорусской историографии, вдалбливалась с самой школьной скамьи в головы изучающих

в беспрерывной конкуренции индивидуалистических и коллективистических тенденций, в периодическом чередовании преобладания то одних, то других. В результате моих занятий и размышлений это чередование мне кажется основой ритма социальной эволюции...". (М. Грушевский, Генетична соціологія, стр. 4). Предисловие написано 1 мая 1921 г.

русскую историю. Заслуга Грушевского и других федералистов в истории, несмотря на ряд ошибок (и немаловажных), заключается в том, что они своими работами по истории России исправили фактическое построение ее схемы, содействовали по этой линии более научной и об'ективной ее оценке.

В истории украинского народа мы у него уже почти не встречаем романтической идеализации прошлого.

В «Україне — Русі» он резко борется не только с измышлениями российской официальной историографии, но и с легендами, неправильными теориями, возникшими до него в самой украинской историографии.

Костомаровской борьбы двух начал у него вовсе уже нет. Он реально, без всяких преувеличений оценивает федеративные элементы в общественно-государственном устройстве древней Руси. Он отрицает значительное развитие вечевого устройства и его большого влияния в Киевской Руси. Он выступает против федералистической идеализации прошлого.

М. Грушевский отбрасывает мифические теории о происхождении казачества и не видит в нем, как Костомаров, непосредственного продолжения старорусских республиканских федеративных и вечевых начал. Он резко различает казачество как бытовое явление пограничных колонизирующихся окраин от общественно-политического устройства украинского казачества, которое он считает совершенно не связанным с формами общественного устройства древней Руси. Он отбрасывает разные ненаучные теории происхождения казачества и дает вполне реальное и научное об'яснение его возникновения и развития.

М. С. Грушевский является, несомненно, крупнейшим историком. Его история «України — Русі» не только сводная работа, подытоживающая огромный до него накопленный материал, а в ряде важнейших периодов и вопросов, особенно в первом томе, является свежей, самостоятельной работой, имеющей большое научное значение.

Его работы часто наполнены новыми, впервые публикуемыми документами. Большинство его книг снабжено подробнейшими указаниями и примечаниями, иногда имеющими самостоятельное значение.

Работы Грушевского по истории украинского народа завершают целый этап развития украинской буржуазной историографии. Они закончили разрушение великодержавной схемы русской истории, создали самостоятельную, националистически-буржуазную схему украинской истории.

III. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ КОРНИ ФЕДЕРАЛИСТИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ В ИСТОРИИ

1

Главной заслугой историков-федералистов были критика и разрушение неправильной официальной схемы русской истории. Вся историография до них идеологически обосновывала и защищала в истории интересы господствующих классов, ограничивая научность истории (не потому, конечно, что здесь отражались классовые интересы, а потому что отражались интересы реакционных отживающих классов). Исторические схемы, отражавшие потребности господствующих классов, неизбежно должны были быть однобокими, оставляя без внимания или сознательно замазывая факты и выводы, им не выгодные. Историки-федералисты, несмотря на романтическую идеализацию ряда вопросов прошлого, несомненно содействовали выпрямлению односторонности построения русской истории, большему приближению ее к науке, изображающей и об'ясняющей то, что действительно было в истории общественного развития. Федералисты были первыми историками, критически подошедшими к изображению прошлого не с точки зрения интересов господствующих классов (от феодалов-помещиков к капитализирующимся помещикам и промышленной буржуазии), а с точки зрения, отражающей интересы и идеологию угнетенных крестьянских масс вообще и национально подавляемых в частности. Федералисты впервые в русской истории подошли к ней с другого конца, показав то, что творилось за официальными кулисами истории. Если впервые научно-построенную историю дает марксистская историография, то к р и т и ч е с к а я часть ее работы была начата федералистами, являющимися в этом отношении ее предшественниками.

Если оставить в стороне оценку путей к осуществлению тех целей, которые ставили перед собой федералисты, а рассмотреть проделанную ими критическую работу, то мы увидим, что одновременно с идеализацией, преувеличением, иногда прямо ошибками, имеется ряд поставленных, отчасти разрешенных вопросов большого научного значения. Вопросы, выдвинутые украинскими федералистами для обоснования самостоятельности истории украинского народа, та критика официальной схемы, которую дал Грушевский; вопросы, начиная с расселения восточного славянства и колонизации занятой им ныне территории, критика теории родового быта и юридической школы, вопрос о намечении путей для решения проблем возникновения русской народности, значение татарского завоевания, борьба с самодержавием автономных частей государства, значение колонизации в истории России (Щапов — колонизацию Северо-Востока, а Грушевский и его предшественники — колонизацию України), — все это имело немалое значение для понимания и анализа условий, предшествовавших возникновению такого исключительно централизованного и многонационального государства, как Россия.

Какое же место в историографии занимают федералисты?

М. Н. Покровский считает, что Костомаров «борется с концепцией по существу Карамзина, где вся суть русской истории заключается в образовании громадной империи», а вместе с Грушевским они отражали интересы мелкой буржуазии, которая «в борьбе с надвигающимся на нее капиталом, в тех случаях, когда этот капитал чужой, т. е. приносится людьми иного языка, свою оборону против надвигающегося капитализма облекают в форму национальной самозащиты»[1]. Здесь Покровский не совсем прав. Национальная борьба определяется не только борьбой мелк. буржуазии. Карамзин был не только автором неправильной, ненаучной схемы, но одновременно и основоположником великодержавного, великороссийского национализма в истории России. Если в дальнейшем его исправляли, то во всяком случае не по части его национализма. Костомаров и другие федералисты, борясь против централизации за автономию и федерацию, представляя крестьянство и примыкающую к нему часть разночинной интеллигенции, противостояли всей великорусской националистической школе в

[1] М. Н. Покровский, Борьба классов в русской исторической литературе, стр. 89.

русской историографии, вплоть до С. М. Соловьева и Ключевского включительно. Критика единодержавия, его централизма и бюрократизма, подчеркивание положительности боровшихся с ним сил, отрицание первостепенного значения государства и его развития как стержня русской истории шли вразрез с господствовавшей тогда юридической школой. Если для Чечерина «существенное значение нашей истории состоит в развитии государства»; если для русских «гегельянцев», по словам тов. Покровского, «образование государства было своего рода экзаменом зрелости для народа», то федералисты именно этот критерий подвергали беспощадному обстрелу исторической критики.

Ведь, не случайно, что С. Соловьев, первый крупнейший историк, уже отражавший и интересы развивавшейся промышленной буржуазии, полной гордости при виде огромной территории с ее гигантскими естественно-экономическими возможностями, что именно он выступил главным «адвокатом Москвы» в обосновании и защите «собрания» всея Руси. С. Соловьев, а не только Карамзин, положивший только начало, был первым крупнейшим идеологом единой великодержавной России, отвечающей интересам торгового и промышленного капитала Ради них С. Соловьев пренебрегает национальными и другими областными особенностями разных частей России в прошлом и настоящем несмотря на то, что эти особенности прямо «перли» со всех документов. Здесь корень соловьевского тезиса, что «однообразие природных форм вело к исключению областных особенностей», что на эти особенности, если они и имеются, не следует обращать внимания, так как «мы должны, наоборот, обратить все наше внимание на то, как при внешнем делении держится внутренняя связь вещей, что не дает им обособиться; как постепенно укрепляется связь частей, единство государственное; мы должны следить за развитием, ростом государства» [1].

II

В противоположность националистически-государственной историографии федералисты вплоть до Драгоманова в той или иной степени являются решительными противниками централизованного государства, а некоторые из них отрицали и самое государство. Основным двигателем исторического развития России федералисты впервые

[1] С. М. Соловьев, История России, т. XIII, столбец 632.

выдвигают не славянофильскую «народность», а подлинное крестьянство: «Прочитайте летописи, акты и писцовые книги,—пишет Щапов,—вы увидите, что строителями России были крестьяне, всюду и везде они вынесли на своих могучих плечах светлое будущее нашего отечества»; «народ есть не механическая сила государства, — пишет Костомаров, — а истинно живая стихия, содержание, а государство, наоборот, есть только форма сама по себе, мертвый механизм, оживляемый только народными побуждениями...[1]. А в другом месте Костомаров восклицает: «Отчего это во всех историях толкуют о выдающихся государственных деятелях, иногда о законах и учреждениях, но как будто бы пренебрегают жизнью народной массы? Бедный мужик — земледелец-труженик как будто не существует для истории».

Историки-федералисты в своей оценке государства смотрели на него глазами народа — крестьянства. Государство для крестьянства того периода было символом векового угнетения. Все страдания, вся вековая эксплоатация, высасывавшая живые соки, все прелести крепостного права,—все это накопленное веками, передаваемое поколениями, выливалось в ненависть и вражду против государства. Историки-федералисты, отражавшие психологию крестьянства, не преклонялись, конечно, перед государством, как Б. Н. Чичерин, С. Соловьев, Кавелин и др. Что крестьянству до собирания единой, неделимой, которая так восхваляется Соловьевым, что ему до об'единения под сенью царя всех исконно русских земель, которые так восхваляются Ключевским?

Государство—это враг, это подати, повинность, все то, что стопудовой гирей висело на крестьянской шее. Но если государство ненавистно, если от него, кроме податей и налогов, нагайки и розог, ожидать нечего, то напрашивается логический вывод: нужно или изменить государство, или уничтожить его совсем. Федералисты выдвигали планы реорганизации государства на манер новгородского устройства, казацких идеалов и т. д., а некоторые из них с большим анархическим уклоном доходили до требования уничтожения самого государства. Даже Костомаров видел в государстве источник такого зла, которого не исправить никакими реформами. «Как бы ни умягчались политические формы,—пишет он,—коварство и насилие всегда останутся необходимыми в государственных отноше-

[1] Н. И. Костомаров, Автобиография, стр. 113.

ниях до тех пор, пока люди не додумаются устроить свои политические общества на иных началах»[1].

Если принять во внимание, что писалось все это федералистами в 60-х годах, когда крестьянское хозяйство еще было в значительной степени замкнутым и натуральным, когда железные дороги начинали только строиться, когда только начала создаваться машинная индустрия, и кустарь, ремесленник был еще огромной силой в промышленности, когда машины в сельском хозяйстве были сравнительной редкостью и когда влияние начинающего развиваться промышленного капитализма еще не успело отразиться на созданной веками психологии крестьянских масс,—если принять все это во внимание, то станут понятными социально-экономические корни антигосударственного с анархическим оттенком федерализма[2].

Ведь, чрезвычайно характерно, и не случайно, что кроме Украины именно колонизирующиеся «окраины» выдвинули федералистов. Во вновь заселяемых пустующих землях, в обстановке первоначального натурального хозяйства со слабым обменом, происходило воспроизводство первоначальных общественных отношений с некоторыми элементами коллективизма первоначального общественного устройства. Слабая взаимная связь отдельных, вновь возникающих поселений, отдаленных от центра, создавала здесь ту автономность, то отношение к государству, от которого удирали и которое опять протягивало цепкие лапы ко вновь заселяемым районам. Когда же на новых местах развивалась собственная торговля, когда происходила общественная диференциация, возникало и укреплялось собственное купечество, к прежней борьбе против центра прибавлялся новый серьезный мотив конкуренции местного купечества против московского—центрального (и конкуренция не только инонационального купечества), сначала проникшего на новые места самостоятельно, а потом приводившего в помощь себе московских стрельцов с воеводами и дьяками, ищущих новых «животов» для закрепления и новых «тяглых» для податей. Это были, так сказать, исторические корни федерализма в прошлом—они были реальны и для дальнейшего.

---

[1] Н. И. Костомаров, т. XVIII, стр. 672.

[2] Несомненно, здесь нужно искать внутренний корень анархических элементов мировоззрения народничества, идеологическими подготовителями которого в истории были федералисты-историки.

Федерализм и областность, несмотря на недостаточное развитие классовых противоречий в 60-е годы, об'ективно представляли интересы крестьянства, борющегося с торговым капиталом—с помещиками и с их политической организацией—самодержавием.

Москва, самодержавие, с его централизмом, напирающим на колонизирующиеся окраины в образе московского купечества, боярства, дьяков, (а потом Петербург с государственным чиновничеством), осуществлявшее и олицетворявшее эксплоатацию торгового капитала, распространявшее крепостное право—с одной стороны, и подчиняемые захватываемые национальные окраины, борющиеся против того же угнетающего московского централизма, с другой—вот социально-экономическая сущность федералистических теорий в этот период.

В Великороссии федералистические теории в общественном движении и в истории заканчивают свой первый период развития к концу XIX века. Крестьянство, в идеологии революционного движения, как рычаг общественного переустройства, уступает свое место пролетариату.

Дальнейшее развитие капитализма, усиливая пролетариат и буржуазию, укрепляя внутренние связи разных районов, создавая экономическую основу для централизма, вытесняет федерализм. Само крестьянство изменяет свой характер, теряет свою замкнутость, дифференцируется. Разоряющийся крестьянин, ставший рабочим или батраком, вываривaясь в фабрично-заводском котле, или помещичьей капиталистической экономии, разрывает с замкнутостью и отсталостью крестьянского хозяйства. Он втягивается в новую идеологию формирующегося рабочего класса. Кулацкие, богатейшие слои села связываются органически с развивающимся капитализмом. Они нуждаются в порядке, в охране накопления и эксплоатации, защищаемых государством. И все крестьянство в целом, втягиваясь в капиталистические отношения, отходит от замкнутости и натуральности своего хозяйства. Крестьянство начало изменять свое отношение к государству еще и потому, что начинало видеть в нем некоторые полезные стороны: железные и шоссейные дороги, мосты, больницы, школы и т. д. Все это вместе взятое об'ясняет нам упадок федералистических идей в русском общественном движении.

Однако в то время, когда в Великороссии вместе с развитием капитализма федерализм теряет почву, на Украине и в других национальных «окраинах», где развитие капитализма возрождало и обостряло национальный вопрос, федерализм получает новое основание, новую форму национально-государственного федерализма.

III

В России национальный вопрос начал развиваться сравнительно рано. Его идеологическое обоснование даже несколько опередило экономическое развитие промышленного капитализма во всей стране, взятой в целом. Об'яснение этого мы находим в том, что на окраинах России живет ряд национальностей, имеющих по ту сторону государственных границ отрезанные от них части, пользующиеся там большей политической свободой и более развитые в промышленном отношении. Более раннее развитие промышленного капитализма в немецкой Польше, австрийской Чехии и т. д. вызвало там национальное возрождение, которое перебрасывалось и воспринималось «русскими окраинами», естественно усиливаясь господствующим в России национальным угнетением. Пореформенная экономика с ее бурным развитием капитализма в промышленности и сельском хозяйстве делает «юг», т. е. Украину, наиболее капиталистически развитой частью России. Развитие промышленности, постройка железных дорог и т. д. усиливают торговый оборот внутри страны, вовлекая в него широчайшие крестьянские массы, вносят хозяйственное, а затем и культурное оживление в деревенскую жизнь. Крестьянство потребовало низших школ, которым нужны были учителя, умеющие преподавать на родном языке. Мелкий собственник, крестьянин, лавочник, кустарь начали нуждаться в разных видах интеллигентного труда: понадобились фельдшера, врачи, агрономы, адвокаты и вообще грамотные люди, умеющие «прошение и письмо написать». Возникла потребность в национальной интеллигенции, в национальной по форме культуре, в более понятном обучении на родном языке. А когда власть вместо удовлетворения этих потребностей дала ответ «не пущать», усилив политику обрусения, естественно получились противоположные результаты, еще более усилившие национальное движение. Старая крестьянская ненависть к государству, чиновникам, ко всему тому, что ходит в пуговицах и околышах, была помножена на национальный вопрос.

Но это уже была не старая вражда к государству, а вражда к государству «чужому». Оставались подати, оставалась земля в руках помещиков, но подати брало «чужое» государство: «кацапы» «там все строят на наши деньги, а нам дают об'едки; земля у помещиков чужих, и вместе с сахарными, винокуренными заводами она принадлежит кацапам, полякам, жидам, немцам». «Вот, если бы все это забрать и поделить между собою»—таков в общем был господствующий ход мыслей в крестьянских массах. Украинский крестьянин, продававший хлеб и раньше справлявшийся о ценах международного рынка, не мог уже быть «анархистом» в прежнем понимании. Его антигосударственность перерождалась и из отрицательного отношения к государству вообще переходила в отрицание чужого государства. Но свое государство можно построить, разрушив «единую неделимую» и создав на ее месте федерацию между разными ее частями, либо отделившись совсем.

Развитие капитализма, увеличение гнета господствующей нации на фоне неизбежного культурного роста угнетенных наций еще более обостряли противоречия. Национальное движение из пеленок культурничества вырастало в массовое движение, все более наполняясь экономическим содержанием, получая новую идеологию в лице национально-государственного федерализма, как переходной ступени к полной самостоятельности.

Некоторые, правда, незначительные элементы этого перерождения можно заметить даже у Костомарова, умереннейшего в своих требованиях, явно не удовлетворявшего еще тогда запросов растущего национального движения: «Нам надоела давно,—пишет он,—усвоенная в России и на все лады расхваленная система устраивать все под один уровень; нам, напротив, захотелось жизни самобытной. Начали у нас словесно и печатно прославлять децентрализацию... И право на своеобразную физиономию сообразно историческим и этнографическим и экономическим условиям»[1]. Костомаров, писавший это в 70-х годах, не хотел еще, вернее, боялся сказать о причине этих желаний. Драгоманов уже выступил более решительно, а через несколько десятилетий М. С. Грушевский заявляет уже прямо: «В нынешних условиях производительные силы Украины — результат труда ее национальных масс—расходуются ее привилегированными классами и правительством на цели, отчасти чуждые ее интересам, отчасти глубоко враждебные

[1] Н. И. Костомаров, О козаках, т. XIV, с. 716.

последним... Правительство, эксплоатируя до последней возможности платежные силы украинского населения, возвращает Украине всего около половины собираемых с нее средств, но и возвращаемое предназначает не на развитие продуктивных сил, не на нужды культурного развития населения, а на укрепление враждебного народной нации режима» [1].

А в другом месте М. Грушевский, не стесняясь, еще более резко заявляет: «Не только культурно-национальные, но и чисто экономические условия местной жизни таковы, что требуют самостоятельной хозяйственной политики в виду коренных отличий этих условий от условий в сев.-зап. и сев.-восточных областях России». И в заключение Грушевский напоминает: «Напомню, что украинская территория имеет свои специальные отрасли земледельческой культуры (пшеница, ячмень, свекла, табак), свои особые ветви промышленности... свои запасы минерального топлива и строительного материала, свои богатые залежи металлов и горную промышленность, стоящую на первом плане в России. Естественные условия заставляют ее торговлю тяготеть к «своему» морю Черному, открывшему перед ней свои среднеевропейские рынки» [2]...

Как мы видим, Грушевский для обоснования федерализма не нуждается в идеализации прошлого. Более сильные аргументы днепровской и донецкой металлургии и угля, криворожской руды и пшеничного экспорта заменили обоснование от Новгорода, Запорожской Сечи и борьбы «двух начал». Новые времена, новые песни и новый федерализм, перерастающий свои прежние рамки. Грушевский говорит уже не только о федерации, но и выдвигает вопрос об отделении. Он указывает, что все заверения о неразрывности связи Украины с Великороссией и т. д. мало убедительны, так как они суть заверения отдельных лиц, а во-вторых, «клятвы на кандалах, которые даются невольниками перед выпуском их на свободу, не внушают особого доверия». Жизнь идет и развивается своей стихийною силою, берет верх над трактатами и формами, и Грушевский приходит к выводу: «Полная самодеятельность и независимость является последним ло-

---

[1] М. С. Грушевский, статья в сб. «Формы национального движения в современном государстве», под редакцией А. Кастелянского, с. 319—320.

[2] М. С. Грушевский, там же, с. 321.

гическим завершением запросов национального развития и самоопределения всякой народности, занимающей определенную территорию и обладающей достаточными задатками и энергией к развитию... От стремления к созданию собственного государства может удерживать только сознание, что принадлежность к данному государственному союзу дает слишком осязательные выгоды и удобства»[1].

Если Костомаров в 60-х годах в статье «Задачи украинофильства» указывает, что важнейшим делом в настоящее время является издание хорошего малорусского словаря и грамматики, а «обстоятельства впереди укажут, что должно писать далее», то Грушевскому через 30 лет обстоятельства уже указали.

Все это, несомненно, являлось отражением изменения социальной базы украинского национального движения. Если в первом периоде социальной базой федерализма являлось крестьянство вообще, находившее своих идеологов или в своих собственных выходцах, или большей частью в разночинной интеллигенции, питаемой низшими слоями чиновничества и разоряемого дворянства, то в дальнейшем, с развитием капитализма, с ростом зажиточной кулацкой части крестьянства появляются новые элементы, питающие национально-государственный федерализм. Зажиточная часть крестьянства, посылая своих детей в городские в средние школы, выделяла кадры новой интеллигенции. Сюда нужно прибавить пригородных крестьян растущих украинских городов, обслуживающих их своей продукцией животноводства и огородничества, часто живущих на самых окраинах городов и составлявших переходную ступень к городскому националистическому мещанству. Вот все эти слои, вышедшие из рядов городского мещанства и зажиточного крестьянства, сумевшие получить кое-какое образование, начиная с 80-х годов, в течение нескольких десятилетий заполняют низшие и средние звенья государственного аппарата и всевозможных учреждений, почты, железных дорог, земств, потребительской, сельскохозяйственной и кредитной кооперации и т. д. Но это медленное заполнение охватывает только низшие и отчасти средние должности. Все высшие, наиболее

[1] М. Грушевский, сборник статей «З біжучої хвилі», с. 47.

хорошо оплачиваемые места все-таки находились «в чужих руках», и вокруг них происходила скрытая борьба, незаметная, молекулярная, но имевшая большое значение для обострения национального движения. Кулацкое крестьянство выделяло, с одной стороны, укрупняющееся землевладение (50—100—150 дес.), и, с другой, торговый капитал, вырастающий из деревни, перерастающий в промышленный, которому нужно было завоевать положение на рынке, занятом чужими. Происходит процесс формирования украинской буржуазии.

Национальное движение наполняется глубоким экономическим содержанием.

Сравнительно широкие слои новой служилой украинской интеллигенции выдвинули своих идеологов, наметивших новую, более резкую и решительную национальную политику. Обострившаяся национальная борьба оставила далеко позади первые робкие требования свободы культурного развития и перешла к социально-политическим и экономическим требованиям. В тесной связи с этим автономизм и федерализм становятся не самоцелью, а только переходной ступенью к полной государственной самостоятельности.

Вместе с изменением социальной базы федерализм в некоторой степени теряет свой демократический характер, перерождается, начиная отражать интересы самостоятельного капиталистического развития угнетенных наций. С одной стороны, он стремится к эмансипации от капитализма великодержавной нации и в этой борьбе опирается на трудовые массы; с другой, он уже начинает приобретать специфические черты нарождающейся буржуазии.

В 1918 г., излагая программу независимой Украины, Грушевский выдвигает лозунг «Великой Украины». «Обстоятельства сложились так,— пишет он,— ...что мы можем создать не только свободную и независимую Украину, но и Украину Великую». Правда, М. Грушевский сразу же оговаривается, что он не хочет украинского империализма, что если он хочет «для Украины экономической, вооруженной и культурно-интеллектуальной силы, то это для того, чтобы вполне достичь и обеспечить возможность морально-социального развития» украинского народа. Мы не сомневаемся в демократизме Грушевского, однако, история показала, куда растут такие теории. Каждое молодое национальное движение, выдвигая после своих первых побед и достижений лозунг «великой», будь ли то Германия, Чехия, Польша,

искренне думало, что этот лозунг выдвигается для развития высших духовных и моральных ценностей, которые заложены в данном народе. Однако, в дальнейшем развитии движения являлись новые люди, для которых «Великая» должна была выполнить не столько высокие моральные начала, сколько цели и вещи, значительно более осязательные и материальные: проливы, колонии, «справедливое» расширение границ и т. д. Так уже исторически сложилась традиция, таково уже разделение труда, что одни говорят о «морально-социальных ценностях», а другие делают националистически-империалистическое дело. Это ярко показали Польша, Сербия, Чехо-Словакия, это даже отчасти показали сами руководители «Украинской народной республики» в период ее недолгого существования.

Итак, «Великой Украиной» заканчивается процесс перерождения федерализма. Сначала федерализм выступает как общий принцип общественно-государственного устройства, затем он ограничивается и применяется только во внешних сношениях с другими народами; потом происходит фактически отказ от федерации и требование независимости, а потом на смену «независимости» появляется лозунг «Великой Украины», Великой Грузии, Великой Чехии и т. д. Таковы звенья диалектического развития одного из политических течений общественной мысли — федерализма. Мы иллюстрировали этот процесс на примере национального движения Украины, но он характерен, типичен и для других национальностей.

ГЛАВНЕЙШАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Общие работы и статьи

1. В. Ленин.—Национальный вопрос, т. XIX.
2. Его же.—Государство и революция, т. XIV, ч. 2.
3. К. Маркс.—Тт. XII и X, статьи по восточному вопросу, панславизму в балканских делах и английской внешней политике.
4. Письма К. Маркса и Энгельса под редакцией Адоратского.
5. Архив К. Маркса и Ф. Энгельса.—Книга 1, письма к Бернштейну.
6. „Ленинский сборник" № 3, письма и заметки Ленина по национальному вопросу.
7. К. Маркс и Ф. Энгельс.—О праве, сборник.
8. Сталин.—Статьи по национальному вопросу в журн. „Просвещение"
9. Отто Бауэр.—Национальный вопрос и социал-демократия.
10. К. Каутский.—Национальные проблемы.

11. К. Каутский.—Освобождение наций.
12. А. Ященко.—Теория федерализма.
13. В. Соловьев.—Национальный вопрос в России.
14. Формы национального движения в современных государствах. Сборник под редакцией А. Кастелянского.
15. М. Н. Покровский.—История России, тт. I и II.
16. Его же.—Очерки истории русской культуры.
17. В. Ключевский.—Курс русской истории, тт. I и II.
18. М. К. Любавский.—Лекции по древней русской истории.
19. Его же.—История западных славян.
20. Его же.—Очерк истории литовско-русского государства.
21. С. Соловьев.—Сборник статей, 1882 г.
22. А. Щапов.—Собрание сочинений, т. I (ряд статей).
23. В. И. Семевский.—Политические и общественные идеи декабристов.
24. В. И. Семевский.—Кирилло-Мефодийское братство.
25. Н. Муравьев.—Библиотека декабристов.
26. Бакунин.—Собрание сочинений, т. I.
27. С. Ефремов.—Історія украинського письменства.
28. О. Ефименко.—История украинского народа.
29. Н. Барсуков.— Жизнь и труды М. П. Погодина, тт. 17, 18, 19, 20, 21.
30. Завитневич.—А. Хомяков.
31. А. С. Хомяков.—Собрание отдельных статей и заметок.
32. Его же.—Соч., т. I.
33. А. Н. Пыпин.—Панславизм в прошлом и настоящем.
34. Н. И. Костомаров.—Автобиография.
35. Его же.—Мысли о федеративном начале древней Руси.
36. Его же.—Две русские народности.
37. Его же.—Начало единодержавия в древней Руси.
38. Его же.—О значении Великого Новгорода.
39. Его же.—О значении критических работ К. Аксакова по русской истории.
40. Его же.—Смутное время Московского государства.
41. Его же.—Богдан Хмельницкий.
42. Его же.—Последние годы Речи Посполитой.
43. Его же.—Украинофильство.
44. Его же.—Задачи украинофильства.
45. Его же.—Об отношении русской истории к географии и этнографии.
46. Его же.—О казаках.
47. Его же.—Петр Великий.
48. Его же.—Лекции по русской истории (составлены Гайдебуровым).
49. Его же.—Ряд других статей, рецензий и заметок.
50. Н. Рожков.—Происхождение самодержавия в России.

51. М. П. Драгоманов.—Историческая Польша и великорусская аристократия, 1-е парижск. издание.
52. Его же.—Собрание статей, Соч., т. II.
53. Его же.—М. А. Бакунин.
54. Его же.—Автобиография.
55. Соболевский.—Очерки по истории русского языка.
56. Максимович.—О мнимом запустении Украины, Соч., т. I.
57. Г. В. Плеханов.—История русской общественной мысли, т. I.
58. Ю. Стеклов.—Прудон—отец анархии.
59. М. С. Грушевский.—История Киевской Руси от смерти Ярослава.
60. Его же.—Очерк истории украинского народа.
61. Его же.—История Украины-Руси, тт. I, II, V, VI, VII.
62. Его же.—Украинский вопрос и освобождение России. Сборник статей.
63. Его же.—Наша политика. Сборник статей.
64. Его же.—З біжучої хвилі. Сборник статей.
65. Его же.—Сборник, посвященный Драгоманову.
66. Его же.—Звичайна схема русскої історії й справа национального укладу історії східного словенства.
67. Сборник статей по славяноведению. Издание Академии наук.
68. М. С. Грушевский.—Ряд статей, рецензий, помещенных в „Записках наукового товариства імені Шевченко".

Журналы

69. „Вестник Европы", 1866, 67, 81, 82 ряд номеров.
70. „Русское богатство", 1911 г. №№ 5 и 6.
71. „Основа", комплект 1961—62.
72. „Украинский вестник", комплект.
73. „Украинская жизнь", комплект.
74. „Літературно-науковий вістник".
75. „Нова громада", комплект.
76. „Былое" 1906 г., книги 3, 5, 6 и др.
77. „Записки наукового товариства імені Шевченко", Львов.
78. „Колокол", комплект.

О. А. ЛИДАК

П. Н. МИЛЮКОВ КАК ИСТОРИК

ВВЕДЕНИЕ

Писать о Милюкове как об историке России—задача весьма неблагодарная, ибо собственной исторической схемы он не имеет, по всем важнейшим вопросам исторического процесса повторяет уже сказанное своими предшественниками — Соловьевым, Чичериным и, главным образом, Ключевским. Влияние Ключевского на Милюкова последний определяет следующими словами: «В. О. Ключевский построил для нас мост от тех методов изучения и понимания, которые мы привыкли считать последним словом европейской науки, к тем методам и приемам, при помощи которых он сам нето об'яснял, нето строил русскую историю. Мы взяли от него сразу и метод, и самые результаты... Через Ключевского мы впервые поняли русскую историю... Нам казалась совершенно устаревшей схема деления русской истории по узко-юридическим признакам. Смена «родового быта» государственным, хотя бы даже и осложненная переходным периодом «вотчинного» или «частного» владения,—эта схема Соловьева, Кавелина и Чичерина нас уже не удовлетворяла. Она представлялась нам слишком отвлеченной, витающей где-то высоко над конкретными явлениями исторической жизни. В. О. Ключевский ответил на наши сомнения тем, что низвел схему русского исторического процесса в самую гущу конкретных явлений. Его построение казалось нам выводом, непосредственно вытекающим из наблюдения и исследования. Вот почему оно так сразу нас захватило» [1].

Писать о Милюкове, как об историке русской революции, еще труднее. Если он писал свои исторические исследования в сравнительно спокойное время и стремился быть об'ективным (поскольку это воз-

---

[1] «В. О. Ключевский. Характеристики и воспоминания», сб. статей, с. 186-87, 192.

можно) исследователем, то, по отношению к его последней исторической работе «История второй русской революции», этого отнюдь сказать нельзя. Выброшенный из России великой Октябрьской революцией, вождь и идеолог империалистической буржуазии, весь пропитанный жгучей ненавистью и злобой против рабоче-крестьянской революции и всех ее участников, он потерял всякую меру об'ективности, и его «История» является не чем иным, как политическим пасквилем, написанным против политических противников с целью оправдать свою политику в 1917 году и найти виновников крушения заветных идеалов русской буржуазии.

Тем не менее, Милюковым, как представителем империалистической буржуазии, заниматься следует. Хотя в основных вопросах русского исторического прошлого он придерживается взглядов своих буржуазных предшественников, но все-таки он вырос и стал политической фигурой в другой исторической обстановке; его главные исторические работы вышли из-под пера в начале 90-х годов, в эпоху пробуждения русского либерализма и кокетничания последнего с марксизмом (легальный марксизм). Нельзя было удержаться на уровне взглядов 80-х годов; монизм и материализм стали теснить идеалистическую и метафизическую философию; оставаться при старых взглядах уже нельзя было, признать диалектический материализм, с его борьбой классов и отрицанием частной собственности, тоже нельзя было; нужно было создать что-то среднее, и в результате получилась амальгама, смесь разных взглядов, типичный эклектизм. Выдающимся представителем этого течения и является П. Н. Милюков.

I. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ МИЛЮКОВА

По вопросу о том, что лежит в основе развития человеческой истории, идея или экономика, Милюков является типичным эклектиком «Еще не так давно, — пишет он, — в основу исторического процесса историки полагали развитие духовного начала; в последнее время господствовало противоположное мнение, по которому материальные условия производства определяют все содержание истории. Оба эти взгляда представляются нам одинаково односторонними, спор о первенстве того или другого элемента культурной истории кажется нам тоже не особенно плодотворным. С точки зрения науки—нет причин главных и

необходимых, случайных и второстепенных. Есть только причины с более широким и с менее широким кругом действия, причем ни об одной категории причин нельзя утверждать заранее, как широка или как ограничена окажется сфера их влияния в каждом данном случае [1].

Историк, по мнению Милюкова, с одинаковым вниманием должен изучать как нос Клеопатры, так и экономическое положение Римской империи, ибо единой, основной движущей силы нет, и только после тщательного взвешивания всевозможных причин он (историк) в состоянии констатировать, что в данном случае лежало в основе—женская красота или экономическое состояние страны, идея или экономика.

Рассматривая роль вождей в истории и их отношение к массе, Милюков пишет, что при той бессознательности и стихийности, с которой совершалась до сих пор всегда и везде общественная эволюция, только личности совершали общественно-целесообразные поступки. Но эти действия личности всегда наталкивались на косность массы, и отдельные целесообразные поступки не влекли за собой прочных результатов.

Постоянно происходит столкновение воли сознательных элементов, вождей с косностью масс. До каких пор это будет продолжаться, неизвестно, «но путь, которым можно притти к замене стихийного исторического процесса сознательным, может быть только один: постепенная замена общественно-целесообразных поступков отдельных личностей общественно-целесообразным поведением массы» [2].

По вопросу о монизме Милюков пишет: «В этом протесте против скрытого дуализма учения «суб'ективной школы» заключается, как нам кажется, важная заслуга направления, получившего в последнее время название «экономического материализма». Но вместе с принципиальной защитой монизма, с которой мы не можем не согласиться, экономический материализм сделал попытку собственного монистического истолкования истории, против которой приходится возражать. Монизм требует строгого проведения идей закономерности в социологии, но он нисколько не требует, чтобы закономерное об'яснение социологических явлений сводилось к одному «экономическому фактору» [3].

Материальный характер экономического фактора, пишет он, есть только кажущийся, на самом деле явления человеческой экономики

[1] «Очерки по истории русской культуры», ч. 1, изд. 5-е, с. 3 и 4.
[2] Там же.
[3] Там же, часть 2, изд. 4-е, с. 3.

происходят в той же психической среде, как и все другие явления общественности. Экономический материализм сыграл важную, но временную роль. «Но для собственного, вполне научного социологического об'яснения—основной принцип экономического материализма оказался слишком узок и догматичен» [1].

Совершенно неправильно выводить «духовное» из «материального» точно так же, как и противопоставлять одно другому: «можно в известном смысле согласиться, что весь процесс человеческой эволюции совершается под влиянием могущественного импульса необходимости приспособиться к окружающей среде. Но отношения человека к окружающей среде не ограничиваются одной только экономической потребностью. В человеческой психике отношения эти являются настолько уже диференцированными, что историку приходится отказаться от всякой надежды свести все их к какому-то первобытному единству» [2]. Эволюция так называемых «духовных» потребностей имеет свою собственную внутреннюю закономерность. «Вот почему и в наших «Очерках» мы будем следить теперь за развитием теоретического и нравственного миропонимания независимо от изменения в удовлетворении экономической потребности» (разрядка наша—*О. Л.*) [3].

Философия истории нашего времени, по Милюкову, не прилагает к об'яснению истории ни богословской целесообразности, ни даже философской в полном об'еме, но все-таки и она так же отжила свой век, уступая место теоретической и прикладной социологии. В основе научного об'яснения истории должна лежать идея закономерности исторического процесса: «применение идей закономерности необходимо вытекает из современного взгляда на мир, точно так же, как идея целесообразности вытекала из старого мировоззрения. Мы принимаем закономерность исторических явлений совершенно независимо от того, может ли история открыть нам эти искомые законы. Если бы даже нам никогда не суждено было открыть ни одного исторического закона, мы по необходимости, должны были бы все-таки утверждать, что общественные явления, как и всякие другие,—не беспричинны» [4].

---

[1] «Очерки по истории русской культуры», ч. 2, с. 4.
[2] Там же, с. 5.
[3] Там же, с. 5.
[4] «Очерки по истории русской культуры», ч. 1, с. 8.

Сложность исторических явлений такова, что вполне естественно усомниться в самом существовании специальных исторических законов. Мы легко принимаем за исторический закон такие сочетания явлений, которые требуют еще дальнейшего, более глубокого анализа. «Легко может оказаться, что и выделенные нами факторы, в свою очередь, будут не простыми элементами, а сложными равнодействующими более элементарных сил. Мы остановимся на этом анализе только тогда, когда дойдем до элементов, известных нам из ближайшей соседней области знания, т. е. когда увидим, что явления общественной жизни находят себе об'яснение в психологии и вместе с последней опираются на все здание закономерности более простых явлений мира, — физических, химических или физиологических» [1]. Сочетания элементов при бесконечной сложности явлений будут бесконечно разнообразны, и закономерности надо искать, прежде всего, в действиях отдельных элементов, а потом уже в их сочетаниях. Таким образом, необходимо выделить из сложного социологического итога отдельные слагаемые и определить сферу их действия.

«Основная закономерная тенденция есть только один из факторов исторического процесса: нигде и никогда эта тенденция не осуществляется в своем чистом беспримесном виде...

В чистом своем виде внутренняя тенденция социального процесса есть только отвлеченная возможность. Чтобы перейти из возможности в действительность, эта тенденция должна преломиться в призме реальных условий исторической жизни. Под влиянием данных географических, климатических, почвенных и других условий, основное направление исторической жизни может разнообразиться до бесконечности, до полной невозможности распознать среди всевозможных вариаций одну и ту же подкладку» [2].

В спорах славянофилов с западниками, — пишет Милюков, — «общественный идеал выводился из абсолютного и неизменного народного самосознания, проявления которого искали в истории. Но современный исследователь не может больше верить в эту абсолютность и неизменность. Общественное самосознание для него есть нечто изменяющееся соответственно изменениям общественного порядка...

---

[1] «Очерки по истории русской культуры», ч. 1, с. 9.

[2] Там же, с. 12.

Мы не верим более ни в какие исторические санкции и ищем оправдания того или другого современного идеала исключительно в его соответствии потребности настоящего и будущего»[1]. Каждый общественный строй, по Милюкову, создает свое общественное самосознание, совершенно от него неотделимое и вместе с ним изменяющееся. Только непрерывность существования известного строя могла бы обеспечить наличность действительно живучей традиции, но именно этой непрерывности Милюков в истории России и не видит.

Читатель, наверное, спросит, что же в конце концов с точки зрения Милюкова является движущей силой общественного закономерного процесса? От кого же получает это движение первоначальный толчок? «Мы об'ясняем,—продолжает Милюков,—необходимость какого-либо переворота теми или другими внешними, об'ективными причинами, а за человеком или, вернее сказать, обществом оставляем лишь чисто передаточную роль исполнителя предначертаний, предустановленных об'ективными причинами»[2].

Государство возникло потому, что «надо было защищать собственное существование, следовательно, надо было найти для этого средства. Для этого надо было вызвать их, создать, если их не оказывалось налицо; для этого приходилось, хотя бы искусственно, развивать общественную самодеятельность. Таким образом, благодаря настоятельным государственным потребностям, и создалось всемогущее государство на самой скудной материальной основе; вследствие самой этой скудости оно должно было напрягать все силы своего населения, а чтобы распоряжаться всеми силами его, оно и должно было сделаться всемогущим»[3]. Нельзя исключать из об'яснения исторических процессов общественной психологии; но мы видим, как наличное состояние «общественных сил», при данных условиях, выразилось в действиях власти, как наиболее сознательного тогда выразителя коллективного «общественного сознания»[4].

Русское национальное самосознание могло развиться лишь на почве политического об'единения русской национальности. Необходимость процесса политической эволюции мы можем предполагать, как

---

[1] «Очерки по истории русской культуры», ч. 3, изд. 3-е, с. 16.
[2] Там же, с. 20.
[3] Там же, с. 22, 23.
[4] Там же, с. 23.

само собой разумеющуюся. Среди многих условий этого процесса более необходимым, менее случайным является фактор внешней опасности, воздействовавший на внутреннюю эволюцию власти. «Хотя можно представить себе отвлеченную возможность создания государства исключительно внутренним процессом, тем не менее в действительности этот внешний фактор так же распространен, как зародыши всевозможных болезней в окружающей атмосфере. Стало быть, действительный процесс политической эволюции всегда и везде совершался при наличности этого фактора внешней опасности» [1].

Говоря о суб'ективных факторах истории, нужно иметь в виду их относительное значение, идут ли эти факторы вразрез, или, наоборот, в одном направлении с внутренней тенденцией данного исторического процесса. «Наше суждение о целесообразности русской политической эволюции нельзя толковать ни в смысле предустановленной целесообразности самого исторического процесса, ни в смысле сознательного установления русским обществом XIV века самодержавного государственного строя... Московское самодержавие было подготовлено длинным процессом, в основе которого лежала не общая идея о необходимости сильного государства, а частные, своекорыстные стремления враждовавших между собою князей, и сами московские великие князья могли ставить общегосударственные задачи своей политике только после того, как в их руках скопилось достаточно для этого силы». Нельзя думать, что это было творением свободной воли соперничавших между собою князей. Общественный результат этого соперничества находился несомненно вне сферы их личного сознания. Это отнюдь не отрицает наличность внутренней тенденции, необходимо присущей везде, где этот процесс политической эволюции имеет возможность совершиться.

Вопросу о плотности народонаселения, как одному из факторов внутренней тенденции, Милюков придает огромное значение, он считает, что население каждой страны имеет склонность увеличиваться само собой, стихийно, автоматически. «От количества населения в стране, — продолжает он, — зависит степень экономического развития данной страны. Чем гуще населена известная местность, тем больше труда может проявить население, тем лучше оно может распределить между собой этот труд, тем больше оно может накопить сбережений,

[1] Милюков, Очерки, с. 24.
[2] Там же, с. 25.

необходимых для того, чтобы создать или улучшить орудия и с их помощью извлечь из наименьшего количества труда наибольшую пользу [1]».

Таковы в сжатом виде социологические взгляды Милюкова.

Теперь попробуем вкратце проанализировать только что изложенные «разносторонние» взгляды нашего профессора. Во-первых, как это обыкновенно делают буржуазные ученые, г. Милюков излагает марксизм крайне невежественно и неверно, что свидетельствует о том, что он, хотя и критикует марксизм, в марксизме мало смыслит. Он пишет: «...противники свободной личности (т. е. марксисты—*О. Л.*) игнорируют сложность социально-психологической организации человеческого общества и превращают всю область социальных явлений в белую доску, на которой экономический быт беспрепятственно проводит первые штрихи» [2]. Изложив таким образом марксистский взгляд, он приступает к его опровержению, резонно доказывая, что есть вещи и кроме экономики, которые тоже кое-что значат. Признавши теорию «факторов» (у него 3 основных фактора — внутренний, окружающая среда (или внешний фактор) и человеческая личность), он теорию «факторов» приписывает марксизму, который, якобы, делит эти «факторы» на важные и неважные, выдвигая экономический «фактор», как единственно важный. Совершенно очевидно, что «марксизм» Милюкова очень далек от подлинного марксизма, который заключается вовсе не в том, чтобы отрицать идеологию и надстройки вообще, считать их за несуществующую величину, не имеющую никакого значения, а в том, чтобы об'яснить их.

Нисколько не отрицая значения надстроек, идеологии, их взаимодействия и обратного влияния на экономическую основу, исторический материализм утверждает, «что бесконечные взаимозависимости между различными частями общества нисколько не устраняют основной (действующей «в последнем счете»), самой глубокой зависимости всех общественных явлений от развития производительных сил; что множественность причин, действующих в обществе, нисколько не противоречит существованию одной единой закономерности общественного развития» [3].

[1] Милюков, Очерки, ч. 1, с. 21.

[2] Там же, ч. 2, с. 4.

[3] Н. Бухарин, Теория исторического материализма, 1922, с. 266.

Для опровержения теории «факторов» г. Милюкова ограничимся небольшой цитатой из статьи Плеханова «О материалистическом понимании истории», где, возражая г. Кудрину, Плеханов писал следующее: «С тех пор как появилась «Критика критической критики», и особенно со времени выхода в свет известной книги: «Zur kritik der politischen Oekonomie», препираться об относительном значении различных социально-исторических факторов могли только отсталые в теории люди... Но как бы ни была законна и полезна в свое время теория факторов, она не выдерживает теперь критики. Она расчленяет деятельность общественного человека, превращая различные ее стороны и проявления в особые силы, будто бы определяющие собою историческое движение общества. В истории развития общественной науки эта теория играла такую же роль, как теория отдельных физических сил в естествознании. Успехи естествознания привели к учению об единстве этих сил, к современному учению об энергии. Точно так же и успехи общественной науки должны были повести к замене теории факторов этого плода общественного анализа синтетическим взглядом на общественную жизнь»[1].

На с. 9 первой части «Очерков» Милюков писал, что для того, чтобы добраться до корней явлений, необходимо подвергнуть анализу отдельные элементы явлений мира, вплоть до «физических, химических или физиологических». Эти вскользь оброненные фразы безусловно подтверждают правильность мысли М. Н. Покровского о налете у Милюкова легкого привкуса Щаповского домарксистского материализма[2].

По вопросу о народонаселении г. Милюков стоит на той точке зрения, что рост населения влечет за собой увеличение количества средств пропитания. «Напряженность труда, прилагаемого к данной единице площади, необходимо будет возрастать по мере увеличения населения. Вместе с увеличением количества труда явится техническая возможность или даже необходимость — изменить его форму»[3].

Никто не станет отрицать закономерности между ростом народонаселения и развитием производительных сил, но здесь налицо зако-

[1] Г. В. Плеханов, Собр. соч., т. VIII, с. 242 и 245.

[2] М. Покровский, Русская история в самом сжатом очерке, ч. 1 и 2, 1922, с. 205.

[3] Милюков, Очерки, ч. 1, с. 11.

номерность обратного порядка, а именно от степени развития производительных сил зависит возможность численного прироста населения. Увеличение народонаселения предполагает развитие производительных сил общества, и каждая эпоха, разнообразное положение классов, создают особые законы народонаселения. «...Всякому особому историческому способу производства свойственны свои особенные, имеющие историческое значение, законы населения. Абстрактный закон населения существует только для растений и животных, пока в эту область исторически не вмешивается человек» [1].

По вопросу о том, как до сих пор развивалась человеческая история и каковы пути дальнейшего развития, Милюков считает, что до сих пор только отдельные личности совершали общественно-целесообразные поступки, но они всегда наталкивались на косность массы; он пишет, что с распространением образования и сознательности произойдет постепенная замена «общественно-целесообразных поступков отдельных личностей—общественно-целесообразным поведением массы». В этом вопросе Милюков высказывает взгляды типичного культурника-либерала, который полагает путем распространения грамотности излечить язвы капиталистического строя. Кстати сказать это писалось в периоде, когда он был председателем «Комиссии по организации домашнего чтения».

Итак, по мнению Милюкова, экономический материализм узок, догматичен, устарел. В основе исторического процесса лежит масса разных факторов, нет причин главных и второстепенных, все причины одинаково важны. И поэтому можно изучать развитие разных идеологий независимо от хода экономического развития. Г. Милюков против материализма, но за монизм, понимая последний, как особую, самодовлеющую внутреннюю закономерность социального развития, в основе которого лежит либо экономический, либо биологический, либо психологический или какой-либо другой фактор. Если марксисты говорят о закономерности, то у них закономерность совершенно другого порядка, чем у Милюкова, они говорят не о закономерности вообще, а о причинной закономерности, о связи явлений, не имеющей ничего общего с милюковским абстрактным «фактором» закономерности. Как читатель уже заметил, возникновение государства Милюков об'яснит

[1] К. Маркс, Капитал, т. I, Гиз, 1920, с. 619.

по Соловьеву, придавая государству значение коллективного носителя общественного сознания, другими словами, повторяя тезис Чичерина, «что только в государстве может развиваться и разумная свобода и нравственная личность».

Возможно, что с такой эклектической похлебкой можно действовать в кулинарном искусстве, но для исторического исследования этот метод совершенно негоден, ибо история человечества есть строго причинно обусловленный процесс, черпающий свою силу из одного основного источника—из поступательного развития производительных сил. Допуская хоть на минуту действие «разных» неизвестных факторов в истории, мы должны будем отказаться от понятия истории, как причинно закономерного процесса; история перестанет быть наукой, исследующей законы развития человеческого общества, и превратится в альбом разных картинок и анекдотов, который можно без всякого труда перелистывать с любого конца.

В отличие от своих учителей Соловьева и Ключевского, которые рассматривали историческое развитие России как диалектический процесс, Милюков не признает взаимной связанности развития одних общественных форм от других: «непрерывности мы в данном случае и не видим» [1].

По его теории Россия развивалась и двигалась вперед только толчками, полученными извне. Вследствие этих толчков, развитие всегда начинается на новой основе, связь со старой традицией обрывается, и получается разрыв интеллигенции с народом, поэтому и всякий общественный переворот в истории России бывает насильственным и жестоким. Из его же теории мы знаем, что одной основной, движущей вперед человечество причины нет, а действует масса разных факторов и причин, которые все одинаково важны, и, так как возникновение и действие этих причин очень сложны, порой даже неузнаваемы, то и получается, что история движется вперед какими-то толчками, получающими свою силу из неизвестного нам источника.

Эта теория факторов г. Милюкова очень близка к поповщине и, по сравнению со стройной теорией, хотя и идеалистической, его учителей, является шагом не вперед, а назад и научного значения не имеет.

[1] Милюков, Очерки, ч. 1, с. 18. В данном случае речь идет о возникновении Московского государства.

В социологических взглядах г. Милюкова полностью отражаются настроения и переживания современного обывателя. Мещанину нужно всего понемножку, ему и немножечко экономики подавай, ему и психологический «фактор» кажется важным, а без естественно-научных знаний совсем обойтись нельзя, поэтому нужно говорить и о физике и о химии. Меткую характеристику взглядов мелкобуржуазной интеллигенции дает тов. Деборин, например: «Представляет ли собою мир единое или многое? Царит ли в нем свобода или необходимость? Лежит ли в основе его материальный принцип или духовный? Все это—одинаково правомерные точки зрения на мир — и споры о них бесконечны» [1].

II. СХЕМА РУССКОЙ ИСТОРИИ г. МИЛЮКОВА

Рассматривая русский исторический процесс, Милюков строит схему следующим образом: «Изучая культуру любой западноевропейской страны, мы должны были бы начать с экономического строя, а потом перейти к изучению государственной организации. Относительно России удобнее будет принять обратный порядок, т. е. с развитием государственности познакомиться раньше, чем с развитием социального строя» [2]. Это необходимо по той причине, что в России государство имело огромное влияние на общественную организацию, тогда как на Западе общественная организация обусловила государственный строй. Чтобы это стало понятным, по мнению Милюкова, необходимо провести некоторую параллель между ходом исторического процесса на Западе и у нас.

«Социология показала, что всякое человеческое общество непременно проходит через три ступени в своем развитии. Первая ступень— это быт племенной, в котором государства еще нет, и люди связаны между собой кровной связью—родством, либо настоящим, либо придуманным. На второй ступени является уже государственная связь, но она еще очень не крепка, и вместо целого большого государства,— общество раздроблено на множество маленьких, в которых господствуют крупные собственники, завладевшие общинными и племенными

---

[1] Деборин. Введение в философию диалектического материализма, Гиз, 1922, с. 336.

[2] Милюков, Очерки, ч. 1, с. 133.

землями и вооружившие своих слуг, чтобы вместе с ними защищать своих подданных и нападать на чужих. Эта вторая ступень называется феодальным бытом. На третьей ступени один самый сильный или самый ловкий хищник уничтожает или покоряет остальных и подчиняет своей власти все население одного языка и одной веры, создавая, таким образом, единую нацию и организуя постоянное войско для защиты государства. Эту третью ступень и можно назвать военно-национальным государством. Конечно, и это — не последняя ступень. Мало-по-малу военная деятельность такого государства ослабевает, уступая место мирному развитию промышленности». «Таким образом военно-национальное государство превращается в промышленно-правовое».

«Конечно, и Россия переживала те же ступени политического роста, как и все другие цивилизованные государства. Был и в ней племенной быт... Был и феодальный быт. Потом, четыреста лет тому назад, Россия об'единилась в руках одного владельца—московского князя.. Как и всюду, наше военно-национальное государство постепенно превращается и, даже на наших глазах, в промышленно-правовое» [1].

Понятно, пишет Милюков, что не все у нас пошло точка в точку, как в других государствах. Основное отличие у нас заключалось в том, что не было таких крупных земельных владельцев, которые захватили бы все права государей. «Другими словами, у нас феодальный быт был слабее» [2]. Это произошло потому, что еще в эпоху племенного быта старейшины не успели расхватать общинных и племенных земель. Когда пришли на Русь первые князья, они нашли здесь общество недифференцированным, и племена прямо подчинились завоевателям. Когда князьям понадобилось войско, они стали раздавать эти земли своим военно служащим вместо жалованья. Таким образом, когда у нас появились крупные поземельные собственники, они уже находились в зависимости от князя. Поэтому и легко было основать национальное военное государство.

«Причина сравнительно позднего политического развития заключается, несомненно, в слабости или отсутствии внутренних пружин,

---

[1] П. Милюков, Исконные начала и требования жизни в русском государственном строе, с. 3 и 4.

[2] Там же, с. 5.

приводящих в движение весь процесс политической эволюции. Этих пружин политического прогресса мы должны искать в эволюции экономического и социального строя»[1].

Социально-экономическую эволюцию на Западе, по мнению Милюкова, мы можем представить в следующем виде: «Племенная стадия быта приходит к концу, когда влиятельным семьям племени удается добиться местной власти и сделаться собственниками обширных владений, тогда как прочие владельцы превратились в зависимых арендаторов или даже полукрепостных. Общинная собственность на землю уступила место режиму частной собственности».

«Таким образом, образование крупного землевладения можно считать той внутренней пружиной, которая вызвала замену племенного быта феодальным»[2]. Там, где такой внутренней пружины не было, жизнь застопорилась до тех пор, пока явилась пружина внешняя — война и торговля, увеличивая разницу в богатстве и силе между отдельными членами племени. Но в таком случае запоздалые элементы политической власти, привнесенные извне, ложатся над племенной массой без всякого промежуточного звена туземной аристократии. В результате не только замедляется наступление периода феодального быта, но и самый этот быт осуществляется в совершенно иных формах, чем мы видели в классических формах феодализма»[3].

Применяя только что сказанное к России, продолжает Милюков, мы видим, что «очень продолжительная стадия племенной жизни, неразвитая территориальная аристократия, политическая власть, являющаяся извне и легко присваивающая себе верховные права на землю, класс чиновников, группирующийся около этой власти и выводящий свои дальнейшие претензии из своего положения — «служилых» людей—таковы должны быть характерные черты русского феодального быта»[3].

Русский юго-запад, пишет он, отличается от русского северо-востока тем, что феодальная организация на юге была сильнее, чем на северо-востоке.

Однако даже в этом наилучше обставленном уголке России племенной быт не был в состоянии самостоятельно развиться в государ-

[1] «Очерки», ч. 1, с. 135.
[2] Там же. с. 135.
[3] Там же, с. 136.

ственный, внешние причины, война и транзитная торговля, понадобились и здесь для окончательного отделения города от сел и для появления централизованной политической власти.

Совсем другое видим мы на русском северо-востоке, в этой стране русской колонизации. Здесь власть государя страны соединилась с властью хозяина-собственника. Элементы местной аристократии и здесь «не безусловно отсутствуют, но их полное бессилие видно из их дальнейшей судьбы».

Теперь мы рассмотрим смысл того контраста, который, по мнению Милюкова, существовал между западом и востоком Европы: «Суть этого контраста в том, что на востоке Европы государственная организация сложилась раньше, чем мог создать ее процесс внутреннего экономического развития, тогда как в Западной Европе государственный строй явился результатом внутреннего процесса. Европейское общество и государство строилось, так сказать, снизу вверх. У нас же, особенно в северо-восточной Руси, общество строилось сверху вниз: центральная политическая власть закрепила под собой военно-служилый класс, занявший место отсутствовавшей или слишком слабой — местной земельной аристократии, а этот служилый класс закрепил под собой крестьянство»[1]. Неподготовленность и непрочность низших этажей общественной постройки усилила деятельность верхней «надстройки», с целью скрепить, хотя бы внешним образом, те общественные связи, без которых она сама не могла бы держаться.

Московское государство возникло не в результате внутреннего развития, а благодаря силам, давившим извне. «С половины XIV века Москве пришлось усиленно обороняться от беспокойных наследников разлагавшейся Золотой Орды: от крымского, ногайского, казанского ханов... Сильная государственная власть нужна была для военной обороны страны, и военные потребности надолго остались первенствующими потребностями государства... Планомерная борьба Москвы со степными врагами началась только со средины XV века, т. е. как раз тогда, когда только что образовалось Казанское царство и когда набеги усилившегося Крымского ханства стали особенно тяжелы. Потребность в защите стала настолько велика, что надо было во что бы то ни стало найти средства для ее удовлетворения»[2].

[1] «Очерки», с. 1.
[2] Там же, с. 142, 267.

Расширение государственных границ и колонизация окраин были вызваны целями защиты от кочевников. «Правительство продолжало видеть в колонизации лучшее средство для борьбы со степью [1]. Колонизация юга, юго-востока, Заволжья, Кавказа находится в самой тесной связи с правительственными мерами для обороны страны. «При Екатерине II, с разделами и присоединением Черноморья, старые цели русской политики были, наконец, достигнуты. Но завоевательный характер русской политики и после того не изменился. По отношению к турецким владениям об'единительные стремления России не были однако удовлетворены (разрядка моя—*О. Л.*) и приобретениями Александра I [2]; со времени императора Николая I открылся знаменитый «восточный вопрос», до сих пор остающийся вечной угрозой европейскому миру» [3].

Не только войско и налоги, но и развитие русских учреждений и организация сословий, по Милюкову, были ответом на быстро возраставшие военные и финансовые потребности правительства.

Вопросы самосохранения поглощали все внимание русского государства, русская государственная организация развивалась под непосредственным давлением быстро возрастающей нужды в войске и деньгах. Милюков отметил следующие пять периодов усиленной военной нужды, сопровождавшихся всякий раз важными финансовыми реформами:

1) 1490-е годы: организуется постоянное дворянское войско. В финансовом ведомстве—введение ямской подати, финансовая перепись земель и введение однообразной финансовой единицы—московской сохи.

2) 1550-е годы: окончательно формируется пехота (стрельцы) и устраивается оборона юга. В финансовом отношении—ряд прямых военных налогов и первая генеральная перепись.

3) 1620-е годы: приводится в известность состав дворянской конницы; пехотные полки набираются вновь, регулярная пехота выписывается из-за границы. В области финансов—введение «больших ямских»

---

[1] «Очерки», с. 63.

[2] Милюков здесь, хотя и в зародышевом состоянии, но уже вполне отчетливо виден как будущий борец за Константинополь и проливы.

[3] «Очерки», с. 150

и стрелецкой подати; составление новых писцовых книг и нормировка размеров «живучей четверти».

4) 1660—1680-е годы: перенесение операционной базы из столицы на окраину, организация местных полков. В области финансов—развитие подворного обложения; отмена старых податей и введение поразрядного городского налога.

5) 1700—1720-е годы: среди непрерывных походов создается регулярная армия и флот. В области финансов—экстренные подати и сборы, первая ревизия и введение подушной подати [1].

«Каждая из этих двусторонних военно-финансовых перемен сопровождалась еще третьим рядом явлений, именно—всякий раз новой реорганизацией государственных учреждений; главной целью этой реорганизации было удовлетворение все той же нужды в деньгах и в войске» [2]. Таким образом и в области развития наших учреждений мы находим огромную разницу с Западом. «Там каждая область была плотным замкнутым целым, связанным особыми правами, которыми эти области долго не хотели поступиться государству. Наша история не выработала никаких прочных местных связей, никакой местной организации; немедленно по присоединении к Москве присоединенные области распадались на атомы, из которых правительство могло лепить какие угодно тела» [3].

Русское общество замыкалось сильной государственной властью сверху и опиралось на принудительную организацию общественных групп снизу. «При крайней первобытности экономического развития, при редкости и бродячем состоянии рабочего населения, при полном господстве натурального хозяйства и невозможности сбыта земледельческих продуктов, владение землей, естественно, не давало значительного дохода. Поэтому высшее сословие и не особенно дорожило землей в древней Руси. Русский землевладелец искал более выгодного занятия и находил это занятие в службе при князе» [4].

По мере усиления центральной государственной власти, военная служба становится обязательной, и обязательство это связывается с владением земельным участком; тогда и возникла система раздачи военных

---

[1] «Очерки», с. 185 и 186.
[2] Там же, 186.
[3] Там же, 189.
[4] Там же, 207.

участков, «поместий». Для этого потребовалось достаточное количество свободных земель. Иван III в 1484 г. насильственно лишил собственности более 8 тыс. крупных и мелких прежних землевладельцев и переселил на их место новых временных владельцев, обязанных регулярной военной службой. Необходимое количество этих слуг он просто взял из «дворов» зависимых от него владетельных князей и крупных собственников. Таким образом, этот низший служилый слой «дворян» послужил главным материалом для создания нового класса — «помещиков». В промежутке времени с 1484—1584 гг. сложился класс московских служилых людей.

Путем целого ряда мер правительство постепенно суживает права старых свободных владений—«вотчин». «Самое основное различие вотчины от поместья, как свободной собственности от условной, к XVII веку совершенно уничтожается: старый вольный слуга окончательно становится невольным; его отношения к правительству становятся вполне принудительными. Помещик и вотчинник прикрепляются к государственной службе точно так же, как крестьянин прикрепляется к податному тяглу. Прикрепление крестьян к тяглу обеспечивает потребность государства в деньгах; прикрепление служилого человека к службе обеспечивает потребность в войске» [1].

История крестьян, по мнению Милюкова, тесно переплетается с историей других сословий. В истории дворянства и городов он различает четыре различных периода. Дальнейший период (до конца XV в.) характеризуется отсутствием юридических разграничений между сословиями. Второй период (XVI—XVII вв.)—закрепощение сословий, установление между ними грани и создание принудительных сословных организаций. Третий период (XVIII в.) — раскрепощение сословий правительство пытается дать им сословные привилегии и автономную организацию. Наконец, четвертый период характеризуется отменой сословных привилегий. «Короче, мы можем назвать эти периоды — периодами первоначального смешения, закрепощения, раскрепощения и разрушения старых сословий» [2].

На Западе сословия возникли органически из всего хода истории и опирались на римское право, вот почему новому законодательству

---

[1] «Очерки» с. 211.

[2] Там же, с. 241.

там приходилось отвоевывать шаг за шагом крестьянскую свободу, ставя на место старого права новое. У нас было иначе. У нас московские государи ни о какой законной основе для своей власти не думали, а опирались на силу. Новое право не заменяло здесь старого, а явилось на смену полному отсутствию юридической точки зрения, из этого и вытекала слабость крепостного права в России. «Чтобы разрушить твердыню средневекового крепостничества, понадобились столетия, тогда как одного росчерка пера (разрядка моя—*О. Л.*) оказалось совершенно достаточным, чтобы опрокинуть гнилое здание барского произвола» [1].

Конечно, при освобождении крестьян известную роль играли и соображения экономического развития страны, но «решающую роль в возбужденном вопросе о реформе сыграли не эти соображения об экономической необходимости эмансипации, а с одной стороны, чисто моральные побуждения, с другой, соображения государственной безопасности» [2]. Характерной чертой в развитии русских городов, по мнению Милюкова, является слабость городского сословия. И здесь он видит полную противоположность европейской истории города и городского сословия. Русский город «не был естественным продуктом внутреннего экономического развития. За единичными исключениями, русский город возникал не из скопления в одном месте населения, занятого промыслами и торговлей» [3]. Раньше, чем город понадобился населению, он понадобился правительству, «город» это место «огороженное», укрепленное, военный оборонительный пункт. «Настоящее, по нашему понятию, городское (т. е. торгово-промышленное) население жило вне «города», на «посаде», почему и называлось — посадскими людьми». Посад выстраивался около города и чаще всего возникал после него, а еще позже появилось вокруг посада третье кольцо: «слобода», куда стекались промышленные люди и ремесленники. Итак, русский город был, прежде всего, правительственным и военным центром. В целой половине России, на юг от Оки, без исключения, города появляются на наших глазах именно как такие оборонительные пункты» [3]. С течением времени, продолжает Милюков, жизнь русского города

---

[1] «Очерки», с. 250.
[2] Там же, с. 254.
[3] Там же, с. 226.

должна была развиться, но государственные потребности управления и военной обороны всегда преобладали над остальными интересами страны.

Правительство принимало целый ряд мер, чтобы создать городское сословие, но безуспешно. «Третье сословие нашего времени формируется из самых различных элементов русского прошлого, в нем намечаются те силы, которые создали культурную жизнь современной Европы: сила капитала и сила знания» [1].

Слабость городов самым наглядным образом показывает слабость экономического состояния страны. Возникновение промышленности у нас и в Западной Европе произошло по-разному. Там капиталист сперва явился в виде «скупщика» продуктов домашнего производства; затем он превратился в оптового заказчика, стал снабжать мелкого производителя средствами, потом начал давать ему работу на дом и, таким образом, постепенно превратил его в наемного рабочего. Оставалось только соединить рабочих в одном помещении и заменить их ручной труд машиной, чтобы перейти к развитым формам капиталистического производства.

«У нас же мануфактура и фабрика не успела развиться органически, из домашнего производства, под влиянием роста внутренних потребностей населения. Она создана была впервые правительством, руководившимся при этом как своими практическими нуждами (напр., в сукнах для армии), так и теоретическими соображениями о необходимости развития национальной промышленности. И эту теорию и соответствовавшие ей меры правительство Петра заимствовало у господствовавшей тогда школы меркантилистов. Старинные кустари при этом были забыты, и новая форма производства перенесена с Запада готовою. В стране без капиталов, без рабочих, без предпринимателей и без покупателей эта форма могла держаться только искусственными средствами и могла привиться благодаря продолжительному и усиленному покровительству» [2].

Таким образом, в нашей исторической эволюции бросается в глаза: «во-первых, ее крайняя элементарность, во-вторых, ее совершенное своеобразие».

---

[1] «Очерки», с. 235.

[2] Там же, с. 84.

Такова схема русской истории г. Милюкова.

Из изложенного видно, что Милюков в основном повторяет историческую концепцию Ключевского. Государство в концепции Милюкова занимает господствующее положение. Государственная власть всемогуща, она создала сословия, закрепостила и раскрепостила их, достаточно было только одного росчерка пера правителя—и крепостная зависимость исчезла. Государственная власть создала города и крупную промышленность, хотя к этому внутренних органических причин и не было; одним словом, государственная власть все может. Естественно, что после этого нет и не может быть никакой борьбы классов, и поэтому Милюков избегает касаться таких вопросов, как смутное время, разинщина и пугачевщина. Для этих событий в схеме Милюкова места нет. Милюков не верит в революцию, ибо власть всемогуща и нет силы, способной ее свергнуть. Он пишет, что государственная власть независима от классов и сословий, однако, принужден признать, что правительство при известных условиях должно считаться с интересами дворянства, но оно стоит выше классов, и в истории бывают моменты, когда государственный аппарат даже ни с кем не считается. «В промежутке между распадением боярства и господством дворянства, между XVI и XVIII веками, бюрократия являлась единственным правящим классом»[1].

Как видно, Милюков является сторонником теории внеклассового государства, созданной в пятидесятых годах профессором Б. Чичериным. По поводу этой теории М. Н. Покровский писал, что она соответствовала стремлениям капиталистических помещиков, желающих реформу провести в своих интересах, без больших потрясений. Для деловой части дворянства, введшей реформу,—пишет М. Н. Покровский,—вопрос был в том, чтобы заставить крестьян выкупить свою свободу — под видом выкупа земли, притом так, чтобы в руках помещиков остался порядочный капитал, а крестьяне не были обеспечены землей настолько, чтобы не нуждаться в заработках, которые могла дать барская экономия. Словом, помещику нужен был «труд и капитал». Получение того и другого было весьма деликатной операцией, требовавшей огромного нажима сверху...». «Человек (т. е. Чичерин—*О. Л.*), в данную минуту все строивший на силе правительственной власти (по его отвлеченной терминологии, на «силе государства»), став истори-

---

[1] „Очерки", ч. 3, с. 146.

ком, должен был, для успокоения себя и своего класса, искать доказательств этой силы, а также слабости «сословий», особенно крестьянства... крестьян вот, закрепостили «без сильных потрясений» — стало быть, удастся и освободить так же. «Сословия у нас слабы, а власть сильна». К тому же на стороне государства было (и есть) право. Кто же может ему противиться?» [1].

Почему эта теория, возникшая в среде помещиков, оказалась так живуча, что ее приняли народники, кадеты и даже Троцкий? Исчерпывающий ответ на это мы можем получить в только что указанной книге т. Покровского. Так как нас больше всего в данном случае интересует г. Милюков, то ограничимся небольшой цитатой, касающейся Милюкова. М. Н. Покровский пишет: «Понятно, зачем кадетским историкам нужно было поддерживать иллюзию в н е к л а с с о в о г о русского самодержавия. Внеклассовая верхушка русского государства предполагала и возможность внеклассовой перестройки этой верхушки. Самодержавие должно было быть заменено конституционной монархией: не при чем тут классы? При чем пролетариат и крестянство? От них можно отделаться уступками в «социальной» области (8-часовой рабочий день «по возможности», наделение крестьян землею за выкуп). А политическая власть должна остаться «внеклассовой» — то есть буржуазной» [2].

Теория внеклассового всемогущего государства буржуазии нужна была не только для внутренней политики, но даже, в еще большей мере, для политики внешней.

Российской буржуазии нужна была сильная власть для завоевания торговых путей и новых колоний. Милюков прямо пишет, что не достигнуты еще национальные цели, над Константинополем и проливами еще не развевается русский национальный флаг. Милюков завоевательную политику царизма мотивирует тем, что это необходимо было в интересах самообороны. И в настоящее время любой империалист обеими руками подпишется под такой аргументацией, и это ему нисколько не помешает вести в колониях грабительскую политику.

Несмотря на то, что в России все время, до последнего момента падения самодержавия, дворянство пользовалось всевозможными при-

---

[1] М. Н. П о к р о в с к и й, Марксизм и особенности исторического развития России, с. 65, 66.

[2] Там же, с. 22.

вилегиями, и крепостная зависимость крестьян затянулась так долго, как нигде в Европе, нашелся смельчак в лице почтенного профессора, который уверял, что дворянское сословие в России так слабо, как нигде, и привилегий не имеет, что крепостное положение крестьян был тоже непрочно и что нужен был только один росчерк пера, чтобы все рушилось и чтобы Россия на наших глазах превратилась уже в почти правовое государство. И это писалось в 90-х годах, когда еще и «куцого» манифеста 17 октября не было[1].

У Милюкова беспрерывные колебания между западниками и самобытниками. В статье о Ключевском[2] он отказывается от исторической схемы, так называемой юридической школы, считая последнюю устаревшей, но в своей брошюре «Исконные начала» ее принципиально одобряет. Но когда он начинает об'яснять ход истории России, то оказывается, что схема юридической школы не годна. По всем важнейшим вопросам русской истории у Милюкова получается контраст с Западом. По поводу этого «контраста» Павлов-Сильванский делает несколько метких замечаний. Он пишет: «Милюков не мог последовать за Соловьевым и Кавелиным, чтобы так или иначе реформой Петра об'яснить неизбежность перехода от своеобразия русского и западного исторического развития к будущему их единообразию. И он оказался в очень затруднительном положении, когда ему пришлось в своей теории сводить концы с концами.

---

[1] Эту же «теорию» г. Милюков развивал и в газете «Речь» в 1913 г., на что обратил внимание т. Ленин, который в статье «Либеральное подкрашиванье крепостничества» писал: «До таких позорных «перлов», как приведенный нами (т. е. о слабости крепостного права.—*О. Л.*), не все договаривались. Не хрупким и не случайно созданным было крепостное право и крепостническое поместное сословие в России, а гораздо более «крепким», твердым, могучим, всесильным, «чем где бы то ни было в цивилизованном мире». Не «без сопротивления», а с величайшим сопротивлением уступало «оно частички своих привилегий».

«Зачем Милюкову это нужно было прикрасить? Потому, что в деятелях таких реформ они видят приятное им раболепство перед крепостниками, отрадную для них боязнь демократии, близкое им стремление к блоку с реакцией, знакомое им прикрашивание классовой борьбы».

[2] Ленин, Собр. соч., т. XII, ч. 2, с. 49, 50.

«В тщетных усилиях разрешить антитезу между своеобразием прошлого и единообразием будущего, Милюков дает одни только глухие, фаталистические ссылки на неведомую «необходимость» [1].

В своем капитальном труде «Государственное хозяйство России», после проработки массы сырого материала в конце книги Милюков пришел к совсем плачевным результатам, — вся реформа Петра им изображается, как необходимость «военно-финансовых» нужд государства. «Не личная инициатива и не исторические прецеденты вызвали эту реформу, хотя тот и другой элемент в ней соединились; ее вызвали текущие потребности минуты, в свою очередь созданные и личной инициативой и историческими прецедентами» [2]. Как видно, Милюков, свято верил своему учителю Ключевскому и в своих выводах дальше его не пошел. Он не заметил, что петровский дубиной руководит торговый капитал. По поводу реформы Петра у М. Н. Покровского мы читаем: «Исходной точкой реформы был торговый капитализм, ее движущей силой—интересы буржуазии, а ее результаты пошли на пользу тех, кого мы назвали «новой феодальной знатью»... буржуазный индивидуализм в самых диких и варварских формах был естественным явлением в этот героический период первоначального накопления» [3].

В истории русского города Милюков находит полную противоположность, контраст европейской истории города и городского сословия. Милюков утверждает, что русский город не был естественным продуктом внутреннего экономического развития и возник в результате воздействия сверху, под влиянием правительства. Но, несмотря на эти общие положения, при конкретном анализе возникновения русского города, он почти буквально повторил схему возникновения западноевропейских городов, данную Бюхером, что текстуально доказал в своей книге «Феодализм в древней Руси» историк Павлов-Сильванский, который строки, посвященные Милюкову, заканчивает следующими словами: «Отыскивая в истории русского города «полную противоположность» городу западному, Милюков, как это часто случалось с нашими исследователями, очень неудачно нападает как раз на черты полного сходства» [4].

[1] Павлов-Сильванский, Феодализм в древней Руси, с. 29, 30, изд. 1923 г.
[2] «Государственное хозяйство России», с. 515.
[3] «Русская история», т. II, с. 305 и 306.
[4] Павлов-Сильванский, Феодализм в древней Руси, с. 35.

Для подтверждения своей теории Милюков ссылается на большое количество ратных людей в городах Московской Руси, желая придать последним исключительно оборонительно-военный характер. На неверность этого положения, по нашему мнению, правильно указывает проф. Кулишер, который пишет: «...то обстоятельство, что количество ратных людей было нередко весьма велико (доходя в городах восточной и южной окраин в первой половине XVI века иногда до 1/3), еще вовсе не свидетельствует о слабом развитии ремесла и торговли в этих городах. Напротив, ратные люди в значительных размерах занимаются промыслами и торговлей, вторгаясь тем самым в круг деятельности посадских и имея перед ними то преимущество, что они не тянут тягла. В очень многих городах они давали в общее число ремесленников и торговцев почти такой же процент, какой процент населения они составляли в том или ином городе. Тяглый посадский мир замосковского города часто не был хозяином своего посада и торга. Его захватили ратные люди, вернее—те же ремесленники и торговцы, но записавшиеся в пушкари, стрельцы, затинщики, казаки, чтобы «избыть» тягла. Недаром встречаем каждый раз указания: старинный посацкий человек «от тягла стал в стрельцы»[1]. Далее, в этой же книге Кулишер доказывает, что особенно в южных городах, торговлей и промыслами занимались почти исключительно ратные люди и, что вообще между ратными и посадскими людьми не было резкого различия.

Неправильно утверждение Милюкова и в той его части, где он пишет, что города не имели торгового значения, а являлись либо военными, либо административными центрами. Проф. Кулишер в только что цитированной книге весьма обстоятельно выясняет торгово-промысловое значение русских городов и тем самым опровергает утверждения Милюкова. Торговое значение Новгорода и Пскова не отрицает и Милюков. Москва в то время являлась и центральным пунктом товарообмена внутри страны. Из Москвы шло 6 торговых путей—вологодский, новгородский, поволжский, сибирский, смоленский и украинский; они направлялись, следовательно, во все стороны из центра—Москвы[2]. На севере крупным торговым центром являлся Архангельск, из которого путь в Москву шел по Двине до Устюга Великого, а оттуда ре-

[1] Кулишер, И. М., История русского народного хозяйства, том, II с. 174.

[2] Там же, с. 312.

ками до г. Вологды; на этом пути лежал крупный торговый центр — Холмогоры [1]. Все эти города, а также города Сольвычегодск, Тотьма, Ярославль, Ростов, Переяславль и Кострома, являлись крупными торговыми центрами [2]. Большое торговое значение имели также волжские города — Астрахань, Казань и Нижний Новгород [3]. Среди городов Московского района торговое значение имели Коломна и Серпухов. Из заоцких городов крупное торговое значение имели города: Рязань, Тула и Калуга [4]. На западной границе торговыми городами явились: Смоленск, Вязьма и Торопец [5]. Возникновение сибирских городов проф. Кулишер об'ясняет интересами меховой торговли. Таким образом почти все более или менее крупные города имели торговое значение, что, конечно, не исключает и отдельных укрепленных мест (крепостей), особенно на юге и на востоке, но экономическое и политическое значение они получали только после возникновения в них промыслов и торговли.

О том, что в Московском государстве XVI и XVII вв. имелись значительные капиталы, и об экономической мощи привилегированных групп торговых людей свидетельствует тот же Кулишер. Он пишет: «Крупным лицом среди гостей является, без сомнения, Григорий Никитников. Он торгует камкой, сукном, дорогами, миткалями, но также рыбой и солью и находится в постоянных торговых сношениях как с Москвой, так и с Поволжьем. Этот же Никитников намеревался купить вотчину у Ивана Строганова и давал за нее 90.000 руб., что составит свыше миллиона руб. для конца XIX ст.» [6]. Гость Владимир Воронин имел в Москве 30 лавок и два железных завода, с которых платит в приказ Большого Дворца по 120 руб. в год. Кроме того, он за откуп торговать рыбой платит ежегодно 2.200 руб. [7]. Крупными торговцами и промышленниками в те времена были Строгановы. Так, в 1671 г. Дмитрий Строганов «у Архангельского города, на ярмонке заморских иноземцев купил заморские товары» на 30.000 руб., но кроме торговли Строгановы имели также железные заводы и занимались кредитными операциями [8]. Кулишер, кроме упомянутых, приводит еще целый ряд крупных торговцев и промышленников, что безусловно свидетельствует

[1, 2, 3, 4, 5] Кулишер, И. М. История русского народного хозяйства т. I, с. 313—325.

[6, 7, 8] Там же, с. 429, 430, 432.

о крупном значении торгового капитала и опровергает рассказ Милюкова о почти полном натуральном хозяйстве того времени.

Против резкого противопоставления русского и западно-европейского города возражает и М. Н. Покровский, который пишет: «Конечно, Москва XVI—XVII вв. не была похожа на Флоренцию и Антверпен (хотя и была «немного больше Лондона», по словам английского путешественника XVI в. Флетчера), но т и п старорусского города был тот же, что и средневекового города Западной Европы»[1].

Рассматривая развитие промышленности в России, Милюков и в этом вопросе усмотрел противоположность европейской истории развития промышленности. Он писал: «в стране без капиталов, без рабочих, без предпринимателей и без покупателей эта форма могла держаться только искусственными средствами и могла привиться благодаря продолжительному и усиленному покровительству».

Разберем сказанное по порядку. Во-первых, рассматривая вопрос о роли городов, мы уже видели, что утверждения Милюкова об отсутствии капиталов и о господстве натурального хозяйства в Московской Руси ни на чем не основаны. Торговый капитал уже тогда достиг больших успехов, в руках отдельных лиц имелись большие капиталы и только благодаря им правительство Петра могло толкнуть вперед развитие промышленности. Историк русской фабрики проф. Туган-Барановский, опровергая мнение некоторых историков, утверждающих о слишком большом влиянии иностранцев, писал: «Однако на самом деле значительно большая часть фабрикантов петровской эпохи были людьми чисто русскими и принадлежали к торговому сословию»[2]. Там же он указывает, что первыми суконными фабрикантами были купць Сериков и Дубровский, фабрика которых основана была в 1698 г. Крупнейшая суконная фабрика — «Большой Суконный Двор» в Москве принадлежала русской купеческой компании Щеголина с товарищами. В Москве из 5 шелковых фабрик четыре принадлежали купцам. Игольный завод — единственный в России — принадлежал купцам Томилину и Рюмину.

Первая частная полотняная фабрика в России принадлежала компании—Андрею Турке и Цимбальщикову с товарищами; крупным фа-

---

[1] Покровский, М. Н., Марксизм и особенности исторического развития России, с. 44.

[2] Туган-Барановский, Русская фабрика, с. 17, изд. 1922 г.

брикантом был ярославец Затрапезный. Ему принадлежали, кроме полотняной, также писчебумажная, коломяночная и масляная фабрики. Крупным полотняным и писчебумажным фабрикантом был также купец Афанасий Гончаров [1]. Туган-Барановский продолжает приводить еще новые списки фабрикантов и купцов, но мы ограничимся приведенным у нас; характерно то, что за исключением Тамеса и Тиммермана мы не встречаем крупных фабрикантов из иностранцев, также редко встречаются фабриканты из дворян. «Личный состав петровских фабрикантов доказывает, что крупная промышленность развивалась в соответствующей среде, которая была создана всей предшествующей историей Московского государства — именно в среде крупных торговцев. Эта среда не была делом рук Петра, но если бы ее не существовало, то и возникновение у нас крупного производства в мало-мальски широких размерах было бы невозможным» [2].

На какие средства создавались фабрики в эпоху Петра? Ответ на этот вопрос мы можем получить из той же книги Туган-Барановского. Он пишет, что большая часть фабрик устраивались частными лицами без помощи казны («заведены своим коштом»), а там, где казна помогала, казенный капитал, сравнительно с частным, был невелик. Так, например, на устройство полотняной фабрики Тамеса был затрачен капитал в 51.700 руб. и ссуда от казны выразилась всего в сумме 5.000 р. Таким образом, фабрикантами могли быть лишь крупные капиталисты того времени—преимущественно купцы.

Неверно также утверждение Милюкова об отсутствии свободных рабочих рук. Историк М. Н. Покровский опровергает этот взгляд и доказывает, что имелись свободные рабочие руки [3].

Далее Милюков пишет, что для промышленности не было покупателей, тем самым полагая, что будто бы заводы работали исключительно для казны. Но и это неверно, ибо пушки и ружья, изготовленные на этих заводах, были очень плохи, и их пришлось выписывать из-за границы, зато с потребностями частного рынка заводы справились хорошо. Так, «завод Марселиса изготовлял полосовое и кровельное железо, железные двери и ставни, литые чугунные плиты для порогов и тому подобные вещи... Завод Акемы изготовлял, кроме того, судовые

[1] Туган-Барановский, Русская фабрика, с. 17.
[2] Там же, с. 18.
[3] Покровский М. Н., Русская история, т. II, с. 295, изд. 1920.

якоря... особенно же славился своим полосовым железом, «прекрасным, гибким и упругим, так что каждую полосу легко было согнуть в круг» [1]. Если железные заводы работали не исключительно для казны, то писать о работе шелковых и других фабрик, как работающих исключительно для нужд казны, нет никаких оснований. Итак, и по вопросу о покупателях для промышленности Милюков оказался неправ.

Перейдем к последнему вопросу—о покровительстве правительства промышленности. По этому вопросу характерна судьба петровских фабрик, одна часть которых, не имеющая твердой базы в народном хозяйстве, развалилась, несмотря на слишком большое усердие правительства; Петр с помощью дубины хотел учить капитал, но из этого ничего не вышло.

Характерна судьба фабрично-заводской промышленности в эпоху царствования Екатерины. Промышленность тогда сильно шагнула вперед, несмотря на то, что, по свидетельству Туган-Барановского, «развитие фабричной промышленности при Екатерине гораздо меньше основывалось на непосредственной поддержке правительства, чем в предыдущие царствования» [2].

Рассматривая развитие русской промышленности XIX столетия, Туган-Барановский констатирует, что, несмотря на покровительство правительства, суконная и металлообрабатывающая промышленность в первой половине, до освобождения крестьян, развивалась крайне медленно, тогда как хлопчатобумажная промышленность развивалась при совершенно иных условиях. «Правительство не только не принимало мер к распространению новой отрасли промышленности, но даже задерживало монополией ее развитие. Тем не менее, эта промышленность быстро росла».

Итак, мы можем констатировать, что правительство, несмотря на стремление создать промышленность, своими мероприятиями скорее—тормозило, чем способствовало развитию последней. Крепостническая государственная власть, в интересах помещиков разоряющая крестьян и этим самым тормозящая расширение внутреннего рынка, отсутствие буржуазного правопорядка, деспотизм правительственной власти в це-

[1] Покровский М. Н., Русская история, т. II, с. 293.
[2] Туган-Барановский, Русская фабрика, с. 45.
[3] Там же, с. 54.

лом задерживали развитие капитализма в России. Таким образом, правительство в отношении развития в России промышленности играло не положительную, а отрицательную роль, так что и в этом вопросе положения Милюкова диаметрально противоположны исторической действительности.

Что касается знаменитой теории «борьбы со степью» и «закрепощения и раскрепощения», то эти вопросы всесторонне освещены в работах академика М. Н. Покровского и в статьях I тома нашего сборника, поэтому еще раз на них останавливаться было бы излишним.

III. П. Н. МИЛЮКОВ КАК ИСТОРИК РЕВОЛЮЦИИ

1. Освещение революции в книге «История второй русской революции»

Когда Милюков написал свою «Историю второй русской революции», ему самому стало неловко, и он, с целью хоть сколько-нибудь смягчить гнетущее впечатление от бросающихся в глаза извращений и подлогов, счел необходимым в предисловии сделать несколько оговорок, например: «Автор назвал свой труд «Историей», хотя он хорошо сознает, что для истории революции, в строгом смысле, время не скоро настанет... Вообще фактическое изложение не составляет главной задачи автора»... «Анализ событий с точки зрения определенного понимания их был той основной целью, которая собственно и побудила автора взяться за составление «Истории». Из рассказа, несомненно, вытекал определенный политический вывод»[1]. Таким образом ясно, что основным побудительным моментом для писания истории были цели определенно политические, тем паче, что эта «история» писалась в период гражданской войны, зимою и летом 1918 года, когда политические страсти бушевали во-всю, и необходимых материалов для писания не было под рукой; тем не менее, автор не выдержал до конца, и на той же странице он утверждает: «История» ставит себе иную задачу, чем «Мемуары». Она принципиально отказывается от суб'-ективного освещения и заставляет говорить факты. Факты подлежат об'ективной проверке, и поскольку они верны, постольку же бесспорны

[1] «История», вып. I, с. 3 - 4.

и вытекающие из них выводы. Историк по профессии, автор не хотел и не мог подгонять факты к выводам; наоборот, он принимал выводы из фактов» [1]. Несмотря на эти заверения быть об'ективным, автор нисколько не постеснялся оперировать подложными документами даже тогда, когда он сам признал их сомнительными [2]. Несмотря на эти противоречивые уверения автора, несомненно, что в нем преобладает не историк, а публицист, и какой еще публицист — выброшенный пролетарской революцией за пределы России, лидер воинствующей империалистической буржуазии.

После этих предварительных замечаний перейдем к краткому изложению содержания его «Истории»:

Он пишет, что война привела общественную жизнь к полному расстройству, свободный товарооборот был почти разрушен расширением сферы государственной монополии, зато расцвела спекуляция и создались хищнические цены на предметы военного производства. Неограниченный внешний кредит и печатный станок совершенно устранили понятие о необходимости быть бережливым. «Один за другим широкие общественные слои переходили на содержание государства. Деревня не платила налогов и получала пайки. Рабочие не работали и получали быстро возраставшие оклады заработной платы. Фабрикантам эта плата возмещалась в столь же быстро возраставшей цене казенных заказов. Среди этого показного благополучия страдали: служащая «буржуазная» интеллигенция и чиновничество» [3].

Чтобы справиться со всеми этими явлениями ненормального времени, по мнению Милюкова, нужна была действительно военная дик-

---

[1] «История», вып. I, с. 4.

[2] См. «История», ч. III, с. 188.

Примечание. О Милюкове как историке М. Н. Покровский поместил в сб. «Интелигенция и революция» интересную статью, из которой некоторые выдержки мы считаем необходимым привести. «Историк по профессии, — пишет М. Н. Покровский, — не может не знать, что нельзя цитировать документы, самое существование которых доказать невозможно. Где г. Милюков видел свой «документ»? В русских буржуазных газетах. Да какая же это гарантия? Разве не писали эти газеты в ноябре 1917 г., что Кремль разрушен до основания и что от Василия Блаженного одни обугленные стены остались?.. Одного такого факта заглаза достаточно, чтобы лишить книжку всякого серьезного значения». (Сборник «Интелигенция и революция», с. 10).

[3] «История», ч. I, с. 23.

татура, как это создалось в Англии и Франции. У нас, наоборот, чувствовалось бессилие власти. Это бессилие и неспособность власти вести войну и толкнуло умеренные элементы к мысли о необходимости переворота в целях более успешного ведения войны.

Когда выяснилось критическое положение русской армии, общественные организации хотели организоваться для оказания помощи фронту. В Госуд. Думе был поднят вопрос о создании ответственного перед Думой министерства. Милюков пишет, что сам он был более скромным и требовал только «министерства, пользующегося доверием страны». Но правительство не шло ни на какие уступки. «Протянутую руку оттолкнули. Конфликт власти с народным представительством и с обществом превращался отныне в открытый разрыв... Вначале тайно, а затем все более открыто начала обсуждаться мысль о необходимости и неизбежности революционного исхода»[1]. Всей политикой правительства руководил придворный кружок во главе с императрицей и Распутиным; у этих кругов было сильное стремление заключить сепаратный мир с Германией. Имена членов придворного кружка были произнесены 1 ноября с думской трибуны Милюковым. Его речь, где часто повторяются слова «глупость это или измена», распространялась в миллионах экземпляров. «Настроению был дан лозунг, и общественное мнение единодушно признало 1 ноября 1916 года началом русской революции»[2].

После убийства Распутина распространилось убеждение, что следующим шагом, который предстоит в ближайшем будущем, будет дворцовый переворот. Наследником Николая II называли его сына Алексея, а регентом на время его малолетства—в. к. Михаила Александровича. Возникло несколько кружков, обсуждающих ожидаемый переворот; в один из таких кружков входила значительная часть членов первого состава временного правительства[3].

«Однако, перевороту не суждено было совершиться так, как он ожидался... Некоторым предвестием переворота было глухое брожение в рабочих массах, источник которого остается неясен (намек на гер-

[1] «История», ч. I, с. 27.

[2] Там же, с. 34.

[3] Из воспоминаний Шульгина мы узнаем, что в этих совещаниях участвовал и Милюков, хотя он в «Истории» об этом счел ненужным говорить.

манские деньги.—*О. Л.*), хотя этим источником, наверное, не были вожди социалистических партий, представленных в I Думе. Здесь мы касаемся самого темного момента в истории русской революции» [1].

Откуда проникли пораженческие идеи в русскую фабрику и в русскую армию? Милюков пишет, что по этому вопросу существует несколько мнений: одни указывали на усиленную работу германского штаба, а другие—на провокационную политику правительства, желавшего вызвать революцию искусственно, чтобы потом, как в 1905 г., потопить ее в крови.

Что определяло политику либеральной оппозиции? «Их главным мотивом было желание довести войну до успешного конца... все возраставшая уверенность, что с данным правительством и при данном режиме эта цель достигнута быть не могла. Эти круги начали с утверждения, что «во время переправы не перепрягают лошадей». «Против идей достигнуть этой цели (ответственного министерства.—*О. Л.*) революционным путем парламентское большинство боролось до самого конца. Но, видя, что насильственный путь будет все равно избран и помимо Гос. Думы, оно стало готовиться к тому, чтобы ввести в спокойное русло переворот, который оно предпочитало получить не снизу, а сверху» [2].

Сигнал к началу революции, по мнению Милюкова, был дан правительством, которое 26 февраля издало указ об отсрочке сессии Гос. Думы. В защиту Думы массы вышли на улицу. Он думает, что не прав Станкевич, утверждая, что в движении не было руководящей руки. «Руководящая рука, несомненно, была, только она исходила, очевидно, не от организованных левых политических партий [3]. Тотчас после начала восстания Гос. Дума создала Временный Комитет, который, когда выяснился весь размах революции к вечеру 27 февраля, решил взять власть в свои руки. Спорным вопросом при образовании временного правительства явился вопрос о форме правления. В этом вопросе он добился от представителей Совета уступки, в результате чего вопрос о форме правления остался открытым.

Милюков пишет, что 2 марта он произносил речь в пользу династии Романовых и что эта речь вызвала волну возмущения. Не

---

[1] «История», ч. I, с. 36.

[2] Там же, с. 37.

[3] Там же, с. 41.

желая связывать других членов правительства, солидарных с ним, он заявил, что эта речь является его личным мнением.

После отречения царя состоялось совещание членов правительства; в пользу сохранения монархии высказался один только Милюков. На совещании с вел. князем Милюков говорил: «Временное правительство одно, без монархии, является «утлой ладьей», которая может потонуть в океане народных волнений; стране при этих условиях может грозить потеря всякого сознания государственности и полная анархия, раньше, чем соберется Учр. Собрание... Хотя и правы утверждающие, что принятие власти грозит риском для личной безопасности великого князя и самих министров, но на риск этот надо итти в интересах родины, ибо только таким образом может быть снята с данного состава лиц ответственность за будущее. К тому же вне Петрограда есть полная возможность собрать военную силу, необходимую для защиты в. князя. Поддержал Милюкова один Гучков»[1].

Среди царствующего хаоса и анархии два элемента сохранили и усилили свой характер планомерных волевых факторов: «во-первых, утопия всемирной социалистической революции, уже погубившая нашу первую революцию 1905 года; во-вторых, искусство германского генерального штаба, сумевшего организовать измену внутри неприятельской страны и заставить русских сражаться за Германию в Петрограде, Москве и многочисленных других городах России»[2].

---

[1] «История», ч. I, с. 54.

Примечание. Эта речь Милюкова Шульгиным изложена более ярко и наверное более правдиво; например: «Если вы откажетесь... ваше высочество... будет гибель... Потому что Россия... Россия потеряет свою ось... Монарх это ось.. Единственная ось страны. Масса, русская масса... вокруг чего она соберется? Если вы откажетесь... будет анархия... хаос... кровавое месиво... Монарх—это единственный центр... Единственное, что все знают... Единственное общее... Единственное понятие о власти... пока в России... Если вы откажетесь... будет ужас... полная неизвестность... потому что... не будет... не будет присяги... а присяга—это ответ... единственный ответ, который может дать народ... нам всем... на то, что случилось... это его санкция... его одобрение... его согласие... без которого нельзя ничего... без которого не будет... государства... России... ничего не будет». Белый, как лунь, он каркал, как ворон... Он каркал мудрые, вещие слова... самые большие слова его жизни». Шульгин Дни, с. 180.

[2] «История», ч. I, с. 57.

Стихийный ход революции, продолжает Милюков, вел от переворота к перевороту; после каждого переворота власть слабела, и усилились элементы распада. Два месяца — вот почти тот срок, на который каждому правительству удалось удержать власть. Государственная Дума сдала революции идею монархии. Кабинет Львова сдал позицию буржуазной революции. Выпущенный «буржуазией» из рук принцип буржуазной революции приняли под свою защиту умеренные социалисты. Эта двусмысленная позиция погубила их во мнении рабочего класса и усилила «большевизм».

Слабость коалиционного правительства он об'ясняет слабостью и бессилием социалистического центра по отношению к двум боровшимся центрам: буржуазной диктатуре, возглавляемой Корниловым, и социалистической утопии, увлекающей массы чисто демагогическими лозунгами; это движение возглавлялось Лениным.

Уже на второй день революции, пишет Милюков, под влиянием большевиков началось разложение армии. Какой-то неизвестный человек в военной форме предложил полковнику Энгельгардту написать приказ об отношении солдат и офицерства. Когда Энгельгардт отказался, он ответил: «Тем лучше, напишем сами». Таким образом, появился приказ № 1. Мутная струя проникла в русскую революцию с самого начала—она внесена была, очевидно, из определенного источника. «Из напечатанных в начале 1918 г. документов известно, что уже с самого начала войны воздействие на русскую армию было прямо организовано нашими противниками при содействии русских эмигрантов-пораженцев» [1].

Под влиянием агитации большевиков, продолжает он, 20 апреля началось движение, направленное против него и Гучкова. Кроме войск, в демонстрации участвовали рабочие-подростки, громко заявившие, что им за это заплачено по 10—15 рублей. При арестованном литераторе Колышко, который имел связь с германцами, было найдено письмо, где он радуется, что удалось свергнуть Милюкова и Гучкова. «Все это показывает, что движение 20 и 21 апреля было инсценировано из тех же темных источников, как и другие ранее упоминавшиеся уличные движения» [2].

---

[1] «История», ч. I, с. 80.

[2] Там же, с. 95.

Одновременно с началом революции, пишет Милюков, начали свои действия и украинские сепаратисты, пред'явившие Временному правительству требование о создании автономной Украины в составе 12 губерний. На это требование Временное правительство согласия не дало, ибо это было бы предрешением воли Учредительного Собрания, ибо, несомненно, что вслед за признанием автономной Украины потребовали бы такого же признания и другие народы. Но Украинская Рада не хотела ждать Учр. Собрания и 10 июня торжественно огласила «Универсал», об'явивший Украину автономной частью России. Правительство, вместо того, чтобы проявить тактику твердой власти, вместо того, чтобы реагировать быстро и решительно, повело и тут политику колебаний и словесных увещаний.

В начале июля разразился очередной кризис власти: «...кризис разыгрался не из-за одного украинского вопроса. Но решение украинского вопроса «триумвиратом» в Киеве, с нарушением основных положений коалиции, представляло особенно яркое и типичное доказательство невозможности дальнейшего существования коалиции. Министры партии народной свободы, чтобы показать, что они вовсе не против областной автономии Украины, принесли с собой в заседание 2 июля только что состоявшееся решение Центрального комитета партии — внести областную автономию в программу и создать комиссию для выработки законопроекта. Но признать без всяких изменений бесформенную и юридически-неграмотную декларацию Терещенко и Церетели они не могли» [1].

Во время этого кризиса власти, пишет Милюков, произошло известное выступление большевиков. Уверения большевиков, что это движение не было ими организовано, частично верно; в июле большевики еще не считали положение достаточно созревшим для того, чтобы произвести окончательный удар. Но они не прочь были произвести пробу. Движением руководила заседавшая во дворце Кшесинской военная организация большевиков, рассылавшая боевые приказы о вооруженном выступлении, о присылке машин, о присылке из Кронштадта крейсеров. Здесь же на карте были обозначены пункты, которые подлежали захвату.

Во время этого восстания «были моменты, когда положение правительства казалось безнадежным. Преображенцы, семеновцы, измай-

[1] «История», ч. I, с. 236.

ловцы, не примкнувшие к большевикам, заявили и правительству, что они сохраняют «нейтралитет». На дворцовой площади для защиты штаба были только инвалиды и несколько сотен казаков» [1].

Обстоятельством, переломившим настроение войска, по мнению Милюкова, было опубликование некоторых документов разведки. Мысль принадлежала министру Переверзеву. В этих документах указывалась связь Ленина с германским генеральным штабом и назывались имена доверенных лиц.

После подавления восстания большевиков правительство приняло целый ряд репрессивных мер против них. Были арестованы вожди большевиков, запрещен ввоз в армию «Правды», «Окопной правды» и «Солдатской правды». «Правительство впервые решило открыто заговорить о деятельности немецких агентов и провокаторов на судах Балтийского флота и о том, что с несомненностью выяснилось, что беспорядки в Петрограде были сорганизованы при участии германских правительственных агентов» [2].

Партия кадетов, пишет Милюков, настаивала на удалении из правительства «пораженца» Чернова, о котором шли слухи, что он с ведома правительств Германии и Австрии распространял пораженческие взгляды среди военнопленных. «Характер отношений русских пораженцев с.-р. направления, и в особенности самого Чернова, к самым этим властям оставался невыясненным» [3]. В очень затруднительном положении, по мнению Милюкова, очутились социалистические вожди типа Церетели. На словах они продолжали защищать лозунги Циммервальда и мировой революции, а на деле поддерживали Временное правительство. Для них невыгодно было входить в правительство, и поэтому они уступили власть Керенскому. «Видя бессилие и связанность д а н н о й власти, обыватель начинал искать д р у г о й, настоящей. И, смотря по политическому настроению, за Керенским уже вырисовывались либо Корнилов, либо Ленин» [4].

После падения Риги, повествует Милюков, в военном министерстве имелись сведения, что большевики готовят новое наступление. «В опубликованных позднее документах разведки именно к этому времени

[1] «История», ч. I, с. 243.
[2] Там же, вып. II, с. 14.
[3] Там же, с. 43.
[4] Там же, с. 10.

относятся новые ассигновки германских денег на «предприятия Троцкого» [1]. По мнению Милюкова, нужно было принять срочные меры, чтобы не допустить повторения событий 3—5 июля. С целью договориться обо всем с ген. Корниловым был командирован в ставку Б. В. Савинков.

В переговорах с Корниловым, пишет Милюков, Савинков от имени правительства обещал удовлетворить все требования Корнилова для оздоровления армии и тыла. Только с своей стороны потребовал, чтобы Корнилов двинул войска к Петрограду для подавления советов. Савинков говорил Корнилову: «...прошу Вас отдать распоряжение, чтобы третий конный корпус был к концу августа подтянут к Петрограду и был предоставлен в распоряжение Вр. правительства. В случае, если, кроме большевиков, выступят и члены советов р. и с. д., нам придется действовать против них». При этом Савинков сказал, что действия должны быть самые решительные и беспощадные. На это ген. Корнилов ответил, что он иных действий и не понимает [2].

Таким образом первая мера Корнилова, признанная впоследствии «мятежнической», была принята им по требованию Вр. правительства.

Одновременно с наступлением Корнилова на Петроград в самом Петрограде должно было начаться восстание против Временного правительства. Во главе этого заговора стояли офицерские организации «Союз воинского долга» и «Республиканский центр». План деятельности этих организаций был следующий: захват броневых автомобилей, арест Вр. правительства, аресты и казни наиболее видных и влиятельных членов совета р. и с. д. и т. д. В январе 1918 года в Оренбурге атаман Дутов признался Львову, что: «между 28 августа и 2 сентября под видом большевиков должен был выступить я» [3].

Отчасти неудачу корниловского похода Милюков об'ясняет нерешительностью действий самого Корнилова и его приближенных. Сам Корнилов потом показал... «я был болен, у меня был сильный приступ лихорадки, и не было моей обычной энергии». Но «вопрос был решен действительно не столько передвижением войск, стратегическими или тактическими успехами правительственных или корниловских отрядов,

[1] «История», вып. I, с. 156.
[2] Там же, с. 162.
[3] Там же, с. 171.

сколько настроением войск. Вопрос решили—здесь, как и на фронте, не полководцы, а солдаты» [1].

Вступивши в борьбу с Корниловым и с «корниловщиной», А. Ф. Керенский пропустил последний момент и лишил страну последнего шанса выйти из состояния распада и восстановить серьезную и сильную революционную власть» [2].

Если после «корниловщины», продолжает Милюков, умеренные социалисты и «буржуазия» и поддерживали Керенского, то только потому, что Керенский им был нужен, как наименьшее зло. Но такая поддержка только и могла быть временная — до тех пор, пока насущные вопросы не решались, а только отсрочивались.

Третьему коалиционному правительству, пишет Милюков, приходилось работать в невероятно тяжелых условиях. На Украине продолжали усиленно работать сепаратисты. Самочинные шаги к украинизации гражданского и военного управления продолжались энергичнее прежнего. Настроение украинских националистов было совершенно большевистское. Они требовали заключения перемирия на всех фронтах, угрожая в противном случае взять в свои руки дело окончания войны против «затягивающей эту бойню буржуазии».

К этому же времени разлилась волна беспорядков и погромов по всей России. В одних местах беспорядки возникают на почве продовольственных затруднений, в других толчок к ним дает разгром солдатской толпой винного склада, в третьих просто никто, по мнению Милюкова, не в состоянии ответить на вопрос, отчего возникли беспорядки.

«Толпа... все более выходит на улицу и начинает чувствовать себя господином положения, не признавая над собой никакой власти. Иногда эта толпа выкидывает те или иные большевистские лозунги, но по существу ее нельзя назвать даже большевистской или анархической. Просто толпа, как толпа: темная, глубоко невежественная, не признающая ничего, кроме грубо личных интересов» [3].

В предпарламенте при обсуждении иностранной политики правительства, после доклада министра иностранных дел Терещенко, Милюков пишет, что он взял слово и подверг критике «Наказ», ко-

[1] «История», вып. III, с. 263.
[2] Там же, вып. II, с. 2.
[3] Там же, с. 107, 108.

горый был выработан Центральным исполнительным комитетом советов р. и с. д. и которым должен был руководствоваться на конференции союзников в Париже специальный делегат «революционной демократии» М. И. Скобелев.

Соглашаясь с первым общепацифистским пунктом «Наказа», он не согласен со вторым «специфически-стокгольмским», но третий пункт вызывает «чувство негодования и жгучего стыда в той части, которая является воспроизведением германских стремлений» [1].

Перед самым переворотом Ленин выпустил брошюру «Удержат ли большевики гос. власть». Ленин, в этой брошюре, по мнению Милюкова, вопреки почти всеобщим тогда убеждениям доказывал, что большевики власть удержат, что нужно только эту власть взять. То, что в этой брошюре написано, «это разумеется не социализм. Но это — демагогия, и весьма действенная, особенно при слабости и бесформенности русских классовых надстроек и при податливости неподготовленной массы на всякие эксперименты. Впредь до разочарования в последствиях этих экспериментов, расчет Ленина на массы совершенно правилен. А после этого? Но в промежутке ведь будет создан новый государственный аппарат». «Он (Ленин—*О. Л.*) централист и государственник — и больше всего рассчитывает на меры прямого государственного насилия» [2].

К вооруженному восстанию, по Милюкову, большевики готовились уже все время после июльских дней, первоначально восстание предполагалось начать 29 августа. Но Корнилов предупредил их. Большевики имели все основания думать, что Корнилов их не пощадит, и они предпочли уклониться от направленного против них удара и поставить тем Корнилова в невыгодное положение, как нападающего на самое Вр. правительство. Как только корниловское движение было подавлено, они принялись за серьезную подготовку к решительному бою. Некоторые документы бросают яркий свет на закулисную сторону этой подготовки.

Так же как и перед июльскими днями, пишет Милюков, дело идет о солидной германской помощи деньгами и оружием.

Излагая историю октябрьского переворота, Милюков пишет, что в ночь на 25 октября, когда большевики продолжали энергично дей-

[1] «История», вып. III, с. 164.

[2] Там же, с. 184.

ствовать, Керенский и Коновалов в ожидании подкреплений, которые, однако, не подходили, оставшись одни в Зимнем дворце, переживали тревожные часы. С казачьими полками шли беспрерывные переговоры. но казаки под разными предлогами оставались в казармах. С другой стороны, не подходили и партийные боевые силы. Этот факт об'ясняется тем, что «партийные центры, увлеченные бесконечными переговорами с Смольным, гораздо более рассчитывали на авторитет «резолюции», чем на силу штыков» [1].

Отношение к Керенскому в армии было давно уже резко отрицательное, доходившее до ненависти в среде государственно-настроенных элементов. Не поддерживали его, по мнению Милюкова, и те, кого он выдвинул на место устраненных, руководясь их репутацией радикалов и создавая им неожиданно-блестящую карьеру. Они были за Керенского, когда ветер дул в его сторону — они первые спешили повернуть к нему спину в ожидании новых хозяев. «Керенского не хотели защищать ни его враги, ни его друзья. Злой рок судил, чтобы в ту минуту, когда нужно было собрать все силы на защиту русской государственности, эта государственность называлась именем Керенского» [2].

30 октября под Пулковым, продолжает он, разыгрался решительный бой. Большевики действовали совершенно правильно под руководством германского обер-лейтенанта Отто Бауэра и при участии дисциплинированных латышских стрелков. Но у Краснова не было сил. «Если бы хотя два батальона пехоты подошли ко мне в то время,— пишет Краснов, — «можно было бы поправить дело. Но подмога не шла» [3].

«С Временным правительством повторилась в октябре та же история, как с царским правительством в февральские дни. Случайный революционный взрыв в столице был поддержан пассивно армией, потому что настроение как командования, так и солдат сложилось против того и другого правительства. В этом смысле правильно было бы сказать, что судьба той и другой революции в последнем счете решена армией» [4].

---

1 «История», вып. III, с. 200.
2 Там же, с. 240.
3 Там же, с. 255.
4 Там же, с. 256.

После победы большевиков, пишет Милюков, начался невероятный разгул убийств и грабежа. В одной женской организации был произведен обыск, были издевательства, безмерная наглость и грубость, аресты. Во время обыска исчезли ценные вещи, деньги. Новые жандармы все унесли, «но оставили кое-что и свое: на полу после их ухода нашлась германская марка» [1].

«Так положено было в столице формальное начало гражданской войны, начало той бесконечной цепи страданий неорганизованных масс от вооруженного господства организованных шаек, в которой погибла русская государственность» [2].

Никто не предвидел, «что здесь возникает режим, который будет длиться долгие годы и который доведет Россию до крайней степени разрушения всех ее национальных целей—государственных, экономических и культурных, которые копились долгими годами» [3].

Такова вкратце «История второй русской революции», в изложении г. П. Н. Милюкова.

В начале «Истории» Милюков дает общую характеристику причин революции. По его мнению, Временное правительство совершило целый ряд ошибок в смысле чрезмерных уступок левым (интеллигентский максимализм). Корни этой ошибки, по мнению Милюкова, лежат в историческом прошлом России.

Основной причиной победы большевиков Милюков считает слабость русской государственности, чуждость ее народу и преобладание в стране безгосударственных и анархических элементов. В данном вопросе он опять сильно колебнулся в сторону славянофилов, и заодно с ними утверждает, что государственная власть в России не возникла органически из исторического развития России, а была налажена сверху, извне. Он пишет: «...пришедшая извне государственность постоянно, при Рюрике, как и при Петре Великом, как и в нашем «империализме» XIX и XX века,—опережала внутренний органический рост государственности» [4]. Дальше он повторяет написанное в «Очерках по истории русской культуры» о слабости и искусственности сословий, доходя в этом вопрое до чудовищных вещей—до отрицания существова-

---

[1] «История», вып. III, с. 286.
[2] Там же, с. 296.
[3] Там же, с. 307.
[4] Там же, вып. I, с. 12.

ния на Руси буржуазии («полное почти отсутствие «буржуазии» в истинном смысле этого слова», с. 12). Кроме слабости государственности и отсутствия крепко сложенных сословий, Милюков выделяет еще третью отличительную черту революционного процесса, — это отсутствие культурной традиции, вследствие чего мы, не имея своих прочных традиций, легко принимали модные европейские радикальные идеи.

На основе вышеизложенных коренных причин, по мнению Милюкова, большевикам удалось использовать бессознательность и темноту русского народа, и «на почве культурной розни провести глубокую социальную грань и раздуть в яркое пламя социальную вражду народа к «варягам», к «земщине», к «дружине» [1].

Таковы общие корни причин революции 1917 года в изложении г. Милюкова.

Как видит читатель, Милюков принял не только некоторые идеи славянофилов, но и стал писать в их стиле. Что касается изложенных «корней» революции, то в своем месте мы об этом писали. Служебная роль этой «теории» совершенно очевидна. Признать закономерность Октябрьской революции Милюков не может, и поэтому он ее об'ясняет как ненормальное, случайное явление исторического процесса.

Ответственность за революцию, по мнению Милюкова, несет в известной мере также старое царское правительство, которое неуступчивостью и неискренностью реформ 1905 года разрушило возможное соглашение народа (т. е. буржуазии) с властью.

Милюков, как видно, не забыл своей роли маклера при царском правительстве, когда он, выклянчивая уступочки, хотел обмануть революционный народ и избежать революции. Если царское правительство на эти уступки не пошло, правильно учитывая, что дело не в отдельных уступках, а в коренной ломке старых социальных порядков, Милюков за это причисляет царское правительство тоже к факторам революции. По Милюкову, только одна буржуазия неповинна в случившемся. Да, ведь, сама буржуазия в России «почти отсутствовала».

Таковы общие корни причин, по мнению Милюкова, приведших страну к двум революциям 1917 года.

Переходя к изложению событий, Милюков пишет, что к моменту Февральской революции было всеобщее расстройство народно-хозяй-

[1] «История», вып. I, с. 15.

ственной жизни, и несмотря на это почти всем слоям населения жилось хорошо, рабочие не работали и получали пайки, крестьяне не платили налогов, буржуазия получила казенные субсидии; как-будто не было никаких причин для начала революции. Конечно, интеллигенции и чиновникам жилось плохо, и поэтому, наверное, эти группы населения во главе с Милюковым и замышляли что-то в роде дворцового переворота. Но это, все-таки, далеко еще не революция. Где же, наконец, причины революции? Работа германских шпионов совместно с русскими пораженцами, с одной стороны, и провокационная деятельность царской полиции—с другой, глубокомысленно вещает нам г. Милюков. Абсурдность этих уверений очевидна даже для детей, и на них останавливаться не приходится.

Почему Милюкову нужно было выдумать столь нелепое об'яснение возникновения революции? Неужели он не видел колоссальных бедствий и продовольственной разрухи, вызванных войной, не видел нарастающего всеобщего возмущения против хозяйничанья шайки Распутина? Конечно, он это знал. Но в его схеме реорганизации правительства массового движения не полагалось, он больше всего боялся настоящей, подлинной, народной революции, и когда она совершилась и расстроила все его планы, он все же продолжал ее отрицать, и поэтому ему и понадобились германские деньги; кроме того, это был испытанный способ набрасывать тень на своего противника. «Лги, шуми, кричи, повторяй ложь—что нибудь остается»[1].

Так писал т. Ленин по поводу клеветнических выходок против партии пролетариата.

Милюков хвастливо говорит, что будто бы его речь, произнесенная в Гос. Думе 1 ноября 1916 г., послужила сигналом к революции, и даже началу революции он считает с 1 ноября. Однако, Милюков не прав, ибо он призывал не к революции, а хотел только смены министров с сохранением монархии и всех старых порядков. Заключительный аккорд этой его речи гласит: «... господа, во имя миллионов жертв и потоков пролитой крови, во имя достижения наших национальных интересов, во имя нашей ответственности перед народом, который нас сюда послал, мы будем бороться, пока не добьемся той настоящей ответственности правительства, которая определяется тремя признаками

---

[1] Ленин, Соч., т. XIV, ч. 1, с. 79.

нашей общей декларации: одинаковое понимание членами кабинета ближайших задач текущего момента, их сознательная готовность выполнить программу большинства Гос. Думы и их обязанность опираться не только при выполнении этой программы, но и во всей их деятельности на большинство Гос. Думы. Кабинет, не удовлетворяющий этим признакам, не заслуживает доверия Гос. Думы и должен уйти» [1].

Таким образом, ответственное перед Думой министерство, это тот максимум требований, дальше которого Милюков итти не согласен.

Буржуазия больше всего была недовольна царским правительством потому, что оно неумело вело войну и не могло справиться с нарастающим рабочим движением. Отсюда все эти разговоры о дворцовом перевороте, к которому готовились с большой осторожностью. По свидетельству Шульгина, который описывает одно такое собрание, посвященное дворцовому перевороту, где участвовал также и Милюков, выходит что-то не похожее на собрание заговорщиков. Он пишет: «Сначала разговаривали «так», потом сели за стол... Чувствовалось что-то необычайное, что-то таинственное и важное. Разговор начался на ту тему, что положение ухудшается с каждым днем и что так дальше нельзя... Что что-то надо сделать... Необходимо сейчас же... Необходимо иметь смелость... чтобы принять большие решения... серьезные шаги... Но...

Так никто не решился сказать... Чего они хотели? Что думали предложить? Я не понял в точности... Но можно было догадываться... Может быть, инициаторы хотели говорить о п е р е в о р о т е с в е р х у, чтобы не было переворота снизу» (разрядка моя—*О. Л.*) [2].

Отношение Милюкова к рабочему движению еще до Февральской революции видно из той кампании, какую он вел в Гос. Думе против нарастающего революционного движения, клеймя последнее как интриту германцев. В феврале в газете «Речь» появилось письмо Милюкова, в котором он говорит, что будто бы от его имени на фабриках ведется агитация за выступление 14 февраля в пользу Гос. Думы и с протестом против войны, там же будто бы раздавалось рабочим оружие.

«Обращаю,—пишет г. Милюков,—лишь внимание рабочих на то, что дурные и опасные советы, распространяемые в их среде такими

---

[1] Речь Милюкова, изд. «Нар. право», с. 23.

[2] «Февральская революция», мемуары белогвардейцев. с. 70.

низкими средствами, очевидно, исходят из самого темного источника. Последовать этим советам—значит сыграть на руку врагу. Поэтому я обращаюсь с убедительной просьбой ко всем, услышавшим эти советы и увещания, не принимать участия в демонстрациях 14 февраля и оставаться в этот день спокойными. Своим спокойствием они расстроят планы своих врагов» [1].

Этот исторический документ наглядно показывает отношение Милюкова к революции. Он рабочих предостерегает от борьбы против войны и против царизма, непослушных его советам он третирует как германских агентов. Эта чисто полицейская точка зрения красной нитью проходит через всю его «Историю».

Когда вопреки «советам» Милюкова революция совершилась, по свидетельству Суханова [2], Милюков ходил совершенно растерявшись. И не только один Милюков: такая участь постигла почти всех членов прогрессивного блока. Очень меткую характеристику состояния умов либеральных кругов тех дней дает Станкевич в своих воспоминаниях. Он пишет: «Официально торжествовали, славословили революцию, кричали «ура» борцам за свободу, украшали себя красными бантами и ходили под красными знаменами... Все говорили «мы», «наша» революция, «наша» победа, и «наша» свобода. Но в душе, в разговорах наедине,—у ж а с а л и с ь, с о д р о г а л и с ь и чувствовали себя плененными в р а ж д е б н о й стихией, идущей какими-то неведомыми путями... Говорят, представители прогрессивного блока плакали по домам в истерике от бессильного отчаяния» [3].

Те же впечатления, но более ярко изложены Шульгиным, напр.: «Бесконечная, неисчерпаемая струя человеческого водоворота бросала в Думу все новые и новые лица... Но сколько их ни было—у всех было одно лицо: гнусно-животно-тупое или гнусно-дьявольски-злобное... Боже, как это было гадко. Так гадко, что, стиснув зубы, я чувствовал в себе одно тоскующее, бессильное и потому еще более злобное бешенство.

— Пулеметов.

---

[1] Ш л я п н и к о в, Семнадцатый год, ч. 1. с. 50.
[2] С у х а н о в, Записки о революции, кн. 1, с. 80.
[3] С т а н к е в и ч, Воспоминания, с. 71.

Пулеметов—вот чего мне хотелось. Ибо я чувствовал, что только язык пулеметов доступен уличной толпе и что только он, свинец, может загнать обратно в его берлоги вырвавшегося на свободу страшного зверя... Увы—этот зверь был... Его Величество русский народ... Ах, пулеметов сюда, пулеметов. Но пулеметов у нас не было. Не могло быть» [1].

Вот подлинное настроение русской буржуазии в февральские дни. Она тосковала о пулеметах, которых у нее не было. Она во главе с Милюковым все лето, до изгнания, тосковала о пулеметах, обвиняя Вр. правительство в нерешительности и слабости действий при подавлении народных волнений.

В своей «Истории» Милюков часто пишет о том, что Гос. Дума возглавляла революцию и руководила ею. На самом деле ничего подобного не было. Из воспоминаний Мансырева [2] мы узнаем, что на совещании Гос. Думы 27 февраля Родзянко говорил, что медлить с подавлением бунта невозможно и что необходимо «обсудить положение и наметить меры к прекращению беспорядков» [3]. Кадет Некрасов предложил ехать к председателю Совета министров кн. Голицыну и просить последнего назначить диктатором генералов Поливанова или Маниковского для подавления бунта. Нужно подавить революцию, вот какую задачу ставила себе Гос. Дума в первые дни восстания.

Если у буржуазии до революции сделка с царизмом не состоялась, то она хочет теперь наверстать утерянное. Родзянко мечется как угорелый. Едет к премьеру свергнутого правительства кн. Голицыну. Посылает царю телеграммы, информирует и просит послушаться его советов в целях спасения монархии. Особенно упорно монархию отстаивал Милюков, ибо он считал, что только при монархии удастся задержать, связать разбушевавшуюся стихию и что только при сохранении династии Романовых придется меньше ломать старого и загнать обратно в свои берлоги, по выражению Шульгина, этого страшного зверя, имя которого «Русский Народ». Главное, чтобы сохранить послушную армию и выиграть войну, ту азартную ставку, на которую шла вся буржуазия, как господствующий класс.

---

[1] «Февральская революция», мемуары белогвардейцев. с. 89 и 91.
[2] Там же, с. 266.
[3] Там же, с. XV.

Таким образом, отношение к революции у Милюкова, как представителя империалистической буржуазии, с самого начала было враждебное. Когда первый страх прошел, когда он увидел несостоятельность «вождей» пролетариата (разумеется соглашателей), которые почти что на коленях молили буржуазию взять власть, тогда он опять воспрянул духом.

Состарившись в первые дни революции, теперь, по свидетельству Палеолога, он опять помолодел на 10 лет.

Характерно то, что Милюков как министр иностранных дел, несмотря на изменившуюся общественную психологию, продолжал вести иностранную политику в традиционном духе царского самодержавия; это свидетельствует, во-первых, о том, что иностранная политика царского правительства велась в духе русского империализма и, во-вторых, о том, что Милюков полагал, что совершившийся переворот облегчит буржуазии вести войну более успешно, чем это было при царизме. Этим также об'ясняется то, что, по свидетельству Набокова [1], Милюков в бытность свою членом правительства, никаких других вопросов, кроме вопросов, так или иначе связанных с войной, на обсуждение правительства не ставил. Набоков пишет: «Он (Милюков—*О. Л.*) не понимал, не хотел понимать и не мирился с тем, что трехлетняя война осталась чуждой русскому народу, что он ведет ее нехотя, из-под палки, не понимая ни значения ее, ни целей, — что он ею утомлен и что в том восторженном сочувствии, с которым была встречена революция, сказалась надежда, что она приведет к скорому окончанию войны».

Особенно энергично он летом 1917 г. защищал необходимость завоевания Константинополя и Дарданелл. Набоков по этому вопросу пишет, что это его настроение можно назвать азартом, «развивающимся в душе того, кто присутствует при огромной игре с колоссальными ставками и знает, что от него зависит принять участие в этой игре, тем самым обеспечивая себе участие в будущем дележе добычи. Конечно, к этой добыче стремились во имя национальных, а не каких либо личных интересов. Конечно и Милюков, ухватившийся и до самого конца цепко державшийся за обещанные Константинополь и проливы, думал только о благе России» [2].

---

[1] «Архив русской революции», т. I, с. 61.

[2] Там же, с. 56.

Теперь становится понятна злоба и ненависть Милюкова ко всем тем, кто ставил препятствия к достижению вековых, национальных (по Милюкову) задач России, т. е. к изгнанию Турции из Европы, захвату проливов с Константинополем и т. д. Так как самым сильным противником на пути к достижению этой цели являлись в те времена германцы, то он и видит всюду коварную руку германца. Этот взгляд о всемогущем германце в его «Истории» доведен до абсурда. Например: 1) на заводах волнуются рабочие — рука германцев, 2) февральский переворот — инсценировали германцы, 3) демократизация армии — приказ № 1 писали германские шпионы, 4) апрельские выступления против Милюкова—Гучкова — за германские деньги (платили по 10—15 р. участнику), 5) июльские события при помощи германских денег организовали пораженцы, 6) Украина стремится к автономии — тоже германцы виноваты. Об Октябрьской революции и нечего говорить, по Милюкову здесь участвовали не только германские деньги, но и немецкие офицеры. Этой печальной участи не избегли даже лакеи буржуазии, соглашатели, напр., Чернов, и тот был взят под сомнение, и не только один Чернов, даже коллективному творчеству оборонческого совета, известному «наказу» Скобелева, Милюков прицепил «германскую марку». Абсурдность и бред ненормального человека здесь, в этих утверждениях Милюкова, совершенно очевидны и не требуют никаких опровержений. Вполне понятно, что у Милюкова нет никаких доказательств для подкрепления своих слов, у него есть только намеки, «как известно», «мы знаем», «ходят слухи» и т. д.; кроме этих «слухов» у Милюкова есть еще одна категория свидетелей: это провокаторы и контрразведчики, публика низкого нравственного качества, которая за деньги сфабрикует любой документ и даст любое свидетельство. К этой категории документов и свидетелей и прибегает Милюков, ибо никаких других документов у него нет. Даже сам он должен признать наличие сфабрикованных документов[1], но дру-

[1] Он пишет, что вообще ходили по рукам сфабрикованные подложные документы, но те документы, которыми он пользовался, не являются подложными, ибо, по его словам, их собрала русская контрразведка. Но где гарантия, что документы, собранные контрразведкой, являются подлинными? Из опубликованных после войны документов стало известно, в каких широких размерах контрразведки всех стран фабриковали подложные документы и сбывали их своим и чужим правительствам за колоссальные

гих у него не было и приходилось изворачиваться, лгать и клеветать без конца. Характерна история с приказом № 1. По Милюкову приказ был сочинен каким-то неизвестным типом в военной форме. А из опубликованных работ Шляпникова и Суханова мы знаем, что приказ под диктовку членов солдатской секции писал Н. Д. Соколов, затем приказ был прочтен пленуму совета и единогласно принят. Но что поделаешь, нужно натравить на партию пролетариата отсталые массы и для этого все средства хороши. Ложь и клевета — это испытанное оружие в руках буржуазии всех стран против революционного освободительного движения масс.

Несомненно, что корниловщина явилась отчаянной попыткой империалистической буржуазии вернуть себе постепенно ускользавшую власть. Поэтому и корниловщине Милюков в своей «Истории» отвел сравнительно много места. Здесь мы узнаем много интересных фактов о том, что сам Милюков сносился с Корниловым и Алексеевым, что он хотел вместо Керенского во главе правительства поставить корниловца Алексеева, и что этот план расстроился благодаря вмешательству Петроградского пролетариата. Вполне понятно, что в истории Милюкова Корнилов возведен в ранг святых, как мученик за счастье русского народа. Характерно, что и по сей день Милюков этого палача, собиравшегося потопить в крови пролетариат и революционное крестьянство, вспоминает с большим уважением. Так, 12 апреля 1925 года

деньги. Летом 1917 г. со стороны Временного правительства спрос на такие документы был большой, нужно было употребить все усилия, чтобы уничтожить партию большевиков и ее вождей. Нужно только удивляться, почему эти документы вышли так бледны и их подложность так сильно бросается в глаза. Что этот способ дискредитации пролетарской партии в Июльские дни имел свое действие, это общеизвестно. Наверно поэтому и сейчас мировая буржуазия всегда, когда ей становится туго, выпускает на свет «письма Зиновьева».

Приводимые Милюковым данные о том, что будто-бы большевики получали деньги из Германии через Ганецкого и Суменсон, есть гнуснейшая клевета. В А. О. Р. имеется так называемое «июльское дело большевиков», состряпанное по распоряжению Вр. правительства прокурором Каринским и судебным следователем Александровым. В этом деле собрана вся переписка и все счета Суменсон и Козловского. Несмотря на усилия юристов обнаружить «измену», ничего преступного обнаружено не было и Вр. правительство из-за отсутствия улик вынуждено было г. Суменсон и т. Козловского выпустить из тюрьмы.

в Люне, в начале своего доклада, он попросил аудиторию почтить память погибшего героя вставанием.

Милюков и слышать не хочет о прекращении войны. Он за войну до победного конца. Но он также и против всяких реформ, которые откладывает до Учредительного собрания, исподтишка готовя генеральский переворот, и полагая, что, может быть, Учредительное собрание и не придется созвать. А при генеральской диктатуре созвать «учредилку»— это, пожалуй, даже и не опасно. Милюков решительно возражает против разрешения украинского и финляндского вопроса в желательном для этих народов направлении. Но, боже упаси, к-д. не идут против свободы отдельных народов, они даже 2 июля включили в программу партии пункты по национальному вопросу и согласны для обсуждения этого вопроса при партии организовать соответствующую комиссию. Только неблагодарные украинцы и финляндцы,—конечно, по мнению Милюкова, подкупленные германцами,—не хотели ждать и расстроили весь его план. Временное Правительство распустило финляндский сейм (на что и царское правительство не решилось бы) и за это заслужило одобрение со стороны Милюкова. О разрешении аграрного вопроса до Учр. собрания Милюков и слышать не хочет. Он усердно цитирует места из с.-р. газеты «Дело народа», где борьба крестьян против помещиков изображается, как бунт черни, и одобряет принятые правительством Чернова меры для усмирения крестьян (посылка казаков).

Но кроме отрицательного, есть и моменты положительные в «Истории» г. Милюкова. Особенно, что касается его союзников слева, господ соглашателей. Он характеризует меньшевиков и с.-р., как жалких политиканов, на словах защищающих рабочих, а на деле полностью творящих политику буржуазии. Поэтому и он скорбит о постоянно уменьшающемся авторитете этих «вождей». Он им сочувствует, плачет по ним, но ничем помочь им не может.

Против воли автора там, где он излагает ход событий, мы можем прочесть много поучительного. Так, описывая июльские события, Милюков должен констатировать, что у Вр. правительства в столице других защитников, кроме ударников, не оказалось, и нужен был подлог, чтобы спасти положение. Касаясь выступления Корнилова, он вынужден констатировать, что солдаты и рабочие были против последнего и поэтому он потерпел поражение.

Касаясь борьбы в октябре под Гатчиной, Милюков цитирует слова Краснова о том, что сил мало, что «если бы хотя два батальона пехоты подошли ко мне в это время», но у русской буржуазии даже этих двух батальонов под рукой не оказалось и тем обнаружился весь трагизм ее положения. Он местами роняет вполне правильные замечания, например, на с. 256 III выпуска он сознается, что судьба как царизма, так и Временного правительства, в конечном счете, была решена армией.

Но это у него слабые просветы на темном фоне клеветы, лжи и шаблонных рассуждений о «бесформенности русской души», «слабости социальных прослоек» и т. д.

Клеветник в Милюкове всегда преобладает над историком; так, касаясь истории падения Риги, он винит в этом солдат, которые по его словам окончательно разложились, бросили окопы, пьянствовали и митинговали на улицах Риги, передавая все военные секреты врагу. Но это сплошная клевета. Роль Корнилова и генералитета в падении Риги общеизвестна. Они сдали германцам Ригу, чтобы избавиться от революционной 12 армии. С целью истребления, в бой отдельными частями были брошены самые революционные полки, которые погибли, но не отступили.

О положении армии на Рижском фронте в книге Станкевича «Воспоминания» мы узнаем, что нарушения дисциплины у солдат не было, но командный состав относился ужасно небрежно к исполнению своих обязанностей. Между частями войск не было связи, к винтовкам не было соответствующих патронов и т. д. Во время рижской операции отдельные генералы не выполняли приказов и, когда Станкевич как комиссар фронта требовал предать генерала Скалона военному суду, то получил от Корнилова грозную телеграмму с требованием расстрела солдат и угрозой—предать суду Войтинского и ген. Парского за неправильную информацию о положении на фронте. Станкевич замечает, что Корнилов хотел, вместо настоящих виновников потери Риги, всю вину свалить на солдат[1].

В начале рижской операции штаб и меньшевистский «Искосол» бежали в город Венден и вся тяжесть обороны легла на большевистский Совет рабочих депутатов г. Риги и Исполком латышских стрелковых полков «Исколастрел». Между прочим, когда Милюкову это понадоби-

[1] Станкевич, Воспоминания, с. 204, 206, 207, 212.

лось, эти же демюрализованные латышские стрелки из разложившейся банды превратились в грозную боевую дисциплинированную силу, и каким-то чудом оказались под Петроградом. Конечно, это чистый вымысел Милюкова. В то время латышские стрелки были не под Петроградом, а занимали окопы между Венденом и Ригой. Такого рода фальсификации и противоречия можно встретить на каждой странице его «Истории».

2. Освещение революции в книге «Россия на переломе».

Статья уже была набрана, когда в руки автора попало новое сочинение Милюкова — «Россия на переломе», т. I и II. Так как в этом труде имеется целый ряд новых интересных положений, говорящих о новых сдвигах в области об'яснения русского исторического прошлого, то необходимо на них хоть бегло остановиться.

Революция 1917 года и последующие годы укрепления Советского Союза заставили Милюкова пересмотреть целый ряд основных проблем истории, как они были изложены в «Очерках по истории русской культуры». Если в своей старой схеме он на первом плане ставил государство, которое, по его мнению, возникло в целях борьбы со степными хищниками, если по этой схеме государство было всесильно (создало сословия, города, промышленность и т. д.), то с последними пушечными выстрелами на Крымском полуострове и с перекочеванием белых в Константинополь рассыпались в прах теория всесильного государства и появилась противоположная теория о слабости государственности и преобладании в стране безгосударственных элементов. В предисловии и в первой главе (предисловие помечено датой 27 декабря 1920 г.) «Истории второй русской революции», как мы уже показали выше, Милюков по вопросу о возникновении государства распрощался со старой теорией и переходит в лагерь славянофилов. В этой же книге он выдвигает вопрос о максимализме русской интеллигенции, на которую он возлагает ответственность за постигшие буржуазию неудачи. События были так свежи, и Милюков, как участник борьбы, не мог об'ективно оценить происшедшее крушение буржуазии, вследствие чего он ответственность за случившееся свалил на друзей слева — представителей мелкобуржуазной интеллигенции, меньшевиков и эсеров. О крестьянстве в этой книге Милюков почти не говорит, ограничиваясь замечаниями о темноте, забитости и невежественности

крестьянской массы, которая, по его мнению, была лишь пассивна и «только терпела» ненавистный ей режим.

Что нового, по сравнению с «Историей второй русской революции», есть в книге «Россия на переломе?»

Во-первых, необходимо отметить, что по вопросу о возникновении русского государства Милюков в новой книге высказанные им уже раньше славянофильские взгляды развивает более подробно. В противоположность Западу, где государство возникло в процессе органического внутреннего развития, по мнению Милюкова, «государство на Востоке появилось слишком поздно, чтобы вести свое происхождение исключительно изнутри, из стихийного процесса органического внутреннего развития. Оно было принесено на Восток извне... За отсутствием внутренних элементов местной, национальной государственности — государственные учреждения здесь просто были наложены сверху, над учреждениями племенными. Красноречивая летописная легенда, как нельзя лучше символизирует такое происхождение русского государства. «Земля наша велика и обильна», — говорили посланцы северных племен скандинавскому витязю (викингу), — а порядка в ней нет. Приди княжить и владеть нами». Эта легенда о призвании варягов не напрасно стала ходячим крылатым словом, которое всегда употребляют, когда хотят сказать, что порядок в России снова приходится вводить извне... Политическое развитие и процесс расширения русского государства постоянно опережали экономическое развитие России. Поэтому государство всегда (разрядка моя — *О. Л.*) принуждено было вымогать от своих малосостоятельных подданных больше, чем они могли дать. Это создавало необходимость прибегать к силе [1].

В силу вышеизложенных особенностей развития Милюков выделяет следующие три положения: 1) анархичность крестьянства, 2) все существенные перемены проводились сверху, правительственной властью и 3) «каждое новое правительство могло быть уверено в пассивном повиновении, только бы оно не слишком грабило простой народ» [2].

Как видно из приведенных цитат, теперешние исторические взгляды Милюкова представляют еще большую смесь, чем это было раньше, славянофильства с западничеством. И раньше у него были

[1] Милюков П., Россия на переломе, т. I, с. 30—31.
[2] Там же, с. 32.

большие колебания в сторону славянофилов (знаменитый контраст России с Западом), он и раньше писал, что и те и другие правы, теперь он окончательно смешал в одно эти два, когда-то враждующие, течения. У славянофилов он взял положение, что власть у нас возникла не путем органического развития, а появилась извне, в этом он согласен с славянофилами, но следующее положение славянофилов, говорящее о том, что «В основании государства русского: добровольность, свобода и мир. Эти начала составляют важное и решительное различие между Русью и Западной Европой, и определяют историю той и другой... Запад из состояния рабства переходит в состояние бунта, принимает бунт за свободу, хвалится ею и видит рабство в России. Россия же постоянно хранит у себя призванную ею самою власть, хранит ее добровольно, с в о б о д н о, и потому в бунтовщике видит только раба» [1], — эти положения славянофилов Милюков отвергает, и говорить о нем, как о славянофиле, можно лишь в том смысле, что он теорию славянофилов, относящуюся к Западной Европе, теперь применяет к России. Он смотрит на русский исторический процесс так, как смотрели славянофилы на историю Западной Европы, писавшие, что там государственная власть возникла из завоевания, и вследствие этого носила насильственный характер. В истории России у славянофилов власть с народом жила в мире и дружбе, отношения между властью и народом были свободные, разумные, исключавшие возможность всякой революции. У Милюкова наоборот: власть, путем насилия, держит население в пассивном подчинении, и то лишь до поры до времени (пока власть не слишком грабит), крестьянство в течение столетий борется за овладение помещичьей землей, которую оно искони считает своей [2].

Спрашивается, откуда эта новая струя, почему вдруг Милюков вспомнил крестьянские восстания, почему вдруг крестьяне стали такими прирожденными анархистами? Ларчик открывается просто. Милюков отчетливо видит, что в борьбе против советской власти у русской буржуазии, внутри страны, другой, более или менее крупной силы, кроме деревенского кулачества, нет; у буржуазии единственная надежда на кулака. Поэтому крестьянство из элемента пассивного попало в ряды анархии.

---

[1] **А к с а к о в** К., т. I, с. 17.

[2] **М и л ю к о в**, Россия на переломе, т. I, с. 33.

Новая концепция Милюкова играет явно служебную роль, она открывает перед буржуазией приятные перспективы: государство слабо, чуждо и враждебно народу, положено извне, сверху; внизу — бунтующее крестьянство, собирающее силы для того, чтобы свергнуть чуждую ему власть, и желающее установить народовластие в лице Милюкова и его друзей из Республиканско-демократического об'единения. Но возникает вопрос, ведь у Милюкова сказано, что народ восстает лишь в случае, если власть слишком грабит. Неужто советская власть слишком грабит крестьянство. Да, — отвечает Милюков, — не только слишком грабит, но и крепостную зависимость хочет вновь установить, и поэтому восстание крестьян неизбежно. Итак, для буржуазии перспектива самая благоприятная. Но как же с фактами, укладывается ли действительность в эту схему? Факты, ведь, вещь часто неприятная; гораздо лучше отвлечься от этих фактов и погрузиться в мечтания, это занятие тем более приятно, что людей, этим занимающихся, переносит из области неприятной действительности в область желаемого будущего.

А что касается теории «обороны», то, ведь, она была создана с целью оправдать грабительскую политику царизма. Так как при настоящем положении вещей буржуазии меньше всего приходится думать о захвате новых территорий, то старая оборонческая теория уже не соответствует потребностям буржуазии и должна уступить место новой «теории».

Касаясь корней революции 1917 года, Милюков в новой книге дополнительно к «Истории» выдвигает следующие два положения: 1) самобытный анархизм масс, 2) сепаратистские стремления интеллигентских вождей национальных меньшинств. Почему Милюков вдруг стал писать об анархизме масс, мы уже сказали. Что касается национальностей, то, после образования на территории бывшей Российской империи СССР и ряда окраинных буржуазных национальных республик, замалчивать значение национального вопроса буржуазии больше не представляется возможным. Милюков пишет, что русской интеллигенции чуждо было национальное чувство и что русское правительство до царствования Александра III покровительствовало малым национальностям. Только в эпоху двух последних царствований усилился воинствующий национализм. Но, уверяет Милюков, до самого начала революции ни одна нация отделиться от России не хотела. Сепаратист-

ские тенденции национальной интеллигенции возникли благодаря деятельности большевиков, которые, — пишет Милюков, — в 1913 г. в Австрии, на австрийские деньги, начали вести пропаганду о праве наций на самоопределение вплоть до отделения. После Февральской революции,—продолжает Милюков,—подготовленные германцами сепаратисты устремились в Россию и начали свою преступную работу. «В том же направлении действовала и пересаженная в Россию с согласия германских военных вождей (в «пломбированном вагоне») пропаганда большевиков». Ленин, приехав в Россию, провозгласил огулом право «дезаннексии» всех когда-либо «аннектированных» провинций любой страны [1].

Смысл всей этой галиматьи заключается в том, что буржуазия и по сей день еще не помирилась с свободным существованием малых национальностей; она теперешнее положение национальных республик считает только ненормальным временным явлением, принесенным извне германцами, и не отказалась от мысли, в случае реставрации, восстановить «единую неделимую Россию».

Описывая февральский переворот, Милюков, как известно, в «Истории второй русской революции» доказывал, что революция началась благодаря деятельности провокаторов и германских шпионов. В новой книге детально этого вопроса он не касается, отсылает читателя к «Истории», добавляя лишь, что трудно сомневаться в роли германцев и что часть документов, характеризующих деятельность германских агентов и опубликованных Сисюком, он считает подлинными: также он не сомневается в связи, существующей между циммервальдовцами и германским агентом — Парвусом.

Основной пружиной, приведшей большевиков к победе, Милюков считает распространение циммервальдских идей, особенно идеи пораженчества. Эта идея, по его мнению, была разработана на Западе синдикалистом Дюфуром и целиком принята Лениным, который с помощью германцев импортировал ее в Россию. В этом вопросе Милюков так запутался, что противоречит сам себе на каждой странице. В «Истории» он говорит, что идеи циммервальдизма гораздо ближе идеям Пугачева, Разина и Болотникова, чем европейскому анархо-синдикализму. В «России на переломе» в одном месте говорит он, что эти идеи и есть как раз анархо-синдикалистские, а в другом месте

[1] Милюков, Россия на переломе, т. I, с. 218.

этой же книги он пишет, что «большевизм — специфически русский продукт, выросший на национальной почве и невозможный в этом виде нигде, кроме России»[1]. Как видно, Милюков не очень-то считается с интересами своих читателей, заставляя их самих ломать голову, какому положению верить и что отбросить, ибо положения автора не совместимы.

В общем относительно действующих сил в революции 1917 года Милюков в новой книге некоторые изменения внес, например: о германских агентах он упоминает лишь вскользь, известный Ермоленко совершенно исчез, но совсем отказаться от клеветы видно он не мог. Остались австро-германцы, «пломбированный вагон», документы Сисюка, Парвус и т. д., но все это в новой книге подносится в более приличной форме, клевета причесана, прилизана, припудрена, но все же она осталась, без нее, на основе проверенных фактов, как видно, историю большевистской диктатуры он написать не смог, ибо факты говорят не в пользу г. Милюкова.

Приход большевиков к власти Милюков об'ясняет стечением исключительно благоприятных обстоятельств, но почему большевики удержались у власти в течение 10-ти лет — этому он дает следующее об'яснение: «Первой опорой была их монопольная партия—это основное орудие централизованного управления. Вторая опора — Красная армия. Третья—единственная в истории, совершенно беспримерная система шпионажа и красного террора»[2]. Применяя последовательно все эти три средства, они не только удержались у власти вопреки всем прогнозам, в том числе и их собственным, но и создали такую систему неограниченного и бесконтрольного властвования, подобной которой не знает история»[3].

Рассматривая эти три вышеупомянутые средства в отдельности, Милюков очень подробно пишет о красном терроре, он собрал большой материал, главным образом из западно-европейских и американских буржуазных газет, за период первых лет существования советской власти, когда о большевиках писали чудовищные вещи, как-то: о национализации женщин, о пальцах в супе и т. д. На основе этих «материалов» Милюков подвел цифровые итоги. Результаты получились сногсшибательные. На стр. 194 напечатаны следующие цифры: по дан-

[1]) Милюков, Россия на переломе, с. 38.
[2]) Там же, т. I, с. 146.
[2]) Там же.

ным генерала Деникина, опубликованным в газете Times, только за 1918 год, пишет Милюков, число жертв красного террора достигло цифры 1.766.118 человек; там же приводится следующая таблица: 28 епископов, 1215 священников, 6775 профессоров и учителей, 8800 докторов, 54.650 офицеров, 260.000 солдат, 10.500 полицейских офицеров, 48.500 полицейских агентов, 12.950 помещиков, 355.250 представителей интеллигенции, 193.350 рабочих и 815.000 крестьян. Приводя эти цифры, Милюков пишет, что отдельные слагаемые могут быть оспариваемы, «но едва ли следует считать преувеличенным общий итог» [1].

Итак, по Милюкову, большевистский террор больше всего ударил по рабочим и крестьянам, которых было истреблено 1.268.350 человек (мы считаем и солдат, ибо они те же рабочие и крестьяне). Чудовищность этих цифр совершенно очевидна; если в 1918/22 годах этими цифрами буржуазные газеты стращали перепуганных мещан, то преподнесение их в 1927 году, в книге, претендующей на серьезность, можно об'яснить, лишь имея в виду читателя, совершенно не разбирающегося в исторических фактах.

Милюков пишет, что большевики удержались лишь благодаря применению ужасающего террора, который направлен не только против буржуазии, но также против рабочих и крестьян, цель террора—устрашение населения... «Ибо его (террора) целью и было, как единственное средство управлять обширной страной при посредстве нового привилегированного класса, который, в свою очередь, управляется кучкой олигархов при помощи методов устрашения» [2].

Если большевики, используя эти три средства—партийную организацию, красный террор и Красную армию, удержались у власти в течение 10-ти лет, то возникает вопрос, в силу каких причин их власть должна пасть? Почему перестанут действовать эти три средства? На эти вопросы Милюков дает следующее раз'яснение: во-первых, большевистский период—это только один из этапов Российской революции, торжество самого левого крыла, скажем, как, например, диктатура якобинцев в Великой французской революции; по Милюкову, в России, так же как во Франции, должен наступить период реставрации, термидор; во-вторых, сама ленинская идея, по Милюкову, в корне неправильна, ибо он считает совершенно несостоятельной идею мировой

[1] Милюков, Россия на переломе, с. 194.
[2] Там же, т. I, с. 200.

пролетарской революции и оспаривает возможность длительного соглашения рабочего класса с крестьянством. В силу этих причин Милюков считает, что большевистская власть должна будет пасть.

Рассматривая конкретные пути распадения большевистской диктатуры, он пишет: «Мы видели, что каждое из трех средств (партия, террор и Красная армия—*О. Л.*), как оно ни действительно вначале, с течением времени постепенно теряет свою силу. Партия, разлагаясь изнутри, растворяется в окружающей массе, и ее твердые очертания, выделявшие ее в привилегированную касту, стоящую над населением, постепенно сливаются с окружающими ее элементами, «беспартийными» специалистами, чиновниками и т. д. По мере отдаления от момента октябрьской победы слабеет идеология этой победы, вымирает поколение победителей, выходит на сцену новое поколение, чуждое старой традиции, расщепляется твердый остов доктрины и т. д... Что касается Красной армии, она с самого начала была гораздо менее надежна, чем партия, и чем дальше тем больше в армии воспитывался свой корпоративный дух и создавались свои порядки, делавшие ее тем менее уязвимой для непосредственных гонений, чем более она становилась похожа на регулярную армию, организованную по всем правилам военного искусства. Наконец, и террор, при всей силе произведенного им первоначального впечатления, бледнеет по мере того, как иссякает самый материал для террора... После того, как большевики немилосердно разрушили старый порядок и истребили старый состав общества, они очутились перед новым, заведенным ими самими порядком,—но п о р я д к о м, который нельзя же было разрушать до основания каждый день, чтобы каждый день приниматься за строение нового... Население смелеет, гипноз страха исчезает, как он исчез ко времени французского термидора. Таким образом, каждое из трех средств имеет предел, за которым перестает действовать с прежней силой» [1].

Рассуждения Милюкова теряют свою значимость, потому что в самом корне они неверны. Милюков был бы прав в том случае, если бы диктатура пролетариата существовала лишь благодаря насилию. но это не так. Милюков видит только одну сторону диктатуры—это насилие пролетарского государства против свергнутых эксплоататорских классов. Свободная творческая жизнь и работа миллионных масс

[1] М и л ю к о в, Россия на переломе, т. I, с. 200—201.

трудящихся, советский демократизм, как действительная форма демократизма для трудящихся, дающая возможность самым широким слоям рабочих и крестьян участвовать в управлении государством и хозяйством, все это непостижимо уму профессора Милюкова. При наличии этих фактов, голые ссылки на пройденные этапы Великой французской революции теряют свое значение. Что касается вопроса о невозможности вообще мировой социалистической революции, то переубедить Милюкова в этом вопросе мы не собираемся. Пусть идеологи умирающей буржуазии утешают себя надеждой вечности и незыблемости капиталистического строя. Пролетариату это не помешает довести дело мировой революции до полной победы.

Очень поучительны суждения Милюкова о нашей партии. Но надежды его на перерождение ВКП(б) были бы основательны лишь в в том случае, если бы в партии действительно произошло сползание с ленинских рельс, как этого хотел бы Милюков. Если партия потеряла бы свои твердые очертания и расплылась бы в окружающей ее массе, к чему ее толкала оппозиция, если бы доктрина ленинизма заменялась троцкизмом или каким-либо другим мелкобуржуазным течением, то действительно диктатуре пролетариата пришел бы конец. Но этого нет. До сих пор ставка буржуазии на оппозиционные течения внутри ВКП(б) всегда была бита, и нет никаких оснований думать, что впредь будет иначе.

Второй том «России на переломе», в котором описывается гражданская война, во многом отличается от первого тома. Здесь Милюков дает много интересных подробностей, освещение фактов приличное. Относительно второго тома прав т. Покровский, квалифицируя Милюкова, как добросовестного историка. Сопоставляя второй том с первым, станет очевидным, в какие противоречия попал Милюков. Из первого тома мы знаем, что большевики держались и победили лишь благодаря террору, во втором томе он пишет, что белые армии погибли благодаря помещичьему террору, и что большевики пользовались симпатиями самых широких масс. Почему террор большевиков спас, а белых погубил, Милюков не раз'ясняет. Почему же большевики, применяя массовый террор против рабочих и крестьян, пользовались симпатиями этих масс, Милюков не об'ясняет, наверно полагая, что читатель первого тома не будет читать второго тома, или забудет прочитанное в первом. Во втором томе Милюков определенно конста-

тирует, что в основе провала белого движения всюду (на севере, юге, в Сибири, под Ленинградом) была узко классовая помещичья политика, что белые хотели реставрировать старые порядки, но что эти попытки потерпели поражение благодаря железной стене союза рабочих и крестьян, боровшихся за свободу и землю.

Итак, в новой книге он значительно видоизменяет схему революции, изложенную в «Истории второй русской революции». Необходимо отметить, что, чем дальше с каждым годом, тем эклектичнее становятся исторические взгляды Милюкова, которые состоят из беспрерывных логических противоречий. В области политической Милюков дает, хотя противоречивую, но очень понятную для буржуазии перспективу. За это ему будут прощены его логические противоречия, и можно смело сказать, что буржуазными историками книга будет признана серьезным научным трудом.

IV. П. Н. МИЛЮКОВ КАК ИДЕОЛОГ РОССИЙСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА.

Великодержавные империалистические элементы у Милюкова имеются уже налицо в его «Очерках» культуры. В главе «Схема русской истории» мы цитировали те места из его «Очерков», где он колонизацию Поволжья, Приуралья, Сибири и завоевание Кавказа об'яснил интересами самообороны России.

В другой статье, под заглавием «Национальный вопрос в России», напечатанной в газете «Последние новости», он расширение России на западе связывает с вопросом об освобождении угнетенных народностей. Так как эта статья является по своему содержанию классически-империалистической, мы решили процитировать ее в более широких размерах, чем это у нас обыкновенно принято.

«Когда Москва боролась с кочевниками,—пишет Милюков,—она дала покой и порядок не только русским. Эта власть имела цену для всех потому, что была сильна и сурова. А что было потом? В присоединении к России тех или иных областей не всегда был элемент захвата. «Захватила» ли Россия Бессарабию? Была тут и другая сторона — освобождение... Финляндия в момент присоединения тоже освобождалась от чужой, шведской культуры. Русская власть, защитив

финскую культуру от шведской, дала толчок появлению финской интеллигенции и литературы».

«В Прибалтике русская власть тоже стала на сторону латышей, литовцев против немцев, и зачатками новой национальной культуры они обязаны не только терпимости, но и прямой поддержке русских властей».

«Польша не переставала протестовать против присоединения к России. Первым актом революционной России было освобождение Польши. Но Польша унесла с собой и земли белоруссов, литовцев, украинцев и продолжает требовать границ, заключающих в себе население, меньше всего желающее быть с Польшей. Русская государственная власть была и тут союзницей порабощенного не польского населения». Закавказье, в нем находятся три главных национальности, которые без России никак не могли бы примириться. Аннексия Эчмиадзина послужила толчком к пробуждению армянской национальности. Армяне опирались всегда на Россию в своей борьбе против турок.

«Появление украинского национального сознания относится к сравнительно недавнему времени... Процесс самосознания в массах отставал от интеллигенции, и нельзя его считать законченным» [1].

Какое чудовищное извращение фактов! Царская Россия, которую справедливо называли «тюрьмой народов», пером г. Милюкова превращена в защитницу и освободительницу наций. Милюков как будто забыл, что до 1905 г. литовский и украинский языки и литература могли появляться только нелегально, что царские чиновники занимались усиленной руссификацией латышей, эстонцев, литовцев и др. народов, что царизм тем только и занимался, что оскорблял национальные чувства поляков и финляндцев. Царизм, который угнетал и давил нации, царизм, который ненавидели все многочисленные народности, населяющие Россию, господином Милюковым превращен в защитника и освободителя малых народностей. Зачем Милюкову опять понадобилось такое чудовищное извращение исторической действительности? Это ему нужно было для того, чтобы прикрасить, оправдать и придать значение благородных намерений всей хищнической политике российского капитализма; подобно тому, как западные империалисты завоевание, истре-

---

[1] «Последние новости», № 1234, май 1924 г.

бление и порабощение колоний оправдывают стремлением приобщить к европейской цивилизации и истинной религии малокультурных колониальных рабов.

Деятельность Милюкова как идеолога империализма начинается с 1908 года. С этого момента главное внимание он обращает на иностранную политику царизма, произносит речи, пишет статьи, совершает путешествия по Балканам, высматривает, прощупывает, критикует и вообще энергично готовится к защите интересов России на Балканах. Милюков недоволен иностранной политикой Извольского; он против него выпускает целую книгу под названием «Балканский кризис и политика А. П. Извольского». В этой книге он критикует Извольского, потому что тот дал австрийскому министру Эренталю возможность себя об'егорить, за то, что при дележе Турции Извольский, разрешая Австрии аннексировать Боснию и Герцеговину, обставил недостаточными гарантиями словесное согласие Эренталя на аннексию Россией Дарданелл [1].

Милюков недоволен царской иностранной политикой и на Дальнем Востоке. Он несогласен с откровенно-захватнической политикой в Монголии, ибо он боится, что этим могут испортить все дело. «Автономия Монголии,—пишет он,—для нас полезна. Но, поддерживая автономные стремления монгольских князей, едва ли следовало так откровенно обнаруживать собственные стремления к установлению зависимости Монголии от России» [2].

Милюков, как человек проницательный, видел и знал, что готовится мировая война. «Настоящая война,—пишет он,—вовсе не была неожиданностью... все это, почти до последних подробностей, предсказывалось и даже служило предметом специального обсуждения» [3]. Но он видел, что Россия еще не готова к войне, нужно, по возможности, оттянуть момент начала войны; и мы видим Милюкова в роли миротворца с пальмовой веткой в руке на с'ездах пацифистов. Он поддерживает международный союз депутатов-«пацифистов», он был председателем русской группы международного парламентского союза

---

[1] См. об этом в книге Милюкова «Балканский кризис», с. 340, 356.
[2] «Ежегодник» газ. «Речь» на 1912 г., с. 17.
[3] «Ежегодник» газ. «Речь» на 1916 г., с. 41.

для осуществления третейского союза, участвовал в с'ездах союза в Берлине и в Брюсселе в 1907 и 1911 гг. Весною 1914 г. он участвует на с'езде пацифистов в Париже, где произносит резкую речь против всех, желающих вызвать осложнения между государствами. Эта деятельность ему отнюдь не помешала одновременно натравливать «братьев-славян» на Турцию с целью раздела последней.

Милюков сам писал, что против войны он был потому, что «Россия к войне не была готова» [1]. Об этом свидетельствует также его ближайший друг В. Набоков, который писал: «Милюков хорошо сознавал, во-первых, какой страшный риск сопряжен для России с об'явлением европейской войны и, во-вторых, как трудно ждать (разрядка моя — *О. Л.*), чтобы «историческая власть», оказавшаяся столь безнадежно и безгранично бездарной и несостоятельной в деле мирного управления Россией, могла вырасти до высоты той задачи, которая ей выпала» [2].

Но вопреки стараниям Милюкова, война началась не в тот срок, какой был для него желателен, и мы видим, как Милюков сразу из пацифиста превратился в самого ярого защитника войны до победного конца. «Отложим же внутренние споры, не дадим врагу ни малейшего повода надеяться на разделяющие нас разногласия и будем твердо помнить, что теперь первая и единственная задача наша — поддержать борцов верой в правоту нашего дела» [3].

О том, какие цели преследовал российский империализм в последней мировой войне, мы можем прочесть в статье г. Милюкова, помещенной в сборнике «Чего ждет Россия от войны». В начале этой статьи, как это и полагается лицемеру, он заявляет, что настоящая война начата не Россией и уже поэтому не могла иметь в своем источнике определенных намерений. Россия вступила в войну с целью защиты «братьев-славян». Но раз война началась, нужно ее использовать для достижения своих «национальных задач».

Каковы эти «национальные» задачи России? Милюков в этой статье вполне соглашается со взглядом ген.-губернатора Галиции о при-

---

[1] «Последние новости» август 1924 г., № 1309.

[2] «Архив русской революции», т. I. с. 51.

[3] Из воззвания ЦК кадетов. «Ежегодник» газ. «Речь» на 1915 г., с. 242.

соединении Галиции к России «на русских началах». Он цитирует воззвание верховного главнокомандующего от 5 августа 1914 г., заканчивающееся словами: «Достояние Владимира Святого, земля Ярослава Осмомысла, князей Даниила и Романа, сбросив иго, да водрузит стяг единой, великой нераздельной России» [1]. Далее он продолжает: «Исторические имена, приведенные в воззвании, косвенно указывают, что вместе с королевством Галицией, принадлежащим к числу австрийских имперских земель, предполагается присоединить и так называемую «Угорскую Русь» [2]. Такое, по мнению Милюкова, территориальное присоединение, «которое прямо вытекало из общего начала освобождения и об'единения народностей, представлялось «завершением дела великого князя Ивана Калиты», т. е. об'единения русских народностей в их этнографических границах» [3].

Следующей задачей «освобождения славянства», по мнению Милюкова, была мысль об об'единении Польши. «Воззвание верховного главнокомандующего от 1 августа 1914 года поставило эту задачу прямо и решительно» (разрядка моя — *О. Л.*). «Пусть сотрутся границы, разрезавшие на части польский народ. Да воссоединится он воедино под скипетром Русского Царя. Под скипетром этим возродится Польша, свободная в своей вере, в языке, в самоуправлении» [4].

Далее Милюков рассуждает о расширении границ Польши за счет земель Австрии и Германии, населенных поляками, т. е. о необходимости присоединения к Польше Австрийской и Германской Силезии.

Он признает также справедливым присоединение к Польше Познани и Бромберга, ибо «немецкое население здесь они (поляки — *О. Л.*) рассматривают как продукт германизации» [5].

Касаясь вопроса о присоединении к Польше так называемого «Данцигского коридора», он считает, что выход к морю Польше безусловно необходим. Но после создания этого «коридора» возникает новая проблема о судьбе Восточной Пруссии, которую Милюков разрешает тем, что считает возможным присоединение этой провинции к

---

[1] «Чего ждет Россия от войны», с. 54.
[2] Там же, с. 54.
[3] Там же, с. 54.
[4] Там же, с. 54.
[5] Там же, с. 58.

России. «Оставить этот базис,—пишет он,—в чресполюсном владении Германии—невозможно, и России придется создать из него новую Остзейскую губернию. Но с этим придется помириться, если мы действительно хотим восстановить об'единенную Польшу» [1].

Каковы требования у г. Милюкова по отношению к Турции? «Вступление Турции в число наших врагов существенно изменило дело, дав нам возможность поставить на очередь окончательное разрешение вековых задач нашей ближневосточной политики. Целью ее в настоящее время должно быть сделано приобретение Босфора и Дарданелл в полное обладание России вместе с Константинополем и достаточной частью прилегающих берегов [2], чтобы обеспечить защиту проливов» [3].

«Возможность приобретения,—продолжает он,—открывается и со стороны Закавказья. Здесь прежде всего необходимо обратить внимание на узкую полосу, от Зивина до Баязета, имеющую, главным образом, стратегическое значение и занятую нашими войсками в первые же дни об'явления войны с Турцией».

«Вслед за вопросом о возвращении России стратегической границы Сан-Стефанского договора возникает вопрос и Турецкой Армении... полное лишение Турции ее верховных прав на азиатские провинции и установление над Арменией суверенитета России. В последнем случае освобождение Армении от турецкой власти сопровождалось бы введением ее территории в пределы Российской империи, не разрешая, разумеется, юридических форм этой зависимости» [4].

Граница Армении, пишет он, должна проходить по линии «Сивас—Уния—Орбу» и включать шесть армянских вилайетов с седьмым Трапезундским, хотя и населенным турками, но экономически тяготеющим к Армении.

В конце своей статьи Милюков пишет, что большая часть приводимых в ней соображений основана на предположении решительной победы над внешним врагом. «Но автор исходил из предположения, что

---

[1] «Чего ждет Россия от войны», с. 60.

[2] Как Милюков понимает эту «достаточную часть», видно из его дальнейших суждений, где он считает возможным, при известных условиях, включить в состав этого Hinterland'а всю территорию до Адрианополя включительно.

[3] Там же, с. 61.

[4] Там же, с. 64.

такая победа необходима не для одних только территориальных приобретений, а также и для достижения идеальных целей войны» [1].

Итак, для достижения «идеальных» целей войны нужно разделить Германию, Австрию и Турцию. Каковы эти идеальные цели? «Освобождение малых народностей»,—гордо заявляет Милюков. Но что-то никакого освобождения народов не видно, наоборот, мы только-что узнали, что вместо трех латышско-эстонских Остзейских губерний создается из Восточной Пруссии четвертая немецкая; что из Европейской Турции организуется новая Константинопольская губерния. Восстановлению Польши и Армении также мы не верим, ибо знаем, что это только слова; он сам писал, что эти автономные территории включаются в пределы «Российской империи» под скипетром «Русского царя»; определение границ этих областей и внутреннее автономное устройство их «является, в известной степени, нашим внутренним делом» [2]. Но вся история царизма говорит нам, чего можно ожидать от милюковской Думы совместно с «монархом» при разрешении автономного устройства Польши и Армении. Мы знаем цену тем драконовским законам, выработанным милюковской четвертой Думой для Финляндии, которые окончательно уничтожили бы финляндскую автономию, если только война и революция не помешали бы их применить на практике.

Закабаление малых народностей, населяющих Россию, присоединение к ним новых, расчленение и порабощение Германии, Австрии и Турции—вот к чему стремился русский империализм во главе с своим «вождем» П. Н. Милюковым. Но зато территория «Российской империи» увеличилась бы до огромных размеров. «Вековые задачи» были бы разрешены для российского капитализма; торговый путь из Черного моря в Средиземное был бы открыт, таможенные границы были бы подвинуты вперед на колоссальные расстояния, облегчая тем монополистическому капиталу самую широкую эксплоатацию народных масс.

Игра, по выражению Набокова, была начата с «колоссальными ставками». Милюков и в прессе, и с трибуны Государственной Думы с самого начала вел упорную борьбу с Циммервальдом. Он был абсолютно чужд и враждебен идее мира без аннексий и контрибуций. Он

---

[1] «Чего ждет Россия от войны», с. 66.

[2] Там же, с. 60.

считал, что это было бы и нелепо, и просто преступно с нашей стороны отказаться от «самого крупного приза» (Константинополя и проливов) [1].

Падение царизма нисколько не уменьшило аппетитов русского империализма, наоборот, «царствовала концепция Милюкова: революция была сделана, чтобы успешно завершить войну» [2].

Что российская буржуазия и англо-французские империалисты хотели использовать революцию для своих империалистических целей, подтверждает речь Милюкова, произнесенная 4 мая: «мы ведь сами постоянно говорили, что прежнее правительство не в состоянии организовать страну для победы. Именно это было ближайшей целью нашего участия в перевороте. И естественно, казалось, что за переворотом наступит именно тот результат, для которого, в значительной степени, этот переворот был сделан. Вот каким образом я смотрел на мою задачу во внешней политике. Некоторым подтверждением этого взгляда было быстрое признание нового строя (разрядка моя — *О. Л.*) и Временного правительства союзными державами» [3].

Под давлением революционных масс Временное правительство должно было удалить из состава кабинета Милюкова, как самого ярого представителя империализма и поэтому наиболее ненавистного для массы. Но от этого международная политика коалиционного правительства нисколько не изменилась; согласно заявлению Милюкова в той же речи, он полагал, что коалиция безусловно усилит власть для достижения победы над врагом.

Но тут начинается самое большое разочарование для Милюкова. Массы под влиянием революции становятся сознательными и не хотят в интересах капитала дальше проливать кровь. Милюков не хочет и не может допустить, что народная масса сама не желает больше быть пушечным мясом в руках генералов. Он ищет виновников в крушении своих планов и находит их в лице вождей пролетарской большевистской партии. Против них он поднимает кампанию грязной клеветы, против них он готовит самосуд толпы, против них он требует от Временного правительства применения царского уголовного кодекса [4].

[1] «Архив русской революции», т. I. статья Набокова, с. 53.
[2] «Архив русской революции», т. VII, статья Нольде, с. 10.
[3] «Россия в плену у Циммервальда», с. 5.
[4] Там же, с. 29.

тем самым принуждая тт. Ленина и Зиновьева, после июльских дней, спрятаться в подполье.

Милюков, по свидетельству того же Набокова, неоднократно возбуждал вопрос о принятии решительных мер против растущей «анархии». Но эти меры остались на бумаге, ибо отсутствие у правительства хорошо организованной полицейской силы и преданных войск свело все мероприятия к нулю. Милюков летом так же, как Шульгин весною, тосковал о «пулеметах», но пулеметов-то у него и не оказалось. Единственная надежда у Милюкова — это удачное восстание офицерства. После крушения авантюры Корнилова Милюков отправляется на Дон к Каледину с целью организовать оттуда новое движение белых против революционной столицы и Балтфлота. Как раз в период Октябрьской революции Милюков находился на Дону, что безусловно доказывает его большую политическую опытность; он видел уже после крушения Корнилова, что пролетарская революция в столице победит, если не удастся своевременно принять меры извне.

При анализе политики Милюкова и кадетской партии летом 1917 г. естественно возникает вопрос: почему, несмотря на очевидную безнадежность, они так упорно продолжали защищать продолжение войны. Об'яснить это мы сможем лишь тогда, когда мы примем к сведению связь к.-д. с туземным банковым капиталом и зависимость последнего от англо-французско-бельгийского финансового капитала, которая во время войны возросла до колоссальных размеров; а последнему необходимо было во что бы то ни стало покончить с своим противником в лице германско-австрийского союза.

О связи к.-д. партии с финансовым капиталом мы можем прочесть в книге т. М. Н. Покровского «Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв.» на с. 152 следующее: «В Москве, например, кадетов субсидировали, главным образом, такие персонажи, как Вишняков, основатель коммерческого института, крупный московский толстосум Рябушинский... кадетская газета была фактически на жалованьи еврейского буржуазного синдиката... По данным царской полиции, кадеты получили очень крупную субсидию — до 300.000 финских марок, т. е. до 300.000 франков, или 120.000 рублей, золотом от финляндских буржуазных партий... кадетская газета «Речь» возникла на средства одного из воротил Волжско-Камского банка... если к этому прибавить, что банковские субсидии того же Волжско-

Камского банка и Азовско-Донского банка попадаются и в агентурных донесениях о кадетской партии, то в общем и целом картина получится совершенно определенная. Этим об'яснялась та позиция кадетской партии, которую она заняла во время войны».

Российская буржуазия не была в состоянии порвать с англо-французским империализмом потому, что, во-первых, она была кровно заинтересована захватить Константинополь и проливы, что представлялось возможным осуществить только, активно участвуя в войне на стороне Антанты (тем более, что соглашением 1915 г. проливы должны были достаться России), во-вторых, в силу связанности российского хозяйства с франко-английским финансовым капиталом и полной зависимости военной экономики и финансов от союзников, в третьих, потому что прекращение войны потребовало бы немедленного разрешения основных вопросов революции. У буржуазии в страхе сердце сжималось, когда она, в такой невыгодной для нее политической обстановке, стала перед проблемой разрешения вопроса о земле, рабочего вопроса, вопроса о власти и т. д., она, в надежде на улучшение политической кон'юнктуры в свою пользу, затягивала войну, тем самым полагая отложить решение всех этих вопросов на неопределенное будущее. В силу вышеизложенных обстоятельств, несмотря на оппозицию в рядах к.-д. партии, большинство кадетского ЦК, во главе с Милюковым, о мире не хотело и слышать и упорно продолжало защищать лозунг войны до победного конца.

V. ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МИЛЮКОВА

1. П. Н. Милюков и первая российская революция 1905 г.

Писать о Милюкове, как о политике—это значит писать историю кадетской партии, на что наш скромный труд ни в какой мере претендовать не может. Милюков, по признанию Набокова и Кизеветтера, занял в партии «Народной свободы» положение ее признанного лидера и вождя»[1]. Таким образом, не претендуя исчерпать всю жизнедеятельность этого ученого и вождя к.-д. партии, мы ограничимся рассмотрением только некоторых наиважнейших этапов из политической деятель-

[1] А. А. Кизеветтер, П. Н. Милюков, с. 18.

ности П. Н. Милюкова. Предварительно изложим некоторые биографические данные о П. Н. Милюкове.

Милюков родился в 1859 году. Отец его был профессором-архитектором в Москве; учился он в 1-й Московской гимназии, а потом в Московском университете. Его любимым профессором был историк В. О. Ключевский. По окончании университета Милюков решился заняться научным и педагогическим трудом, сделался (с 1886 г.) приват-доцентом Московского университета и преподавателем женских педагогических курсов: он читал лекции по русской истории и колонизации. Кроме того, он был учителем истории в 4-й женской гимназии и в земледельческой школе. В 1892 году Милюков выпустил большую книгу «Государственное хозяйство в России в первой четверти XVIII в. и реформа Петра Великого». За этот труд Московский университет присудил ему степень «магистра русской истории». За эту же книгу он получил «премию имени историка Соловьева». В то же время появилась вторая книга Милюкова «Спорные вопросы в финансовой истории Московского государства».

С 1893 года Милюков стал во главе возникшей в Москве комиссии по организации домашнего чтения и развивал в ней энергичную деятельность. В это же время ему разрешено было прочесть в Нижнем-Новгороде несколько публичных лекций по истории общественного движения на Западе. Поездка в Нижний вызвала, однако, толки и опасения начальства. Кроме того, узнали, что Милюков участвовал в письме, с которым обратились к министру народного просвещения некоторые московские профессора; в этом письме высказано было требование большей свободы студенческой жизни.

На основании этих подозрений и за участие в Союзном совете Московского студенчества в 1895 г. Милюков был отрешен от обязанностей приват-доцента и выслан из Москвы. Ему разрешили жить в каком угодно городе, кроме Московской губ., лишь бы в этом городе не было университета. Он поселился в городе Рязани и провел там 2 года мирной спокойной жизни. «Здесь он написал первый том своих «Очерков по истории русской культуры». В свободное от писания время Милюков занимался археологическими раскопками, а также игрой на скрипке» [1].

По приглашению из Болгарии, Милюков весной 1897 года перебрался в Софию и занял в местном университете кафедру умершего

[1] Г. В. Вернадский, П. Н. Милюков, с. 7.

Драгоманова по всеобщей истории, читая в течение года лекции по обзору философско-исторических схем, по римской истории и по раннему периоду истории России и Чехии. По требованию русского правительства он принужден был прекратить лекции. Такой шаг русского правительства Вернадский об'ясняет двумя причинами: 1) не отдал визита послу Бахметьеву, 2) в день имянин царя не пришел на торжественный прием к послу.

В 1899 году Милюков переселился из Софии в Петроград и занялся литературным трудом. В это же время он подружился с народниками: Михайловским, Анненским, Пешехоновым и Мякотиным. 5 декабря 1900 г. устроена была вечеринка в память народника Лаврова. Милюкова избрали председателем этой вечеринки. Это сделалось известным полиции, которая стала усиленно следить за деятельностью Милюкова.

В начале 1901 года Милюков был арестован и просидел 4 месяца в предварительном заключении. Министерство внутренних дел, рассмотрев его дело, предложило ему на выбор: высылку в восточные губернии без права возвращения в Петербург или шесть месяцев тюрьмы. Милюков предпочел последнее, но просил, чтобы перед этим ему разрешено было с'ездить в Англию для усовершенствования в английском языке, так как он готовился ехать в Америку читать лекции.

«Из Англии Милюков к назначенному сроку вернулся в Петроград и сел в тюрьму» [1], но вместо назначенных 6 месяцев отсидел менее трех. За него заступился проф. Ключевский, который просил министра внутренних дел Плеве «отпустить из тюрьмы Милюкова для пользы русской науки» [2].

Летом 1903 года Милюков отправился в Чикаго, где прочел 12 лекций, они составили потом 1-ю часть его книги „Russia and its Crisis". В Бостоне осенью 1904 года он прочел 6 лекций, которые составили вторую половину вышеупомянутой книги.

Из Бостона Милюков опять приехал в Чикаго и начал курс лекций о балканских славянах; однако, этот курс остался незаконченным. В то время началось рабочее движение в России, и Милюков поспешил вернуться на родину. С этого времени и можно считать начало его активной

---

[1] Г. В. Вернадский, П. Н. Милюков, с. 10.

[2] Там же, с. 10.

политической деятельности. Таким образом, жизнь Милюкова можно разделить на два периода: первый период со времени окончания университета до начала 900-х гг. Это период сравнительно спокойной ученой работы; в это время и выходят из-под пера его главные научные работы. Второй период с начала 900-х гг. до наших дней; в этот последний период Милюков посвятил себя, особенно с 1905 г., почти полностью политической деятельности. Во второй период своей деятельности Милюков тесно связан с политической борьбой русского буржуазного либерализма и полностью разделяет судьбу этого общественного класса.

Милюков, принимая участие в возникшем союзе «Освобождение», даже написал для журнала одну статью, но настоящая политическая деятельность для него начинается лишь летом 1905 г. В это время он стал во главе только что сорганизовавшегося «Союза союзов»; 7 августа у него на квартире было назначено заседание главного бюро Союза союзов. Все собравшиеся, в том числе и сам Милюков, были арестованы и заключены в Кресты. Милюков пробыл в тюрьме немного больше месяца, потом был выпущен на свободу. Всего Милюков, таким образом, просидел за три раза около 8 месяцев в тюрьме. Один раз был выслан из Москвы и один раз ему было запрещено читать лекции в Софийском у-те. Как либерал, Милюков пострадал достаточно, что в известных интеллигентских кругах в 1905 г. ему, безусловно, придало некоторую видимость страдальца за свободу и народ; но об'ективно, если мы примем во внимание тот ужасно деспотический режим, царствовавший в России, когда за самые пустяшные политические проступки людей ссылали на вечное поселение в Сибирь и на каторгу, то Милюков отделался сравнительно легко и уже тогда проявил себя как оппортунист (договаривался с царизмом о сроках отбытия наказания, в точности соблюдая все статьи «договора»).

В к.-д. партии Милюков участвовал с самого начала, т. е. с учредительного с'езда 12—18 октября 1905 г.

Из каких элементов сформировалась и какой класс представляла эта новая партия? К.-д. партия образовалась из об'единения Союза освобождения, состоявшего в большинстве из интеллигенции и земцев конституционалистов, т. е. либерально настроенных помещиков. О классовой структуре к.-д. партии в эпоху первых революций т. Ленин писал следующее: «Не связанная с каким-либо одним определенным

классом буржуазного общества, но вполне буржуазная по своему составу, по своему характеру, по своим идеалам, эта партия колеблется между демократической мелкой буржуазией и контрреволюционными элементами крупной буржуазии... партия кадетов—это очищенная, облагороженная, сублимированная, надушенная, идеализированная, подслащенная персонификация общебуржуазных стремлений» [1].

Теперь посмотрим, каково политическое кредо лидера этой идеально-чистой буржуазной партии? Как Милюков летом 1905 года понимал задачу революционеров, видно из его статьи по поводу депутации к царю: «Мы можем теперь ясно видеть и спокойно признать великое значение депутации 6 июня. Страна не знала мелких партийных разногласий, но идею адреса и депутации страна поняла и сочла своими» [2].

Что депутация говорила царю, за что «страна» депутацию признала своею? Об этом мы можем прочесть у Мартынова следующее: «Ни об учредительном собрании, ни о прекращении войны не было и речи в Петергофе, зато депутация бросала камни в «крамолу», неопасную при нормальных условиях, говорила о «внутреннем мире», подчеркивала, что «государь страдает больше всех нас», критиковала «злых советников», «изменяющих своему повелителю» [3]. Раболепствовать перед Николаем Кровавым—вот как понимала задачу момента либеральная буржуазия, в том числе и П. Н. Милюков.

По вопросу об отношении к Булыгинской Думе мы у Милюкова прочтем следующие перлы: «Теперь, после 6 августа, в России нет более бюрократического строя (разрядка наша — *О. Л.*), и сохранение его приемов было бы необ'яснимым и непонятным отрицанием только что провозглашенного нового политического принципа; акт 6 августа — не простая бумага. От него нет возврата назад» [4].

Конечно, когда в октябре революция поднялась на свою наивысшую ступень, нелегко было и для Милюкова защищать тогда Булыгинскую Думу, но только что приведенные слова г. Милюкова доказывают то, что он за небольшие уступки согласен был примириться с самодержавием летом 1905 года.

---

[1] Ленин, Соч., т. VII, ч. 1, с. 96 и 99.
[2] Милюков, Год борьбы, с. 10.
[3] «Общественное движение в России». т. III, с. 8.
[4] «Год борьбы», с. 68.

По одному важнейшему вопросу первой русской революции, по вопросу об отношении к временному правительству, от Милюкова мы узнаем опять любопытные вещи, например: «Существующая власть потеряла свою санкцию после того, как на словах об'явила себя конституционной. Но, потеряв право на власть, правительство не передало власти тем, кто получил на нее новое право. Отсюда получилось явление беспримерное в истории (разрядка наша — *О. Л.*). Во всех великих революциях власть, ускользавшая от старых правительственных органов, переходила к народному представительству, созванному старой правительственной властью (разрядка наша—*О. Л.*). Таким образом, революции было на что опереться. Народное представительство было тем стволом, по которому революционная идея взбиралась вверх, выходила на свет и простор. В России ростки революционных идей стелятся по земле потому, что у них нет сил подняться, нет твердой опоры, нет власти. Русская революция инстинктивно искала, ищет этой власти, но она ищет власти там, где ее нельзя найти—в революционном временном правительстве. Это выходит какой-то заколдованный круг: без временного правительства нет революции, а без революции нет временного правительства» [1].

Итак, по Милюкову, во всех великих революциях старая власть созывала народных представителей и, вручивши им власть, сама спокойно удалялась. Откуда у профессора истории явилось такое чудовищное извращение исторических фактов? Читая Милюкова, прямо недоумеваешь, почему слетели головы у Карла I и Людовика XVI, почему в революции 1848 года бегство правителей Германии и Австрии приняло такой панический характер? Но это становится понятным, если мы примем во внимание то, что в схеме преобразования России у Милюкова народ отсутствует. Он мыслил: не свержение царизма, а сделка с царизмом, не революция, а реформы. Для того, чтобы доказать, что «так было» («во всех великих революциях», Милюкову и понадобилось чудовищное извращение действительного хода великих народных движений, с потоками крови и разрушенными тронами. Вспомогательную роль здесь играла и та историческая школа, к которой принадлежит он, т. е. взгляд на отсутствие сильных социальных группировок и на все-

[1] Милюков, Год борьбы, с. 80.

властное правительство, по своему усмотрению «закрепостившее и раскрепостившее сословия» и т. д.

Характерно отношение Милюкова к политической забастовке и вооруженному восстанию. Он, конечно, принципиальный сторонник забастовок, как могучего средства «организованной и потому мирной, революционной борьбы» (разрядка наша — *О. Л.*). Октябрьскую забастовку Милюков готов считать даже славной; но, что касается ноябрьской стачки и Московского восстания, то это прямо-таки в интересах правительства, даже само правительство и провоцировало эти события. «Мои слова,—пишет Милюков,—о «провоцированной революции» я строго взвесил, прежде чем решиться произнести их. Документальных доказательств провокации у меня, разумеется, не было... Но при некоторой привычке наблюдать то, что происходит на глазах у всех, уже после ареста совета рабочих депутатов, можно было подозревать у власть имущих сознательное намерение — провоцировать вооруженное восстание»[1]. Вот она сильная власть. Сама создает революцию, сама и подавляет. Как тут не стоять перед ней на коленях.

Истинное отношение Милюкова к революции мы узнаем из следующих слов: «... кто теперь не революционер в России? Наша задача не в том, чтобы возводить новые укрепления на заранее потерянной позиции; наша задача — разоружить революцию (разрядка наша—*О. Л.*), заинтересовав ее в сохранении нового порядка; и, чтобы достигнуть этой цели, надо, конечно, прибегать к иным приемам, чем те, которые практиковались доселе»[2]. Переведя эту тираду с дипломатического на простой язык, мы должны читать: откажитесь от мысли полной победы над царизмом, разоружайтесь, откажитесь от таких методов борьбы, как всеобщая стачка и вооруженное восстание, станьте на платформу нового «права»—Виттевской Думы.

«Всякий захват и насилие,—пишет г. Милюков,—должны будут уступить место организованной защите нового права, и только то переживет настоящий момент, что можно будет поставить под охрану нового закона. На создание этого закона и права, а не на увековечение революции должны быть дружно направлены все творческие революционные силы. Победителями будут не те, на чьей стороне сила, а

---

[1] Милюков, Год борьбы, с. 179.

[2] Там же, с. 498.

те, на чьей стороне право» [1]. Вот где обнаруживается к.-д. обман народа. Бросайте, мол, оружие, зачем оно вам, ибо победит ведь право, а не сила. Одним словом, Милюков хочет разоружения революции.

О предательстве народа к.-д. тов. Ленин писал: «К чему борьба, зачем междоусобия?—говорит иудушка-кадет, вознеся очи горе и укоризненно поглядывая и на революционный народ и на контрреволюционное правительство. Братия. Возлюбим друг друга. Пусть будут и волки сыты и овцы целы и монархия с верхней палатой неприкосновенны и «народная свобода» обеспечена» [2].

Всю надежду к.-д. возлагали на исход переговоров с правительством Витте, но когда эти переговоры окончились крахом, кадетам ничего другого не осталось делать, как грустить, и вот из-под пера Милюкова появляются следующие строки: «Светлый праздник примирения был так возможен, так близок... Испуганный смутой обыватель (т. е. сами к.-д.—*О. Л.*) уже готовился к торжеству мира; счастливый финал затянувшейся смуты, казалось, сам давался ему в руки. Готовилось и правительство—использовать настроение обывателя. Карты были подтасованы и сданы: игра была выиграна наперед» [3].

Милюков и партия к.-д. решительные противники революционных методов борьбы; они жалеют беднягу царя (кн. Трубецкой), который окружен плохими советниками; в ноябре во время Севастопольского восстания к.-д. так перепугались, что на Всероссийском земском с'езде член партии к.-д. кн. Павел Долгоруков сказал, что нужно подать руку помощи Витте.

«Наша партия,—пишет г. Милюков,—есть по преимуществу партия парламентарная. Мы не бланкисты и не якобинцы: это не похвала, не порицание, а голый факт. Наша партия внеклассовая и ближе всего подходит к тем интеллигентским западным группам, которые известны под названием «социальных реформаторов». Мы за революцию... но против тех, кто об'являет революцию «непрерывной», мы с народом, но отвергаем претензии тех, кто ограничивает понятие народа книжным понятием сознательного пролетариата» [4].

---

[1] Милюков, Год борьбы, с. 169 и 196.
[2] Ленин, Соч., т. VII, ч. 1, с. 96.
[3] «Год борьбы», с. 87.
[4] Там же, с. 100, 106, 168.

Итак, на словах Милюков и к.-д.—вне классов; они стоят и за революцию и за народ, но мы знаем, что их словам цена грош и они написаны для обмана масс. Милюков пишет: «мы партия парламентарная», но в России не было парламента. В России не было конституции, а, по выражению т. Ленина, было конституционное самодержавие. Милюков не прав, утверждая, что партия к.-д. внеклассовая. Что в партии к.-д. было много интеллигентов—это бесспорно, но в ней состояло порядочное количество и других элементов, например, в первой Думе в кадетскую фракцию вошла ½ всех крупных землевладельцев, выбранных в Думу, несколько более ½ средних землевладельцев и значительное количество мелких [1]. Что после октябрьской и ноябрьской стачек крупная капиталистическая буржуазия перешла в партию октябристов—это общеизвестный факт. Но партия кадетов отнюдь не потеряла своей классовой физиономии; по определению т. Ленина, кадеты «соединяют в себе поистине лебедя, рака и щуку—болтливую, чванную, самодовольную, ограниченную, трусливую буржуазную интеллигенцию, контрреволюционного помещика, желающего за сходную цену откупиться от революции и, наконец, твердого, хозяйственного, экономического и прижимистого мелкого буржуа» [2].

Что к.-д. партия—буржуазная, видно из того ею выработанного законопроекта о рабочем дне, по которому длина рабочего дня определяется в 10 часов; через 5 лет предполагалось некоторое сокращение, но это опять-таки только в будущем, а в данный момент они стояли за 10-часовой рабочий день. Что, кроме промышленников, к.-д. защищали еще интересы капиталистических помещиков, лучше всего доказывает аграрный проект к.-д. (выкуп по справедливой оценке). Из доклада Кутлера в к.-д. аграрной комиссии видно, «что 70% всей предлагаемой им огромной выкупной суммы, т. е. около 2,9 миллиардов рублей, должны были бы достаться 9 573 земельным магнатам» [3].

Об этом к.-д. аграрном законе Ленин писал следующее: «аграрный проект к.-д. есть, по существу дела, план капиталистического помещика» [4].

---

[1] «Общественное движение в России», т. III, с. 36.
[2] Ленин, Соч., т. VII, ч. 1, с. 101.
[3] «Общественное движение в России», т. III, с. 69.
[4] Ленин, Соч., т. VIII, с. 242.

Милюков, как опытный политический деятель, сочувствует меньшевикам, называя Плеханова самым выдающимся из всех вождей пролетариата и восклицает, что если бы все социалисты были такими, как Плеханов, тогда «Боже мой, как это упростило бы выяснение нашей текущей политической задачи»[1]. Но зато большевиков и Ленина ненавидит всей силой своей классовой ненависти, называя их невеждами, бланкистами, анархистами и другими оскорбительными для либерала словами. В то же время он клевещет на большевиков, нудно рассуждая, будто бы большевики против Думы и против к.-д. ведут кампанию совместно с полицией. Таким образом, Милюков, как грязный клеветник, набил себе руку уже в первой революции 1905 года.

Победа на выборах в первую Думу так вскружила к.-д. голову, что они начали воображать себя в роли спасителей России, например, Милюков писал: «К.-д. партия—мы это смело говорим—может быть, одна она—может вывести Россию из рокового импаса»[2]. Считая себя почти что у власти в период деятельности первой Думы, они по отношению к правительству заняли заискивающую позицию, желая доказать, что они не революционеры, а достойные кандидаты в царские министры. Из многих преступлений, совершенных к.-д. перед русским народом в период их деятельности в первой Думе, напомним только, что своим отказом открыто перед Европой высказаться против займа они помогали правительству добыть миллиарды для подавления народной революции. Милюков, например, писал, что обязательства должны быть соблюдены, и высказывался против государственного банкротства.

После разгона первой Думы к.-д., как известно, выпустили так называемое «Выборгское воззвание» к народу. Но и здесь к.-д. имели заднюю мысль. «Его цель,—пишет Милюков,—была удержать борьбу, становившуюся революционной, в парламентских рамках»[3]. По поводу этой истории М. Н. Покровский замечает: «что даже и единственное «революционное» воззвание кадетов преследовало контрреволюционные цели»[4].

Почему кадеты после подавления революции имели некоторый успех? В ответ на это Ленин проводит такую мысль: что после боя на-

[1] Милюков, Год борьбы, с. 222.
[2] Там же, с. 247.
[3] «Последние новости», октябрь 1924, № 1363.
[4] «Русская история в сжатом очерке», ч. 3, вып. I, с. 248.

род разбитый лежит, истекая кровью, но и обожравшийся зверь (царизм) отдыхает от победы. Тут-то и появляются кадеты и собирают голоса всех недовольных. «Кадеты—могильные черви революции. Революцию похоронили. Ее гложут черви» [1].

После разгона первой Думы партия к.-д. уходит совсем направо, если в период первой Думы они хотя на словах и проявили видимость революционности, с оговорками признавали и массовое движение, то во второй Думе вся политическая мудрость их состояла в том, как бы не обидеть «монарха» (вопрос об амнистии) и как бы лучше угодить Столыпину, которого Милюков считал своим человеком. Лозунг «беречь Думу», «мы пока других арен борьбы не видим» [2], становится «боевым» кличем партии к.-д.

После первой революции вся деятельность партии к.-д. проявляется, главным образом, в конкурентной борьбе с октябристами. «Но они борются с ними не как представители класса, не как представители более широких слоев населения, не ради смещения той старой власти, к которой приспособляются октябристы, а как конкуренты, желающие приспособиться к той же власти, служить интересам того же класса» [3]. К.-д., как идеологи чистой буржуазии, хотят лучше, чем черносотенно-октябристский блок, управлять страной, в ущерб интересам народных масс, в интересах империалистической буржуазии. Вот весь смысл к.-д. оппозиции в периоде с 1906 по 1917 г.

После бурных событий 1905—1906 г. крепостническое самодержавие делает шаг по пути превращения в буржуазную монархию. Милюков из лидера «революционной» партии стал лидером «ответственной» думской оппозиции внутри России и хвалителем царизма за границей.

Началась империалистическая война, буржуазия сразу забыла все свои счеты с царизмом и всецело отдалась войне. И Милюков призывает: «отложим внутренние споры и разногласия и помним, что теперь первая и единственная задача наша—поддержать борцов верой в правоту нашего дела [4].

---

[1] Ленин, Соч., т. XII, ч. 1, с. 100.
[2] Милюков, Вторая Дума, с. 11.
[3] Ленин, Соч., т. XI, ч. 2, с. 273.
[4] «Ежегодник» газ. «Речь», 1915, с. 242.

Война затягивается, обнаруживается, что царская бюрократия не сможет справиться с вопросами войны; буржуазия, по науськиванию англо-французских империалистов, начинает помышлять о дворцовом перевороте. В это же время Милюков в Государственной Думе произносит речь, в которой говорит, что кабинет «не заслуживает доверия Государственной Думы и должен уйти» [1].

Рабочие и солдаты низвергли царизм, планы буржуазии расстроены, сама она до-смерти перепугана. Мы видим Милюкова поседевшим и постаревшим на 10 лет. Но первый страх проходит, буржуазии благодаря предательству социал-соглашателей удается захватить в свои руки власть, и мы видим помолодевшего Милюкова на руководящем посту в Временном правительстве и кадетской партии.

Буржуазия хочет «войны до победного конца», пролетариат и крестьянство (армия) хотят мира. Буржуазии нужно сломить сопротивление пролетариата и крестьянства, она организует контрреволюционные заговоры против рабочих и крестьян (поход Корнилова, сдача Риги и т. д.). В это время Милюков начинает клеветническую кампанию против пролетарской партии (большевиков) и ее вождей, он же вдохновляет и инспирирует корниловский заговор.

В октябре пролетариат и крестьянство побеждает. Контрреволюция отброшена на Кубань и на Дон. Милюкова мы опять видим в рядах деникинцев, проделывающих отчаянные усилия отвоевать утерянное.

В период наибольшего успеха германского оружия летом 1918 г., Милюков из ярого германофоба сразу превратился в германофила. В это время он ведет переговоры с германским штабом о том, как совместно свергнуть советскую власть и восстановить единую неделимую Россию. За услуги он согласен сделать германцам большие экономические уступки, он пишет: «... Германия должна искать своих преимуществ не в территориальных приобретениях, а в экономических выгодах, то необходимо теперь же привлечь наших промышленников к пересмотру этой части договора и просить их указаний, до каких пределов могут простираться здесь наши уступки, вообще необходимые» [2]. Несмотря на то, что он так много кричал и клеветал на боль-

---

[1] Речь Милюкова 1 ноября 1916 г., с. 23.

[2] Деникин. Очерки по истории русской смуты, т. III, с. 83.

шевиков, якобы продавшихся немцам, чего доказать он не мог, он сам при первой возможности готов был продать Россию тем же германцам, лишь бы сохранить буржуазный строй и восстановить монархию. «А для этого нужно,—писал он,—теперь же остановиться на определенной личности кандидата на престол и вступить с этим кандидатом в непосредственные отношения, получив его санкцию действовать его именем. Я лично предлагал бы отыскать в. кн. Михаила Александровича, местопребывание которого должно быть известно его близким в Москве» [1]. Как видно, он уже перестал быть республиканцем, это свидетельствует о том, что его республиканизм летом 1917 г. был неискренний, имеющий целью подлаживаться к массе, так ненавидящей династию Романовых. В тот же период германской ориентации Милюков отказывается от Учредительного собрания и всеобщего избирательного права, что, конечно, соответствовало занятой им позиции сотрудничества с генеральской контрреволюцией и с монархическим германским штабом.

2. П. Н. Милюков в эмиграции

Очутившись за границей, г. Милюков начинает размышлять о происшедшем, начинается так называемая «переоценка ценностей». Как участник белого движения, он, естественно, должен был подвергнуть это неудавшееся движение анализу. Порвал ли Милюков с белым движением? Ничуть. Он пишет: «Не надо разрывать с белым движением. Нужно сохранить весь идеализм его, сохранить идею жертвенного подвига, но принести их в Россию со смыслом и пониманием, отбросив претензии на монополию» [2].

Милюков считает, что причины неудачи белых следующие: «Основных причин три: 1) недостаточная и несвоевременная, руководимая узко-корыстными соображениями, помощь союзников; 2) постепенное усиление реакционных элементов в составе движения и 3) как последствие второй причины, разочарование народных масс в белом движении. Конечно, кроме классовой подоплеки и неясности в аграрной политике, народ отталкивал от себя и неизбежные требования тя-

---

[1] Деникин, с. 82.

[2] «Последние новости», август 1924, № 1313.

желых жертв с его стороны, которых он не хотел нести»[1]. Как будто, наконец, Милюков начинает понемножку усваивать мысль о классовой природе борьбы между советской властью и генеральской контрреволюцией.

После поражения белых Милюков сознает, что обстановка в России коренным образом изменилась, он упрекает эмиграцию в непонимании того, что старые методы борьбы против советской власти теперь неприменимы. «Как безнадежна для новой интервенции международная обстановка и как невероятно возобновление вооруженной борьбы без иностранной помощи»[2].

Как видно, хозяйничанье иностранцев при белых на Милюкова произвело глубокое впечатление, и он к ним настроен очень осторожно. Он пишет: «Я не вижу революционного исхода в военной экспедиции извне и считаю позорным итти в Россию с русским знаменем в рядах иностранной интервенции, буде такая окажется возможной... такая попытка или будет покушением с негодными средствами и опять сплотит всю Россию около большевиков, — или же это будет форменное завоевание России иностранцами»[3].

Отрицательное отношение Милюкова к интервенции можно об'яснить опасением, как бы интервенция не сплотила вокруг большевиков всю Россию. Об истинном его отношении к иностранцам можно судить по той позиции, какую он продолжает занимать в вопросе о признании России. Он решительный противник признания советской власти, пока та не уплатит долгов и не откажется от диктатуры.

Итак, Милюков понимает, что силы эмиграции так ничтожны, что о победе над большевиками нечего и думать. По его мнению, советскую власть можно только завоевать по всем правилам международной войны, но на это пока он не решается.

Где выход, где спасение от «ига» большевиков? Как долго будет существовать советская власть и каким образом она прекратится? Как мы видели, в интервенцию Милюков не верит, остается восстание изнутри, но такое восстание, по его мнению, тоже маловероятно по следующим причинам: «во-первых, недостаточность организованности

---

[1] «Последние новости», август 1924, № 1313.
[2] Там же.
[3] Там же.

населения, во-вторых, сила советской полиции и система шпионажа, равной которой нет в истории; в третьих, красный террор» [1]. На что, наконец-то, надеется Милюков? А вот на что: «наша надежда—противников большевиков—основывается на другом: на том двойном внутреннем процессе, который сейчас происходит в России. Это, с одной стороны, процесс д е г е н е р а ц и и правящей коммунистической политической организации, а с другой стороны, процесс р е г е н е р а ц и и социальных тканей, разрушенных в первый период господства большевиков» [2].

Нельзя отрицать у Милюкова проницательности. Если бы не было правильной партийной политики и произошло бы перерождение партии, то несомненно, что диктатуре пролетарита пришел бы конец.

Хотя у Милюкова нет данных о падении советской власти, но зато он полон надежды. «Советскую барку,—пишет он,—быстро несет по течению—с той фатальностью, с какой Волга течет в Каспийское море. Движение это притом идет ускоряющимся темпом» [3].

Чтобы «грядущее» не застигло эмиграцию врасплох, Милюков рекомендует к ожидаемому перевороту энергично готовиться. Перед эмиграцией он ставит следующие четыре задачи: 1) «задача близкого н а б л ю д е н и я, правильного анализа и диагноза, 2) нужно политически мыслить за Россию, за тех, кто в России лишен возможности политически мыслить нужно о б л е ч ь в ф о р м у политической идеологии то, что зреет в России; 3) помочь сорганизоваться борющимся в России силам, как делала это прежняя эмиграция; 4) мы должны готовить кадры полезных для будущей России, знающих друг друга и верящих друг другу людей» [4].

Вопросу о сформировании новой идеологии, как видно из его деятельности за последние годы, Милюков придает большое значение.

После поражения белых российская буржуазия потеряла веру в возможность вернуть свое имущество в полном виде, но надеется с помощью кулачества все-таки восстановить буржуазный строй. И мы на эту тему в «Последних новостях» читаем статьи Милюкова, в ко-

---

[1] Последние новости», июль 1925, № 1596.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] «Последние новости», июнь 1925, № 1572.

торых он подлаживается к крестьянству. Например, он пишет: «Крестьянская активность является единственной плотиной на Руси от полного разгула большевиков» [1]. Несколькими днями позже, после длинных рассуждений, Милюков приходит к заключению, что власть большевиков обязательно падет. «Но какой же правящий класс будет в России после большевиков» — спрашивает он и дальше сам же дает следующий ответ: «Ближайший — и очень легкий ответ был бы тот, что следующий правящий класс в России есть крестьянство. Но этот ответ не лишен своих трудностей. Они возникают из недостаточности организованности крестьянства, из его внутренней расслоенности и многочисленности... крестьянство должно будет кому-то передоверить участие, от его имени, в непосредственной политической власти. На получение этих полномочий, несомненно, явится и уже является множество претендентов. Как организовать это представительство, не рискуя ни прямым обманом, ни цезаризмом, ни новым отделением «правящего класса» от его источников, это один из серьезнейших и сложнейших вопросов русского будущего» [2].

Как видно из процитированного, в эмигрантских кругах уже идет дележка шкуры еще не убитого медведя. Но откуда у Милюкова явилось такое крестьянофильство? Мы из его же «Истории» знаем, что он в 1917 г. очень восторгался посылкой казаков Черновым в деревню для усмирения крестьян. Ответ может быть такой: что и в данном случае Милюков является олицетворением своего класса. Российская буржуазия, окончательно разбитая и придавленная к земле, хочет встать на ноги и ищет опоры; но на помощь извне мало надежды, нужно искать таковую внутри России, вот в чем смысл новой тактики господина Милюкова.

С этой целью и была создана новая политическая группировка (блок левых к.-д., правых меньшевиков и правых эсеров), под названием «Республиканско-демократическое об'единение». Программа этого «об'единения» ясно указывает на новый тактический маневр Милюкова. С откровенно-империалистической точки зрения, он, под влиянием поражения белых, сошел и принял позу «республиканца» и «демократа». Нас не может смущать то обстоятельство, что он теперь заигры-

---

[1] «Последние новости», июнь 1925, № 1573.

[2] «Последние новости», июнь 1925, № 1575.

вает с социал-соглашателями, во-первых, потому, что обстоятельства этого требуют, даже буржуазия сравнительно устойчивых западных государств вынуждена няньчиться с ними, а во-вторых, они на деле себя показали, как самые верные слуги капитала. Милюков с спокойным сердцем может заявить, что будущее принадлежит «социализму» типа Макдональда [1], ибо он знает, что от реформистов никакой угрозы капиталу ожидать нельзя, наоборот, своим традиционным влиянием на более отсталые народные массы они могут торжество социализма только задерживать.

Если в конце 1920 года, в предисловии к своей «Истории» Милюков еще писал о народе, как о какой-то низшей расе, находившейся на иных ступенях развития, то он уже тогда начинает понимать, что масса народа вовсе не была так пассивна, как это казалось, и что масса только терпела и ждала удобного случая, чтобы удовлетворить свое вековое тяготение к земле. Милюков с момента присвоения помещичьей земли, считает, что крестьянство бесповоротно разрешило свой главный жизненный вопрос. Это событие он считает светлой точкой вдали, между великих руин. В первом пункте программы Р. Д. О. о крестьянстве говорится следующее: «Важнейшим фактором строительства России, как страны земледельческой,—Об'единение считает крестьянство, казачество и вообще земледельческий элемент» [2].

У него очень резкие суждения о дворянстве, например: «Чем ближе к революции, тем больше наш рядовой дворянин становится «зубром», ископаемым существом канувшей в вечность эпохи». Если сопоставить эти его суждения о дворянстве, как о классе погибшем, с признанием, что в России человек будущего — это крестьянин, то мы безусловно должны будем признать, что Милюков с дворянством порвал и приблизился к кулачеству, т. е. он понимает, что надежд на восстановление помещичьей власти нет никаких, но надеется при удобном случае в союзе с новой буржуазией восстановить буржуазный строй и постепенно наверстать утерянное.

Интересно узнать, как Милюков смотрит на деятельность советской власти. По мнению Милюкова в России никакой власти рабочих и крестьян не существует, есть только диктатура РКП, которую он еще

---

[1] См. его статью «Последние новости», июль 1924, № 1290.

[2] «Последние новости», июнь 1924, № 1274.

называет «правящим классом». «Новый правящий класс», по мнению Милюкова,—«не прочь был бы прикрепить вновь крестьянство для облегчения его эксплоатации. Но новая власть, если бы и хотела, бессильна исполнить это желание» [1].

Пролетариату тоже не легко при советской власти. «Сам пролетариат точно так же в рабстве у власти» [2]. Только становясь бюрократами, пишет он, рабочие получают выгоды от участия во власти.

Не лучше обстоит дело и в области народного хозяйства, и в этой области большевики терпят поражение. «Руководства народным трудом у новой власти нет, есть только быстро менявшаяся система организации правящим классом прямого расхищения народных ресурсов» [3].

Милюков, как это видно из приведенной цитаты, продолжает по сей день еще верить, что в России все идет к гибели, что никакого восстановления хозяйства нет. Этого он так сильно хочет, и так сильно в это уверовал, что совершенно не замечает того смешного положения, в какое он попадает, утверждая такие глупости. Однако, неправильно было бы думать, что он сам серьезно верит в то, что советская власть хочет закрепостить крестьянство и что рабочий класс находится в положении рабов. Здесь снова мы видим Милюкова как грязного клеветника. Но что поделать, он должен создать новую антисоветскую «идеологию», а для этого все средства хороши.

VI. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Милюков сам не имел капиталов и поместий, родился он в семье профессора и всю жизнь оставался в положении интеллигента. Несмотря на всякие научные ордена и звание профессора, он скорее политический деятель, чем ученый. Его политические взгляды и мировоззрение сложились в тот период, когда развитие капитализма в России сделало гигантские шаги вперед, когда на общественную сцену появилась с одной стороны буржуазия, с другой — пролетариат, когда диалектический материализм начал вытеснять господствующие философские системы. Происходит борьба между разными общественными классами

---

[1] «Последние новости», июнь 1925, № 1575.

[2] Там же.

[3] Там же.

с разными идеологиями. Но буржуазия не любит борьбы, особенно между капиталистами и рабочими, она чувствует, что диалектический материализм (марксизм) ее смертельный враг, она хочет примазаться к марксизму и обезвредить его путем извращения и опошления его, отсюда безнадежный эклектизм и беспринципность, чем особенно отличаются социологические взгляды П. Н. Милюкова.

П. Н. Милюков—идеолог буржуазии, но так как русская буржуазия тесно связана с поместным дворянством, то нужно взять под защиту и последнее. Отсюда в его исторических работах чудовищное подкрашивание крепостничества.

В Милюкове отразился весь трагизм судеб русской буржуазии, которая одновременно должна была бороться на два фронта: и против феодального самодержавия и против революционного пролетариата Отсюда двойственность позиции: у кадетов и Милюкова игра в революционность и переговоры с правительством о министерских портфелях. Кадеты в борьбе за власть непрочь опереться на народ но это надо проделать так, чтобы не пострадали карманы толстосумов. Милюков признает, что борьба за парламент—это достойно поддержки (из опыта Западной Европы знает, что в парламентах господствует буржуазия), но борьба за 8-часовой рабочий день и за землю—это анархия, требующая самого резкого осуждения.

После 1905 года крепостническое самодержавие разлагается, делая еще шаг по пути превращения в буржуазную монархию, остатки бывшего «революционизма» у Милюкова исчезают окончательно, он постепенно приобщается к власти, особенно в области внешней политики царизма.

Российский империализм втягивается в мировую войну. Война ведется за покорение и угнетение новых народностей царизмом. Милюков берется оформить эти эгоистические стремления, придавая им идейную окраску борьбы за освобождение малых народностей. Для этого же он использовал свою историческую концепцию колонизации, с этой же целью он национальную политику царизма, превратившую страну в настоящую тюрьму народов, обрисовал в самых благоприятных для царизма красках.

Октябрьская революция разбила господствующие классы России. Условия коренным образом изменились. Старая идеология как империализма, так и дворянского абсолютизма, более не годится. Для бур-

жуазии нужна новая идеология, применимая к новым условиям. Милюков, как верный слуга своего класса, вырабатывает новую антисоветскую «идеологию» без примеси феодализма и откровенного империализма с ориентацией на кулачество в деревне и на все мелкобуржуазные слои в советском союзе.

Милюков, несомненный вождь российской буржуазии, в течение всей своей жизни верно служил ее интересам. Его положение интеллигента[1] дало ему возможность отбрасывать временные нужды отдельных групп буржуазии и быть всегда идеологом чистых общебуржуазных стремлений.

Не его вина, а скорее беда в том, что эта буржуазия потерпела такой позорный крах. Несмотря на все неудачи, он и по сей день продолжает талантливо защищать интересы буржуазного общества.

Итак, г. Милюков, как социолог, серьезного научного значения не имеет. Как историк России, он в основном повторяет взгляды Ключевского, его теория контрастов научно не обоснована и не верна. Милюков, как историк революции, проявил себя как сознательный фальсификатор и гнусный клеветник. Зато как идеолог буржуазии он обнаружил большие способности, и за это одно стоит им заниматься.

---

[1] «Для того, чтобы представлять капиталистическую буржуазию, нет никакой необходимости самому быть непременно помещиком или капиталистом, вообще капиталистическим собственником. Профессор, врач, адвокат, раз условия их существования не выводят их мышления за пределы буржуазного общества, становятся либералами, т. е. идеологами капиталистической буржуазии» (И. Степанов, От революции к революции, с. 185). Степанов здесь перефразирует слова К. Маркса из «18-е брюмера», о чем он оговаривается и на той же странице приводит подлинную цитату Маркса. Мы берем цитату у Степанова потому, что она относится к буржуазии, а цитата Маркса—к мелкой буржуазии. Социальные выводы одни и те же.

БИБЛИОГРАФИЯ[1]

I. Сочинения по истории России

1. Милюков, П. Н.—Очерки по истории русской культуры. В трех частях. СПБ 1896—1903 и след.

2. Милюков, П. Н.—Государственное хозяйство в России и реформа Петра Великого. СПБ 1892 и след.

3. Милюков, П. Н.—Спорные вопросы финансовой истории московского государства. СПБ 1891.

4. Милюков, П. Н.—Главные течения русской исторической мысли. М. 1897 и 1908.

5. Милюков, П. Н.—Из истории русской интеллигенции. Сборник статей и этюдов. СПБ 1902.

6. Милюков, П. Н.—Исконные начала и требования жизни в русском государственном строе. Ростов-Д. 1905.

7. Милюков, П. Н.—Интеллигенция и историческая традиция. Сборник «Интеллигенция в России». СПБ. 1910.

8. Милюков, П. Н.—Крестьяне. Ст. в Энциклопедич. словаре Брокгауза—Ефрона.

9. Милюков, П. Н.—О феодализме. Ст. в Энциклопедическом словаре Брокгауза—Ефрона.

II. Сочинения по истории революционного движения в России

1. Милюков, П. Н.—История второй русской революции. Три выпуска. София 1921.

2. Paul Miliukow.—Russlands Zusammenbruch, Deutsche Verlags-Anstalt. Stuttgart, Leipzig und Berlin.

3. Paul Miliukow.—Geschichte der zweiten Russischen revolution. Verlag «Renaissance».

4. P. N. Milyoukov.—Bolschevism. An international danger. London.

5. P. N. Milyoukov.—Russia. To-Day and to-Morrow. изд. Macmillan-Company, New-York 1922.

6. Сборник „Russian Problems" статья П. Н. Милюкова „The Representative System in Russia".

7. Милюков, П. Н.—Год борьбы. Публицистическая хроника за 1905—1906 гг. СПБ 1907 г.

8. Милюков, П. Н.—Вторая Дума. Публицистическая хроника за 1907 г.

9. Милюков, П. Н.—Россия в плену у Циммервальда. Брошюра.

---

[1] Прилагаемая библиографическая справка отнюдь не претендует дать исчерпывающие данные по всем сочинениям г. Милюкова. Приводятся только важнейшие, пропущены почти все журнальные и газетные статьи, особенно за период последней эмиграции.

10. Милюков, П. Н.—О свободе печати. Сборник «В защиту слова».
11. Милюков, П. Н.—Демократия и вторая палата. Брошюра.
12. P. Milyoukov.—Russia and its krisis. L. 1905.
13. P. Milyoukov.—La crise Russe. P. 1907.
14. P. Milyoukov.—Constitutional Government for Russia. (Лекция, читанная в Нью-Йорке в 1908 г.).
15. Милюков, П. Н.—Россия на переломе, т. I, II.

III. Сочинения на разные темы

1. Милюков, П. Н.—Балканский кризис и политика Извольского. СПБ 1910.
2. Милюков, П. Н.—Вооруженный мир и ограничение вооружений. СПБ 1911.
3. Милюков, П. Н.—Статьи о войне 1914—1915 гг. в сборниках: „Чего ждет Россия от войны?" и „Вопросы мировой войны". II. 1915.
4. Милюков, П. Н.—Польский Пьемонт. В сборнике «Война и Польша». Москва 1915.
5. Статьи в ежегодниках газ. «Речь» особенно за 1912, 1913, 1914 и 1915 гг.
6. Думские речи П. Н. Милюкова, напечатанные в отчетах к.-д. фракции III и IV Гос. Думы.
7. Милюков, П. Н.—Национальный вопрос.

IV. Статьи и заметки о Милюкове

1. Кизеветтер, А. А.—П. Н. Милюков. Брошюра.
2. Кизеветтер, А. А. Статья о Милюкове в Энциклопедическом словаре «Т-ва Бр. Гранат и К°».
3. Вернадский, Г. В.—П. Н. Милюков. Брошюра.
4. Шаховский, Д. И.—Статья о Милюкове в сборнике «Зарницы» № 2. СПБ 1909.
5. Павлов-Сильванский.—Феодализм в древней Руси.
6. Покровский, М. Н.—Борьба классов и русская историческая литература. П. 1923.
7. Покровский, М. Н.—Марксизм и особенности исторического развития России. Л. 1925.
8. Покровский, М. Н.—Противоречия г. Милюкова. Журн. «Красная Новь» № 2, 1921.
9. Покровский, М. Н.—Буржуазная концепция пролетарской революции. Журнал «Историк-марксист» № 3.

В. О. КЛЮЧЕВСКИЙ

I. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ КЛЮЧЕВСКОГО[1]

Развитие русской исторической науки в XIX в. совершается на фоне развития русского капитализма. Историки XVIII века Татищев, Миллер, Болтин и другие только подготовили для нее почву. Если такие работники, как Каченовский и Погодин, продолжали дело этой подготовки и в XIX веке, то в лице С. М. Соловьева мы имеем уже историка, не ограничившегося простым собиранием фактов и их критикой, но давшего стройную и продуманную концепцию русской истории в целом. Соловьев стоит на рубеже крепостной России: он сложился, как ученый, в последние пятнадцать лет ее жизни. Его преемник по кафедре Московского университета В. О. Ключевский — первый русский историк, вырастающий на фоне пореформенной экономики. Он сложился как ученый, в шестидесятые—семидесятые годы.

Семидесятилетняя жизнь Ключевского падает на эпоху нарастания революции, захватывает периоды, насыщенные революционным содержанием. Грани этой жизни—1841 и 1911. Ключевский был свидетелем последних лет крепостной России, бурного развития русского капитализма; был современником революционного народничества, — и бурного роста рабочего движения и развития марксизма в России; пережил революцию 1905 и в эпоху ее нарастания пытался активно участвовать в политической жизни.

Ключевский пришел в высшую школу типичным «разночинцем». Этот интеллигентский слой бурно развивается в 60—70-е гг. и склады-

---

[1] Настоящая статья представляет собою основные выводы моей работы «В. О. Ключевский и его место в развитии русской историографии», в целом неопубликованной. Отдельные ее части были напечатаны в журнале «Красная новь» (1923, кн. 5) и в «Вестнике просвещения» (Казань 1923, кн. 1—2). Работа была закончена в 1923 г., и с тех пор выводы ее в основном изменяемы мною не были.

вается действительно «из разных чинов», вызванный к жизни потребностями развивающегося капитализма. В него вливались многочисленные элементы, отпавшие в процессе диференциации от прежней крепостнической классовой структуры общества: тут был бывший дворянин, потерявший в этом процессе землю и крестьян, купеческий сын, бывший дворовый, человек «вольного состояния» и выходец из духовной среды, мечтавший о роли литератора или педагога. Тяга семинаристов в высшую светскую школу характерна для общей социальной перестройки той переломной эпохи. Одним из таких семинаристов был В. О. Ключевский [1].

Он происходил из беднейших слоев сельского духовенства и представлял собою конечное звено длинного ряда поколений: его прапрадед в середине XVIII столетия был священником, прадед в 1870 г. стал дьячком, в этой должности и умер, дед девять лет был дьячком и в 1811 году стал дьяконом, а рано умерший отец Ключевского, пробыв год дьяконом, в 1840 году был переведен священником в село Воскресенское, где и родился у него в 1841 г. 16 января сын Василий. Восьми лет В. О. Ключевский осиротел. Его мать с тремя детьми, из которых он был старшим, перебралась в Пензу и поселилась в маленьком домике, вернее в одной его половине так как другая сдавалась

[1] Материалы для биографии В. О. Ключевского изданы в небольшом числе. Основное помещено в «Чтениях в Имп. о-ве ист. и др. росс. при Моск. у-те, 1914, кн. I». Воспоминания о В. О. Ключевском даны в сборнике в его память («В. О. Ключевский», изд. «Научн. слова», 1912). Письма студента Ключевского к П. Гвоздеву опубликованы С. А. Голубцовым (М. 1924) отдельной книгой, письмо Ключевского к А. Ф. Кони от 13 XI 1908 и отрывок из другого письма от 1905 г. к нему же опубликованы в статье А. Ф. Кони в сборнике «В. О. Ключевский. Характеристики и воспоминания», 1912. Политический дневник Ключевского, письма к жене, неопубликованные главы V тома «Курса русской истории», заметки Ключевского на полях книг—все это вероятно, хранится в личном архиве Ключевского и неопубликовано. Из архивных материалов, до сих пор неопубликованных, автор привлек документы по поводу студенческих беспорядков, связанных с речью Ключевского в память Александра III (из архива В. Семевского (Мельгунова), хранится в Коммун. Академии). Отчасти использовано «устное предание» о В. О. Ключевском,—автор благодарит сына В. О. Ключевского, Бориса Васильевича Ключевского, поделившегося с ним в многочасовой беседе воспоминаниями об отце, а также и всех других лиц, сообщавших сведения о В. О. Ключевском.

квартирантам за три рубля в месяц [1]. Семья жила бедно, и большой помощью для нее явилось казенное пособие, «бурсачный» оклад в двенадцать рублей, который Ключевский стал получать, поступив в Пензенское духовное училище. В 1856 году он поступает в Пензенскую духовную семинарию и с первых классов начинает давать уроки, — первый его урок был за три рубля в месяц [2]. Несомненно, обстановка деревни, затем жизнь в маленьком провинциальном городе, обучение в духовных учебных заведениях и ранний самостоятельный труд для куска хлеба наложили неизгладимый след на все миросозерцание Ключевского.

Решение порвать с семинарией, очевидно, созревало в Ключевском постепенно но трудно проследить обстоятельства, его породившие. Примеры окружавшей товарищеской среды, нежелание быть священником, тяга к светскому образованию и отвращение к семинарской схоластике были в числе причин. Среди преподавателей семинарии попадались ограниченные и тупые, вызывавшие в Ключевском брезгливое отвращение к их преподаванию. Одним из таких был протоиерей Авраамий Смирнов, преподававший «мудрые науки—логику и психологию». По воспоминаниям семинарского товарища А. Рождественского у В. О. Ключевского были стычки с этим «кошачьим психологом», как он был прозван. Позже, студентом Московского университета, Ключевский, переписываясь со своим товарищем П. Гвоздевым, с горечью вспоминал о семинарской науке: «Эх, брат, как жаль, что мы слушали с тобой, да и не слушали, а просто зубрили какие-то подонки из скандалов святых отцов» [3].

Сестра Ключевского, Е. О. Виргинская, вспоминает, что брат стал готовиться к университетским экзаменам за год до разрыва с семинарией и готовил в то же время к ним двух сыновей фабриканта Маршева. Перейдя на высшее богословское отделение семинарии, Ключевский в день окончания экзаменов первой учебной трети, перед «ро-

[1] Чтения в Императ. о-ве истории и древностей российских при Московском университете 1914, кн. I (М. 1913), с. III-IV (материалы для биографии) и с. 414—418.

[2] Чтения в Императ. о-ве, 415. (Воспоминания о Ключевском его сестры Е. О. Виргинской).

[3] Письма В. О. Ключевского к П. Гвоздеву (1861—1870), М. 1924, с. 74.

ждеством», подал прошение об увольнении. Начальство взволновалось. Ключевский был лучшим учеником, и семинария хотела сохранить его для духовной академии. К тому же, он получал все время казенную стипендию. Архиерей Варлаам, руководивший семинарией, сначала попробовал оказать давление на семью Ключевского, зная ее бедность: по тогдашнему обычаю за дочерью священника, оставшейся после смерти отца без средств, мог быть «закреплен» приход через замужество ее с каким-нибудь семинаристом, получившим этот приход. Бабушка Ключевского воспользовалась приездом Варлаама на престольный праздник Боголюбской церкви, священником которой был дядя Ключевского Европейцев, и просила зачислить за Лизой какой-нибудь приход взамен отцовского. Тот обещал, но когда услышал, что Ключевский задумал итти в университет, то пригрозил ему: «Если ты не уважаешь начальство, тогда не зачислится никакого прихода за твоей сестрой». «Что же мне делать», спрашивал Ключевский дядю: «если я уйду в университет, тогда сестра останется несчастной». Дядя поддержал племянника и, в конце концов, Варлаам дал разрешение покинуть семинарию, обозвав Ключевского дураком. Уход был облегчен той формальностью, что всего курса семинарии Ключевский не кончил. Дядя дал ему на дорогу денег, и племянник отправился в Москву. Впереди была нужда, незнакомый город, трудные приемные экзамены и новая непривычная обстановка жизни. Больше в родной город Ключевский не возвращался, мать так и умерла, не увидев перед смертью сына. Связи с сельским духовенством были порваны. Острая ирония и злая насмешка по отношению к духовенству и православию то и дело мелькают на страницах писем студента, только что вырвавшегося из-под семинарского гнета. Характерно, что в семинарии осталась целая группа товарищей, мечтавших об университетском образовании и завидовавших Ключевскому. Свои письма к П. Гвоздеву он, в сущности, обращает ко ним всем: подробно пересказывает лекции, передает впечатления от новой жизни.

Но, порвав с прежней средой, Ключевский не стал сразу своим человеком в новой. Отчужденность и замкнутость, и ранее для него характерные, еще более развились в университете и проводили его до конца жизни.

Символична яркая картинка первого столкновения Ключевского с новой средой. Это было на экзамене в университете. Ключевский

подробно описал его в письме к товарищам по семинарии и в письме к родным [1]. В этом описании сразу бросаются в глаза две черты: чувство отчужденности от новой среды, замкнутость и меткая насмешливость—неизменный спутник одиночества. «Напишу еще немного, — пишет его сестра,—что помню из его писем, которые он нам писал из Москвы, когда сдавал экзамен». «Когда взошел я в такой большой зал, меня охватила робость: смотрю, некоторые личности очень хорошо одеты, в пенснэ с блестящей оправой, при часах и при клычках (так он называл воротнички крахмальных сорочек). Смотрю и думаю: не профессора ли это? А потом, когда начался экзамен, смотрю, что эти господа явились сюда за тем же, как и я. Тут немного я ободрился. А когда их начали вызывать и спрашивать, некоторые из них молчат; тогда обращались ко мне, говоря: «Ключевский, отвечайте вы». Так и пошло далее. Тут же я и вовсе вздохнул посвободнее, думая: «такие-то вы господа—при пенснэ, а молчаливые» [2].

Чувство отчужденности, обособленности сопровождает Ключевского все время университетского ученья. Около него бурлила студенческая жизнь шестидесятых годов, развивались студенческие волнения, слагались кружки, велись политические споры. Он зорко наблюдает все это, но не принимает в этом активного участия. Очевидно Ключевский слишком дорожил казенной стипендией, полученной им и в университете, испытывая страх за свое материальное благополучие и возможность заниматься, которую он добыл такими тяжелыми усилиями. Он всюду лишь зритель, охотно подмечающий смешные детали, «комедию в трагедии». «Я намекнул тебе в прошлом письме, что в университетском обществе образовались партии с различными направлениями и что адрес падает вследствие недостатка единодушия и умеренности в действии [3]. Как нарочно в тот же день, когда я послал тебе письмо, случилась катастрофа, притча, об'единившая всех студентов и заставившая замолкнуть разноречивые толки. В ночь с 11 на 12 октября схвачены были полицией несколько студентов по неизвестным причинам. Студенты решили требовать у попечителя об'яснения. Здесь крикуны нашумели, и попечитель отказался говорить. К несчастью, ника-

[1] Материалы для биографии В. О. Ключевского, «Чтения Имп. о-ва ист. и древностей российских», 1914, кн.I, с. 417 и 430—431.

[2] Там же. Орфография подлинника не сохранена.

[3] Дело идет о студенческих волнениях 1861 г.

кое дело не обходится без этих запечных певунов. Что оставалось делать? Толпой отправилось до 500 студентов к генерал-губернатору, под предводительством выбранных депутатов, чтобы спросить его о причине ареста товарищей. Толпа эта двинулась из сада. Мы оставались в университете. Это спасло нас от многих бед (курсив мой—*М. Н.*)»[1].

Толки о закрытии университета вызывают в Ключевском реакцию подлинного академиста: «Некоторые студенты так увлеклись, что кричали: пусть закроют наш университет. Как легко сказать это. А думал ли кто, что все эти крики не стоили одного слова лекции Буслаева или кого другого»[2]. Речь Буслаева к студентам о том что университет «для науки», и нечего примешивать политику к ученью, вызывает полное одобрение Ключевского. «К сожалению,—замечает он, передав суть речи,—люди, о которых он говорил, т.-е. ажитаторы волнения, не слышали его: они были в саду на совещаниях...»[3] Даже слова «либеральность» Ключевский не любил в студенческие годы, усматривая в нем некую революционность. «Я не думал, а нашел эту либеральность, если тебе хочется употребить это слово, ненавистное для меня в смысле слепой ломки, в каком его большей частью принимают»[4].

Письма молодого Ключевского с несомненностью показывают, что революционность своей эпохи он осознал, но результатом этого осознания был страх перед революцией, солидаризация с противореволюционными кругами и полное отрицание революционного метода действия. Этот страх и это отрицание Ключевский пронес через всю жизнь и глубоко отпечатлел в своем научном мировоззрении. Выходец из той же духовной среды—Н. Г. Чернышевский в 1853 г., не колеблясь, говорил: «когда вспыхнет революция, я приму участие... Меня не испугает ни грязь, ни пьяные мужики с дубьем ни резня...»[5]. Ключевский же в 1861 г. пришел к не менее решительному выводу: ненависти к революции, страха перед «слепой ломкой». Уже одно это поставило этих двух разночинцев по разные стороны баррикады.

---

[1] «Материалы для биографии В. О. Ключевского», с. 64.
[2] Там же, с. 57.
[3] Там же, с. 58.
[4] Там же, с. 76.
[5] Н. Г. Чернышевский, Литературное наследие, т. I.

Но, оставшись на всю жизнь по ту сторону баррикады, Ключевский был, конечно, далек от слепого приятия «гнусной российской действительности». В нем копится решительный протест против нее. Видимо, еще в семинарии и в первые годы ученья в университете раздумывал он о «беспардонном деспотизме и самодурстве»[1] самодержавия и над вопросом «что делать?». И на студенческой же скамье он входит в ту классовую среду, которая дала ему свой ответ на этот вопрос. Это была среда буржуазного либерализма, земская либеральная среда. Ключевский никогда не слился с ней всецело и не сблизился сразу и безоговорочно. Но именно к ней был он ближе всего и из ее политической идеологии взяты были им многие черты его политического идеала.

Лето 1862 г. Ключевский провел в качестве репетитора в семье видного земского деятеля кн. С. В. Волконского и получил возможность хорошо рассмотреть «земцев» в самый начальный момент зарождения земского движения, познакомился с деятельностью мировых посредников и их рассказами. Позже мы встретим Ключевского среди таких лиц, как Д. И. Шипов, князья Трубецкие, Самарин; близок был В. О. Ключевский и с семьей С. Муромцева, председателя первой Государственной думы; к этой семье Ключевский видимо был искренно привязан как и к семье Маклаковых[2].

Нет сомнений, что журналистика 60-х годов оказала большое влияние на Ключевского: он внимательно следит за ней, осторожно впитывает из нее некоторые радикальные мнения, видимо, чувствует симпатию к Чернышевскому, но периода увлечения последним, столь характерного для радикальной молодежи, не переживает. Ключевскому свойственна позиция осторожного наблюдателя.

Любопытнейшее место переписки с Гвоздевым — «созерцание» журнальной грызни. «Интересно следить за этой борьбой разных партий и мнений,—борьбой, часто пересыпаемой изрядной бранью, но все же живой и энергической. Всех виднее в этой перепалке «Современник» с Чернышевским, — этим бесцеремонным семинаристом-социалистом и пр. Славно—что ни говори—отделывает он кой-кого. Борющиеся стороны и лагери страшно перепутываются. Чичерин твердит об идеальном государстве-народе и народе-государстве (по его—это одно и то же),

[1] Письма Ключевского к Гиздеву, М. 1924, с. 84.

[2] Там же, с. 126.

ратует за выделение в изолированное сословие дворянства, а Громека и Бестужев-Рюмин стреляют в него из «Отечественных записок» здоровенными залпами, «Современник» колотит по носу славянофилов, вопиет о бедствии пролетариев и честит по-русски праздную умозрительную философию. Буслаев, любитель и поклонник народности, пушит духовенство и славянофильское учение о русском народе, а «Современник» в лице Пыпина катает и Буслаева. Аксаков со своим «Днем» отстреливается исподтишка, а Соловьев мечет стрелы в Костомарова за его увлечения и богопротивную статью о басне, выдуманной народом, что ли, или кем другим, будто Сусанин спас царя. Соловьев говорит: спас! Костомаров соврал! и обнаруживает поползновение об'яснить дело духом народа, по-славянофильски. Вот как! Соловьев — западник, не прочь протянуть руку славянофилам?! Славная вообще возня идет в журналистике» [1].

Но, кроме Чернышевского, Ключевский читает и зачастую солидаризируется с... Катковым. Несимпатичные ему дворянские черты, замеченные им в земском либерализме, он критикует катковскими аргументами: «Ты не можешь себе представить того дыма, той чепухи, которой наполнилась наша атмосфера по случаю закрытия Петербургского земского собрания!.. Что делается в Москве, как надулись петухи, как распустили хвосты родовитые павлины! Голов совсем не видно, одни нарядные перистые задницы. Наших задели!—вот из-за чего дело, а не из чего-либо другого, не думай!» [2]. И кружок «политиков-комрадов», к которому принадлежит Ключевский, яростно спорит по этому поводу: «Катков всегда в руках у нас... Я остался при мысли, что петербургское собрание напакостило; почти все против меня, и только сегодня угомонились немного, прочитав передовую статью «Московск. ведомостей», где разиваются мысли, подобные вчера мною высказанным. Смотри, как мы сошлись с московским генералом от журналистики» [3].

Наряду с этим идет выработка личной политической идеологии. О ней Ключевский в письмах к Гвоздеву повествует скупо, но, видимо, уже тогда одно из центральных мест занимает у него вопрос о крестьянстве, с одной стороны, и об идеальном государстве,—с другой. Народные «массы», отдавшиеся «водительству святых отцов»; «бедный рус-

[1] Письма Ключевского к Гвоздеву, М. 1924, с. 103—104.
[2] Там же, с. 113.
[3] Там же.

ский народ» встречаются уже на страницах студенческой переписки, а «паскудные политические права российского гражданина»[1] вызывают злую насмешку.

Под влиянием этих противоречивых впечатлений у Ключевского слагается образ идеального государства, которое, с одной стороны, явилось бы оплотом от надвигающейся революции—с другой же уничтожило «гнусность» самодержавного деспотизма и удовлетворило идее «общего блага». Окружавшая Ключевского академическая среда давала ему обильный материал для будущей исторической концепции. Особенно надо отметить с этой точки зрения теории Б. Н. Чичерина и С. М. Соловьева, бывших непосредственными учителями Ключевского.

В центре Соловьевско-Чичеринской исторической концепции стояло государство. Русская история, начав с древних форм родового быта, постепенно перешла к государственным отношениям; по этой теории целью русского исторического процесса было самодержавие. Русские сословия были закрепощены на службу русскому государству и, по мере усиления последнего—раскрепощались. Эта теория корнями своими уходила в эпоху разложения крепостного хозяйства, во вторую четверть XIX в. Боязнь революции снизу при неизбежном в силу экономических причин крестьянском раскрепощении вызвала к жизни Соловьевско-Чичеринскую историческую концепцию. Лишь сильное самодержавное государство, когда-то тихо и без революционных потрясений закрепостившее сословия, может так же спокойно их раскрепостить. Государство—оплот против революции. С последним Ключевский был согласен, но в корне расходился с Соловьевым по вопросу о характере государства. Это расхождение он сам отметил еще на университетской скамье и сумел его связать с протестом против тех идеалистических гегельянских предпосылок, которые служили Соловьеву основанием его концепции: если все существующее—разумно и все—воплощение духа, то в результате—примирение с действительностью, отказ от ее переделки, полный фатализм—рассуждает Ключевский[2]. «При таком воззрении,—пишет он дальше в письме товарищу,—со всем нужно мириться, все оправдывать и ни против чего не действовать. Соловьев оправдывает же и даже защищает Московскую централизацию с ее беспардонным

[1] «Письма Ключевского к Гвоздеву», Москва, 1924, с. 118.

[2] Там же, с. 84.

деспотизмом и самодурством.—Предоставляю тебе додумать остальное»[1].

Обдумывая вопрос о государстве с философской точки зрения, Ключевский уже в студенческий период отказывается от его идеалистического понимания: «если идеализм говорит об улучшении, о преобразовании государства, то для него важнее всего,—рассуждает Ключевский,—не настоящая потребность, а условия истории. Он спрашивает прежде всего, на какой ступени развития стоит в настоящую минуту народ или общество, чтобы вывести из этого сообразное с условиями и требованиями истории преобразование. Настоящие нужды принимаются в расчет уже после. Очевидно, он дорожит правильным ходом истории и боится нарушить этот ход произвольным шагом вперед». И в конце этого анализа—меткое замечание: «Оттого идеализм так отзывается консервативным духом»[2]. И сам Ключевский всецело переходит на сторону—по его терминологии—«реализма». «Реалистическое» понимание государства Ключевский заполняет явным содержанием классового соглашательства: государство—организация для согласования, примирения классовых интересов и классовой борьбы: «В чем идеализм видит высшее начало, там реализм находит простое явление. То же и в государстве. Интересы каждого лица приходят в столкновение с интересами другого; является борьба эгоизмов, разделяющая людей. Для ограничения этой борьбы выдумали, изобрели государство, где люди, соединяясь, уславливаются друг с другом не вредить своим эгоизмом друг другу. Следовательно, государство так же придумано для облегчения отношений, как письменность и книгопечатание... а не логически-неизбежное следствие высшего развития духа человеческого... Государство вовсе поэтому не форма, сообразная и необходимая по идее человека, а сделка лиц между собою»[3]. Отсюда уже лишь один шаг до создания того буржуазного идеала «правового» государства, основанного на идее «общего блага», который позже стал руководящей мыслью всего исторического исследования Ключевского. Отметим бегло, что может быть из тех же лекций философа-идеалиста Юркевича, из которых Ключевский вынес свою приверженность к «реализму», вынес он и фантастический образ «госу-

[1] «Письма Ключевского к Гвоздеву», Москва, 1924, разрядка моя—*М. Н.*
[2] Там же, с. 86.
[3] Там же, с. 86—87.

дарства ученых». Он не только запомнил точно слова Юркевича, но и выписал их в письме к другу Порфирию: «Если бы, говорит Юркевич, собрать всех ученых в одну республику,—конечно, это была бы самая бурная, неспокойная республика,—то каждый, к какой бы специальности он ни принадлежал, непременно заявил бы себя в пользу или реализма или идеализма» [1]. Позже Ключевский вернется к этому образу государства ученых.

Половинчатость и эклектизм Ключевского сказываются и на его отношении к религиозным вопросам в студенческий период.

Для него очень характерна боязнь окончательной ломки, резкого разрыва с тем комплексом верований и убеждений, который когда-то был им приобретен в семинарии. Он видит всю несостоятельность зубрежки «каких-то подонков из скандалов святых отцов», но не отказывается от религии: кое-что переделать, переменить, — вот чего желал Ключевский. Он вечно занят постройкой мостика между старым и новым. Это остается характерной чертой для всего его научного творчества. Он живо чувствует, что переживаемая им эпоха— переходная, что старые устои рушатся, что надо вырабатывать новое. Но у него нет сил для решительных действий. Он не нашел этих сил студентом, не нашел и зрелым историком: «Без истории теперь, как и во всякое переходное время, нет спасения. Чувствуешь, что многое оказывается несостоятельным, а, между тем, очертя голову, не хочется бросить своих верований, занявших столько душевных сил. Хочется прежде проверить их критически, попытаться найти, нет ли еще в них чего удовлетворяющего»... Но за старый обман и угнетение «хочется вызвать пред исторический трибунал всех этих святых отцов, спросить у них, что они сделали не для себя, не для немногих, а для массы, которая так доверчиво и так благоговейно отдалась их водительству» [2]. Он увлекается Фейербахом, восхищается религиозным протестом Гейне: «И за дело обманщикам под мантией православия, если этот ум разоблачит всю их тайную пошлость, а вместе с ними опрокинет их учение» [3]. Он пишет для журналов сатирические произведения о семинарском быте, дает в них бичующие характеристики: «Архиерей—торгаш, известный всему духовному люду своим монгольским

[1] «Письма Ключевского к Гвоздеву», Москва, 1924. с. 86.
[2] Там же, с. 75.
[3] Там же, с. 78.

отношением к поповскому карману, и без того не плотно набитому» [1] Но окончательного разрыва все-таки нет.

Исследовательскую работу Ключевский начал на студенческой скамье: на четвертом курсе он написал кандидатское сочинение «Сказания иностранцев о Московском государстве», до сих пор сохранившее свое значение. В мае 1865 г. он кончил университет и остался при нем для подготовки к «профессорскому званию» по кафедре русской истории. Тема магистерской диссертации была дана ему С. М. Соловьевым. «Жития святых как исторический источник» стоили Ключевскому большого труда, но не дали результатов, которые удовлетворили бы его самого: жития святых оказались плохим историческим источником, и работа Ключевского явилась скорее литературной, чем исторической. Две эти работы закалили его, как исследователя, дали ему огромный запас фактических знаний. Но лишь окончив их, Ключевский начал свободно выбирать темы для исследования и в этом выборе отражать свои исторические интересы в полной мере.

Докторская диссертация Ключевского «Боярская Дума древней Руси» (защищена в 1882 г.), работы над исследованием холопства и крепостного права, специальный курс по истории сословий—характерны уже по своим темам. Выбор их—одно из многочисленных доказательств того, что социальный вопрос стоял в центре внимания Ключевского. История классов, история классового общества,—неизменный критерий для избрания темы. Позже появляется на свет четырехтомный «Курс русской истории». Он впитывал в себя всю предыдущую исследовательскую работу Ключевского [2], и вопрос социальной истории России стоит в нем на первом плане.

Эта излюбленная тема исследования была продиктована Ключевскому той эпохой, в которую он жил. Крестьянская реформа не раз-

---

[1] «Письма Ключевского к Гвоздеву», Москва, 1924, с. 107.

[2] Ближайшим техническим сотрудником В. О. Ключевского по составлению „Курса“ был его сын Б. В. Ключевский. По его воспоминаниям техника составления была такова: собирались все материалы работ Ключевского, относившиеся к теме лекций: черновые заметки, записи лекций, обработанные ранее части статьи и т. д. Все это наклеивалось на большие листы, и сам В. О. Ключевский, путем многократного чтения, вставок и вычеркиваний, составлял, при помощи этого текста, лекции „Курса“. Этот способ сильно затрудняет исследование „Курса“: надо помнить, что в нем даны многочисленные напластования различных периодов развития Ключевского как исследователя.

решила крестьянского вопроса. Крепостное право, отмененное юридически, продолжало опутывать экономику страны массой крепостнических пережитков. Тормозилось развитие капиталистических отношений, нарастала острота социальных противоречий. Лица, близко знавшие Ключевского, вспоминают, что 19 февраля 1861 г. произвело на него огромное впечатление. Перед смертью Ключевский, по воспоминаниям П. Н. Милюкова, обдумывал работу об освобождении крестьян. Вспомним, что год издания первой его работы — «Сказания иностранцев»—был годом выстрела Каракозова, что первые годы его преподавательской деятельности — это время «хождения в народ», что первая лекция в Московском университете прочтена через несколько месяцев после покушения В. Засулич на Трепова и в год образования «Народной воли» и «Черного передела», а защита им докторской диссертации была через год после казни Александра II. Нельзя забывать этого фона жизни и деятельности Ключевского. Он, как и многие, искал разрешения противоречий, но революционный путь был и остался ему глубоко чужд. Он боялся революции и хотел верить, что можно без нее обойтись. Эта боязнь и эта вера пройдет, как это показано ниже, через всю его историческую концепцию.

Печатных высказываний о реформе у Ключевского вообще немного. «Курс» до реформы не доведен, специальная работа о ней не написана. Ценнейшее, что мы имеем—это его разбор II тома сочинений Ю. Ф. Самарина; разбор этот носит заглавие «Крепостной вопрос накануне его законодательного возбуждения»[1]. Здесь известная концепция Ключевского о закрепощении крестьян получает свое логическое завершение во взгляде его на реформу. Крестьяне, как и другие сословия, были, по мнению Ключевского, призваны служить государству. Помещики за свою службу государству были наделены землей. Земля эта принадлежала государству и помещики владели ею не на частнособственническом, а на политическом праве, — Ключевский постоянно это подчеркивает, желая показать, что это право основывалось на их службе государству, было подкреплено государством. Сделать оседлым созданное веками бродячее безземельное крестьянство, сделать его способным платить подати—было, по Ключевскому, вопросом государственного порядка и исторической будущности России. Постепенно крестьяне делаются крепки земле, но лично

[1] Ключевский, Отзывы и ответы, П. 1888, с. 337 и след.

свободны. Побеги крестьян вызывают расширение прав помещиков над крепостными; постепенно крестьяне смешиваются с холопами, и крепостное право выливается в ту юридическую оболочку, в которой застала его реформа 1861 года. Остроту противоречий и возможность революционного взрыва перед реформой Ключевский прекрасно сознает, как и то, что поспешность реформы была вызвана боязнью революции: «Исторический вопрос, каким было крепостное право на теле русского общества, созрел и готов был прорваться социальной катастрофой», но, к счастью, «реформа прошла, не нарушив революционным образом ничьего права, признанного законом, не поколебав государственного порядка и общественной безопасности. Но пока она входила в жизнь, развитие освобожденного народного труда запуталось столькими узлами, что наша экономическая будущность остается под сомнением, и изучающий сметы государственных доходов под графами прямых налогов с тревогой ставит знак вопроса»[1]. Далее Ключевский без обиняков сводит причины этой запутанности к аграрному вопросу. Он подвергает резкой критике мнение Ю. Самарина о желательности предоставить земельный вопрос «полюбовному» соглашению помещиков и крестьян—в прошлом это «соглашение» привело к полному закабалению и холопству, указывает Ключевский. Прекрасно понимая, что землю сами помещики крестьянам не отдадут, Ключевский указывает на необходимость вмешательства в это дело правительственной власти. Обсуждение проекта Самарина он ведет с большой горячностью, хотя это происходит уже в 1879 г.[2]. У Ключевского нет предпосылки, утверждающей, что вся земля—крестьянская. По Ключевскому она—государственная. Но он возмущен обратным утверждением, что помещик—частный собственник всей земли и должен был на основании частного права договориться с освобождаемым крестьянином. Такое мнение он называет «юридическим недоразумением»... «русский помещик вплоть до 19 февраля 1861 г. владел своей землей не на гражданском, а на политическом праве, потому что это владение неразрывно связано было с такими обязанностями, которые по действовавшему гражданскому праву не связаны были с простой поземельной собственностью»[3].

[1] Ключевский, Отзывы и ответы, с. 276 и 277.

[2] Рецензия помещена в «Критическом обозрении» № 3, 1879.

[3] «Отзывы и ответы», с. 285.

Помещики владели землей на политическом праве,—т. е. когда-то они, как и все сословия, были закреплены государством и за службу получили землю, но к концу XVIII века стали от обязательной службы свободны. Последнего логического звена своих выводов Ключевский не досказал, но оно слишком ясно и без его слов: прав собственника на землю после освобождения у дворянства нет. Ключевский не раз в других работах называл «силлогизмом русской исторической жизни» закрепощение сословий на службу царю и обратное раскрепощение их: раз раскрепощено дворянство, значит, должно быть раскрепощено и крестьянство. Земля не была дворянской, а принадлежала государству; дворянству давалась за службу; раз обязательная служба упразднена, какое право имеет дворянство на землю? Немудрено, что такой «силлогизм» пришелся не по вкусу многим представителям дворянского землевладения, и даже через два года после напечатания разбора книги Ю. Ф. Самарина Ключевскому пришлось печатно защищаться от упреков Д. Ф. Самарина, утверждавшего, что Ключевский ребячески свысока отнесся к Положению 19 февраля, «как к изделию помещиков, сумевших в свое время обделать свои дела насчет благосостояния крестьян и подавших им камень, когда у них просили хлеба» [1].

Этот «силлогизм» и изучал Ключевский на всем протяжении своей ученой работы. Как видим, он дал в этом изучении совершенно новую постановку теории закрепощения и раскрепощения сословий, хорошо известной прежней русской историографии. В раскрытии этого исторического «силлогизма» Ключевский преследует одну важную цель: выяснить, каким образом аграрный вопрос остался неразрешенным до конца крестьянской реформой 1861 года. Результаты этой реформы—обезземеление, обнищание, задолженность крестьянства, крепостнические пережитки и сохранение доли вотчинной власти помещика в пореформенной деревне—дали Ключевскому темы для исторического изучения вопроса. Изучает ли он Смутное время, поместную систему, Уложение Алексея Михайловича, — мысль о «неправильно» освобожденном крестьянстве—подпочва его изысканий.

Борьба крестьян за землю была Ключевскому ясна. Но он свою боязнь революции скрывает под верой в возможность мирного исхода и примирения классовых противоречий и вносит эту веру в комплекс

[1] «Отзывы и ответы», с. 337, «Право и факт в истории крестьянского вопроса», письмо к редактору «Руси» № 28, 1881.

своих исследовательских выводов. Ему грезилось в будущем какое-то идеальное правовое государство, с идеальным представительным правлением, свободой и сотрудничеством всех классов на основе признания общего блага. Ему претил самодержавный полицейско-бюрократический режим, и он никогда не был апологетом того реального государства, в котором он прожил долгие семьдесят лет своей жизни. Для этой реальности он подчас находил бичующие слова. Но он был буржуазным соглашателем-«государственником», несмотря на это, так как конечная цель исторического русского процесса, по его мнению,—правовое государство. Именно оно, основанное на идеальном достижении «общего блага», дало ему критерий и периодизации русской истории, и оценок исторических фактов. Политическая оценка—неизменная спутница всех исторических изысканий Ключевского, подчас даже мелких выводов. Всюду он является именно государственником, стоящим за организацию, строгий порядок и благочинное спокойствие. Чтобы почувствовать эту любовь к порядку у Ключевского, достаточно прочесть ироническое описание новгородских вечевых усобиц, вечевой толпы, «опьяневшей от политического разгула» [1], «спихнувшей» с вечевой «степени» московского наместника [2], или спешно набранного и необученного войска, двинутого в 1471 г. Новгородом на Москву, которое Ключевский называет «сбродом» [3]. Государство принадлежит народу, его цель—о б щ е е благо. Ключевский как проницательный и тонкий историк, конечно, замечал классовую борьбу, но упорно считал случаи этой борьбы отклонениями от идеальной нормы, несмотря на их частоту, и, во всяком случае, явлениями, достойными исследовательского осуждения. Особенно ясно это в его описании Смуты с ее классовой борьбой: «дворянство,—пишет он,—увлекло за собой неслужилые земские элементы, поднявшиеся против всякого государственного порядка в о и м я л и ч н ы х л ь г о т, т. е. в о и м я а н а р х и и» [4]. Земские соборы не разрешили своих больших задач приведения общества к успокоению—почему? да

---

[1] «Курс», т. II, с. 113. В дальнейшем «Курс» цитируется по следующим изданиям: т. I—М. 1911; т. II—М. 1912; т. III—М. 1912; т. IV—М. 1910; т. V—П. 1921: «История сословий» — П. 1918; «Боярская дума» — П. 1919. Издания других произведений указаны при дальнейшем цитировании.

[2] «Курс», т. II, с. 116.

[3] Там же, с. 128.

[4] «Курс», т. III, с. 60. Разрядка моя. *М. Н.* Ср. т. IV, с. 7.

«возможно ли было такое соглашение, когда правящие круги и привилегированные служилые классы в нем не нуждались, как виновники неурядицы, им выгодной, и были равнодушны к общественному раздору, лишь бы не трогали их «крепостных людишек и крестьянишек», а московские «гостишки» и «торговые людишки», как они сами величали себя на соборе, были слишком легковесной величиной, чтобы уравновесить общественные отношения»[1]. А после 1785 г.—какое резкое и несправедливое нарушение идеала «общего» блага: «под каким предлогом и по отмене обязательной службы дворян их крепостные продолжали кормить их своим обязательным трудом, в то же время разделяя с остальными податными оплату содержания пенсионеров трех других податных классов»[2]? И когда Екатерининский наказ осмеливается, против всех юридических норм, назвать крестьян рабами, у Ключевского срывается негодующий возглас-протест: «А разве какой-нибудь закон признавал крепостных крестьян рабами? Они были плательщиками казенных податей, а рабы податей не платили».

Обеспечение проведения в жизнь высокого идеала общего блага должно быть гарантировано правовым порядком, известной государственной организацией, основанием которой должен служить з а к о н. Ключевский—великий поклонник буржуазного закона и законности, и эта вера тем своеобразнее, чем чаще и резче приходится ему подчеркивать в истории отсутствие законных гарантий, отсутствие правовых норм, вопиющее нарушение тех идеальных государственных форм, которые Ключевский так хотел бы видеть воплощенными. Самой слабой стороной московского законодательства был широкий простор для произвола: «верховное управление, тщательно регулируя подчиненные органы, не любило регулировать самого себя»[3]. Челобитчик, настаивающий на том, чтобы в нужной ему грамоте бояре написали не то, что следовало по закону, а то, чего хотелось челобитчику, вызывает возмущение Ключевского[4]. Хороший закон должен быть доступен влиянию со стороны общества[5], но это, конечно, не изменяет того основного

---

[1] «Курс», т. III, с. 268.
[2] Там же, с. 444.
[3] «Боярская Дума», с. 504.
[4] Там же, с. 505.
[5] Там же, с. 483.

положения, что закон должен быть устойчивым и крепким [1]. История все время дает Ключевскому материал для горьких сравнений: нужно было бы воплощение идеала общего блага, а в исторической практике все формы правительственной деятельности его нарушали таким вопиющим образом; опричина—ненавистное, злополучное явление [2]. Уложение царя Алексея Михайловича—пример того, «как долго у нас можно обойтись без удовлетворительного закона» [3]; это Уложение «по своему обычаю отнеслось к крепостным крестьянам поверхностно, даже прямо фальшиво» [4]. Закон 1579 г. (апрель), обязывавший крестьян добровольно отдаваться в кабалу после полугодовой службы, Карамзин, по мнению Ключевского, правильно назвал недостойным имени закона своей несправедливостью [5]. Крепостное право—«крепостной грех»; «оно глубоко понизило уровень нашей гражданственности, и без того невысокий» [6]. Великий политический промах—господство лиц в ущерб учреждениям, и особенно горько и противно, что оно происходит от «тройной борьбы придворных партий, заведенных разными царицами» [7]. Ключевский ненавидит «самовластие»: «Самовластие само по себе противно, как политический принцип. Его никогда не признает гражданская совесть» [8]. Он ненавидит фискально-полицейское государство «с его произволом, его презрением к законности и человеческой личности, с притуплением нравственного чувства» [9]. Он резко критикует реформы Екатерины II за их бюрократизм, за разрыв живой связи с обществом, за привилегированное положение одного класса—дворянства [10]. И в нарушении международных договоров, в нарушении закона Ключевский видит «международную неправду» [11]. Итак, идеал справедливости не воплощался ни разу полностью в русском историческом

---

[1] «Боярская дума», с. 481.
[2] «Курс», т. II, с. 235, 221.
[3] Там же, т. III, с. 181.
[4] Там же, с. 229.
[5] Там же, с. 214.
[6] Там же, с. 240.
[7] Там же, т. IV, с. 195.
[8] Там же, с. 293.
[9] Там же, с. 336.
[10] Там же, т. V, с. 78—79.
[11] Там же, т. III, с. 442.

прошлом. Но, по Ключевскому, история идет к этому идеалу, и в этом постепенном приближении он видит залог его будущего свершения. Он верит в это, но иногда вопиющая несправедливость и неравенство сословий в прошлом так явственны и разительны, что, описывая этот момент, он восклицает: «Если бы народ терпеливо вынес такой порядок, Россия выбыла бы из числа европейских стран»[1]. Ключевский часто дает исторические рецепты, вносит коррективы, но они у него неопределенны: надо действовать справедливо, во имя общего блага, мягко, с уважением к человеческой личности, нужно участие общества в государственных делах, народное представительство, гласность, гуманность. «Всякая власть есть по необходимости насилие», но все-таки без власти никак не обойтись, она—единственный залог порядка. Правда, зачем же действовать грубо? Можно мягко, осторожно, не слишком тревожа тех, кому надо противодействовать. Зачем Никон действовал так грубо и резко в борьбе со староверами? Он употребил недопустимые формы, приемы борьбы, которые и послужили причиной раскола: «об'яви Никон в самом начале дела всей церкви то же, что он сказал покорившемуся Неронову, не было бы и раскола»[2]. Зачем Грозный совершил столько ужасов в своей опричине? Конечно, антагонизм царя с боярством был вопрос больной и старый, но раз Грозный не был в состоянии его разрешить, то не следовало его и возбуждать[3]. Грубость и резкость приемов управления всегда вызывают возмущенную критику Ключевского, особенно приемы расправы помещиков с крепостными, часто напоминавшие «поток и разграбление» Русской Правды и имевшие лишь то отличие, что Русская Правда налагала это наказание, как высшую кару за тягчайшие преступления, а русский помещик так карал за малую кражу[4].

Уважение к человеческой личности и высокая ее оценка—предпосылка всех тех критических замечаний Ключевского по отношению к правительственной политике, которыми так обильны его труды. Здесь Ключевский идет в ногу с Лавровым. Государство должно сделать человека свободным и равноправным[5], потому что каждый человек—

---

1 «Курс», т. III, с. 13.
2 Там же, с. 397. Разрядка моя—*М. Н.*
3 Там же, т. II, с. 253.
4 Там же, т. V, с. 105.
5 «История сословий», с. 13.

человек, и каждая личность имеет право на признание и уважение. Упоминая о том, как свободные люди, подавая челобитные государю, называли в них себя «его государевыми холопами», Ключевский сейчас же замечает: «Не следует придавать этому того о б о с т р е н н о г о, ш о к и р у ю щ е г о с м ы с л а, какой подсказывается нашим современным, несколько щекотливым политическим чувством» [1]. Затаенное негодование звучит в том описании, где Ключевский говорит о непризнании личных заслуг и торжестве местничества, когда национальный герой кн. Пожарский был выдан головой «какому-то» Салтыкову: «Не так воспитываются здоровые и сильные аристократии, способные создать прочный государственный порядок» [2]. Возмущает его и грубость приемов Петра, доброго человека, но грубого царя, «не привыкшего уважать человека ни в себе, ни в другом» [3] и давшего предписание боярской «конзилии» (1707) вести протоколы, подписанные обязательно всеми членами, «ибо сим всякого дурость явлена будет»; предписание это, по иронической оценке Ключевского, «не грешило избытком уважения к государственным советникам, призванным делать такие важные дела» [4]. Уважение и любовь к человеку — причина того ужаса, с которым Ключевский описывает постройку Петербурга, поглотившую столько тысяч человеческих незаметных жизней: «Едва ли найдется в военной истории побоище, которое вывело бы из строя больше бойцов, чем сколько легло рабочих в Петербурге и Кронштадте» [5].

Самое ценное в отдельной личности, самое любимое и уважаемое Ключевским качество—это гражданское чувство. Каждый должен «быть хоть немного историком, чтобы стать сознательно и добросовестно действующим гражданином». Это убеждение сложилось у Ключевского с самых первых лет его преподавательской деятельности [6]. Одна из важных задач истории—давать ответы на текущие вопросы политической жизни, и сознание этого выливается у Ключевского в определеннейшую формулировку: «Историческое изучение обыкновенно

[1] «История сословий», с. 117. Разрядка моя—*М. Н.*
[2] «Боярская дума», с. 298.
[3] «Курс», т. IV, с. 45.
[4] Там же, с. 197.
[5] Там же, с. 165.
[6] См. литографию его „Курса русской истории" 1883/1884 уч. года, с. 6.

цепляется за сильное движение, обнаруживающееся в обществе, и стремится иллюстрировать то, что становится насущным интересом минуты, дать ответ на вопрос, составляющий злобу текущего дня» [1]. Гражданское чувство и его интенсивность — критерий морально-политических оценок Ключевского. В его оценке политического миросозерцания казака ясен упрек в отсутствии этого чувства: «бить и грабить пана и торговать саблей,—в этих двух интересах замкнулось все политическое миросозерцание казака», казак—«продажная сабля без бога и отечества» [2]. Неудачная война заставляет мечтать о том, как бы «смыть позор» [3]. Белградский мирный договор 1739 г. — постыдно смешной: «Такого договора России не доводилось заключать и «авось не доведется» [4]. Личный состав первых представителей династии Романовых был плох: «Все это были люди с очень возбужденным честолюбием, но без оправдывающих его талантов, даже без правительственных навыков, заменяющих таланты, и—что ещё хуже всего этого—совсем лишенных гражданского чувства» [5] — все можно простить, но этого простить нельзя. Даже Петр, которому Ключевский симпатизирует больше других, именно за хоть частичное сознание «общего блага», как цели государства, все-таки получает упрек в слишком позднем сознании этого: «Необходимая для каждого мыслящего человека область понятий об обществе и общественных обязанностях, гражданская этика, долго, очень долго оставалась заброшенным углом в духовном хозяйстве Петра» [6]. Из всех приведенных иллюстраций ясно, что «гражданское чувство» есть та или иная степень сознания «общего блага».

В этом «общем благе» есть, по мнению Ключевского, одно обязательное условие, одна неопровержимая предпосылка, еще раз подтверждающая буржуазную суть его общественного идеала: личность должна быть свободна, нет ничего дороже свободы личности, и свобода эта должна быть ограждена законом. Был момент в истории Московского государства, когда свобода была тяжелой повинностью: человеку, продавшему ее, грозили ссылка и кнут; нам теперь, говорит Ключевский,

---

1 «История сословий», с. 35.
2 «Курс», т. III, с. 142, 143.
3 Там же, с. 150.
4 Там же, т. IV, с. 398, ср. т. III, с. 308.
5 Там же, т. III, с. 306.
6 Там же, т. IV, с. 17.

эту возможность отказа даже трудно понять: «Государство... оберегает в нас самое дорогое наше достояние, человеческую личность, и все наше нравственное и гражданское существо стоит за это стеснение нашей роли со стороны государства, за эту повинность, которая дороже всякого права» [1], и одним из самых вопиющих нарушений этого права в истории—это предпринятое в фискальных интересах Петром упрощение общественного состава: «или солдат, или холоп, или галерный каторжник—таков выбор, предоставленный целому классу вольных людей» [2].

Идеал «правового» государства осложнился у Ключевского одной утопической чертой. Он мечтал, что может быть когда-нибудь в будущем оно претворится в некое «государство (все же государство! — *М. Н.*) знания». В будущем, мечтает Ключевский, «может быть и капитал утратит политический вес, уступив свое место другой силе, например, науке, знанию; по крайней мере о возможности управлять посредством этой силы давно мечтали многие, мечтают и теперь». В государственном механизме, который будет приводиться в движение этой силой, также не будет ни census, ни сословий: их место займут ученые степени, «и в законодательных собраниях депутаты с цензом очистят скамьи для делегатов ученых обществ с дипломами» [3]. Но эта утопия не меняет существа политических взглядов Ключевского: он прав, говоря, что о ней мечтали очень многие. Вероятно, многие кадеты могли предаваться таким мечтаниям и все же оставаться кадетами. Но отметить этот любопытный утопический штрих в политической идеологии Ключевского все же стоит.

Нетрудно выделить основные признаки политического и гражданского идеала Ключевского. Государство с идеальным согласованием противоречивых социальных интересов на основе «общего блага», «национальность» и «национальное чувство», «нравственное чувство»—все эти понятия взяты Ключевским, как вечные и незыблемые категории буржуазного мировоззрения. Они связывают Ключевского с развитием буржуазной России и включают его в определенный классовый круг. Но он стоит не в центре его, а близко к конечной грани: слишком ясно

---

1 «Курс», т. III, с. 185.
2 Там же, т. IV, с. 131.
3 «История сословий».

сознавал он остроту социального вопроса своего времени и слишком отчетливо видел в истории классовую борьбу.

Пессимизм исследователя Ключевского вытекает из его неверия в осуществимость его политического идеала: 1905 г. заставил Ключевского понять, что его идеал, а, следовательно, и вся его историческая концепция — ложны. Недаром этот год и обрезает, в сущности, его научное творчество: после него Ключевский, собственно, не создал ничего. К этой внутренней трагедии Ключевского мы еще вернемся ниже. Ключевский цеплялся за свою концепцию, как за единственную приемлемую для него теорию, баюкавшую надеждой на согласование классовых интересов и возможностью избежать революционного взрыва. Но «силлогизм» русской истории все время стоял перед исследовательским сознанием, и угроза нарастающих противоречий, чреватых революцией, была ему очевидна. Это—корень раздвоенности Ключевского, ключ к его концепции русской истории.

Многие из исследователей, писавших о Ключевском, прямо называют его политиком. А. Ф. Кони, говоря об участии Ключевского в комиссии Кобеко, пишет, что все с большим вниманием прислушивались к его словам, в которых он являлся «не только историком, но и политиком» [1]. П. Н. Милюков пишет о «глубокой, устоявшейся на закате политической мудрости» Ключевского. Но Ключевский, конечно, не политик. Далекий от жизни, оторвавшийся от политики буржуазный интеллигент, он скорее буржуазный политический мечтатель, чем политик.

Он мало участвовал в политической жизни своего времени. Очевидно, много говорить о политике он не любил; по всей вероятности, причиной этого, кроме замкнутости и обособленности от людей, у Ключевского была просто осторожность, оставшаяся с детства, как у вечного правительственного стипендиата. П. Милюков передает, что в 1879—1881 уч. годах студенты после практических занятий заводили с В. О. Ключевским речи о политике. «То были бурные годы в истории нашей общественности». Но поведение Ключевского в этих беседах не удовлетворяло студенчество: «В. О. Ключевский не уклонялся от бесед, но мнения свои высказывал очень уклончиво, чем немало сер-

---

[1] А. Ф. Кони, Воспоминания о В. О. Ключевском, сб. «В. О. Ключевский. Характеристики и воспоминания», М. 1912, с. 156.

дил нас, не имевших оснований сомневаться в общей его симпатии к молодежи».

Но наступил момент, когда «молодежь» не только усумнилась в этих симпатиях, а резко порвала с Ключевским. Известный эпизод с речью памяти Александра III не знаменует переломного момента в развитии политического миросозерцания Ключевского [1]. Это—перелом отношения к нему студенчества. Не он поправел, а жизнь, его окружавшая, полевела.

28 октября 1894 г. в заседании Императорского общества истории и древностей российских при Московском университете председатель общества В. О. Ключевский произнес речь «памяти в бозе почившего государя императора Александра III». Наиболее били в глаза в ней выражения, вроде указания на большую роль Александра III в международной жизни: «Государь, который сосредоточивал в своих руках многосложные нити управления необ'ятной Империи, направлял или сдерживал разносторонние течения мировой международной жизни...» «...чем торопливее рука смерти спешила закрыть его глаза, тем шире и изумленнее раскрывались глаза Европы на мировое значение этого недолгого царствования... европейская цивилизация недостаточно осторожно обеспечила себе мирное развитие, для собственной безопасности поместилась на пороховом погребе... горящий фитиль не раз с разных сторон приближался к этому опасному оборонительному складу, и каждый раз заботливая и терпеливая рука царя тихо и осторожно отводила его. ...Европа признала, что царь русского народа был и государем международного мира и порядка, и этим признанием подтвердила историческое призвание России, ибо в России по ее политической организации в воле царя выражается мысль его народа, а воля народа становится мыслью его царя... Каждый европейский народ светлой страницей занесет царствование императора Александра III в свою историю». «...Александр III в конце-концов покорил общественную совесть во имя мира и правды, увеличил количество добра в нравственном обороте человечества...» Немудрено, что такие слова ранее популярного профессора подняли бурю негодования в среде революционно-настроенного студенчества. На ближай-

[1] По причине неизвестности обстоятельств этого происшествия в литературе мы останавливаемся на нем подробно, пользуясь неопубликованными архивными материалами (архив Мельгунова, Коммунистическая Академия связка 128 листы 237—322).

шей лекции Ключевского освистали. Сын Ключевского, вспоминая этот случай, говорит, что отец не мог забыть этого до конца жизни. Так или иначе, эта речь знаменует резкий перелом студенческого отношения к Ключевскому, перелом, показывающий, что жизнь ушла вперед.

Архив Семевского сохранил много документов, характеризующих эту историю. Наиболее полно и детально, хотя и с определенным тенденциозным толкованием, передает фактическую сторону дела «Конфиденциальное представление г. попечителя Московского учебного округа от 7 декабря 1914 г. за № 1675 на имя г. министра народного просвещения»: «28 октября в заседании Общества истории и древностей российских профессор Ключевский вновь сказал речь, большая часть коей тождественна с тем, что он ранее говорил в университете. Речь эта была напечатана и пущена в продажу. Вскоре довольно значительное количество экземпляров этой напечатанной речи было разослано по городской почте многим лицам в городе, причем на обороте заглавного листа была приклеена гектографированная басня Фонвизина «Лисица-кознодей»... Разосланная речь породила в Москве много толков и, повидимому, пасквиль, заключающийся в приложении, произвел впечатление в умах некоторых студентов, что стало замечаться и в разговорах их. Самые разнообразные толки и даже нелепые слухи стали ходить по университету и вне его и не прекращались до последних дней, все более и более сбивая с толку и разжигая умы».

«В среду 30 ноября с утра было заметно движение в новом здании университета, где профессор Ключевский должен был читать лекции от 11—12 и 12—1 ч. дня. Местные чины инспекции стали замечать незнакомые лица студентов, очевидно принадлежащих не к тем курсам, которые слушают лекции в этой части здания. Немедленно для усиления инспекции был приглашен второй помощник инспектора и несколько педелей других факультетов, которые констатировали присутствие нескольких студентов, принадлежавших к курсам, находящимся в их ведении. Между тем, наступило время лекции, профессор Ключевский поднялся по лестнице и вошел в большую словесную аудиторию, у дверей в которую стояли два помощника инспектора. За профессором разом нахлынула громадная толпа, которую остановить было совершенно невозможно. В аудитории, которая бывает и всегда полна, так как профессора Ключевского слушают постоянно студенты разных курсов и факультетов, на этот раз образовалась сплошная толпа. Как скоро проф. Ключевский

взошел на кафедру, в самой глубине аудитории раздалось 4—5 явственных свистков, ответом на них раздался гром рукоплесканий, но тут же прибавилось число свистков и завязалась, так сказать, борьба аплодисментов и свиста. При этом часть присутствующих стала кричать «долой с кафедры», а большинство кричало «браво». Страшный шум продолжался несколько минут, толпа так сгустилась, что помощники инспектора могли продвинуться только на несколько шагов и разобрать что-либо было невозможно. Проф. Ключевский остался спокойно на кафедре, наконец, аплодисменты взяли решительный верх, свистки замолкли и значительная часть студентов отхлынула на лестницу, увлекая за собой и противников и сторонников Ключевского. Тогда профессор знаками просил прекращения аплодисментов и скоро водворилась тишина, среди которой он сказал, что не понимает смысла этой дикой демонстрации, но уверен, что постоянные его слушатели в ней не участвовали и прочел лекцию. Когда Ключевский вышел из аудитории и сошел с лестницы, то около него опять вдруг сгустилась толпа и послышалось несколько свистков» [1].

Такова картина в представлении попечителя. «Устное предание», идущее из среды студентов, бывших на лекции, говорит, что Ключевский отнюдь не был спокоен: он был белее бумаги и несколько раз взволнованно хотел начать лекцию, но ему не давали. Свиста, очевидно, было больше, чем в представлении попечителя, а демонстративный уход студентов с лекции и увлечение демонстрантами сторонников Ключевского в донесении попечителя, очевидно, смазаны.

Ректор университета в это время сам читал лекцию, а инспектор был по делу в клиниках. Позвонили по телефону к попечителю, но когда он приехал, «все уже было спокойно». Ректор, его помощник, инспектор и попечитель немедленно допросили в помещении правления очевидцев-пределей и других «чинов инспекции» и вывели из показаний, что беспорядок был заранее организован. Особенное участие в нем принимали три студента: граф Андрей Мамуна (медик 3 семестра), Казимир Осипович (студент-естественник 1 семестра) и Константин Забнин (математик 5 семестра), «но в то же время правление вынесло уверенность, что эти три студента, хотя и виновные в тяжком проступке, едва ли являются главными виновниками и организаторами, и принадлежали к толпе, увлечен-

[1] См. архив Сел евского, связка 128, листы 306—307.

ной бессмысленными толками и рассказами. В виду чего Правление постановило уволить их из Московского университета, не лишая их, однако, права поступления в другие университеты». Другие участники были наказаны мягче: студенты Сипко, Руди и Захаров подвергнуты аресту от 3 до 7 дней и выговору; студенты Элленгорн, Картиковский и Мурзаев только выговору. Студенты, между тем, в ожидании выяснения судьбы захваченных, толпой ждали в канцелярии, были разогнаны и 2 декабря устроили огромную сходку. Догадавшееся о ней начальство тщательно приготовилось, расставило педелей, телеграфировало «его высочеству генерал-губернатору» и попечителю (телеграммы шифрованы), попечитель имел особое свидание с обер-полициймейстером. Сходка собралась после 12 часов в актовом зале старого здания, затем после неудачи (там читал лекцию проф. Н. П. Боголепов) была перенесена в химические лаборатории старого здания. После 2 часов полиция разогнала сходку и к 5 часам кончила переписку «зачинщиков», которых оказалось 119 чел. В ночь на 3 декабря по распоряжению министра внутренних дел было арестовано 47 студентов, «заподозренных в разных противоправительственных деяниях и находившихся ранее на замечании, вследствие крайней их неблагонадежности».

В городе и среди студенчества «шел общий говор». Архив хранит многочисленные документы об этом «говоре»—студенческие воззвания, письма, профессорские петиции, ответы властей. Арестованные студенты были отведены в Бутырки и 44 человека исключены без права поступления в другие учебные заведения. Многие были высланы из Москвы. Профессора заступились за студентов и подали петицию Московскому генерал-губернатору. Ее подписал и Ключевский (после Брауна и Крюкова—его подпись). Длинная переписка по поводу этой петиции также хранится в архиве.

Ряд документов из этого «говора» принадлежит студенчеству и в интересных выражениях формулирует свое отношение к Ключевскому и взгляд на ход событий.

«Председатель Общества истории и древностей российских,—гласит один такой документ,—В. О. Ключевский произнес в заседании его 28 октября (10 ноября) речь, посвященную, как выражается «Московский листок», незабвенной памяти в бозе почившего царя Александра III. Так как этот император был официальным покровителем общества и приказал давать ему субсидию, то, может быть, обществу и нельзя

было уклониться от упоминания в своем заседании о смерти покровителя и об его дарах. Это можно было сделать сухо, формально и вполне прилично, но проф. Ключевский этим не удовольствовался. Он напустил в свою речь такого чувства, что и не продохнешь, и стал приписывать представителю свинцового реакционного царствования благодетельную роль. Европа, видите ли, видела в России авангард азиатского варварства, но прошло тринадцать лет царствования императора Александра III—и, чем торопливее рука смерти спешила закрыть его глаза, тем шире и изумленнее раскрывались глаза Европы на мировое значение этого недолгого царствования.

«Поняв это, Европа стала уважать Россию, как культурную страну, а наука (бедная наука!) скажет про Александра III, что он покорил общественную совесть во имя мира и правды, увеличил количество добра в нравственном обороте человечества, ободрил и приподнял русскую историческую мысль (посредством запрещения исследований Бильбасова об Екатерине II и т. д. и т. д.).

«Нас, профанов, тошнит от подобной льстивой лжи, да еще произносимой от лица науки одним из ее представителей. Но давно уже сказано, что никто не бывает великим для своего камердинера. Очевидно, проф. Ключевский принадлежит к камердинерам науки и потому позволяет себе подчас довольно бесцеремонное с нею обращение»...

Другой документ—«Письмо к обществу от бывших студентов» говорит о происшедшем так: «Возмущенные до глубины души событиями в стенах университета 30 ноября и в первых числах декабря этого года, мы спешили поделиться с образованной частью русского общества теми мыслями и тем настроением, которые вызваны в нас поведением полиции и учебной администрации. 30 ноября студенты ошикали и освистали старого профессора истории, выразив этим свое вполне понятное и законное негодование... Профессор этот за последние 2 года коренным образом переменил свои убеждения в историческом понимании общественно-политических вопросов, сделавшись приверженцем регресса и застоя, превратил кафедру в орудие пропаганды известных тенденций, ничего общего не имеющих со значением и призванием старейшего университета, всегда считавшегося рассадником об'ективного научного знания. Он нарушил традиции, завещанные Грановским, Кудрявцевым и другими талантливыми и действительно интеллигентными профессорами, которыми гордится русская наука... И молодежь, ошикав

его, проявила свое гражданское мужество, которое тем более должно быть ценимо нами, давно оставившими студенческую аудиторию, что в наше время смелое и открытое проявление честных порывов, благородных чувств и стремлений отошло в область давно забытых слов, сказанных незабвенным сатириком».

Отметим во всей этой истории двойственную позицию профессуры: она не была за студентов, но она и не действовала всецело с начальством, прося не наказывать студентов строже, чем постановило правление, возражая на замечания начальства на его петицию. Но так или иначе, Ключевский порвал с молодежью и остался в двусмысленном положении в лагере академической интеллигенции.

После этой истории Ключевский уходит в себя и дологе время воздерживается от каких бы то ни было проявлений своих политических симпатий. Первый штрих возобновления этих проявлений можно уловить лишь в начале девятисотых годов (1900—1901). В среде таких лиц, как Д. Н. Шипов, князья П. Н. и С. Н. Трубецкие, Ф. Д. Самарин, П. Долгоруков, М. А. Стахович—возникла мысль подать Николаю II адрес с изложением «действительного» положения дела, настроения общественных слоев и т. д., ибо Николай II по молодости и неопытности не знает-де этого и поддается внушениям безответственных лиц. Д. Н. Шиповым был для этого организован кружок в Москве в 1900—1901 году зимой; Ключевский был его членом и принимал участие в обсуждении тезисов записки. Но когда тезисы, выработанные Шиповым, были представлены на обсуждение кружка в среде членов обнаружились такие принципиальные разногласия, что кружок распался, и затея кончилась ничем. Характерно, что Ключевский намечался, как желательный редактор записки [1].

Участие Ключевского в кружке Шипова — новый штрих его политического настроения. Он намерен войти в определенную политическую группировку, да еще намечается редактором ее программы Все участники кружка—видные деятели земского либерального дзижения перед 1905 годом: Д. Н. Шипов — виднейший его представитель, постоянный участник земских с'ездов, будущий организатор союза 17 октября. Стахович, князья Трубецкие, Самарин — видные деятели земского движения. Ключевский, таким образом, оказался в пред'исто-

[1] Д. Н. Шипов, Воспоминания и думы о пережитом, М. 1918, с. 131—155.

рии двух партий — кадетов и октябристов и ближе в этот момент к последним, чем к первым.

Но если этот кружок не удался, Ключевский все же стал активным участником буржуазного движения 1905 г. [1]. Правда, его роль тут была в общем незначительна, но в политической деятельности Клю-

---

[1] С. Тхоржевский в своей статье „Ключевский как социолог и политический мыслитель" („Дела и Дни", кн. 2) считает, что политическое миросозерцание Ключевского пережило две фазы, „причем хронологическим рубежом между ними является смутный 1905 г.". В первой фазе идеалом Ключевского было „государство знания", о котором рассказано выше. Высота и недостижимость этого идеала, по мнению Тхоржевского, заставляли Ключевского тосковать, грустить и, между прочим, результатом этого настроения явилась его статья „Грусть", посвященная памяти М. Ю. Лермонтова, напечатанная в 1891 г. 1905 г. произвел перелом, и Ключевский сошел „с неба на землю", что характерно и для большей части русской интеллигенции. Он, по мнению Тхоржевского, оценил блага конституционного порядка и значение правового государства, которые прежде не казались ему благами, достойными политической борьбы. Схема Тхоржевского кажется нам необоснованной. Идеал „государства знания" мы встречаем в произведениях Ключевского только раз и в форме, лишенной категоричности. Между тем, если под его знаком проходит самая значительная часть жизни Ключевского до 1905 г.—в этом году Ключевскому исполнилось шестьдесят пять лет—то он бы много раз в своих произведениях имел случай подробнее рассказать об этом идеале. Между тем, этого нет. А ведь Ключевский оставил нам очень много своих работ с обильнейшим материалом для изучения его политического идеала. С мнением С. Тхоржевского не согласуются и хронологические даты творчества Ключевского. Тхоржевский пишет: „Но вот наступила японская война, а за нею смута 1905 года. Ключевский полностью использовал печальную выгоду этих тревожных дней. Политическое миросозерцание его вступило во вторую фазу и получило яркое воплощение на страницах „Курса русской истории". Между тем „Курс русской истории" начал издаваться уже в 1904 году, т. е. до 1905 года, а подготовлен к печати, разумеется, был еще ранее. Кроме того, курс русской истории Ключевский начал читать в Московской Духовной академии с 1871 г., а в Московском университете с 1880—1881, и сохранившиеся студенческие литографии этих первых лет чтения показывают, что уже тогда политическое миросозерцание Ключевского было в своих основных чертах тем же, что и позже. Кстати,—та цель „Курса", которая заключается в образовании сознательного гражданина и которая служит Тхоржевскому одним из оснований его мнения, формулирована Ключевским еще в литографии 1880 — 1882 г., т.-е. первого полного академического года профессорской деятельности Ключевского в Московском университете.

чевского его участие в комиссии по делам печати под председательством Д. Ф. Кобеко и в петергофских совещаниях о проекте «Булыгинской думы» было самым ярким моментом его политической деятельности.

Во второй половине 1904 волна буржуазного либерального движения поднялась особенно высоко. Мы не имеем материала для суждения об отношении Ключевского к земскому с'езду и к «банкетной кампании», но нет сомнений, что он с тревогой следил за нарастанием событий. «Кровавое воскресенье» 9 января произвело на него огромное впечатление. Революция — то, чего он больше всего боялся, то, неизбежность чего он пытался теоретически отрицать — началась. Острота анализа, присущая Ключевскому, сказалась на верном предвидении событий: в «Татьянин день» (12 января) 1905 на небольшой студенческой вечеринке Ключевский сказал речь, глубоко запавшую в память слушателей,—речь о непременной гибели династии Романовых. «Это— последний царь. Алексей царствовать не будет», предсказал он в ней [1].

Ничто не показывает так ярко внутренней раздвоенности Ключевского, как сопоставление этой речи с участием в Комиссии по делам печати и в обсуждении проекта «Булыгинской думы». Он видел наступление революции, пророчески предвидел один из ее конечных результатов и сознавал смысл массового движения. И все же он принял участие в жалкой попытке самодержавия спастись, ухватившись за безграмотное крестьянство в куцой законосовещательной думе и бросив подачку буржуазии в словесном обещании смягчить цензурные строгости.

12 декабря был издан «высочайший указ», восьмой пункт которого обещал: «устранить из ныне действующих о печати постановлений излишние стеснения и поставить печатное слово в точно определенные законом пределы, предоставив тем отечественной печати, соответственно успехам просвещения и принадлежащему ей вследствие сего значению, возможность достойно выполнять высокое призвание—быть правдивою выразительницею разумных стремлений на пользу России». 21 января 1905 г. было образовано совещание под председательством Д. Ф. Кобеко, имевшего целью пересмотреть действовавшее цензурное законодательство и выработать новый устав о печати. В эту комиссию был при-

[1] Передаю со слов ученика Ключевского, присутствовавшего на вечеринке Б. М. Овчинникова.

глашен Ключевский. Комиссия заседала больше тридцати раз и выработала либеральный проект, который не был проведен в жизнь. Ключевский высказался за необходимость облегчения разрешения выхода повременных изданий, обосновывая это соображениями «права, пользы и целесообразности» [1]. Право слова имеет политическое значение, в своих проявлениях оно должно подчиняться известным условиям, но «ограничение самого приступа к пользованию печатным словом не может быть оправдано никакими политическими соображениями: можно ли лишать человека права издавать газету в виду возможных, но еще не случившихся с его стороны злоупотреблений? Это значит — наказывать за счет несодеянных преступлений» [2]. Ключевский протестовал против выражения «по вопросам государственной важности», указывая, во-первых, на туманность термина и, во-вторых, на неудобство подобных стеснений [3]. И, наконец, Ключевский был против сохранения духовной цензуры, сказав в прениях интересную фразу, глубоко для него характерную: «Всякая власть есть по необходимости насилие, а церковь должна быть чужда насилия» [4]. Вообще его подчас глубоко возмущало стеснение свободы слова—добавим, буржуазного слова: он негодовал на противодействие В. К. Плеве публичным лекциям А. Ф. Кони «О нравственных началах в уголовном процессе» [5] и в день сорокалетнего юбилея А. Ф. Кони приветствовал его как «поборника русского свободного слова» [6].

Ключевский оказался и членом тех заседаний, на которых обсуждались принципы «Булыгинской думы», «совещания помещиков и крупной буржуазии под надзором самодержавия на основе грубо-сословного, цензового и непрямого избирательного права», как характеризовал «Булыгинскую думу» Ленин.

Петергофские совещания захватили собой время с 19 по 26 июля, и числом их было пять [7]. В них сразу обозначились две крайние груп-

---

[1] «В. О. Ключевский. Характеристики и воспоминания», ст. Кони, с. 156. Вообще у Кони подробно рассказано о комиссии Д. Ф. Кобеко, с. 155—160.

[2] Там же, с. 157.

[3] Там же, с. 158—159.

[4] Там же, с. 160.

[5] Там же, с. 155.

[6] Там же, с. 161.

[7] «Петергофские совещания о проекте Государственной Думы», «Пламя», изд. 2-е, с. 5.

пы—правая и левая. Из историков были приглашены двое—Н. М. Павлов и В. О. Ключевский, причем консервативная группа рассчитывала, что оба примкнут к ней. Но В. О. Ключевский примкнул к левой группе. «Что касается Ключевского, то со свойственным ему лукавым юмором он рассказывал мне,—пишет П. Н. Милюков,—как попал в самое ядро дворянской группы, рассчитывавшей видеть в нем «своего». Ошибка была замечена лишь через несколько дней, в течение которых Ключевский сделался невольным свидетелем секретных обсуждений вопроса о том, как держать себя на совещании, главным образом в вопросе о будущем избирательном законе» [1].

Стенограмма показывает, что у Ключевского было лишь четыре выступления на петергофских совещаниях. В первый раз он выступил 21 июля, защищая необходимость сохранить за Думой полноту законодательного почина: за Думой, по его мнению «должен быть обеспечен, почин возбуждения перед царем в установленном порядке ходатайств об усовершенствовании предстоящего к изданию органического закона» [2]. В тот же день Ключевский выступил со второй, большей по размеру речью в защиту 50-й статьи законопроекта о порядке законодательства, устанавливавшей, что на царское рассмотрение вносятся лишь предложения, принятые большинством голосов и Государственного Совета и Государственной Думы. Ключевский высказался против перенесения на Думу порядка ведения дел в Государственном Совете и настаивал на том, что в Думе законопроект может считаться принятым, если за него высказалось большинство.

23 июля произошло самое значительное выступление Ключевского, весть о котором быстро разнеслась среди тогдашних либеральных кругов и завоевала Ключевскому большую популярность. В своей длинной речи, интересной и как чисто-исторический обзор вопроса о роли дворянства в русской истории, Ключевский резко протестовал против сословности выборов в Государственную Думу. «Какое впечатление произведет сословность выборов на народ? Я не хочу быть зловещим пророком. Но она может быть истолкована в смысле создания Государственной Думы для защиты сословных интересов дворянства. Тогда восстанет в народном воображении мрачный призрак сословного царя. Да избавит нас бог от таких последствий». 26 июля состоялось четвертое

[1] «В. О. Ключевский. Характеристики и воспоминания», М. 1912. с. 215.
[2] «Петергофские совещания», с. 54.

и последнее выступление Ключевского, защищавшего предыдущее свое положение о необходимости бессословных выборов; в этот раз Ключевский протестовал против сохранения принципа сословности для крестьянских выборов.

Во всех этих выступлениях Ключевский чрезвычайно сдержан. Он проявил себя как сторонник самого правого крыла земского либерализма. Против самой идеи законосовещательной Думы он не протестовал. Если характеристика дворянского обезземеления, как печального факта — просто цензурная вставка самого Ключевского, то нельзя сказать того же о «вредном влиянии агитаторов», оно легко вяжется с общим его мнением о революции. Правда, позже, в своем «Кратком пособии по русской истории» [1] он дал отрицательную оценку совещательной Думы, где, несмотря на всю свою осторожность, подчеркнул ее бессилие и ничтожное политическое значение.

Революция 1905 года сильно напугала Ключевского и навсегда оставила его по ту сторону баррикады. Основная политическая его идея — избежание революции через классовое соглашательство и мирный путь реформ — была осмеяна историей. 1905 год был годом кризиса не только его политических мечтаний, но и его исторической концепции: длительным, упорным трудом ученого он восстанавливал русский исторический процесс как предисловие к мирному, постепенному становлению идеального правового государства — и вдруг... Поэтому творчество этой концепции и было грубо оборвано 1905 годом. После него Ключевский ничего нового не создал и пришедшая в 1911 г. к ученому Ключевскому смерть нашла дело его жизни завершенным. Последние попытки Ключевского—приспособиться к новым условиям, учесть революцию, не дали своего отражения в концепции. После 1905 г. он безусловно левеет. Он баллотируется в первую Государственную Думу от кадетов, но замоскворецкие обыватели его проваливают. Наибольшими его симпатиями пользуется первая, кадетская Государственная Дума. Его тонкий политический анализ сказывается в ясном понимании того, что революция не кончилась, и в оценке первой Думы, как тормоза революции. Именно за последнее он ее ценил. В письме к А. Ф. Кони от 21 июля 1906 г. о роспуске Думы Ключевский писал: «Это настроение авторитетного в народе учреждения неизмеримо умереннее той революционной волны, которая начинает нас заливать, и су-

[1] Изд. 7-е. 1909. Перепечатано в V томе „Курса", Гиз, П. 1923.

ществование Думы — это самое меньшее, ценою чего может быть достигнуто бескровное успокоение страны» [1].

Как в 90-х гг. Ключевский не мог вполне слиться с земским движением, так и после 1905 не мог он вполне слиться с кадетской партией: «сам» П. Н. Милюков, «с радостью» зачисляющий Ключевского в партию к.-д., [2], все-таки указал, что Ключевский ни разу не говорил с ним о своей принадлежности к партии, а часто оговаривался, что по некоторым вопросам он «левее к.-д.» [3]. «Разумеется, партийную принадлежность Ключевского надо понимать со всеми оговорками, необходимыми, когда речь идет о такой самостоятельной и оригинальной личности» [4]. Еще существеннее такая оговорка Милюкова: «Ключевский, конечно, стоял ближе к демократически-народническому, чем к конституционно-либеральному течению нашей интеллигенции... до известной степени, он, несомненно, разделял скептическое и слегка насмешливое отношение к «конституции» значительной части нашей демократической интеллигенции» [5].

Итак, все зигзаги политической эволюции Ключевского не вышли из границ буржуазного либерализма: начав с близости к земскому движению, он кончил формальным вступлением в партию кадетов. Нельзя отрицать условного демократизма его убеждений, утопического налета его мечтаний о республике ученых, уклонения «влево от к.-д.» по «некоторым вопросам». Все эти оттенки и уклоны должны быть учтены, но суть остается все той же, и формальная принадлежность к партии слишком важный факт, чтобы от него можно было отмахнуться. Но чрезвычайно важно не забыть и своеобразной классовой сути кадетизма на первой ступени его развития, отмеченной Лениным в его проекте резолюции об отношении к буржуазным партиям, написанном к IV партийному с'езду: Ленин выделял либерально-монархические партии левого крыла (партия демократических реформ, конституционно-демократическая [6] и т. п.), и указывал, что они, «не будучи определенными классовыми организациями, постоянно колеблются

---

[1] «В. О. Ключевский. Характеристики и воспоминания», М. 1912, с. 161.
[2] Там же, с. 215.
[3] Там же.
[4] Там же, с. 216.
[5] Там же, с. 212—213.
[6] Разрядка моя—*М. Н.*

между демократической мелкой буржуазией и контрреволюционными элементами крупной, между стремлениями опереться на народ и боязнью его революционной самодеятельности, и не выходят в своих стремлениях за пределы упорядоченного буржуазного общества». Нельзя найти более метких слов, чем эти ленинские слова, для определения классового лица Ключевского на последнем этапе его политической эволюции: тут отмечен каждый штрих. Ключевский в этот период — кадет, но кадет определенного момента развития кадетской партии: первых ее шагов и первой Государственной Думы. В это время кадеты еще не были партией крупного промышленного капитала. Это еще раз подтверждено Лениным в проекте резолюции к V партийному с'езду, где о кадетской партии сказано: «Экономической основой таких партий является часть средних помещиков и средней буржуазии, особенно же буржуазная интеллигенция».

Памятником этого своеобразного интеллигентского миросозерцания и явилась историческая концепция Ключевского. Она — такой же сгусток классовой идеологии, как и другие теории буржуазной науки.

II. РУКОВОДЯЩИЙ КОМПЛЕКС ИДЕЙ В ИСТОРИЧЕСКОМ СИНТЕЗЕ В. О. КЛЮЧЕВСКОГО.

В каждом историческом труде есть известный об'единяющий центр, известный комплекс руководящих мыслей, обусловливающий его структуру, об'единяющий все его части в одно целое и дающий критерий для отбора исторических фактов. Последнее особенно важно. Основная мысль исторической работы заставляет автора подчеркивать одни факты, оставлять без внимания другие, делить факты на главные и второстепенные. Такая основная мысль, такой руководящий комплекс налицо в работах Ключевского.

Периодизация русского исторического процесса Ключевским централизована на последних периодах истории—периодах развития «государственности» [1]. Второй период, удельный, считается Ключевским переходным. Он принадлежит к тем эпохам, которые дают «слишком мало пищи уму и воображению: из маловажных событий трудно из-

[1] «Курс русской истории», т. I, с. 26—28.

влечь какую-либо крупную идею; тусклые явления не складываются ни в какой яркий образ... Однако, такие эпохи, столь утомительные для изучения и, повидимому, столь бесплодные для истории, имеют свое и немаловажное историческое значение. Это так называемые переходные времена, которые нередко ложатся широкими и темными полосами между двумя периодами. Такие эпохи перерабатывают развалины погибшего порядка в элементы порядка, после них возникающего. К таким переходным временам, передаточным историческим стадиям принадлежат и наши удельные века; их значение не в них самих, а в их последствиях, в том, что из них вышло»[1]. Ясно, что для того, чтобы какую-нибудь эпоху счесть переходной, надо в ходе исторического процесса полагать какой-нибудь момент центральным и основным, группировать около него подчеркивающие его явления и издалека, в ходе исторического изложения, нащупывать нити событий, ведущие читателя к этому центру. Говорить об эпохах, «повидимому бесплодных для истории» и значение которых «не в них самих», можно только, выделяя иные эпохи как г л а в н ы е; критерий же для этого дается общим социологическим подходом и руководящей об'единяющей мыслью. Значение же удельного порядка, по Ключевскому, в том, что он подготовил г о с у д а р с т в е н н ы й порядок следующих эпох, создал благоприятные условия для политического об'единения Руси[2].

Ни на одну минуту Ключевский не упускает из виду своей руководящей, основной концепции русского исторического процесса. Эту напряженность его внимания характеризует любопытное явление исторических предуказаний, которые часты в его тексте. Ведя исторический рассказ, он иногда останавливается и указывает на связь рассказанного с каким-нибудь будущим явлением, до которого он в рассказе еще не дошел. «Разнообразие составных элементов социальных и этнографических должно было сообщать служилому московскому классу XV и XVI вв. чрезвычайную пестроту. Со временем эти столь разнообразные элементы помощью одинаковых прав и обязанностей сольются в одно сословие, а сословные права и обязанности, при содействии одинакового воспитания, одинаковых поня-

---

[1] «Кур.», с. 438—439.

[2] Там же, с. 459.

тий, нравов и интересов, сомкнут это сословие в плотный однородный слой населения, который под именем дворянства надолго станет во главе русского общества и оставит в нем глубокие следы своего влияния»[1]. «В этой отрасли своей деятельности (административной реформе—*М. Н.*) Петр потерпел всего больше неудач, допустил немало ошибок, но это не были случайные, скоропреходящие явления. Преобразовательные неудачи станут после Петра хроническим недугом нашей жизни, правительственные ошибки, повторяясь, превратятся в технические навыки, в дурные привычки последующих правителей; те и другие будут потом признаны священными заветами великого преобразователя[2]. Эти предвосхищения «Курса» и других работ придают им большую стройность и резко подчеркивают основную концепцию, сосредоточивая на ней внимание изучающего. Говорит ли Ключевский о закрепощении крестьян, о реформах Петра I, о подготовке западного влияния, или о чем-нибудь другом, он всегда пользуется этим приемом[3].

Общая концепция русского исторического процесса у Ключевского имеет два основных элемента — это народ-национальность и государство. Эти два понятия ее логически централизуют. Важно подчеркнуть, что они тесно спаяны между собою, об'единены в одно целое. Рассматривая схему социально-исторического процесса и преемственную связь человеческих об'единений, Ключевский останавливается на следующих формах: семья, род, племя, народ и государство: «Из племени или племен посредством разделения, соединения и ассимиляции составляется н а р о д, когда к связям этнографическим присоединялась нравственная, сознание духовного единства, воспитанное общей жизнью и совокупной деятельностью, общностью исторических судеб и интересов. Наконец, народ становится г о с у д а р с т в о м, когда чувство национального единства получает выражение в связях политических, в единстве верховной власти и закона. В государстве народ становится не только политической, но и исторической личностью с более или менее ясно выраженным национальным характером

---

[1] «Курс», т. I, с. 264—265.

[2] Там же, т. IV, с. 251—252.

[3] Там же, т. II, с. 314, т. III, с. 412—413, 433, 444, 445, 452—453, 457, 463, 472—473, т. IV, с. 338, 135. «Боярская Дума», с. 110.

и сознанием своего мирового значения[1]. Самый факт об'единения народа в государство—довольно поздняя эпоха в развитии национальности, но она неизбежна, по мнению Ключевского, и составляет последний этап развития людских союзов. К этому позднему этапу и идет исторический процесс; все изложение его построено у Ключевского таким образом, чтобы подчеркнуть этот естественный ход, оттенить в каждой предшествующей эпохе то, что готовило это завершительное единство в эпохах последующих. До половины XV века русская народность «оставалась лишь фактом этнографическим, без политического значения: она была разбита на несколько самостоятельных и разнообразно устроенных частей; единство национальное не выражалось в единстве государственном. Теперь вся эта народность соединяется под одной государственной властью, вся покрывается одной политической формой»[2]. Московское государство «не было произведением какой-либо политической теории... Оно было делом народности...»[3]: Самая связь национальности с государством, выражающаяся в сознательном подчинении первой последнему, вытекает из внутренних особенностей той же национальности: «Русское население, обитавшее в пределах Московского государства, подчинялось ему не в силу договора с ним, а в силу своей принадлежности к русскому народу и общности народных интересов»[4]. Все содержание «Курса» Ключевского состоит из исследования двух процессов, тесно связанных между собою. Формулировка этого подчеркивает связь государства и народа-национальности, на которой сейчас мы остановились: «Изучая один из этих процессов, мы будем следить, как вырабатывалось в практике жизни и выяснялось в сознании народа понятие о государстве и как это понятие выражалось в идее и деятельности верховной власти; другой процесс покажет, как в связи с ростом государства завязывались и сплетались основные нити, образовавшие своею сложной тканью нашу народность»[5]. «Каждая национальность, как определенная единица, имеет свою характерную физиономию, ярко проявляет ту или другую силу человеческой природы»[6], имеет ряд особенностей, составляющих

[1] «Курс», т. I, с. 13—14.
[2] Там же, т. II, с. 144.
[3] «Боярская дума», с. 521.
[4] «История сословий», с. 114. Там же, с. 124.
[5] «Курс», т. I, с. 37.
[6] Там же, т. I, с. 7.

«то, что мы называем народным темпераментом»[1]. Длинная цепь исторических условий, начиная с географической обстановки, вырабатывает особый психологический тип представителей нации, тонко и остроумно обрисованной Ключевским во всей ее художественной цельности[2], с характерным русским «авось», непривычкой к упорному регулярному труду, необщительностью, «задним умом» и вечными колебаниями. Этот тип постоянно интересует Ключевского, никогда не упускающего случая то отметить вообще своеобразность «в развитии русского мышления»[3], то «настоящий великорусский московский ум» Ивана Грозного[4]. Все эти характерные признаки образуют одно целое, которое Ключевский называет «национальной самобытностью»[5]. Очень важной особенностью, присущей этому целому, является стремление к единству, к совместной жизни; — это стремление к единству—самая глубокая и таинственная сила, движущая, по концепции Ключевского, русским историческим процессом. Принимая эту особенность, как данную, он не пытается, а может быть и не находит нужным, вскрыть ее природу, разобраться в причинах этого основного явления. Все следствия северо-восточного направления колонизации «сводятся к одному скрытому коренному факту изучаемого периода. Этот факт состоит в том, что русская народность, завязавшаяся в первый период, в продолжение второго разорвалась надвое. Главная масса русского народа, отступив перед непосильными внешними опасностями с днепровского юго-запада к Оке и верхней Волге, там собрала разбитые свои силы, окрепла в лесах центральной России, спасла свою народность и, вооружив ее силой сплоченного государства, опять пришла на днепровский юго-запад, чтобы спасти оставшуюся там слабейшую часть русского народа от чужеземного ига и влияния»[6]. Это почти мистическое тяготение национальности к единству, мощный и таинственно-непреложный голос национальной крови, не дает в течение веков заглохнуть этому стремлению; в XVIII в. вопрос

---

[1] «Курс», т. I, с. 11.

[2] Там же, лекция XVII, с. 361—391.

[3] «Псковские споры» («Опыты и исследов.», первый сборник статьей, П. 1919, с. 32).

[4] «Курс», т. II, с. 240.

[5] Там же, т. III, с. 439.

[6] Там же, т. I, с. 360.

национального воссоединения, как неотложная историческая задача, стоит перед правительством Екатерины II: «...значительная часть русского народа находилась в пределах польско-литовского государства. Обе половины России—западная и восточная—целые века стремились политически воссоединиться одна с другой. Необходимо было взять западную Русь у Польши» [1]. В конце XVIII в. национальное об'единение завершено. Но русский национальный вопрос этим не упраздняется в концепции Ключевского, а логически расширяется в вопрос в с е с л а в я н с к о г о единства: в XIX в. перед Россией встала новая задача: «Призвать к политическому существованию православные и славянские народности Востока» [2]. Постепенный ход истории к этой цели национальных об'единений тяжел, труден и медленен, но непреложен. У Ключевского ясно чувствуется, что стремление к национальному единству и факт этого единства, как завершительный этап, принимаются за норму исторического процесса, за его обычную схему и план. Вообще «норма» в истории—одно из основных понятий социологии Ключевского.

Параллельно с постепенным ходом национального об'единения растет национальное чувство, которое, повышаясь в своей интенсивности по мере приближения национальности к своему государственному воплощению, переходит в «национальное самосознание». Национальное чувство очень часто выступает у Ключевского в роли исторического фактора.

То оно оскорблено тактикой Петра Великого, раздражено «гнетом непрекращавшегося наплыва и влияния иноземцев» [3], то регентство Бирона бросает «грубый вызов русскому чувству национальной чести» [4], то оскорбляют его иноземные полки Анны Иоановны под начальством Левенвольда [5]. «Озлобление на немцев расшевелило национальные чувства» [6], неудачная война его оскорбляет; у публицистов XVI века «много земской скорби, патриотического сокрушения о бед-

---

[1] «Курс», т. V, с. 23.
[2] Там же, с. 159.
[3] Там же, т. IV, с. 301.
[4] Там же, т. IV, с. 349.
[5] Там же, т. IV, с. 394.
[6] Там же, т. IV, с. 399.

ствиях родной земли, которую они, повидимому, так горячо любили»[1], и сам Ключевский то в одном месте упрекнет бояр за плохой патриотизм[2], то в другом сокрушается о том, что мы, русские, страдаем тяжкой привычкой «на каждый вопрос, поставленный русской действительностью, искать готового ответа в теории, выработанной чужой мыслью на основании опытов чужой жизни»[3]. Национальные основы—самый глубокий пласт исторических наслоений, и в то время как вихрь смуты разрушает все остальное, эти устои и основы—остаются: «Когда надломились политические скрепы общественного порядка, оставались еще крепкие связи национальные и религиозные, они и спасли общество»[4].

Народ-национальность — первое основное понятие концепции Ключевского, другим понятием столь же важным является государство. Выше уже было указано, что в сущности оба эти понятия тесно спаяны, почти слиты, так как национальность находит свое высшее выражение в государстве[5]. Избранный Ключевским подход к историческому изучению, основывающийся на политических и экономических фактах, ведет к избранию двух основных предметов исследования. «Эти предметы—государство и общество, их строение и взаимное отношение»[6]. Понятие государства играет у Ключевского огромнейшую роль не только как основной элемент общей концепции русского исторического процесса, но и как руководящая нить в развитии этой концепции.

«Простейшее определение государства» носит в себе четыре «основные необходимые элемента государственного порядка». «Эти основные элементы суть: верховная власть, народ, закон и общее благо»[7]. Вся совокупность работ Ключевского и основных выводов их ясно показывает нам, что из этих четырех элементов не все четыре появляются в истории одновременно: общее благо проникает в сознание и проявляется в государственном устройстве в сравни-

---

1 «Боярская Дума», с. 27 .
2 Там же, с. 278.
3 «Курс», т. V, с. 59,
4 Там же, т. III, с. 61; то же—73.
5 Там же, т. I, с. 13—14.
6 Там же, т. I, с. 37.
7 Там же, с. 15.

тельно позднюю историческую эпоху. Общее благо и большая или меньшая степень проявления и достижения его в той или иной государственной организации служит для Ключевского критерием в оценке большего или меньшего развития этого государства. Для него понятие «общее благо» не фикция, не имеющая никакого реального эквивалента, а вполне ясная цель, к которой стремится государство, реальнейшая сущность, заветный идеал, и Ключевский неустанно напоминает о нем на всем протяжении своих работ: всякая задача, стоящая перед государством, имеет своею целью общее благо [1], всякое правительство эволюционирует по мере развития исторического процесса ко все более и более справедливому устройству общества[2], и эта справедливость прежде всего выражается в сознании необходимости уравнять права и обязанности всех сословий и лиц, входящих в состав государства и дающих ему средства к существованию [3]. Главное назначение законодательства—могучего средства достижения основной государственной цели—в том и состоит, «чтобы приводить отношения в известное согласие, сдерживать вредные интересы, поддерживать полезные и все направлять к цели общего блага» [4]. Ясно, что «общее благо» и является критерием в определении полезности или вредности. На страницах «Курса» и других произведений то и дело мелькают упоминания о действиях правительства «во имя порядка и правительственного удобства»[5], или «в интересах общественного блага и порядка» [6]. Из всех четырех элементов понятия государства «общее благо»—единственное нормативное; оно и представляет собою цель государства, а следовательно, и цель всего исторического процесса, ибо государство — высшая форма развития из всех, достигаемых обществом. Ключевский глубоко убежден в реальности этой цели: надо проникнуться той уверенностью, которой звучат его слова, когда он об этом говорит: «Он (Петр Великий) действовал деспотически; но, олицетворяя в себе государство, отожествляя свою волю с народной, он яснее всех своих предшественников сознавал, что народное благо—истинная и единственная

---

1 «Курс», с. 15.
2 Там же, с. 14.
3 Там же, т. III, с. 67—68; т. IV, с. 414; т. V, с. 145.
4 Там же. т. V, с. 186.
5 «История сословий», с. 91.
6 «Курс», т. V, с. 141.

цель государства»[1]. Петр I своими понятиями и стремлениями очень близко подошел к идее правового государства: он видел цель государства «в добре общем, в народном благе, не в династическом интересе»[2].

Общее благо, как цель государства, осознается обществом в поздние эпохи своего развития. «Политическому общежитию, основанному на целях общего блага, как известно, предшествовали естественные союзы, завязанные кровным родством»[3]. По мере хода исторического процесса государственная власть, в лице наиболее сознательных своих представителей, может уже смутно сознать общее благо, как цель государства, но обществу эта мысль может еще быть чуждой. Тогда «власть насильственно соединяла (сословия) для совокупной деятельности во имя общих интересов», пользуясь своими законодательными правами, так как «задача закона—примирять частные интересы с общими, на которых держится государственный союз»[4]. В высшей степени важно отметить, что общее благо—цель, определяющая собой весь исторический процесс, дающая Ключевскому схему исторического развития и основу для главнейших выводов в основных трудах: «История сословий вскрывает нам два наиболее скрытые и тесно связанные друг с другом исторические процесса: движение сознания общих интересов и высвобождение личности из-под сословного гнета во имя общего интереса»[5],—а из этих двух процессов «собственно и слагается вся история»[6].

Постепенное развитие сознания общего блага проходит следующие этапы: ни Киевская Русь, ни удельное время этого сознания не имели,—оно было тесно связано с национальным сознанием, а тогда «идея русской народности, едва начавшая зарождаться в умах, еще не была проведена в государственное право, в политический порядок»[7]. В удельное время княжеское владение «по характеру своему прибли-

---

1 «Курс», т. IV, с. 428.
2 Там же, с. 475—476.
3 «История сословый», с 23.
4 Там же, с 26.
5 Там же, с. 28.
6 Там же, с. 29.
7 Там же, с. 115.

зилось к простому частному землевладению»[1], и поэтому тогда не существовало ни понятий, ни отношений, которые содержатся в словах «государь» и «подданный», тесно связанных с идеей общего блага в представлении Ключевского. При Иване III новое национальное значение русского государя началу усваиваться, но медленно и с трудом, и притом оно «в первое время внушало больше неясных чувств, чем определенных политических понятий»[2]. У лучших представителей боярства XVI в., у Вассиана-Косого, Берсеня Беклемишева, кн. Курбского и др., «едва брезжит по временам мысль об общем народном благе, о государственном порядке»[3]. Два других явления той же эпохи показывают, как усваивалась практикой жизни эта чуть забрезжившая мысль: «в губных учреждениях сказался рост сознания государственных задач: они были плодом мысли, что преступление не есть частное дело, а касается всего общества, затрагивает общее благо, а потому и преследование его есть обязанность государства...»[4]. Земские соборы также в основе своей носят эту мысль, но Ключевскому и на этот раз не изменяет его осторожность и историческая чуткость, и он, рискуя навлечь на себя упрек в умалении значения земских соборов, все же не решается счесть их земскими представительными собраниями в Москве XVI в.: в московских умах того времени для этого не хватало многих осознанных понятий, между ними—и ясного представления об общем, народном благе[5]; эта мысль была надолго затерта и заглушена неблагоприятными условиями русской жизни[6]. Задачей Ключевского и является проследить, как от смешения государя и вотчинника, в то время как «народное благо, цель государства, подчинялось династическому интересу хозяина земли»[7], общественное сознание переходит к выработке недоставших ему государственных элементов и понятий о них[8]. Для этого стране пришлось пережить тяжелые потрясения Смуты, когда государство преобразовалось «в

---

[1] «Боярская Дума», с. 78.
[2] Там же, с. 422.
[3] Там же, с. 301.
[4] «Курс», т. II, с. 463.
[5] Там же, с. 507.
[6] Там же, с. 512.
[7] Там же, т. III, с. 16.
[8] Там же, с. 17.

какую-то бесформенную мятущуюся федерацию»[1]; но в конце концов общество осознало себя хозяином земли[2]. Но все же на соборе 1642 г. земская мысль сильно меркнет: «Читая записки, поданные сословными представителями на этом соборе, чувствуешь, что этим представителям нечего делать вместе, у них общего дела нет, а осталась только вражда интересов»[3], земская мысль теплилась лишь в торговых классах[4]. Некоторые из сотрудников царя Алексея Михайловича, ясно сознававшие общее благо как цель государства, получают от Ключевского почетное в его устах наименование государственных людей: таковы А. Л. Ордын-Нащокин, отчасти Ртищев и кн. Голицын[5]. Но это были единицы, и у Ключевского вырывается при описании наиболее типичного из них А. Л. Ордын-Нащокина удивленно-гордое восклицание: «Московский государственный человек в Москве XVII в.!»[6]. Характерно, что Ртищев и кн. Голицын сравниваются именно с ним, как наиболее типичным «государственным человеком». Выше уже были отмечены те места, где говорится о том, что Петр I часто поднимался до ясного сознания общего блага, как цели государства. В XVIII в., при преемниках Петра, идея народного представительства все же «так трудна для сознания господствующих классов»[7], что государственные связи, юридические и нравственные одна за другой порываются и среди этого разрыва меркнет идея государства, оставляя по себе пустое слово в правительственных актах»[8]. Зная взгляд Ключевского на освобождение крестьян, можно правильно умозаключить, что по его представлению идея общего блага, упорно боровшаяся за свое невоплощенное существование, все же хоть частично добилась приближения к нему в середине XIX в., но свой «Курс» Ключевский заканчивает[9] царствованием Николая I: вся русская история, захва-

1 «Курс», т. III, с. 73.
2 Там же, с. 73.
3 «Курс», т. III, с. 264. О том же—там же, с, 267.
4 Там же.
5 Там же, с.с. 432, 455 и 462.
6 Там же, с. 432.
7 Там же, т. IV, с. 378.
8 Там же, с. 438.
9 Принимая во внимание так. наз. V том, изд. 1922. В специальной работе я выяснила, что так называемый «пятый» том истории Ключевского, изданный Я. Барсковым, вовсе не является тем пятым томом, которого все ожидали.

ченная им,—трагедия невоплощенного общего блага, руководившего всем историческим процессом, но лежащего вне его, как идеальная цель, где-то в неведомом будущем русской истории.

Из разобранных выше центральных понятий вырастает ряд производных, также входящих в состав основного комплекса и теснейшим образом связанных с центральными.

Государственная территория — первое из этих понятий. Она тесно связана с государством-нацией и вытекает из них. Каждой национальности искони предназначены определенные границы определенной территории, и каждая национальность искони стремится в течение всей своей исторической жизни к достижению этих границ, к занятию этой территории и успокаивается лишь, достигнув цели своего стремления. «В конце XVIII з. «России нужно было продвинуть свою южную границу до ее естественных пределов, до Черноморской береговой линии...» [1]. Задача расширения территории и достижения ее «естественных пределов» впервые встала еще в конце удельной поры перед московскими собирателями Руси, успешно начавшими это дело [2]. «Московское княжество, удельное по происхождению, в XIV в. ставшее великим по своим успехам, сделалось национальным великорусским государством по своим территориальным границам при Иване III и его ближайших преемниках» [3], и само «политическое об'единение Великороссии вызвано было необходимостью борьбы за национальное существование» [4]. «Еще в XIX в. внешняя политика России продолжала прежнее дело территориального расширения государства до естественных границ» [5]. Такие ученики Ключевского, как Милюков, охотно продвигали «естественную» границу России до Константинополя и Дарданелл.

Государственная территория является одним из важнейших факторов государственной жизни. Ее размеры, рост, необходимость

Настоящий пятый том даже не был Ключевским закончен (мои статьи «К характеристике В. О. Ключевского как социолога»), Вестник просвещения, Казань, 1923, № 1—2.

[1] «Курс», т. V, с. 23.

[2] «Боярская Дума», с. 216.

[3] Там же, с. 241; о том же—«История сословий», с. 15.

[4] «История сословий», с. 122.

[5] «Курс», т. V, с. 159,

защищать границы сильнейшим образом влияют и на политическое значение государства и на государственное хозяйство. «Территориальное расширение само по себе—успех чисто внешний, географический, но оно оказало преимущественно действие на политическое положение Московского княжества и его князя»[1]. Расширение территории усложняет государственное хозяйство, требует новых финансовых средств,—средства же, главным образом, черпаются из населения: для удобства получения их и для их увеличения государство пользуется наличными силами общества, его исторически-сложившейся группировкой, а с другой стороны, и само формирует сословия в целях фискального удобства. «Успешное об'единение Великороссии ставило об'единителей в большое затруднение. Собиравшуюся землю надо было не только защищать, но и устроить, а готовых средств и пригодных орудий устроения недоставало. Московские собиратели были застигнуты врасплох собственными успехами, не были подготовлены к последствиям своего дела, отставали от задач, какие оно им ставило. Тогда московское правительство и обратилось к своему обычному приему своей устроительной политики—требовать недостающих материалов устроения от самого населения»[2]. Два коренных факта третьего периода русской истории—набор многочисленного служилого класса и местная система—вытекли из основного явления природы—территориального расширения Московского государства[3].

Бросим взгляд хотя бы на изучение последствий смуты: после нее государственная территория расширяется, содержание ее и устройство требуют чрезвычайного напряжения народных сил—средств для этого нехватает. В поисках этих средств правительство обращается то к внутренним силам страны, то к иноземной помощи и образцам. Эти два колеблющиеся направления правительственной политики производят ряд политических и церковных потрясений. Как видим, эта причинная цепь, замыкающаяся религией, первым звеном имеет рост территории[4].

Средства приобретения и эксплоатации территории—к о л о н и з а ц и я и в о й н а. Первое явление играет по мнению Ключевского

[1] «Курс», т. II, с. 143.
[2] Там же, с. 477.
[3] Там же, лекции XXXI — XXXIII.
[4] «Курс», т. III, с. 162—163. Ср. лекцию XVIII. («Курс», т. I).

огромнейшую роль в русской истории,—так как «история России есть история страны, которая колонизуется. Область колонизации в ней расширялась вместе с государственной ее территорией. То падая, то поднимаясь, это вековое движение продолжается до наших дней.... переселение, колонизация страны была основным фактом нашей истории, с которым в близкой или отдаленной связи стояли все другие ее факты» [1]. Периоды русской истории рассматриваются Ключевским как главные моменты колонизации [2], и последняя дает Ключевскому основание для плана всего курса.

Как национальная территория имеет свои определенные границы, так и колонизация имеет свой «естественный» ход, который иногда извращается и тормозится разными привходящими историческими явлениями: так, например, крепостное право задержало насильственно массу земледельческого населения в центре страны, в то время как естественное тяготение колонизации шло по направлению к южному чернозему [3].

Переселение массы славянства с Карпат в бассейн Днепра и затем с Днепра в Окско-Волжский бассейн—два первых крупных факта и этапа колонизации, которые, как видим, открывают собою русскую историю. В этом колонизационном движении мы должны выделить своеобразный тип—колонизацию монастырскую. Она особо заинтересовала Ключевского: он желал изучить именно ее, избирая тему магистерской диссертации о древнерусских житиях святых [4]. Ту же тему Ключевский детально разбирает в своем «Курсе»: «... из одиноких разобщенных местных явлений складывалось широкое колонизационное движение, которое, исходя из нескольких центров, в продолжение четырех столетий проникало в самые неприступные углы и усеивало монастырями обширные лесные дебри средней и северной России...» [5] «...при разносторонних местных уклонениях движение пустынных монастырей сохраняло свое общее направление на бело-

---

[1] «Курс», т. I, с.с. 24—25. Разрядка моя—*М. Н.*

[2] Там же, с.с. 25—28.

[3] «Курс», т. V, с. 109.

[4] «Древнерусские жития святых как исторический источник», М., 1871.

[5] «Курс», т. II, с. 321.

морский север. Это движение имело очень важное значение в древнерусской колонизации»[1]. Это значение вскрывается связью монастырской колонизации с другой: «...в ту же сторону, оттуда же и с того же времени направлялась и крестьянская колонизация; монах и крестьянин были попутчиками, шедшими рядом, либо один впереди другого»[2]. Общие черты крестьянской колонизации, того первоначального процесса, в котором завязались основные, первичные условия крепостного права[3], представляются Ключевскому в следующих самых общих чертах: «Приблизительно с конца XIV до начала XVII века среди крестьянства центральной Окско-Волжской Руси идет непрерывающееся переселенческое движение сначала одностороннее—на север за верхнюю Волгу, потом с половины XVI в., с завоеванием Казани и Астрахани, двустороннее—еще на юго-восток по Дону, по средней и нижней Волге»[4]. Это все этапы единого промадного колонизационного процесса, составляющего основу русской истории: «Русская колонизация Заволжья была продолжением процесса, заселившего центральное междуречье[5], также как и колонизация юга[6].

Война тесно связана с ростом государственной территории, то имея целью ее расширение, захват новой территории, то охрану границ и торговых путей. Правда, в самый ранний период русской истории Ключевским описаны войны иного характера: мы можем заметить в Киевской Руси войну с целью грабежа, захвата ценной добычи и войну с целью захвата людей, полона; княжеские усобицы этого периода почти всецело носят этот характер, так как князья тяготились малонаселенностью своих земель,—поэтому их усобицы были не чем иным, как хищнической борьбой за рабочие руки[7]. Но наряду с этим в древнейший период русской истории мы находим первый тип войны, о котором мы говорили: «Ряд воинственных морских набегов Руси на далекие черноморские и каспийские берега, начавшийся еще в

---

[1] «Курс», с. 324.

[2] Там же, с. 335; о том же—с. 340.

[3] Там же, с. 407.

[4] Там же; о том же—«Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в Беломорском крае». Опыты и исследования, с. 131, в част. 17.

[5] «Боярская Дума», с. 81.

[6] Там же, т. III, с. 3; т. II, с. 412.

[7] «Курс», т. I, с. 342—343—344.

первой половине IX в. и закрывший собою мирные торговые сношения русских городов прежнего времени, имел тесную связь с этими сношениями: то были вооруженные рекогносцировки русского купечества с целью прочистить засорившиеся пути русской торговли и открыть доступ к приморским рынкам [1]. Внешняя политика более поздних периодов русской истории полна примерами территориально-захватных войн, являвшихся в то же время и национальными, что еще раз подчеркивает тесную связь территории и национальности. Наиболее характерными в этом смысле являются войны Петра I: «Петру достались от предшественников две задачи, разрешение которых было необходимо для того, чтобы обеспечить внешнюю безопасность государства: во-первых, надо было довершить политическое об'единение русского народа, едва ли не половина которого находилась еще за пределами русского государства; во-вторых, предстояло исправить границы государственной территории, которые с иных сторон, именно с южной и западной, были слишком открыты для нападения [2]. Это чисто военная задача, по мнению Ключевского, была главным двигателем всех реформ Петра: самый план реформы можно уловить, лишь изучая «реформу в связи с ее обстановкой, т. е. с войной и ее разнообразными последствиями. Война указала порядок реформы, сообщила ей темп и самые приемы. Преобразовательные меры следовали одна за другою в том порядке, в каком вызвали их потребности, навязанные войной» [3]. «Война была главным движущим рычагом преобразовательной деятельности Петра» [4]. Порожденная национально-территориальным фактором, война обусловливает длинный причинный ряд всех последовательных групп исторических явлений, захватывая своими последствиями, в сущности, всю совокупность явлений исторической жизни: она «отпечатлелась слишком отчетливо и глубоко на социальном и нравственном складе всего русского общества, даже на ходе политических событий [5]. Образование дворянства, как военного сословия и сословия, поставлявшего работников в многочисленные кадры правительственных

---

[1] «Боярская Дума», с. 31.
[2] «Курс», т. III, с. 63.
[3] Там же, с.с. 80—81.
[4] Там же, с.с. 81—82.
[5] Там же, с. 91.

чиновников [1], формировка остальных сословий и подушная перепись в целях фискальных удобств [2], расквартирование полков, меры к поднятию торговли и промышленности, всецело обусловленные войной [3], — все эти явления дают нам обильный материал для установления взгляда Ключевского на причинную связь исторических событий: в начале длинного причинного ряда лежит национальность, воплощаемая в государстве, — самый глубокий и таинственный рычаг истории в историческом миросозерцании Ключевского. Пример того же причинного ряда,— именно внешней политики, основным рычагом которой является только что упомянутый, мы находим в изучении Ключевским задач внешней политики, стоявших перед Екатериной II [4]. В исследовании условий центрального значения Москвы вся социология Ключевского выступает с необычайной яркостью, усиленной тем обстоятельством, что формулировка этого значения находится в заключительной главе «Боярской Думы»: «Все национальные, церковные, экономические и другие условия, содействовавшие государственному об'единению Великороссии, связались с судьбой Москвы только потому, что она была таким центральным городом б о е в о й Великороссии XIV — XV вв., только благодаря ее стратегическому отношению к тогдашнему театру военных действий [5]. Если же специально остановить внимание на вопросе огромной важности — на социальной эволюции и взгляде на нее Ключевского, то особенно много дает для этого сжатая формулировка сословного развития в первом периоде, находящаяся в «Истории сословий»: «...в продолжение первого периода преемственно обозначались три формации русского общества, из которых каждая была осложнена предыдущей. Первоначально общество распалось на два класса — на завоевателей и побежденных. Потом общество разделилось на три части — на военно-правительственный класс, свободное простонародье и крепостную челядь. Наконец, эти три класса подразделились на привилегированных землевладельцев, свободных горожан, государственных крестьян, владельческих крестьян и на холопов, привилегированных и рядовых. Первая формация строилась в о о р у-

[1] «Курс», т. III, с.с. 92 и сл.
[2] Там же, с.с. 123—140.
[3] Там же, с.с. 140—166; о том же — т. IV, с.с. 244, 273, 274, 286, 188.
[4] Там же, т. V, с. 24.
[5] «Боярская Дума», с. 521.

женной силой, завоеванием, вторая — законодательной властью, которая создана была этой силой, третья — работой капитала, т. е. народнохозяйственным оборотом, который установлен был завоеванием, и общественные последствия которого должна была признать законодательная власть. Таким образом завоевание послужило исходным пунктом сословного процесса, совершившегося в первый период, и направляло его во всех моментах, последовательно им пройденных[1]. Влияние же войны на сословные образования последнего времени были указаны выше, в Петровской реформе например. Как подобный же характерный момент развития, можно привести организацию служилого класса в XVI в., поместную систему и организацию тяглого населения: «что такое весь служилый люд, как он был устроен к половине XVI века? Это был рассеянный по всей территории государства вооруженный лагерь с генеральным штабом в Москве, который руководил его оборонительной борьбой. Что такое было описанное сейчас устройство тяглого населения? Это было интендантство под руководством высшего московского купечества. Вся масса тяглого населения служила обширным источником, из которого эти высшие интендантские руководители извлекали материальные средства, необходимые для содержания вооруженного лагеря с его генеральным московским штабом»[2].

В конце своей деятельности Петр изменил несколько свою политику: правительство перестало ограничиваться переверсткой налогов, в чем состояла прежняя политика, а обратило главное внимание на промышленность и торговлю, развивая производительные силы страны: центр тяжести с государственного хозяйства был перенесен на народное, но целью этой перемены попрежнему осталось обогащение казны[3].

Сейчас мы уже незаметно вошли в область исследования второго важнейшего понятия, производного, вытекающего из ряда общей исторической концепции Ключевского. Этой областью является государственное хозяйство. Это—новая подкладка старой соловьев-

---

[1] «История сословий», с. 57—58. Разрядка моя—*М. Н.*

[2] Там же, с. 181.

[3] «Курс», т. IV, с.с. 140, 254.

ско-чичеринской истории закрепощения и раскрепощения сословий, данная Ключевским.

Описав основные процессы четвертого периода русской истории, Ключевский останавливает внимание на большом количестве их внутренних противоречий. Но эти противоречия «не были а н о м а л и я м и, отрицанием исторической закономерности: назовем их лучше историческими а н т и н о м и я м и, исключениями из правил исторической жизни, произведениями своеобразного местного склада условий»[1]. Этот местный индивидуальный склад и обусловил чрезвычайное развитие государства и его власти, чего мы не замечаем в других западноевропейских странах. Отчего же это произошло? Оттого, что на Западе общество развивалось закономернее, было гораздо сильнее и могло удовлетворять государственные потребности легко, без всякого напряжения своих средств: «Об'яснения этих антиномий нашей новой истории надобно искать в том отношении, какое устанавливалось у нас между государственными потребностями и народными средствами для их удовлетворения. Когда перед европейским государством становятся новые и трудные задачи, оно ищет новых средств в своем народе и обыкновенно их находит, потому что европейский народ, живя нормальной последовательной жизнью, свободно работая и размышляя, без особенной натуги уделяет на помощь своему государству заранее заготовленный избыток своего труда и мысли, — избыток труда в виде усиленных налогов, избыток мысли в лице подготовленных, умелых и добросовестных государственных дельцов. Все дело в том, что в таком народе культурная работа ведется незримыми и неуловимыми, но дружными усилиями отдельных лиц и частных союзов независимо от государства и, обыкновенно, предупреждает его нужды. У нас дело шло в обратном порядке[2]: правительству пришлось чрезмерно напрягать народные средства, и, так как они были невелики и удовлетворить всем правительственным нуждам не могли, государству пришлось властно вмешаться в жизнь общества, формировать сословия и, насилуя естественный ход классового развития, искусственно подгонять формы народного хозяйства к своим потребностям и формировать государственных дельцов, не дожидаясь пока они естественно образуются в

[1] «Курс», т. IV, с.с. 7—8. Разрядка Ключевского.
[2] Там же, с. 8 и след.

обществе. Конечно, эта политика насилия не дала положительных результатов, так как была искусственна: «Государственные требования, до-нельзя напрягая народные силы, не поднимали их, а только истощали»[1]. »Расширение государственной территории, напрягая не в меру и истощая народные средства, только усиливало государственную власть»[2]. Источник этих неправильностей, конечно, лежит, по Ключевскому, в сердце исторического процесса, в нации-государстве, именно в неестественном отношении внешней политики государства к внутреннему росту народа[3]. Основной результат этого кратко формулируется Ключевским: «Государство пухло, а народ хирел»[4]. В русском историческом процессе важнейшую роль играют два исторических элемента и их взаимоотношение: государственные потребности с одной стороны и народные средства с другой. В сущности, разбирая вопрос о войне, мы наметили основные нити решения и этой проблемы у Ключевского, и сейчас остается несколько подробнее остановиться на ее частностях.

Само собой разумеется, что финансовые нужды стояли в центре правительственного внимания и в предыдущие периоды русской истории, а не только в последний, когда они были особенно настоятельны. Еще в удельное время все права князя в сущности сводились к финансовым, хозяйственным, и князья различались не по свойству своих прав, а по их количеству[5]. В московский период финансовая сторона более всех остальных заботила правительство и поэтому была более всего разработана: «Течение казенных сумм — это была статья московского управления, наиболее тщательно разработанная и установленная такими заботливыми хозяевами, как московские государи»[6]. И в последнем «всероссийском» периоде русской истории главнейшей задачей Петра I, после переустройства армии, было усиление средств казны.

Эти финансовые нужды, тесно связанные, как мы уже видели, с военной реформой, диктовали правительству его политику по отноше-

[1] «Курс», т. IV, с 9.
[2] Там же.
[3] Там же, с. 10.
[4] Там же, с. 11.
[5] «Боярская Дума», с. 77.
[6] Там же, с. 487.

нию к сословиям. Исчезновение местного земского самоуправления и затем земского соборного представительства вытекали из одного источника, из финансовых нужд государства [1]. И самые заботы правительства о крестьянстве, его работы над разрешением крестьянского вопроса имели тот же финансовый корень: интересовал правительство не крестьянин, а плательщик, «заботили собственно не сами крестьяне, а их побеги» [2]. Цель губернской реформы Петра, как и всех его реформ, в конечном счете, «была исключительно фискальная» [3], и фискально-полицейский путь привел к переменам в положении дворянства [4].

Ключевский изучает историю русского общества с точки зрения тех средств, которыми оно удовлетворяло потребностям государства. Это—уже знакомая русской историографии и лишь несколько видоизмененная теория закрепощения и раскрепощения сословий. Государство, со всей совокупностью признаков этого понятия, является критерием оценки высоты изучаемой ступени общественного развития и той целью, к которой идет исторический процесс. Таково построение «Курса» и построение монографии о социальной эволюции в русской истории,—«История сословий в России». Прежде всего характерно то, что темой взята именно история с о с л о в и й. Что такое сословие в понимании Ключевского? Это—во-первых, «термин г о с у д а р с т в е н н о г о права и обозначает известный ряд политических у ч р е ж д е н и й [5]; во-вторых: «сословиями мы называем классы, на которые делится общество по правам и обязанностям. Права дает либо утверждает, а обязанности возлагает г о с у д а р с т в е н н а я в е р х о в н а я в л а с т ь, выражающая свою волю в законе» [6]. Ясно расчлененная картина истории сословий, нарисованная и в этом труде и в других, еще резче подчеркивает определенность отношения Ключевского к своему предмету. Всю историю сословий Ключевский разделяет на четыре периода. Каждый из них имеет собственную характерную физиономию и в то же время неразрывно связан с предшествующим и после-

[1] »Курс», т. III, с. 274.
[2] Там же, т. IV, с. 413.
[3] Там же, с. 211.
[4] Там же, с. 418.
[5] «История сословий», т. I. Разрядка моя—*М. Н.*
[6] Там же, с.с. 1—2. Разрядка моя—*М. Н.*

дующим. Основной вывод монографического курса Ключевского гласит, что «основанием каждого последующего деления становились последствия, вытекавшие из деления предшествовавшего»[1]. В первый период сословного развития общество слагалось из завоевателей и побежденных, но в исторических источниках эта древнейшая стадия почти не отразилась. По памятникам X—XII веков «мы застаем русское общество... разделенным уже не по праву материальной силы, а по отношениям лиц к верховной власти»[2], и жизнь каждого члена общества в этот период ценилась соответственно тому, насколько в нем нуждалась верховная власть. XIII—XV вв. (до половины, см. «Историю сословий», 73) занимают второй период развития сословий—удельный. «В удельное время общество делилось на классы, различавшиеся родом договорных услуг или служеб в пользу князя и родом выгод, какими они пользовались за эти услуги. И это деление построилось на последствиях предшествующего: различными хозяйственно-юридическими состояниями, образовавшимися в предшествовавший период, обусловливалась неодинаковая служебная годность лиц, т. е. их способность вступать в те, а не другие обязательства с князем»[3]. Третий период захватывает XVI—XVII вв.[4]—в это время складывалось Московское государство; основанием классификации его чинов «служило деление классов по роду государственных повинностей, разверстываемых по имущественному состоянию лиц»[5]. Общественное деление отличалось чрезвычайной дробностью. Борьба за национальное существование сделала то, что «в Московском государстве, все силы которого направлены были на внешнюю борьбу, усилия законодательства должны были сосредоточиться на том, какое участие принимать в этой борьбе различным классам общества, а не на том, какими правами будет пользоваться каждый класс»[6]. Московское правительство прежде всего заботилось о том, как «разверстать государственные обязанности

[1] «История сословий», с. 233.

[2] Там же, с. 231.

[3] Там же, с. 232. Разрядка моя—*М. Н.*

[4] Там же, с. 38. Но там же, на с. 96, 3-й период обозначен с половины XV в. до половины XVII.

[5] Там же, с. 97.

[6] Там же, с. 122.

между классами общества по хозяйственному состоянию каждого из них» [1]. На служилый боярский класс падала ратная служба государству и ряд обязанностей по управлению [2], «на тяглое население падали две главные обязанности: земская казенная служба и государственное податное тягло» [3]. Тот же принцип мы видим в выделении высшего столичного купечества: основанием его чиновного деления «была присяжная казенная служба по личному доверию» [4]. Самые сословные права классов вытекали из того же источника: во-первых, в них превратились с течением времени чиновные выгоды, связанные с государевой службой [5]; во-вторых, «честь чинов», служившая их источником, еще в первоначальном своем виде представляла собою «значение, какое придавал закон известному чину и в котором выражалась государственная оценка сравнительной пользы, приносимой государству различными общественными чинами» [6].

К третьему периоду относится одно из важнейших событий сословной истории—постепенное закрепощение крестьян. Крепостное право возникает в среде частновладельческих крестьян и обособляет их от черных и дворцовых. Оно является результатом столкновения трех элементов, характеризующих положение владельческого крестьянства, как класса: поземельного тягла, права выхода и нужды в господской ссуде, — причем все три элемента враждебны друг другу. Огромную роль в возникновении крепостного права сыграло, по Ключевскому, сближение ссудного крестьянства с кабальным холопством. Очень важно отметить, что кабальные холопы были обязаны служить за проценты с занятого капитала, причем в установленный срок должен был быть возвращен и капитал. Тяжесть этого положения была так велика, что они стремились перейти в полное холопство, но закон их удерживал, как тяглецов. Важнейшим моментом в истории крепостного права является внесение в крестьянскую порядную запись добровольного отказа крестьянина от права прекратить крепостные обязательства. Происхождение крепостной крестьянской записи тесно

[1] «История сословий», с. 23.
[2] Там же, с. 128.
[3] Там же. с. 170, 176 и 177 и сл. лекция XX с. 200.
[4] Там же, с. 176.
[5] Там же, с. 208 и сл.
[6] Там же, с. 214 и сл. (лекция XXI).

связано с хозяйственным переломом Смуты: огромная денежная нужда правительства заставляла его принимать все меры к тому, чтобы не упускать тяглецов: крестьяне с переходом в холопство приобретали право не тянуть правительственного тягла. Правительство не оградило крестьян законодательством от этого смешения различных типов отношений к помещику, — и очень понятно, почему: здесь действовало то же желание сохранить максимум тяглого населения, так как нужда в деньгах была велика. Кроме того, в факте закрепощения сыграла огромную роль податная ответственность помещика за своих крепостных, делавшая его «даровым инспектором крепостного труда и ответственным сборщиком казенных податей» [1], — помещик вносил подать даже за беглых. Итак, нужды государственного хозяйства сыграли огромную роль в деле закрепощения крестьян [2].

Перенапряжение податного обложения и размеры расходов иногда заставляли правительство обращаться к источникам чрезвычайных доходов, например, к «запросам волею» и процентным налогам. Характерно, что «тот и другой источник имел сословное значение: запрос волею — это заем, добровольная подписка, к какой правительство по сборному договору призывало привилегированные классы, землевладельцев, духовных и служащих, для покрытия чрезвычайных военных расходов» [3]. Еще более ярка роль государства и его хозяйства в отношении правительства к промежуточным, межеумочным слоям общества, вроде холопов, вольницы, архиерейских слуг и детей духовенства. Эти слои «стояли вне прямых государственных обязанностей, служа частному интересу» [4], и не несли государственного тягла. «Эта праздная или непроизводительно занятая масса почти всею тяжестью своего содержания падала на те же рабочие тяглые классы, из которых и казна извлекала свои доходы, и в этом отношении являлась соперницей государства, перехватывая у него средства, которые могли бы итти на пополнение государствен-

---

[1] «Курс», т. III, с. 237.

[2] Там же, лекция X, IV и XIII и «Происхождение крепостного права в России» («Опыты и исследования», с. 184–267).

[3] Там же, с. 300.

[4] Там же, т. IV, с. 120.

ной казны. Петр со свойственной ему хозяйственной чуткостью хотел пристроить этот люд к настоящему делу, использовать его в интересах государства для тягла и службы. Солдатской вербовкой и подушной переписью он произвел генеральную чистку общества, упрощая его состав»[1]. В конце изучения податной реформы Петра Ключевский бросает характерное замечание: «Петр думал о своей казне, а не о народной свободе, искал не граждан, а тяглецов»[2].

Эпоха длинной вереницы «преемников Петра» отличается теми же характерными чертами: «Правительство искало не юридической установки крепостных отношений, а способа бездоимочного подушного сбора»[3]. Одною из мер был новый способ эксплоатации дворянского класса, — возложение на помещика обязанности сбора податей, вместо земских комиссаров: «ответственный плательщик стал и обязательным сборщиком»[4]. Это обстоятельство чисто фискального характера сильно содействовало укреплению крепостного права: «Правительство, прежде взыскательное к дворянам, как обязанным своим слугам, теперь старалось щадить их, как своих вольных агентов, командированных в их же деревни для поддержания порядка»[5]. Характерно то, что кодификационная комиссия 1754 г. в проекте третьей части нового уложения, трактовавшей о состояниях, даже не выделила особых глав о сельских податных классах: «они рассматриваются в главах о землевладельческих сословиях не как общественные состояния, а только как статьи владения и податного обложения»[6].

Мы перешли сейчас уже в IV период изучения истории сословий, который, по Ключевскому, начинается с половины XVII в.: его первым законодательным моментом служит уложение 1649 г., а кульминационным пунктом 1785 г., год издания сословных жалованных грамот Екатерины II[7], «...в четвертом периоде основанием общественного де-

[1] «Курс», т. III, с. 122. Разрядка моя,—*М. Н.*
[2] Там же, с. 138.
[3] Там же, с. 416—417.
[4] Там же, с. 417.
[5] Там же, с. 434.
[6] Там же, с .436.
[7] «История сословий», с, 200—202.

ления у нас служило различие прав, распределявшихся между сословиями по их политическому значению. Итак, сословное право есть отличительная черта IV периода, тот признак, которым строй, усвоенный нашим обществом в этот период, отличался от склада, ему предшествовавшего и основывавшегося на различии государственных обязанностей, разверстанных между общественными классами по их хозяйственным состояниям»[1]. На первый взгляд, к этому периоду совершенно неприложимо общее положение, высказанное ранее[2], о том, что Ключевский изучает историю русского общества с точки зрения тех средств, которыми оно удовлетворяло потребности государства. С большой осторожностью он формулирует такой возможный социологический закон: «политическое общежитие начинается сословным расчленением общества и продолжается постепенным уравнением сословий»[3]. Кажется, что в этой последней стадии государства уже нет места для служения общества государству: последнее становится перед лицом, а не перед сословием, лицо же теперь имеет не только обязанности, а и права: к тому же, «цель государственного союза—защита законно приобретенных прав, государственные обязанности — только средства для этой защиты»[4]. В этом периоде как будто государство служит обществу, а не общество государству, как было в предыдущие эпохи, тем более, что новым основанием государственного порядка служит правило: «государство требует с каждого в меру того, что дает ему»[5]. Четвертый период истории русских сословий как раз является подготовкой бессословного государства, не свершившегося, но подготовлявшегося факта русской истории. Поэтому кажется, что к четвертому периоду русских сословий высказанный ранее взгляд на то, что, по Ключевскому, общество служит государству, как будто не оправдывается.

Но так только кажется. Теоретические главы работ Ключевского о государстве, обществе и их взаимоотношениях очень туманны: в

---

[1] «История сословий», с. 200. О том же, с. 232—233.
[2] Там же. с. 13.
[3] В рукописи на с. 30.
[4] Там же, с. 2.
[5] Там же, с. 13.

них много юридической метафизики буржуазных правовых школ и их неизбежных спутников—недосказанностей, противоречий и замены фактически существующих явлений словесными сочетаниями, существующими лишь в юридическом воображении. Теорию отношений государства и общества Ключевский излагает главным образом в двух вводных лекциях к «Истории сословий». Основной характерной их чертой является неглубокое о б ' я с н е н и е явлений. Сложные вопросы, очевидные пробелы часто остаются не проанализированными, многие логически возникающие вопросы остаются без ответа. Некоторые понятия у него предполагаются известными, но от их толкования зависит очень многое. Основным из таких понятий и пробелов является само понятие государства и определение его цели. У Ключевского не было потребности в об'яснении этого: государство представлялось ему какой-то самодовлеющей сущностью, вечной, незыблемой и, главное, священной. Оно могло менять свои формы, но в существе оставалось тем же. Оно могло являться в разные эпохи под разными видами, но оно никогда не исчезало. Это как-то принималось, как само собой понятное: государство стало самоцелью, реальностью и величайшей из форм общественных воплощений, не подлежащей критике. Ключевский эту схему и заполняет историческим содержанием. В этом заполнении его живая мысль захватила много фактического материала, противоречащего схеме, и не заметила этого. «Сословиями мы называем классы, на которые делится общество по правам и обязанностям. Права дает, либо утверждает, а обязанности возлагает государственная верховная власть, выражающая свою волю в законе» [1]. Но какую цель преследует возложение обязанностей и утверждение прав? Удовлетворение общественных потребностей, службу лицу, людям, совокупность которых составляет общество? Да, но общество эволюционирует к той форме, когда «государственная обязанность из обязательной жертвы, приносимой одними классами в пользу других, превращается в плату лица государству за услуги, какими первое пользуется от последнего» [2]. Но определение цели государства разрушает этот вывод: цель—«защита законно приобретенных прав, государственные обязанности — только средства для этой защиты» [3]. Но ведь

---

[1] «История сословий», с. 1—2.

[2] Там же, с. 14.

[3] Там же, с. 2.

права не приобретаются,—они даются государством, либо утверждаются им же по его воле и выбору. Парящее над обществом государство твердо знает, что менее и что более ему выгодно и, соответственно этому, оно формирует общество. Значит, наоборот—общество служит государству и покорно его велениям? Мы попадаем в заколдованный круг. Первое из политических прав сословий—участие в общем государственном управлении, в местном и вотчинном управлении. Но право участия в управлении, по мнению Ключевского, ценно лишь постольку, поскольку оно дает сословию возможность защиты его гражданских прав,—поэтому «сословные политические преимущества при гражданском равенстве теряют свой смысл и падают или превращаются в сословные повинности. В таком случае участие сословия в управлении получает для него значение обязательного безвозмездного содействия правительству»[1]. Во имя чего обязательного и безвозмездного? Во имя государства. Сословные обязанности государству делятся на личные и вещественные и на прямые и косвенные. «Личная государственная обязанность—это часть личного труда, обязательно уделяемого в пользу государства... Вещественная обязанность—это часть имущества, обязательно уделяемая в пользу государства. Прямые обязанности—это жертвы, обязательно приносимые непосредственно государству, косвенные—это жертвы, обязательно приносимые лицами известного класса не прямо государству, а по поручению государства лицам других классов»[2]... Во имя чего это обязательное уделение и принесение? Ответ один: во имя государства. Чувствуется, что дальнейшего вопроса Ключевский не ставит, потому что его вполне удовлетворяет этот ответ. Характерно, что самая эволюция общества совершается по воле государства, хотя цель его действий в этом случае довольно неясна: сначала «значение каждого лица в государстве определялось значением сословия, к которому лицо принадлежало»[3]. Затем общество постепенно переходит в стадию бессословного государства. Почему и как это совершается? Потому, что «законодательство начало разбивать эти крупные и плотные общественные сочленения на их первичные составные частицы — одинокие

[1] «История сословий», с. 10. Разрядка моя.—*М. Н.*

[2] Там же, с. 10—11. То же.

[3] Там же, с. 13.

лица» [1]... Но для чего оно это делает, почему старая структура перестала быть жизнеспособной? И может ли действительно законодательство являться такой самостоятельной силой, по произволу которой меняются формы общежития? Напрасно искать в теоретических главах Ключевского ответа на эти вопросы: его нет. Об'яснение Ключевского не идет глубже и удовлетворяется словами там, где они не имеют соответственных реальных отношений.

Почему мысль Ключевского не идет дальше обрисовки общих очертаний бессословного государства? Об'яснение ясно сквозит во многих местах: дальше государству итти некуда и не для чего: достигнув высшего из желаемых благ — политического «равенства», оно уже не имеет причин эволюционировать. Пока достигается лишь предыдущая ступень—политическая свобода, «политическое положение лица в современном государстве может представлять непрерывное кочевание по разным политическим группам, смотря по его успехам или неудачам в экономической борьбе, изменяющим его имущественное положение» [2]. Как будто свобода обеспечена полностью, особенно если принять предпосылку, что экономическое положение лица зависит лишь от успеха или неудачи. Но несколько выше мы читаем, что участие в государственных делах сохраняется степенью интереса в этих делах, а этот интерес варьирует соответственно экономическому положению лица: «Миллионер, разбросавший свои имения по всем углам государства и ведущий огромные промышленные дела, гораздо более задает работы правительственным учреждениям, охраняющим имущественную безопасность, чем рабочий, живущий поденным заработком: но поэтому же самому миллионер гораздо более поденщика заинтересован в делах государства, в исправном действии его охранительных учреждений». Тут налицо ясное—и добавим—трафаретное восхваление капитализма и буржуазного политического строя. Когда после этого на следующей странице мы читаем утверждение, что «неравенство в современном государстве есть неравенство лиц, а не классов», то мы чувствуем вновь и это восхваление и этот трафарет. По мнению Ключевского, в привилегированное положение члена имущей группы может попасть любой желающий,—ведь это зависит от успеха или неудачи,—государству не для чего развиваться дальше: оно достигло формы, наи-

[1] «История сословий», с. 13.

[2] Там же, с. 16.

более удовлетворяющей общежитие. Да в конце концов это не так и важно, потому что парящее над обществом государство—священная и самодовлеющая сущность, не подлежащая критике, в своей наиболее совершенной форме, обеспечивающей политическое равенство.

Все тяжелые лишения, которые терпит общество из-за государства, тяжелая материальная нужда, хозяйственное разорение под тяжестью налогов, ущерб и оскорбление национального чувства принуждением учиться у иноземцев,—все это ж е р т в ы общества государству. Государство и может существовать только на счет жертв, приносимых ему обществом. Но в каждой жертве есть сознанная жертвоприносителем цель и сознательная деятельность ума: жертва приносится не просто так, а во имя чего-то. И у Ключевского общество, ценя государство и принимая его тяготы, действует сознательно; под жертвой Ключевский чаще всего понимает сознательное принесение обществом части «народного труда» государству или сознательное отречение от благ общественной свободы во имя этого же государства, которое требует иногда этого в целях самосохранения. Со Смуты все растет и развивается процесс централизации местного управления: она «уронила земские учреждения, исказила их первоначальный характер, лишила их самостоятельности, не уменьшив их обязанностей и ответственности. Это была также одна из жертв, принесенных обществом государству» [1]. С воцарением Михаила «законодательство... начинает стягивать общество, как оно стягивало управление», отчасти насильственно разбивать его на крупные сословия и вгонять в установленные рамки промежуточные слои в целях чисто фискальных: нужны деньги, нужны тяглецы. «Так как этот процесс совершался на счет свободы народного труда, то и достигавшийся им результат следует отнести к числу жертв общества в пользу государства» [2]. Пусть жертвы эти тяжелы, но они все же приносятся: все, даже земские соборы можно отдать, лишь бы жило государство: «одним из следствий обособления сословий была н о в а я п о л и т и ч е с к а я ж е р т в а, новая потеря для русского государственного порядка — п р е к р а щ е н и е с о з ы в о в з е м с к о г о с о б о р а» [3]. Число жертв было неисчислимо [4]. Во

[1] «Курс», III, с. 194—195.
[2] Там же, с. 202.
[3] Там же, с. 240. Первая разрядка моя, вторая—Ключевского—*М. Н.*
[4] Там же, с. 274.

имя чего же они приносились? Во имя будущего правового бессословного государства с конституцией, всеобщим голосованием и политическим равенством, которое брезжилось Ключевскому в историческом будущем как желанная и обязательная цель исторического процесса.

Третий производный элемент общей исторической концепции Ключевского — национальное и гражданское чувство, лежащее в основе всех жертв, приносимых обществом государству.

Национальное и гражданское чувство возвращает нас несколько к тому основному и таинственному национальному процессу, о котором мы говорили вначале. Это чувство так тесно связано со всей концепцией Ключевского, что какой бы ее части мы ни коснулись, мы придем к нему: ведь оно является тем центром, который скрепляет все остальные элементы; государство может жить лишь потому, что общество его поддерживает, а общество это делает потому, что оно этого хочет, а желание это, в свою очередь, проистекает из тайных, непреложных и анализу не поддающихся велений национальной крови, любви к родине, тяготению национальности к государственному воссоединению. Мы не раз входили в область изучения этого чувства, когда касались вопроса о национальности, о развитии идеи общего блага и когда говорили о жертвах, приносимых обществом государству. Национальное чувство ярко вспыхнуло в Киевской Руси, поблекло и замерло в удельной, но все же не исчезло совсем: оно не дошло до ясного и сознательного выражения, но таилось в народе в виде смутных сочувствий, безотчетного тяготения к централизации, к национально-государственному об'единению. Когда Московское княжество «вобрало в себя целую народность» [1] и выразило национальное единство в государственном об'единении, то национальное чувство достигло большой яркости и приблизилось к политическому сознанию: «Прежние народные сочувствия, тянувшие Великую Русь к Москве, теперь превратились в политические связи. Вот тот основной факт, от которого пошли остальные явления, наполняющие нашу историю XV и XVI веков» [2]. С этого момента «русское население, обитавшее в пределах Московского государства, подчинялось ему не в силу договора с ним (как было в удельное время—*М. Н.*), а в силу своей принадлежности к

---

[1] «Курс», II, с. 144.

[2] Там же.

русскому народу и общности народных интересов»[1]. Принесение государству жертв[2], мечта о народном общем благе, земское чувство—разновидность гражданского,—все это лишь последствия, необходимо вытекающие из того таинственного национального тяготения, которое Ключевский называет национальным чувством[3].

Таковы руководящие идеи исторического синтеза Ключевского. Основными являются, с одной стороны, народ-национальность, с другой стороны—государство, как высшее его воплощение, производными же элементами оказываются, во-первых, государственная территория с ее «естественными» границами и тесно связанные с ней явления колонизации и войны, во-вторых, государственное и народное хозяйство, причем второе — слуга первого и, наконец, в-третьих, национальное и гражданское чувство, таинственная сила, подобная «голосу крови», спаивающая все эти элементы воедино. Мы рассмотрели их взаимоотношение. Все эти руководящие идеи почерпнуты Ключевским из запасов «вечных категорий» буржуазного мышления. Их авторитет подкреплялся для него С. М. Соловьевым и Б. Н. Чичериным: они первые в русской историографии начали пользоваться в полной мере этим запасом.

III. ОБЩИЙ ХОД РУССКОЙ ИСТОРИИ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ В. О. КЛЮЧЕВСКОГО

В. О. Ключевским дана стройная периодизация русской истории. Вообще историческая периодизация—пробный камень социологии автора: в ней, как ни в чем, сказывается тот комплекс мыслей, который руководит работой, дает отдельным ее частям известный синтез.

Периодизация русской истории у Ключевского такова: с VIII по XIII в. тянется период Руси Днепровской, городовой, торговой; в этот период господствующим политическим фактом является «политическое дробление земель под руководством городов», а экономическим—«внешняя торговля с вызванными ею лесными промыслами, звероловством и

---

[1] «История сословий», с. 114. Разрядка моя—*М. Н.* «Курс», IV, с 183.
[2] «Боярская дума», с. 277, 301 и др. «Курс», III, с. 244, 264—265, 272—273.
[3] «История сословий», с. 10—11, 17 и др.

бортничеством. Второй период захватывает XIII—XV (до половины) века. Господствующий политический факт периода—удельное дробление Верхне-Волжской Руси под властью князей. Господствующим фактором экономической жизни является сельскохозяйственная, т. е. земледельческая, эксплоатация алаунского суглинка посредством вольного крестьянского труда. Это — Русь Верхне-Волжская, удельно-княжеская, вольно-земледельческая». «С половины XV до второго десятилетия XVIII в. главная масса русского населения из области верхней Волги растекается на юг и восток по донскому и средне-волжскому черноземy, образуя особую ветвь народа — Великороссию, которая вместе с населением расширяется за пределы верхнего Поволжья. Но расплываясь географически, великорусское племя впервые соединяется в одно политическое целое под властью московского государя, который правит всем государством с помощью боярской аристократии, образовавшейся из бывших удельных князей и удельных бояр. Господствующий политический факт периода—государственное об'единение Великороссии. Господствующим фактом жизни экономической остается сельскохозяйственная разработка старого верхневолжского и донского чернозема посредством вольного крестьянского труда, но его воля начинает уже стесняться по мере сосредоточения землевладения в руках служилого сословия, военного класса, вербуемого государством для внешней обороны. Это — «Русь Великая Московская, царско-боярская, военно-земледельческая».

«С начала XVII до половины XIX века русский народ распространяется по всей равнине от морей Балтийского и Белого до Черного, до Кавказского хребта, Каспия и Урала, даже проникает на юг и восток далеко за Кавказ, Каспий и Урал. Политически все почти части русской народности соединяются под одною властью. К Великороссии примыкают одна за другой Малороссия, Белоруссия и Новороссия, образуя Всероссийскую империю. Но эта собирающая всероссийская власть действует уже с помощью не боярской аристократии а военно-служилого класса, сформированного государством в предшествующий период, — дворянства. Это политическое собирание и об'единение частей русской земли и есть господствующий политический факт периода. Основным фактом экономической жизни остается земледельческий труд, окончательно ставший крепостным, к которому присоединяется обрабатывающая промышленность, фабричная и заводская. Это—период Все-

российский, императорско-дворянский, период крепостного хозяйства, земледельческого, фабрично-заводского».

В поисках «начального момента» русской истории Ключевский сначала указывает те признаки, которыми надо руководиться при его определении: «Начало истории народа должно обозначаться какими-либо... явственными, уловимыми признакам. Их надобно искать прежде всего в памяти самого народа. Первое, что запомнил о себе народ, и должно указывать путь к началу его истории. Такое воспоминание не бывает случайным, беспричинным. Народ есть население, не только совместно живущее, но и совокупно действующее, имеющее общий язык и общие судьбы. И потому в народной памяти обыкновенно надолго удерживаются события, которые впервые коснулись всего народа, в которых весь он принял участие и через это совокупное участие впервые почувствовал себя единым целым. Но такие события обыкновенно не проходят бесследно не только для народной памяти, но и для народной жизни: они выводят составные части народа из разрозненного состояния, соединяют его силы для какой-нибудь общей цели и закрепляют это соединение какой-либо связующей, для всех обязательной формой общежития. Таковы, по моему мнению, два тесно связанные между собою признака, обозначающие начало истории народа; самое раннее воспоминание его о самом себе и самая ранняя общественная форма, об'единившая его в каком-либо совокупном действии»[1]. Ясно, что основные элементы концепции вступают в свои права с самого начала русской истории, являются критерием для определения ее начала: с одной стороны—народ, как целое, как национальность, причем ясно подчеркнут момент национального самосознания, — с другой стороны—тут указана и связующая, для всех обязательная форма общежития, в которой без труда узнается государство в его первоначальном моменте развития.

Первой формой славянского об'единения, удовлетворяющей этим требованиям, Ключевский считает военный союз славян на Карпатах в VI веке. Его следы мы находим в «Повести временных лет» и более ясные—в сочинении Масуди «Золотые луга»; из сопоставления этих

---

[1] «Курс», т. I, с. 120—121. Разрядка моя—*М. Н.*

двух источников Ключевский выводит, что в VI веке у восточных славян возник на Карпатах большой военный союз под предзодительством князя дулебов. «Этот военный союз и есть факт, который можно поставить в самом начале нашей истории» [1]. Вторым же начальным фактом было расселение славян в VII в. с Карпатских предгорий по равнине [2]. В конце лекции, излагающей эти факты, национальный момент подчеркнут еще раз: резюмирован кратко весь ход выделения национальности «из этнографической массы с неопределенными племенными обликами» в определенные племена с характерными национальными особенностями [3]. Родовой быт славян был поколеблен переселением в Днепровский бассейн, род сменился двором, сложной семьей [4]. Первая местная политическая форма, сложившаяся на Руси около половины IX в.—городовая область, «т. е. торговый округ, управляемый укрепленным городом, который вместе с тем служил и промышленным средоточием для этого округа» [5]. В иных местах этой форме сопутствовала другая, именно форма варяжского княжества [6]. Основным нервом истории Киевского периода была торговля. Она определила собою целый ряд явлений этой истории как социальных, так и политических. Самая легенда о призвании князей толкуется Ключевским как позднейшее об'яснение ранее произошедшего факта военного найма отряда варягов для охраны торговых интересов от внешних врагов, особенно в IX в. начавших беспокоить жизнь Киевской Руси [7]. Киевское варяжское княжество Ключевский признает первоначальной формой русского государства [8]. Это государство имело военно-промышленное происхождение: в его образовании сыграли роль два фактора—общий интерес, экономические причины, с одной стороны, и вооруженная завоевательная сила—с другой. Необходимо подчеркнуть, что экономические причины во всей истории Киевской Руси кладутся Ключевским в основу: «Нужды и опасности

---

[1] «Курс», т. I, с. 124—126.
[2] Там же, с. 126.
[3] Там же, с 129—130.
[4] Там же, с. 136—137.
[5] Там же, с. 159—160, 148—151. Ср. «Боярская дума», с. 28 и сл.
[6] Там же. с. 163.
[7] Там же, с. 166.
[8] Там же, с. 175 и сл.

русской торговли вызвали к действию на ее защиту вооруженную силу с князем во главе».

Киевское княжество не являлось в представлении Ключевского стойкой политической формой. Киевская Русь с массой мелких княжеств не представляла собою такого материала, который сразу легко и стройно уложился бы в общую концепцию Ключевского. Но его зоркий взгляд, анализируя Киевскую Русь, нашел в ней то, к чему стремился. Утверждение, что в этот период была вызвана к существованию древнейшая форма русского государства, получило ряд новых обоснований в отделе лекций о Киевской Руси, озаглавленном: «Элементы единства» [1]. Очередной порядок с противодействовавшими ему условиями создавал или вызывал к действию ряд связей, сцеплявших части Русской земли в одно, если не политическое то бытовое земское целое» [2]. Очередь в смене князей и самая частота смен вносили много тревоги в жизнь отдельных областей: от князя, его отношения к области, знания им местных интересов, зависело слишком многое. Поэтому княжеский круговорот не давал областям слишком обособляться. Области «еще далеко не были проникнуты одним национальным духом, сознанием общих интересов, общей земской думой, но по крайней мере приучались все более думать друг о друге... Так, благодаря очередному порядку княжеского владения, создавалось общее настроение, в котором первоначально отчетливо сказывалось, может быть, только чувство общих затруднений, но которое со временем должно было переработаться в сознание взаимных связей между всеми частями Русской земли». Княжеские дружины сыграли в этом процессе об'единяющую роль: «Дружинный класс был подвижным носителем мысли о нераздельности Русской земли, о земском единстве». Третьим об'единяющим моментом был Киев, как средоточие торговли, культуры, центр всей экономической, политической и духовной жизни Руси и высший предел мечтаний передвигавшихся князей. Киевская Русь, как политическая форма, была любопытным примером «генеалогической федерации, союза областей через князей» [3]. Очередной порядок содействовал «пробуждению в русском обществе чувства земского единства, зарождению русской народности» [4], «Пробу-

[1] Лекция XII, с. 236 и сл. т. I.
[2] Там же.
[3] Там же, т. I, с. 236—250.
[4] Там же, с. 246.

ждение во всем обществе мысли о Русской земле, как о чем-то цельном, об общем земском деле, как о неизбежном, обязательном деле для всех и каждого,—это и было коренным, самым глубоким фактом времени»[1]. Народ чувствовал себя чем-то единым, и это глубоко врезалось в народную память и отлилось в понятии Русская земля, стереотипном выражении летописей. «Русская земля, механически сцепленная первыми киевскими князьями из разнородных этнографических элементов в одно политическое целое, теперь, теряя эту политическую цельность, впервые начала чувствовать себя цельным народным или земским составом»[2]. Общеземское чувство особенно ярко проявилось в «Слове о Полку Игореве».

Шовинистичность концепции Ключевского очевидна,—она упорно хочет видеть в «русской» истории—историю именно русской национальности — и только.

Причины падения Киевской Руси сводятся Ключевским к трем основным — к тяжелому экономическому и юридическому положению низших классов, княжеским усобицам и половецким нападениям, «Экономическое благосостояние Киевской Руси XI и XII века держалось на рабовладении... Уже в X—XI веках челядь составляла «главную статью русского вывоза на черноморские и волжско-каспийские рынки»[3], а княжеские усобицы, по мнению Ключевского, представляли собою не что иное как борьбу за рабочие руки[4]. Эти основные причины повели за собой экономический упадок Киевской Руси, ее запустение и передвижку массы населения в Окско-Волжский бассейн. Все следствия этого нового колонизационного сдвига «сводятся к одному скрытому коренному факту изучаемого периода: этот факт состоит в том, что русская народность завязавшаяся в первый период, в продолжение второго разорвалась надвое»[5]. Ключевский заканчивает обзор первого периода русской истории подчеркиванием основного элемента своей концепции — национальности и ее исконного, стихийного стремления к единству. По мнению

---

[1] «Курс». т. I. с. 248. Разрядка моя—*М. Н.*
[2] Там же, с. 248—249.
[3] Там же, с. 338. Разрядка моя—*М. Н.*
[4] Там же, с. 342—344.
[5] Там же, с. 360. Разрядка моя—*М. Н.*

Ключевского, этот факт предопределил собою план развития всей последующей русской истории: разорванные части национальности стремились к единству, и через века потянулась длинная цепь явлений, в конце концов приведшая к воссоединению национальности, что совершилось в четвертом периоде, последнем рассматриваемом Ключевским.

Необходимо отметить, что Киевский период русской истории связан со всеми последующими периодами не так тесно, как последующие между собою. По мнению Ключевского это происходит отчасти по той причине, что удельные века, следующие за Киевской Русью, представили собою картину падения по сравнению с нею: культура периода, развитие земского и гражданского чувства, связь отдельных территориальных единиц между собою,—все было несравненно слабее, чем в эпоху Киевской Руси. Далее же, с удельного периода, весь национально-политический процесс пойдет, постепенно повышаясь; вся та совокупность признаков, которая служит Ключевскому критерием для определения высоты исторического развития — развитие государственности, национального и гражданского чувства, интенсивность государственного хозяйства и т. д.—постепенно увеличивается и усложняется по мере приближения исторического процесса к XIX веку. Три последние периода у Ключевского тесно спаяны воедино его взглядом на развитие русского государства.

Значение удельного периода, по мнению Ключевского, не в нем самом, а в том, что из него произошло; он переработал элементы старого порядка в новый и явился типичной переходной эпохой [1].

Историческая слабость, политическая бесформенность и хозяйственная раз'единенность одного удела от другого явились благоприятным моментом для развития об'единения уделов Москвою, роста и укрепления русской государственности и национальности. Картина развития такова: колонизация верхнего волжского бассейна прежде всего имела важнейшие этнографические следствия—образование новой ветви русской народности—великорусского племени [2]. Политические же ее следствия сводились к своеобразной организации хозяйства, общества и управления, известной под именем удельного порядка. «Изучая эти политические следствия,—говорит Ключевский,—будем постоянно помнить,

[1] «Курс», т. I, с. 439.
[2] Там же. Лекция XVII.

что мы изучаем самые ранние и глубокие основы государственного порядка, который предстанет перед нами в следующем периоде»[1]. Главными признаками удельного порядка по сравнению с Киевским «очередным» являются, во-первых, изменение суб'екта права: прежде им являлся весь княжеский род, теперь—отдельный князь; передвижка князей прекращается, они становятся оседлыми в своих уделах; во-вторых, изменяется порядок владения—родовой принцип отпадает, территория считается собственностью князя и передается им по его личному усмотрению, выражаемому в завещании[2]. Удельный порядок держался на двух основаниях, — географическом и политическом: «он создан был совместным действием природы страны и ее колонизации. 1) При содействии физических особенностей верхневолжской Руси колонизация выводила здесь мелкие речные округа, уединенные друг от друга, которые и служили основанием политического деления страны, т. е. удельного ее дробления. Мелкие верхневолжские уделы XIII и XIV в.—это речные бассейны. 2) Под влиянием колонизации страны первый князь удела привыкал видеть в своем владении не готовое общество, достаточно устроенное, а пустыню, которую он заселял и устроял в общество. Понятие о князе, как о личном собственнике удела, было юридическим следствием значения князя, как заселителя и устроителя своего удела»[3]. Маленький, сравнительно, уголок Окско-Волжской Руси, на котором развился описанный порядок, приковывает к себе исключительное внимание историка, как будто бы забывающего о существовании других областей, вроде юго-западной Руси. Историк в данном случае имеет полное право поступать таким образом, потому что удельный порядок—зерно, из которого разовьется все последующее в русской истории, а историки должны, изучая весь исторический процесс страны, в общем курсе «следить только за господствующими движениями нашей истории, плыть, так сказать, ее фарватером, не уклоняясь к береговым теченьям»[4]. Существовало ли государство в удельный период? «Общество расплывалось или распадалось на мелкие местные миры; каждый уходил в свой тесный земляческий уголок, ограничи-

---

[1] «Курс», т. I, с. 392. Разрядка моя—*М. Н.*

[2] Там же. Лекция XIX.

[3] Там же, с. 534.

[4] Там же, с. 437.

вая свои помыслы и отношения узкими интересами и ближайшими соседскими или случайными связями. Государство, опирающееся на устойчивые общие интересы, на широкие общественные связи, при такой раздробленной и разлаженной жизни становится невозможным или усвояет несвойственные ему формы и приемы действия: оно также распадается на мелкие тела, в строе которых с наивным безразличием элементы государственного порядка сливаются с нормами гражданского права» [1]. Чем ярче степень сознания общего блага, тем, по мнению Ключевского, выше форма государственного развития. Анализ этого сознания легко провести на верховном представителе власти, в данном случае на удельном князе, применяя к нему, как высшую мерку, понятие о государе. Степень политического сознания правителя в удельной Руси оказывается ниже Киевской: «Политическое значение государя определяется степенью, в какой он пользуется своими верховными правами для достижения цели общего блага, для охраны общих интересов и общественного порядка. Значение князя в старой Киевской Руси определялось преимущественно тем, что он был прежде всего охранителем внешней безопасности Русской земли, вооруженным стражем ее границ. Достаточно бросить беглый взгляд на общественные отношения в удельных княжествах, чтобы видеть, что удельный князь имел иное значение. Как скоро в обществе исчезает понятие об общем благе, в умах гаснет и мысль о государе, как общеобязательной власти, а в уделе такому понятию даже не к чему было прикрепиться» [2]. Удельный порядок был причиной упадка земского сознания и нравственно-гражданского чувства в князьях, как и в обществе, и гасил мысль о единстве и цельности Русской земли, об общем народном благе. «Из пошехонского или ухтомского миросозерцания разве легко было подняться до мысли о Русской земле Владимира св. и Ярослава Старого!» [3]. Все эти стороны удельного порядка, характеризовавшие его политическую примитивность и низкую степень политического сознания общества и его правителей, сыграли положительную роль в развитии русской государственности, так как подготовили благоприятные условия для последующего политического об'единения. Значение удельного

---

1 «Курс», т. I, с. 438. Разрядка моя—*М. Н.*

2 Там же, с. 443, ср. 446.

3 Там же, 458. Ср. формулу на с. 459.

порядка сводится к тому, что «он своими последствиями облегчил собственное разрушение» [1].

Это разрушение и переход к высшей форме политического бытия были возможны лишь потому, что национальное сознание и чувство народного единства, зародившееся еще в Киевской Руси, не умерло и не заглохло в удельный период: «уделы не были замкнутыми политическими мирами с устойчивыми, неприкосновенными границами, суживались и расширялись, представлялись случайными частями какого-то разбитого, но еще не забытого целого» [2]. Единство русской земли перестало быть политическим фактом, но «все еще оставалось народным воспоминанием или ощущением» [3]. Вся совокупность этих явлений дала возможность удельному порядку стать переходной политической формой, посредством которой Русская земля от единства национального перешла к единству политическому [4]. Главную роль в этом переходе сыграло Московское удельное княжество. Процесс собирания Руси около Москвы носит в изображении Ключевского все типические признаки его общей исторической концепции. Выгодное географическое положение Москвы дало в руки московскому князю много материальных средств, а младшинство его в княжеской генеалогической лествице заставляло его больно чувствовать свою обделенность, обиду и через это дало ему возможность в своих разнообразных приемах территориального расширения не считаться с родственными чувствами и голосом крови [5]. Расширение территории Московского удела в этот период стало возможным на двойной основе—генеалогической и экономической [6]. Приобретение великокняжеского стола дало московскому князю центральное положение, а его умелая политика управления приучила смотреть население на него, как на сильного защитника от татарских обид и охранителя порядка, тишины, в которых все так нуждались. «Московский князь, став великим, первый начал выводить северную Русь из состояния политического раздробления, в какое привел ее удельный порядок» [7]. Кроме того,

1 «Курс», т. I, с. 459—460.
2 Там же, с. 444. Разрядка моя—*М. Н.*
3 Там же.
4 Там же, с. 460.
5 Там же, т. II, с. 5—15.
6 Там же, с. 15—20.
7 Там же, с. 23.

роль московского князя в московском союзе князей, сначала имевшем лишь цель финансового удобства в уплате татарам дани, подготовила следующую важнейшую ступень в эволюции власти московского князя: победа на Куликовом поле сообщила ему роль национального вождя [1]. Это значение было подчеркнуто и усилено тем фактом, что митрополичья кафедра была перенесена в Москву, и этим как бы освятила каждое правительственное мероприятие князя [2]: «сочувствие церковного общества, может быть, всего более помогло московскому князю укрепить за собою национальное и нравственное значение Северной Руси [3]. Весь этот процесс совершился на основе факта преобладания старшего удельного князя над младшим. Это явление, разрушившее удельный порядок, вышло из его основ. Фактические отношения князей, скрытые за несоответствующей действительности и неповоротливой канцелярской формой их договорных грамот, были таковы, что обусловливали их зависимость от старшего. Эта зависимость была не юридической, а фактической: князья — завещатели, давая старшему сыну больше материальных средств, тем самым давали больше фактических возможностей. Удельное общество, страдавшее от татарского ига, испытывало может быть смутную, но глубокую потребность в национальном вожде, вокруг которого могли бы сосредоточиться «политические помыслы и народные интересы всего северно-русского населения» [4]. Этой скрытой потребности и шли навстречу два рассмотренные процесса—территориального расширения и собирания «элементов верховной власти в лице старшего из московских князей» [5].

Вся новгородская история, закончившаяся падением Новгорода и его присоединением к растущей московской территории, рассматривается Ключевским с точки зрения только что указанных процессов. История Новгорода поэтому не является обособленной, а тесно связывается с общим ходом русской истории. Падение Новгорода произошло не в силу его внутренних, местных причин, а в силу коренного, основного национального процесса русской истории; Новгород пал бы и в том случае, если бы в нем, например, не было усобиц: «участь воль-

---

1 «Курс», т. II, с. 22—25.
2 Там же, с. 25—29.
3 Там же, с. 28.
4 Там же, с. 56.
5 Там же, с. 51.

ного города была решена не местными условиями, а более общей причиной, более широким и гнетущим историческим процессом. Я указываю на этот процесс, заканчивая историю Московского княжества в удельные века. К половине XV в. образование великорусской народности уже завершилось, ей недоставало только единства политического. Эта народность должна была бороться за свое существование на востоке, на юге и на западе. Она искала политического центра, около которого могла бы собрать свои силы для этой тяжелой и опасной борьбы. Мы видели, как таким центром сделалась Москва, как удельные династические стремления московских князей встретились с политическими потребностями всего великорусского населения. Эта встреча решила участь не только Новгорода-Великого, но и других самостоятельных политических миров, какие еще оставались на Руси к половине XV в. Уничтожение особности земских частей независимо от их политической формы было жертвой, которой требовало общее благо земли, теперь становившейся строго централизованным и однообразно устроенным государством, и московский государь явился исполнителем этого требования. А Новгород, по основам своего народного быта — органическая часть Великороссии, жил отдельной от нее жизнью и хотел продолжать так жить, не разделяя ее интересов и тягостей» [1].

Чем ближе мы к концу исторического процесса, чем ближе мы к осуществлению идеального, в глазах Ключевского, национального правового государства, тем большее количество нарастающих благоприятных признаков роста государственности и развития национального чувства мы можем констатировать. Третий период русской истории, захватывающий эпоху со второй половины XV в. по второе десятилетие XVII в., особенно строен в изложении Ключевского. Основным фактом этого периода является политическое об'единение Великороссии. Московское княжество «вобрало в себя целую народность» [2], стало единым и потому национальным: «его границы совпадают с пределами великорусской народности. Прежние народные сочувствия, тянувшие Великую Русь к Москве, теперь превратились в политические связи. Вот тот основной факт, от которого пошли остальные яв-

[1] «Курс», т. II, с. 129. Разрядка моя — *М. Н.*

[2] Там же, с. 144.

ления, наполняющие нашу историю XV — XVI в. Можно так выразить этот факт: завершение территориального собирания северовосточной Руси Москвой превратило Московское княжество в национальное великорусское государство и, таким образом, сообщило великому князю московскому значение национального великорусского государя. Если вы припомните главные явления нашей истории XV и XVI вв., вы увидите, что внешнее и внутреннее положение Московского государства в это время слагается из последствий этого основного факта»[1]. Весь исторический процесс третьего периода русской истории двигался, по мнению Ключевского, двумя факторами: московским государством и московским государем, правившим этим государством: «Вот главные действующие силы, которые в продолжение полутораста лет этого периода ставят Русскую землю в новое положение»[2]. Первым крупным следствием этого основного факта является перемена во внешнем положении России и вследствие этого в ее внешней политике: вобрав в себя мелкие русские княжества, русское государство стало лицом к лицу с иностранными государствами; русская внешняя политика выходит на широкую дорогу общения с Польшей, Литвой, Швецией, Тевтонским и Ливонским орденами, германским императором[3]. Этот факт ускоряет и углубляет сознание своей национальности русским народом, пробуждает в нем идею национального государства[4]. Ключевский считает, что здесь налицо редкий в истории случай «прямого участия идей в образовании фактов»[5]. Национальное чувство заставляет народ стремиться к политическому единству на национальной основе и осознавать это стремление. Оно же, в свою очередь, порождено тем, что Москва явилась сторожевым постом и центральным военным пунктом. Вопрос о защите национального населения, являющийся в то же время вопросом о защите национальной территории, соединяет около Москвы все местные миры. «Прежние вой-

---

[1] «Курс», т. II, с. 144—145. Первая и последняя разрядка моя, вторая Ключевского—*М. Н.*

[2] Там же, с. 134.

[3] Там же, с. 145.

[4] Там же, с. 146.

[5] Там же.

ны Москвы—усобицы русских князей; теперь—это борьба народов»[1]. Один из элементов общей исторической концепции, война, начинает с третьего периода русской истории играть особо важную роль[2]. Внутренними следствиями основного факта третьего периода явился, прежде всего, ряд изменений в формах проявления верховной власти и ее обстановке, в связи с национальным престижем. Московский государь и его окружающие проявляют эту национальную идею во внешнем ритуале, в более пышной обстановке, костюмах, гербах, новых титулах. Женитьба на Софье Палеолог, племяннице последнего византийского императора, еще более подчеркивает величие власти, которая возводит себя к Рюрику, окутывается легендой о Владимире Мономахе, византийском наследстве и наконец, естественно, рождает идею божественного происхождения власти. Но политическое сознание еще не было особенно сильным, удельные традиции еще жили в психике правителей и общества, поэтому верховная власть того времени носит в себе внутреннее противоречие — совмещение вотчинных привычек с государственной национальной политикой[3]. «В Москве заявляли притязание на всю Русскую землю, как на цельный народ, во имя государственного начала, а обладать ею хотели, как отчиной, на частном удельном праве»[4]. Это противоречие, во-первых, дало направление борьбе царя с боярством и вызвало к жизни опричину, во-вторых, подготовило Смуту. Остановимся на первой. Основной факт периода, политическое об'единение Великороссии, изменило состав и настроение правящего класса боярства[5]. К половине XV века около московского князя насчитывается лишь до сорока боярских фамилий; они плотно группируются около него и имеют характер случайных вольных советников и соратников. С половины XV в. количество их необыкновенно быстро возрастает до 200 фамилий. Об'яснение ясно: эта прибавившаяся знать представляет собою, главным образом, титулованных удельных князей, потерявших свои уделы и подавивших собою московское боярство. Борьба между слоями этой знати выливается в явлении местничества. Было

---

[1] «Курс», т. II, с. 147. Ср. «Боярскую думу», с. 520 и сл. и «Историю сословий», с. 120 и сл.

[2] Там же, с. 148—150.

[3] Там же. Лекция XVI.

[4] Там же, с. 162.

[5] Там же. Лекция XXVII.

необходимо принять известный родословный распорядок, расположить разнохарактерную массу знати при дворе московского князя по родословной лествице. Высота положения на этой лествице обусловливалась знатностью, высотой служебного положения до момента перехода на службу к московскому великому князю и сравнительным значением княжеских дворов, с которых пришли бояре. Эти основания породили ряд местнических правил. По существу своему местничество было явлением консервативным, пережитком удельного времени, сильно тормозившим ход развития национального единодержавного государства. Эта тормозящая роль усугублялась настроением боярства и его политическим миросозерцанием: в нем еще были слишком живы удельные предания и воспоминания о своей бывшей власти. К абсолютистскому стремлению московских правителей бывшее удельное княжье, конечно, относилось отрицательно и смотрело на себя, как на законных соправителей московского государя,—соправителей по праву, а не по милости. Переписка Грозного с кн. Курбским показывает, по мнению Ключевского, что обе стороны спорили не о том, как править государством, а кому править. У обеих сторон отсутствует практически разработанная политика. Это — столкновение настроений, а не политик. Ключевский остроумно передает суть знаменитой переписки в таких словах. «За что ты бьешь нас, верных слуг твоих?»—спрашивает Курбский. «Нет, — отвечает ему царь Иван, — русские самодержцы изначала сами владеют своими царствами, а не бояре и вельможи» [1]. Это основное противоречие и непонимание особенно ясно вскрывается при опричине [2]. Самый термин по своему происхождению принадлежит удельной эпохе, и Иван Грозный смотрит на опричину как на свой удел, завещая, например, опричину младшему сыну, а земщину старшему и ездит как простой удельный князь на поклон к стоящему во главе земщины Симеону Бекбулатовичу. Все это явилось следствием противоречия в строе государства: оно представляло собою абсолютную монархию, но с аристократическим управлением; характер власти не соответствовал свойству правительственных орудий, которыми она должна бы действовать; это противоречие повело к опричине: не умея поладить, обе власти, государь и боярство, пытались разделиться [3]. Но опричина бы-

[1] «Курс», т. II, с. 218.
[2] Там же. Лекция XXIX.
[3] Ср. „Боярскую думу", с. 346 и сл.

ла бесцельна, так как проявила себя как борьбу против личностей, а не против класса. Она явилась результатом ошибочной оценки, данной Грозным боярству: его роль в действительности не была страшна, — боярство уже не имело политической силы, изнемогало во внутренних раздорах, не имело сословной организации и почвы в народе. Современники в своих оценках правильно прозревали связь опричины со Смутой: оба явления вышли из одного источника.

Политическое значение боярства, кроме правительственной деятельности, тесно связывалось с его военной службой. Рассмотрение боярства как служилого класса, и важнейшего явления эпохи, поместной системы, теснейшим образом связано у Ключевского с его общей концепцией. «Набор многочисленного служилого класса со всеми своими последствиями был тесно связан с тем же основным фактом, из которого вышли уже изученные нами явления тех веков, т. е. с территориальным расширением Московского государства» [1]. Это территориальное расширение вызывало массовые войны для защиты и расширения территории, главным образом со Швецией, Ливонией и Литвой-Польшей. Из 103 лет истории 50 заняты войной. Кроме того, та же защита территории вызвала тяжелую борьбу с южными кочевниками, которая легла главным образом на плечи того же служилого класса [2]. Необходимость материально устроить служилый класс привела к поместной системе, особому порядку землевладения, обязанного ратной службой, установившемуся в Московском государстве XV и XVI вв. [3]. Поместная система—явление огромной важности и причина многих серьезных исторических изменений. «В нашей истории очень немного фактов, которые производили бы более глубокий переворот как в политическом складе, так и в хозяйственном быту общества» [4]. Ключевский подробно рассматривает важнейшие из них,—прежде всего весь аграрный процесс, мобилизацию вотчин, сближение вотчины и поместья, аграрное законодательство и социальные следствия—развитие класса частных земельных собственников, широкое развитие уездных дворянских обществ и участие дворянства в местном управлении, появление служилого землевладельческого «пролетариата», подрыв поместной системы, развитие города, го-

---

[1] «Курс», т. II, с. 267.
[2] Лекция XXXI.
[3] Лекция XXXII.
[4] Там же, с. 294.

родской промышленности и посадского класса и, наконец, подготовку поместной системой радикальной перемены в положении крестьян—их закрепощения.

Поместная система и ее развитие влечет за собой большой исторический вопрос о монастырях и их землевладении. Рост поместной системы требовал от государства новых удобных для испомещения земель, между тем, источник их, особенно в центре, иссяк. Большая часть центральных земель принадлежала монастырям. «В изучаемый нами период, когда устанавливалась поместная система, особенно успешно развивалось в Московской Руси землевладение монастырское, создавая государству своими успехами большие затруднения в деле обеспечения военно-служилого класса» [1]. Пред описанием столкновения государства и церкви по вопросу о земле Ключевский дает подробный и ясно построенный очерк истории русского монастыря. В Киевской Руси монастыри шли за общим потоком русской жизни, а не вели ее за собою; они группировались около старейших торговых и общественных центров; «почти все эти монастыри ютятся внутри городов или жмутся к их стенам, не уходя от них далеко в степную или лесную глушь» [2]. В последующие периоды случилось обратное,—монастыри повели за собою крестьянское колонизационное движение и поэтому сыграли огромную роль в общем процессе русской колонизации. Но крупные правительственные пожалования, вклады по душе, вклады для пострижения и, наконец, большие земельные покупки сделали из скромной земледельческой общины, какой сначала был монастырь, богатого земельного собственника. Государство, нуждавшееся в землях, почувствовало в лице монастыря прямого соперника. В результате произошло известное столкновение между теми и другими, спор о монастырских вотчинах, живая литературная полемика и ряд законодательных правительственных мер, имевших целью остановить рост монастырского землевладения [3].

Монастырское землевладение было тесно связано с подготовкой крепостного права [4]. Эта связь состояла в том, что рост первого обусловил, во-первых, большую податную тяжесть, легшую на крестьян, так как монастырские земли были льготными, и правитель-

---

[1] Лекция XXXIV.
[2] «Курс», т. II, с. 317.
[3] Там же. Лекция XXXV.
[4] Лекция XXXVI.

ство, теряя часть служилой земли, отходившей к монастырю, раскладывало недостающие подати на оставшееся крестьянское население, а, во-вторых, постепенное стеснение права перехода крестьян, стремившихся уйти с поместных боярских земель на монастырские, более льготные. «Все, что государственное хозяйство теряло на монастырском землевладении, ему приходилось выручать на крестьянском труде, усиливая его податное напряжение» [1]. Сводя в одно все черты, характеризующие положение крестьянина в XVI веке, подробно рассмотренное после монастырского землевладения, Ключевский говорит следующее: «Это был в большинстве малоземельный и малоусидчивый хлебопашец, весьма задолженный, в хозяйстве которого все, и двор, и инвентарь, и участок, было наемное или заемное, который обстраивался и работал с помощью чужого капитала, платя за него личным трудом, и который под гнетом повинностей склонен был сокращать, а не расширять свою дорого оплачиваемую запашку» [2]. Крепостное же право не было установлено законодательством до самого конца третьего периода [3]: его юридическим началом было внесение в крестьянскую порядную запись личного отказа крестьянина от права прекращения принимаемых на себя обязательств [4]. Изучая затем [5] управление Московского государства XV — XVI вв. и его основную черту—спутанность, сложность, зависимость от требований текущей минуты, отсутствие строгого плана и ярко выраженных интересов общественных групп, Ключевский тесно связывает это изучение с общей структурой своего университетского курса: внешние войны и рост территории требовали величайшего напряжения народных сил, а это чрезмерное материальное напряжение «оставляло слишком мало простора для развития духовных интересов, давило общественную мысль, мешая ей уяснить себе новые задачи, какие становились перед формировавшимся национальным государством. И мы видели, как, по вине внешних затруднений и внутренней нравственной косности, случайно, робко, нередко противоречиво разрешались возникавшие вопросы общественного благоустройства... Все эти затруднения не могли не

---

1 «Курс», т. II, с. 372.
2 Там же, с. 399.
3 Лекция XXXVII.
4 Там же, с. 425.
5 Лекция XXVIII.

отразиться на устройстве государственного управления»[1]. Следующий вопрос, к которому переходит Ключевский[2], не менее тесно связан с его основной мыслью: отмена кормлений, введение губного управления, земская реформа были вызваны общим ходом дел, силою вещей, тем фактом, что «с половины XV в. в Московском государстве оно (центральное управление —*М. Н.*) постепенно выходит из тесной сферы княжеского дворцового хозяйства и приноравливается к потребностям общегосударственным, усвояет задачи общенародного блага»[3]. Местное управление было крайне раздробленным, и правительство, нуждаясь в более подробных сведениях с мест, которые не доходили до него в виду этой дробности, восполнило этот недостаток земскими соборами[4]. Ключевский смотрит на земский собор, как на «совещание правительства с собственными агентами»[5]; по своему происхождению земский собор является расширенной в своем составе Боярской думой, и это расширение совершено по потребности правительства обращаться с представителями местных миров. Их значение громадно в чисто национальном смысле: «Только на соборе Великороссия могла сознать себя цельным государством»[6]. Ответственность членов земского собора, выбранных с мест, «скрепленная соборным крестоцелованием, сближала центральное правительство с местным самоуправлением общностью основного начала: это была ответственность перед государством,—принцип новой, введенной в местное управление при Грозном взамен прежней, ответственности гражданской, какой подлежали кормленщики по жалобам обиженных»[7].

Одним словом, Московское государство, зародившееся в XIV в. под гнетом внешнего ига, строившееся и расширявшееся в XV и XVI вв. среди упорной борьбы за свое существование на западе, юге и юго-востоке[8], имело три существенные особенности своего склада:

---

1 «Курс», т. II, с. 426—427.
2 Лекция XXXIX.
3 Там же, с. 453. Разрядка моя—*М. Н.*
4 Лекция XI.
5 Там же, с. 494.
6 Там же, с. 510.
7 Там же, с. 503.—*М. Н.*
8 Там же, с. 514.

во-первых, отличалось ясно выраженным боевым строем: «Московское государство—это вооруженная Великороссия, боровшаяся на два фронта, на западе за национальное единство, на юго-востоке за христианскую цивилизацию, там и здесь — за свое существование»[1]. «Вторую особенность составляет тягловый, неправовой характер внутреннего управления и общественного состава с резко обособлявшимися сословиями... Сословия различались не правами, а повинностями, между ними распределенными. Каждый обязан был или оборонять государство или работать на государство, т. е. кормить тех, кто его обороняет... Третьей особенностью Московского государственного порядка была верховная власть с неопределенным, т. е. неограниченным, пространством действия и с нерешенным вопросом об отношении к собственным органам...[2]

Смута, открывающая собою изложение четвертого периода, имеет своим глубочайшим основанием смещение вотчинного и государственного начал во взгляде на государство. Этот вотчинно-династический взгляд на государство и произвел смуту, замешательство народа, оставшегося без хозяина и не сразу почувствовавшего себя хозяином государства[3]. Весь дальнейший ход событий синтезируется Ключевским в два параллельных процесса, идущих через весь четвертый период: 1) до половины XIX века внешнее территориальное расширение государства идет в обратно-пропорциональном отношении к развитию внутренней свободы народа; 2) политическое положение трудящихся классов устанавливается в обратно-пропорциональном отношении к экономической производительности их труда[4]. Эти два процесса вскрывают перед нами отношения государства и общества: чрезмерное развитие первого поглощает все силы последнего и истощает его; поэтому основным источником всех противоречий периода было «неестественное отношение внешней политики

---

1 «Курс», т. II.
2 Там же, с. 514—515. Ср. «Боярскую думу».
3 «Курс», т. III, с. 61—64, 71—72.
4 Там же, с. 4—5.

государства к внутреннему росту народа»[1]. Государство требовало разнообразнейших средств для своего существования: оно приняло от общества жертву компетенцией земских учреждений[2]; сложность и трудность внешнего положения государства после Смуты, осложнив государственное хозяйство, заставило правительство целым рядом мер коренным образом изменить социальную структуру, вести крестьян к постепенному закрепощению[3], отягощать их непомерными прямыми и косвенными налогами, сбивать в сословия промежуточные, внесословные слои общества, разобщать сословия, гасить в них этим разобщением земскую мысль[4], наконец, исчерпав все народные средства и все же не удовлетворив этим государственных потребностей, обратиться к западу и его силам, почерпнуть в западном подражании недостающие государству средства для содержания, заплатив за это дорогой ценою раскола, разрыва с церковью и с частью общества. Всем руководили финансовые нужды, а ими, в свою очередь, руководила внешняя политика, война. Это положение вещей достигло высочайшего напряжения и самого яркого выражения в петровскую эпоху. Все задачи внутренней политики Петра, весь план его реформ был продиктован Петру задачами внешней политики и войной. Эти задачи сводились к двум: «Во-первых, надо было довершить политическое об'единение русского народа, едва не половина которого находилась еще за пределами русского государства; во-вторых, предстояло исправить границы государственной территории, которые с иных сторон, именно с южной и западной, были слишком открыты для нападения»[5]. Основным двигателем реформы была война, основной целью—государственное казначейство, к этому сводилось все. Эпоха преемников Петра показывает, как пала государственность за 37 лет, занимаемых этой эпохой, как померкла идея общего блага и как не выполненные, но поставленные преобразователем задачи остались неразрешенными[6]. Задача правового устроения сословий не далась и правительству Екатерины II: обязанное своим существованием

---

1 «Курс», т. III, с. 10.
2 Лекция XVIII.
3 Лекция XIX.
4 Лекция XXI.
5 Там же, т. IV, с. 63.
6 Лекция XIX—XXIV.

лишь одному классу, дворянству, оно тщетно старалось придать вид забот об общем благе своим реформам в пользу этого класса [1].

Мы проследили весь ход основных мыслей Ключевского по всем четырем периодам русской истории и пришли к ее «концу», т. е. к началу XIX в.: дальше этой грани Ключевский не вел своего изложения, тут, собственно, и кончалась его огромная эрудиция. Добавим, что и по воспоминаниям сына, Ключевский никогда специально не занимался XIX веком.

Каждый раз, как Ключевский начинает говорить о каком-либо правительственном мероприятии, о проявлении власти государства, в нем почти исчезает «спокойный» историк-исследователь и появляется критикующий политик. Это впечатление все более усиливается по мере того, как чтение его трудов подвигается от древних периодов русской истории к более близким к нашему времени эпохам. Раз факт критики перед нами налицо, то не менее ясно и существование известной нормы, являющейся обязательным и идеальным понятием по воззрению критикующего. Каждый пример такой политической критики Ключевского дает нам возможность вскрыть ряд признаков, характеризующий его политический идеал, уже установленный нами в общих чертах на предыдущих страницах. Изложенное выше дает возможность еще ярче подчеркнуть особенности его политических взглядов. Затягивая узел крестьянской крепостной неволи, говорит Ключевский, «законодательство руководилось не чувством справедливости, даже не расчетом общей пользы, а соображением возможности, создавало не право, а только временное положение» [2]. Несмотря на весь соблазн видеть в земских соборах народное представительное собрание, Ключевский не может этого сделать, так как действительность этому не соответствовала, но он описывает эту действительность сравнительно с мыслимым типом идеального представительного собрания, с исторической нормой сравнения: «Законодательный авторитет падал на собор заимствованным светом, не был ничем обеспечен, служил не признанием народной воли, как политической силы, а только милостивым и временным расширением власти на подданных, не умалявшим ее полноты, да кстати и ослаблявшим ее ответственность в случае неудачи. Это была подачка, а не уступка. От-

[1] Лекции LXXVI—LXXXVIII (т. V).

[2] «Курс», т. III, с. 235—236. Разрядка моя—*М. Н.*

сюда видимые несообразности собора. Есть выборы, избиратели и выборные, вопросы правительства и ответы представителей, совещания, подача мнений и приговоры,—словом есть представительная процедура, но нет политических определений, не устанавливается даже порядок деятельности, не определяются ни сроки созыва соборов, ни их однообразный состав и компетенция, ни отношения к высшим правительственным учреждениям формы являются без норм, полномочия без прав и обеспечений, а между тем налицо есть поводы и побуждения, которыми обыкновенно вызываются и нормы и обеспечения, только поводы остаются без последствий, побуждения без действия» [1]. Эти и другие многочисленные места дают много материала для характеристики того государственного строя, который служит Ключевскому нормой и дает возможность оценок существующего. Законодательство должно руководиться справедливостью, целями общего блага, земские сборы — недоразвившаяся политическая форма, что устанавливается ее сравнением с развитой формой.

Народное правовое государство не нашло своего воплощения ни в одном из периодов русской истории. Оно полагается Ключевским вне исторического процесса, в историческом будущем, как цель, к которой этот процесс идет. Ключевский прилагает свою любимую норму к группам учреждений каждого периода, с горечью констатирует отсутствие совпадения и с радостью следит за самыми незначительными признаками улучшения: «Роковые условия русской жизни, для противодействия которым были созываемы земские соборы, затрут их и надолго заглушат мысль, пытавшуюся в них укрепиться,—мысль об установлении постоянного, законом нормированного притока здоровых общественных сил в состав правящего класса, ежеминутно стремящегося у нас превратиться в замкнутую от народа касту, в чужеядное растение, обвивающее народное тело» [2]. Московские государственные умы еще не были готовы к тому, чтобы вести государственные дела согласно с задачами государства, «в целях народного блага» [3]. Время идет, сменяются исторические эпохи а желанная цель все еще не сбывается; минул московский период, наступил все-

[1] «Курс», т. III, с. 258—259. Разрядка моя—*М. Н.*

[2] Там же, т. II, с. 512—513.

[3] Там же, т. III, с. 15.

российский, но и для преемников Петра слишком была трудна идея представительства народных интересов [1]. Но все же Петр I своими понятиями и стремлениями «близко подошел к идее правового государства» [2]. Читая известный манифест Екатерины II, данный 6 июля, мы «чувствуем,—говорит Ключевский,—что стоим на каком-то важном переломе русской жизни. Он сулил нечто новое или дотоле неудававшееся, именно закономерное государство. Оглянемся назад, чтобы видеть, как мало такое государство было подготовлено, как мысль о нем, вспыхивая по временам, скоро гасла» [3]. Данный далее обзор развития государства с удельных времен по эпоху петровых преемников включительно, приводит Ключевского к характерному выводу: «Правовое народное государство было еще впереди и не близко» [4]. Какой пессимизм звучит в этом «не близко» и какая оптимистическая уверенность в этом «было еще впереди». Процесс этот трудно и медленно, но неизменно идет вперед. в начале XIX в. правительство принимает меры для уравнения сословий и подготовки их «к совместной государственной деятельности» [5], «несправедливость» преобладания одного сословия над другими стала уже ясна общественному сознанию [6].

В этом отделе мы рассмотрели общий взгляд Ключевского на развитие русского исторического процесса. Мы видим, что все периоды истории тесно спаяны у него единой обобщающей социологической мыслью. Все движение русской истории идет к будущей, прозреваемой Ключевским цели правового государства, форме общественного существования служащей целью процесса, которая еще не есть, но непреложно имеет быть. Ключевский—историк «несбывшегося» правового национального государства. Редко кто из буржуазных историков сумел так отчетливо отразить в своей концепции идеалы классового соглашательства. Ни один из них не сумел, с другой стороны облечь свою шовинистическую концепцию в столь художественную форму. Страх перед

---

[1] «Курс», т. IV. с. 378.

[2] Там же, т. IV. с. 475. Характерно, что в тексте стоит: «правового» государства, но в опечатках исправлено: на «правомерного».

[3] Там же. с. 374. Разрядка моя—*М. Н.*

[4] Там же. с. 478. Разрядка моя—*М. Н.*

[5] Там же, т. V, с. 152, 163.

[6] Там же, с. 154.

нарастающей революцией эмоционально окрашивал эту концепцию согласования классовых интересов,—Ключевский искренно хотел того, о чем говорил. Но историческая действительность кричала против схемы, нарастала революция, а вместе с ней и внутренний кризис исследователя. В 1905 году внутренняя трагедия Ключевского, очевидно, была особо остра: предсказать «падение» династии Романовых на четвертый день после 9 января, очевидно, было ему не так легко. Но у Ключевского не нашлось ни смелости, ни сил порвать с воспитавшей его классовой средой, разбить концепцию, ложность которой он осознал, и начать творить заново. Концепция продолжала жить «по инерции», а через шесть лет автора концепции уже не стало.

IV. ВНУТРЕННИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ В. О. КЛЮЧЕВСКОГО.

Схема Ключевского дает ему рамки для распределения исторического материала, сообщает известную стройность его историческим группировкам, соединяет в одно целое периоды русской истории, но она не вытекает непосредственно из исследуемого Ключевским материала, она не спаяна с ним органически. Одной из причин кстати является и то, что эта схема не принадлежит всецело Ключевскому, он не является всецело ее автором. Он унаследовал ее элементы от прошлого русской исторической науки. Эта схема—порождение исторического идеализма, насквозь пропитана им в своих логических основаниях и покоится на типичных «незыблемых» буржуазных категориях—«общем благе», «национальном чувстве» и т. д. Но есть у Ключевского новые приемы, новые, часто материалистические освещения частных исторических вопросов при общей верности старой схеме. Ее, эту схему, иногда забываешь, читая работы Ключевского и вдруг внезапно она напоминает о себе в общей сводке отдела. Особенно разительно это, например, в описании Смуты или в описании новгородской истории: чисто материалистическое построение всего отдела, и вдруг—чисто идеалистическая связка с последующими моментами, в роде разрыва народности и мистического тяготения к единству или, во втором случае, того же тяготения к необходимости достижения «естественных» границ национального об'единения.

Схема исторического процесса у Ключевского необычайно ясна и определенна,—каждый период истории, каждое подведение итогов,

каждая сводка добытых исследованием результатов насыщены ее признаками. И все-таки изучающий далеко не сразу нападает на нее. Это происходит потому, что она не отразилась с достаточной полнотой в социологических обобщениях Ключевского. Мы напрасно стали бы искать ее во вводных лекциях к «Курсу», к «Истории сословий», или во вступлении к «Боярской думе»: ее там нет. Своя философия истории не была ясно осознана Ключевским, он был плохим теоретиком-социологом. Его исследовательская мысль все время рвалась между двумя противоположными направлениями: вперед или назад. Величайшая осторожность в историческом исследовании у него часто переходит в полное отсутствие смелости и боязнь новшеств. Приверженность к старым историческим схемам заставляла его изживать их в целом, но властные запросы настоящей науки требовали отказа от них. Ключевский не сумел от них отказаться, не сумел почувствовать новых требований исторической мысли; поэтому часто при заполнении старых схем он руководствуется совсем не старыми приемами. Он многое предчувствовал, но все-таки не решил пойти по какому-нибудь новому пути, а старый путь уже перестал удовлетворять его тонкое историческое чутье. Ключевский остался стоять на перекрестке. Он—двуликий Янус, глядящий в разные стороны. В общем ходе развития русской исторической мысли ему досталась тяжелая и неблагодарная роль промежуточного звена. Вот к этой «двуликости» мы попытаемся сейчас подойти. Основная задача последующих страниц—исследовать те приемы, какими Ключевский заполняет свою не совсем им осознанную историческую схему, вскрыть тот глубокий внутренний разлад, который переживал Ключевский, как историк, прикованный к старому и ловящий признаки нового.

Едва ли что может быть определеннее впечатления неясности и спутанности, какое выносит читатель из чтения теоретических глав работ Ключевского. Если бы характерные черты этой путаницы и философской чересполосицы были основными признаками фактических его исследований, то Ключевский никогда бы не приобрел своей научной репутации. Между страницами социологии и томами исследовательского текста, к счастью, нет согласованности. Общий вывод из чтения первых колеблется между двумя формулировками. То Ключевский кажется человеком, безнадежно пораженным сложностью и многообразием исторического процесса и отказавшимся философствовать

там, где он ничего не понимает: клубок исторических отношений так спутан, что невозможно найти кончика нити, за которую можно было бы его распутать. Отсюда—философия истории, представляющая собою отказ от всякой философии. То, наоборот, кажется, что у Ключевского дело просто не дошло до философии истории: просто он, искусно скомбинировав слова, термины и фразы из них, прикрыл ими пустоту своего философского миросозерцания и породил иллюзию словесного об'яснения, не имеющего под собою реальных фактов и их соотношений.

В классификации исторических явлений Ключевским даны две крупные группировки: силы общежития и элементы общежития. Силами являются личность, людское общество и природа страны. «Элементы общежития — это либо свойства и потребности нашей природы, физической и духовной, либо стремления и цели, какие рождаются из этих свойств и потребностей при участии внешней природы и других людей, т. е. общества, либо, наконец отношения, какие возникают между людьми из их целей и стремлений» [1]. Эти элементы делятся на физиологические, экономические юридические, политические и духовные. Исторические силы строят людское общежитие [2], из элементов же оно складывается. Оставим в стороне вопрос, насколько данная классификация ясна и перейдем к вопросу о сути исторического процесса. Каждому народу дано в удел развить особенно ту или иную сторону человеческой природы. Принимая эту ослабленную гегельянскую схему, Ключевский ее не мотивирует детально, ограничиваясь лишь широким и туманным указанием что так всегда бывает... по условиям земного бытия: «...Но по условиям своего земного бытия человеческая природа как в отдельных лицах, так и в целых народах, раскрывается не вся вдруг, целиком, а частично и прерывисто, подчиняясь обстоятельствам места и времени По этим условиям отдельные народы, принимавшие наиболее видное участие в историческом процессе, особенно ярко проявляли ту или другую силу человеческой природы» [3]. Правда, Ключевский делает еще одно смягчение гегельянской теории—в судьбе народов, в их историческом выявлении не было ничего рокового, заранее предопределенного. Но в учении о народах, как об исторических личностях, он опять становится на почву гегельянских утверждений: «В государ-

[1] «Курс», т. I, с. 11—12.
[2] Там же, с. 11.
[3] Там же, с. 7.

стве народ становится не только политической, но и исторической личностью с более или менее ясно выраженным национальным характером и сознанием своего мирового значения»[1]. Цель своего курса Ключевский считает достигнутой, если слушатели вынесут из него хотя в общих очертаниях «образ русского народа как исторической личности»[2]. Каждый народ имеет ряд особенностей внутренних, постоянных и раз навсегда данных, но тайна исторического процесса не в этих особенностях, или, «по крайней мере, не исключительно в них самих, а в тех многообразных и изменчивых счастливых или неудачных сочетаниях внешних и внутренних условий развития, какие складываются в известных странах для того или другого народа на более или менее продолжительное время»[3]. Точно также силы и элементы, на которые разбиваются все исторические явления, не играют в процессе решающей роли: русская история своеобразна, хотя «в ней наблюдаем действия тех же исторических сил и элементов, что и в других европейских обществах; но у нас эти силы действуют с неодинаковой напряженностью, эти элементы являются в ином подборе, принимают иные размеры, обнаруживают свойства, незаметные в других странах»[4]... «...при сравнительной простоте строя наше общество строилось по-своему, под действием местного подбора и соотношения условий народной жизни»[5]. Самые формы общежития —широчайший и коренной исторический вопрос, охватывающий в такой общей формулировке в сущности все содержание исторического процесса —зависят также не от исторических сил и не от исторических элементов, а от сочетаний условий: «формы общежития создавались различными сочетаниями общественных элементов»[6], и самая задача изучения местной истории—это «познание природы и действия исторических сил в местных сочетаниях общественных элементов»[7]. Итак, изучать надо силы и элементы, но они открываются не сразу и целиком, а постепенно и в зависимости от сочетаний различных условий.

---

[1] «Курс», т. I, с. 14. Разрядка моя—*М. Н.*
[2] Там же, с. 58. Тоже.
[3] Там же, с. 8 - 9.
[4] Там же, 18. с. Примеры с. 18—21.
[5] Там же, с. 21 и сл.
[6] Там же, с. 23. Разрядка моя—*М. Н.*
[7] Там же. О том же «Боярская дума», 6—7 и «Курс» т, I, с. 9.

Так как классификацией на элементы и силы Ключевский претендует захватить все содержание исторического процесса, то особого места для этих «условий» в нем нет: они являются, как видно из последних цитат, сочетаниями тех же элементов. Ясно, что основной, активной исторической пружиной является именно разнообразие всевозможных сочетаний. От чего же оно зависит? Как подходит Ключевский к изучению этого основного двигателя истории? Устанавливает ли он здесь какую-либо закономерность, чего мы могли бы ждать от него, как от социолога,—ведь он сознательно относит себя в разряд социологов, ищущих научных законов исторического развития[1]? Мы напрасно стали бы искать в теоретических построениях Ключевского ответов на эти вопросы. Он дает очень туманную формулировку своего отношения к ним, из которой ясно только одно: в истории может быть все, что угодно—может преобладать в одном случае идея, в другом всю историческую структуру определит природа, в третьем — экономический элемент, в четвертом физиология: «основные элементы общежития в разных местах и в разные времена являются не в одинаковом подборе, приходят в различные сочетания, а разнообразие этих сочетаний создается в свою очередь не только количеством и подбором составных частей, большею или меньшею сложностью людских союзов, но и различным соотношением одних и тех же элементов, например, преобладанием одного из них над другими. В этом разнообразии, коренная причина которого в бесконечных изменениях взаимодействия исторических сил, самое важное то, что элементы общежития в различных сочетаниях и положениях обнаруживают неодинаковые свойства и действия, повертываются перед наблюдателем различными сторонами своей природы. Благодаря этому даже в однородных союзах те же элементы стоят и действуют неодинаково»[2]. Здесь полнейший отказ от исторического монизма, во-первых, а, во-вторых, здесь отказ от философии истории вообще.

Ключевский уделяет много внимания изучению экономических явлений. Но он не считает экономический процесс самостоятельным и не ставит других явлений в зависимость от него. Теоретически он до-

---

[1] «Курс», т. I, с. 6.

[2] Там же, с. 15, Разрядка моя—*М. Н.*

пускает различные виды влияний и образований, среди которых не исключена возможность первенствующего значения экономики.

Обычно Ключевский подходит к хозяйственному процессу, так сказать, сверху, от соображений своей общей концепции, желая осветить изучением хозяйственного развития какой-либо момент в развитии народности-государства. Но специальные экономические исследования выполняются Ключевским с удивительной тщательностью и полнотой. В них налицо все элементы детального хозяйственного анализа, только часто в довольно своеобразном сочетании. Выделив в особую группу экономические элементы исторического процесса, Ключевский считает типичными понятиями этой рубрики труд, капитал, кредит [1]. Но действие этих сил зависит опять-таки от своеобразия сочетаний: одни и те же элементы... действуют неодинаково в различных сочетаниях... в одной и той же стране в различные времена капитал то порабощал труд, то помогал развитию его свободной деятельности, усиливая его производительность, то служил источником почета, уважения к богатству, то разжигал ненависть или презрение со стороны бедноты [2]. На всем протяжении работ Ключевского капитал признается им вечной категорией, существовавшей во все времена и эпохи.

Экономические явления по Ключевскому в основе своей содержат личный эгоистический интерес и этим отличаются от политических, основывающихся на понятии общего блага. Они противоположны, но все-таки могут переходить друг в друга, потому что личный интерес в высшей точке своего развития переходит в идею общего блага [3]. «Факты политические и экономические отличаются от так называемых идей своим происхождением и формами или способами проявления», они—плоды коллективной деятельности, а идеи — плоды деятельности единоличной, разница огромна; но все-таки «изучая факты политические и экономические, мы в основе каждого из них найдем какую-либо идею» [4]. История не ограничивается «канцеляриями да рынками», но с изучения их удобнее всего к истории приступить. Как видим, классификация довольно неопределенна. «Жизненная цельность историче-

[1] «Курс.». т. I, с. 12.
[2] Там же, с. 15—16.
[3] Там же, с. 34—36.
[4] Там же, с. 31.

ского процесса» ведет к признанию тесной спаянности всех исторических явлений, и экономика часто вовлекает Ключевского в изучение самой гущи явлений другого порядка, в частности религиозных. С вопросом о монастырском землевладении, по его значению для государства, только экономическим, аграрным, сплелось столько разнообразных интересов политических, социальных, церковно-нравственных, даже богословских что «он разросся в целое государственное и церковное движение, которое внесло много оживления в жизнь Московской Руси, придало особый характер целому веку нашей истории», «Доселе мы так настойчиво сосредоточивали наше внимание на фактах политических и экономических, что теперь, когда эти самые факты вовлекают нас в другие, более глубокие течения общественной жизни, нам трудно отказаться следовать за ними» [1]. Но не всегда процесс этого постепенного вовлечения так естественен, как только что описанный случай: иногда указывается на недостаток полноты всех представленных рядов явлений, а полнота необходима для успешного развития. Пример мы находим в одной из первых работ Ключевского. Много лет существовал Соловецкий монастырь, развив успешную хозяйственную деятельность, но все-таки для полноты успеха «недоставало деятеля, который выступил бы во имя более высоких и многосторонних интересов, чем те, с какими пришли туда промышленные поселенцы, который, став средоточием для края, мог бы этими интересами сблизить и об'единить рассеянные силы финского и русского населения и привлечь туда новые. Такова роль, которая предстояла обители, возникшей на острове Белого моря. В истории ее деятельности материальная деятельность ее иноков является в таком тесном соединении с нравственной что одна везде неразлучно сопутствует другой» [2]. Здесь говорится о параллелизме, а не о причинной связи, но в высшей степени характерно признание обязательной неразлучности.

У Ключевского много экономических категорий. Он отчетливо разделяет государственное и народное хозяйство [3], оперирует понятиями плотности населения, категориями производства, обмена и распределения; часто он имеет дело с последствиями несоответствия бюджета

[1] «Курс», т. II, с. 316.

[2] «Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря... Опыты и исследования», с. 8—9.

[3] Напр. «Курс», т. II, с. 276—278.

государства и его доходности [1], плотностью населения и качеством почвы [2], с взаимоотношениями города и деревни [3], с государственным кредитом и его влиянием на государственное и народное хозяйство [4], оперирует с категориями торгового капитала, промышленного капитала, земледельческого капитала [5]. Но мы напрасно стали бы искать марксистских черт в определении этих категорий: они заполнялись совершенно иным содержанием, как мы увидим ниже, анализируя понятие общественного класса.

Целый ряд обширных экономических экскурсов Ключевского находится в связи с изучением государственного хозяйства: правда, эти экскурсы являются в то же время, по обычной манере Ключевского, исследованием социального и политического строя: таковы, например, лекции и статьи, посвященные крепостному праву, поместной системе, монастырскому землевладению. Ключевского привлекали и специальные вопросы о деньгах и их стоимости в различные эпохи: так ему принадлежит обширный экскурс в эту тему при изучении денежного счета Русской Правды [6] и большая статья «Русский рубль XVI—XVIII вв. в его отношении к нынешнему» [7].

Последовательность изучения различных явлений у Ключевского не всегда одинакова. Изучая Киевскую Русь, он сначала останавливается на юридических и потом на политических следствиях расселения славян [8]. В третьем периоде сначала изучаются внутренние политические отношения [9], затем состав общества в связи с экономическими отношениями, потом управление в Московском государстве [10]. Но одна из самых любопытных черт Ключевского состоит в том, что он в частных вопросах фактического исследования выступает, как историк-материа-

---

[1] Напр., т. V, с. 45.
[2] Напр., т. V, с. 100.
[3] Напр., т. V, с. 111.
[4] Напр., т. V, с. 115.
[5] Напр. «Курс», т. V, с. 109. «История сословий» с. 47.
[6] «Курс», т. I, с. 265 и сл.
[7] Первоначально в «Чтениях в Общ. Ист. и Древн. Росс.» 1884, т. I. Затем в 1-м сборнике статей «Опыты и исследования», с, 107—183.
[8] «Курс», т. I, лекции VIII и IX.
[9] Лекция XXVII — XXIX.
[10] Лекция XXXI — XXXVII.
[11] Лекции XXXVIII — XL.

лист. Но материализм материализму рознь. Основное, чего недоставало материалисту Ключевскому — это диалектика. Его материализм глубоко механистичен. Он меток во вскрытии экономической подоплеки явлений, зачастую тонок в анализе классовой структуры общества, но пасует перед явлениями классовой борьбы, не признает ее закономерности и стремится свести ее на степень частного и притом нежелательного исторического случая. Материалистичность отдельных его экскурсов, изучения отдельных исторических моментов совмещается у Ключевского с чистейшим идеализом связки, которая спаивает эту область изучения с общей концепцией русского исторического процесса. Возьмем, как пример, изучение Киевской Руси. Первой общественной формой Киевской Руси является городовая область, которую обусловило уже «не чувство кровного родства а экономический интерес, вызванный к действию свойствами страны и внешними обстоятельствами» [1]. Основным, все обусловившим явлением была внешняя торговля; она заставила города вооружиться, «призвать» — нанять варяжских князей для охраны торговых путей, она обусловила и социальную структуру и политическую форму общества. Ключевским подчеркнута и огромная роль живого человеческого товара во внешней торговле и значение усобиц, как борьбы за рабочие руки. Он здесь может быть сочтен за чистейшего историка-материалиста, — но как связывает он Киевскую Русь с последующими периодами каков важнейший факт в ее падении, каково звено исторической преемственности? Оно в том, что народность разорвалась на-двое и более сильная часть в течение веков будет стремиться к воссоединению и, наконец, придет и спасет оставшуюся. Материалистично описание Новгородской истории. Основной ее нерв — торговля. Ее интересы и особенности обусловливают и знаменитые новгородские «вольности» и «ряды» с князем и всю классовую структуру и борьбу классов: совет господ был орудием высшего купеческого слоя, державшим в своих руках анархическое вече [2]. Борьба за приглашение того или иного князя, например Суздальского или Черниговского была не чем иным, как борьбой влиятельных торговых домов, из которых один был заинтересован в беспошлинном проезде по суздальским, а другой по черниговским торговым путям [3]. Но со

[1] «Курс», т. I. с. 178. Ср. с. 234 и сл. и «Боярскую думу» с. 21 и сл.
[2] Там же, т. II, с. 89—91.
[3] Там же, с. 108—109.

свойственной эклектику осторожностью Ключевский сейчас же стремится свести этот случай на степень частного: в истории Новгорода наблюдаем «довольно редкий случай совпадения экономической и политической классификации общества»[1]. Гибнет Новгород, во-первых, от внутреннего противоречия политической формы, имевшей демократический характер, и не соответствовавшего этому социального содержания: «Экономическое неравенство общественных классов служило опорой неравенства юридического, а то и другое покрывалось народной верховной властью, по своей форме совсем не соответствовавшей ни такому складу общества, ни общественному положению высших сановников, облекаемых властью от веча»[2]. А, во-вторых, основной общей причиной, и вместе с тем связью всей новгородской истории с общим процессом русской истории является опять-таки мистическое тяготение народности к единству. Вспомним процесс закрепощения и раскрепощения крестьян. Ключевский уделяет ему очень много внимания, глубоко исследует особенности экономического быта дворцовых и казенных крестьян, с одной стороны, и владельческих—с другой. И в той и в другой группе решающую роль сыграли чисто-хозяйственные моменты—фискально-полицейские—в виде круговой поруки для первой группы и помещичьей денежной ссуды для второй. Право перехода не было отменено законодательным порядком, а отменилось фактически в виду экономической маломощности крестьян, и эта же хозяйственная худость заставила появиться в крестьянской порядной личный отказ крестьянина от права перехода, что и сыграло такую огромную роль в деле закрепощения помещичьих крестьян. Но вставим это материалистическое исследование в рамки общей концепции и исследуем прикрепления начала и конца этого процесса к ходу русской истории. Закрепощение крестьян—следствие поместной системы и монастырского землевладения, а эти последние — следствия основного факта третьего периода—территориального роста и национального об'единения народности в государство. Такова начальная связка. А конец? Почему было необходимо раскрепостить крестьян? Потому что этого требовали интересы «высшей справедливости»: госу-

---

[1] «Курс», т. I, с. 105. Разрядка моя—*М. Н.*

[2] Там же, с. 107.

дарство раскрепостило дворянство, следовательно уничтожило юридическую предпосылку дворянского душевладения, крепостное право.

Уже из только что разобранных случаев можно было убедиться, в какой тесной связи стоят у Ключевского изучение экономики и социального строя и как часто классовая структура ставится в зависимость от экономики. Но эта довольно смутная зависимость «от экономики» еще чрезвычайно далека от требований диалектического материализма, тем более, что констатирование этой зависимости сейчас же ставится Ключевским в рамки частного случая. Но этих «частных случаев» в его исследовании очень много. Таким взглядом пронизано все изучение удельного строя. Сам Ключевский тему исследования строя этой эпохи формулирует так: «какой вид приняло гражданское общество в рамках удельного порядка, под действием экономического быта, такой создавался в колонизуемой стране» [1]. Преимущественное внимание Ключевского здесь привлекает история боярского класса по отношению к княжеской власти. В истории этих отношений наблюдается резкий перелом: прежде добрые и взаимно-доверчивые отношения к царствованию Ивана III резко ломаются и переходят во враждебные. Ключевский сейчас же вскрывает экономическую подкладку: «Эта перемена отношений была неизбежным последствием того же самого процесса, которым созданы были власть московского государя и его новое боярство. В удельные века боярин ехал на службу в Москву, ища здесь служебных выгод. Эти выгоды росли для служилого человека вместе с успехами его хозяина. Это устанавливало единство интересов между обеими сторонами. Вот почему московские бояре во весь XIV в. дружно помогали своему государству в его внешних делах и усердно радели ему во внутреннем управлении... Эти добрые отношения и стали расстраиваться с конца XV в. Новые титулованные бояре шли в Москву не за новыми служебными выгодами, а большей частью с горьким чувством сожаления об утраченных выгодах удельной самостоятельности. Теперь только нужда и неволя привязывали новое московское боярство к Москве, и оно не могло любить этого нового места своего служения. Разошедшись в интересах, обе стороны еще больше разошлись в политических чувствах» [2]. В XVI в. широко развилось явление мобилизации боярской земельной собственности,

[1] «Боярская дума», с. 90.

[2] «Курс» т. II, с. 200, 202, ср. с. 203.

«В этом движении участвовали не одни государственные расчеты московского правительства, но и хозяйственные побуждения самих служилых землевладельцев» [1].

«Материализм» Ключевского имеет ряд сходных черт с материализмом Щапова. Прежде всего, оба они характеризуют до-диалектический период материализма в изучении русской истории. Близость к экономическому материализму приходится часто констатировать при изучении Ключевского.

Ключевский ставит и проблему рынка: поместное землевладение «подорвало развитие русских городов и городской промышленности... Поместная система, увлекая массу служилых людей из города в деревню, лишала городскую промышленность и городской ремесленный труд сбыта и спроса, главных наиболее доходных потребителей. Служилые люди, обживаясь в своих поместьях и вотчинах, старались завести своих дворовых ремесленников, все необходимое получать на месте, не обращаясь в город. Таким образом, у городских торговцев, ремесленников и рабочих исчезал целый класс заказчиков и потребителей. Вот чем между прочим об'ясняется необыкновенно медленный, зяблый рост наших городов и городской промышленности в XVI и XVII вв.». Боярское привилегированное землевладение Ключевский считает самым насущным интересом боярства тем более, что земля была не пустой, а с рабочими крестьянскими руками [2]. И не только группировка отдельных общественных классов покоится на экономической основе, а и внутри отдельных классов совершается процесс социальной диференциации на том же основании. Изучая казачество, Ключевский отмечает, что в его среде еще в XVI в. началось экономическое раздвоение [3]. Интересно, что он отметил диференциацию крестьянства перед 1905 г. в одном из своих выступлений на Петергофских совещаниях: «Не следует забывать, что крестьянство не является вполне однородною группой населения... В нем уже начался серьезный процесс диференциации распадения по различным интересам» [4]. Диференциация отмечена им и в русском дворянстве [5]. Очень

---

[1] «Курс», т. II, с. 310. Со «История сословий», с. 131, 172.
[2] «Боярская дума», с. 272
[3] «Курс», т. III. с. 145, 152.
[4] «Петергофское совещание», с. 139.
[5] «Курс», т. III, с. 376.

часто Ключевский вскрывает классовую, экономическую подкладку народных волнений, например при изучении московского июньского мятежа 1648 г. «Столичное простонародье было особенно изобижено сильными людьми, светскими и духовными, не отстававшими от светских, патриархом, епископом, монастырями; выгонные земли города были расхищены и заняты под слободы, загородные дворы и огороды, проезды в окрестные леса распаханы, так что московскому простому обывателю некуда стало ни выгнать животину, ни проехать за дровами, чего искони при прежних государях не бывало. Июньский бунт и был восстанием «черных людей» на «сильных», когда «всколыбалась чернь на бояр» и принялась грабить боярские, дворянские и дьячьи дворы и избивать наиболее ненавистных правителей [1]. Экономическая подкладка вскрывается им и в случаях «заботы» одного класса о другом, т. е. в тех случаях которые ему особенно было бы удобно использовать для проведения своей излюбленной идеи «общего блага»: авторы некоторых «шляхетских» проектов, приготовленных для подачи в Верховный Тайный Совет, пекутся о крестьянах, желая облегчить лежащее на них податное бремя.—но Ключевского не обманывает эта «благодарная» видимость и для ее изобличения он находит определенные и негодующие выражения: «В некоторых проектах выражается желание облегчить податную тягость крестьян, т. е. платежную ответственность самих дворян; но не нашлось ни одного дворянина, который проронил бы слово не об освобождении крепостных—до того ли было,—а хотя бы о законном определении господских поборов и повинностей» [2]. Так же иногда не обманывают Ключевского внешние формы поведения отдельной личности, за которыми скрываются чистейшей воды материальные интересы. Юрий Крижанич, хорват, католик и патер XVII в., занесенный в Россию энтузиаст миссионерской идеи имел свою затаенную мысль: «Миссионерский энтузиазм служил бедному студенту-славянину лишь средством заручиться материальной поддержкой со стороны Конгрегации» [3].

---

[1] «Курс», т. III, с. 169.

[2] Там же, т. IV, с. 377. Разрядка моя—*М. Н.*

[3] Там же, с. 317. Разумеется Римская конгрегация для распространения веры (de propaganda fidei), подготовлявшая специальных миссионеров для пропаганды на православном востоке.

Так же материалистически подходит иногда Ключевский к изучению политических явлений. Широкие рамки его идеалистической схемы заполнены материалистическим изучением, ни в схеме, ни в теории не отразившимся. Историческая действительность все время настойчиво указывает Ключевскому на классовый характер власти, он видит это, тщательно описывает и регистрирует, но не считается с этим в построении далекого идеала правового государства. Как будто в истории были именно ошибки, промахи, отклонения от нормы, и норма не подгибалась под указания железных фактов. Государство—организация в целях общего блага, и если история своими фактами говорит другое, то это только показывает, что достижение нормы трудно, стоит тяжких усилий и лежит где-то в будущем.

В государствах, сложившихся по второму типу, т. е. по типу вооруженного завоевания, «властью дорожили потому, что она доставляла обладание народным трудом» [1]. В первом противоположном случае мирного экономического развития происходит... то же самое. Говоря об этом очень ясно и определенно, Ключевский как будто не сознает разрушения противоположности возведенных им типов: «Люди добровольно отдавались тому, в чьих руках скоплялся капитал, кто давал им хлеб, т. е. средства для работы; действительная власть часто действовала без атрибутов правительственного авторитета, основания общественного порядка не обозначались явственно, не проводились последовательно в практике отношений, формами демократии иногда прикрывалась очень замкнутая и себялюбивая олигархия, вообще факты неполно и неточно отражались в праве» [2]. Каждый раз, говоря об эксплоатации одного класса другим, Ключевский старательно прикрывает это понятие каким-нибудь термином, организационным по смыслу: распоряжение народным трудом, обладание нитями народного труда и т. д. Ключевский дает даже общую теоретическую формулировку экономических основ государственного образования, но, не обобщая случая, относит эту формулировку к раннему историческому типу организации кровных союзов: «Возникшая... необходимость хозяйственного обмена между кровными союзами и была причиной искусственного соединения этих союзов в

---

[1] «Боярская дума», с. 7. Ср. «Историю сословий», с. 18—19.

[2] «Боярская дума». Разрядка моя—*М. Н.*

государство» [1]. Завоевание — основной рычаг общественного деления в киевском обществе но не его первоначальный источник: «Завоевательная роль военно-правительственного класса была подготовлена его экономическим значением, раньше создавшимся. Прежде, чем стать с оружием в руках над покоренным населением, этот класс стянул в своих руках нити его хозяйственного оборота» [2]. Расширь Ключевский это положение до общего принципа,—его теория двух типов государственного образования сейчас же бы уничтожилась. И среди общих социологических формулировок Ключевского мы найдем много материала для подтверждения того, что Ключевский не раз доходил до сознания классовой сущности организации государства, но все-таки упрямо оставался при своем идеале. Каждое общество в своем составе имеет какой-либо управляющий класс, — Ключевский формулирует это прямо, но без дальнейших выводов, скрывая свою формулировку в тень предполагающегося логически принципа... разделения общественного труда: «Для всякого общества нелегкое дело создать класс, пригодный к управлению» [3], чувствуется, что все «общество» заинтересовано в создании такого класса и не жалеет для этого труда. В другом месте формулировка определеннее, но также не доведена до конца: «Политический порядок в своем окончательном виде всегда отражает в себе совокупность и общий характер частных людских отношений, которые он поддерживает и на которых сам держится» [4] но далее не говорится о глубокой борьбе этих частных отношений и невозможности их согласовать. Это формулировано,—но в другом труде и при других обстоятельствах: «Политическое право общественного класса само по себе—конституционная метафизика, доступная лишь досужему размышлению. Житейская практика понимает и ценит его соразмерно с житейскими выгодами, им обеспечиваемыми. С этой стороны оно чаще всего является не более, как оборонительным оружием, которое берут взамен наступательной силы, чтобы упрочить ее завоевания» [5]. И Ключевский уходит от этой пугающей и опровергающей действительности под сень метафизики «права»

---

1 «История сословий», с. 25.
2 Там же. с. 46—47.
3 «Боярская дума», с. 297.
4 «Курс», т. I, с. 43 .
5 «Боярская дума», с. 303.

и «закона», как высших и незыблемых норм, или уверенности в идеальной силе личных доблестей: «Когда отсутствует или бездействует закон, политический вопрос обыкновенно решается господствующей силой» [1]. «Абсолютная власть без оправдывающих ее личных качеств носителя обыкновенно становится слугой или своего окружения или общественного класса, которого она боится и в котором ищет себе опоры» [2]. Основа политической власти удельного князя чисто-хозяйственная: «Его княжество было для него не обществом, а хозяйством; он им не правил, устроял его а эксплоатировал, разрабатывал» [3]. Масса удельного населения находилась с ними в отношениях арендаторов: «Политическая зависимость этих арендаторов была последствием их хозяйственной связи с удельным владельцем и прекращалась с разрывом последней» [4]. Идея о нераздельности русской земли в этом периоде возникла вовсе не из-за генеалогических, а географических и экономических причин. Естественно, что и внутренняя организация власти, администрация, имела то же основание: «Вместе с правом собственности на землю в своем уделе князь уступал владельцу и свои государственные права в большем или меньшем размере превращая его таким образом в свое административное орудие» [5]. Этому вопросу Ключевский посвящает отдельную главу своей «Боярской думы», озаглавленную так: «Согласно с политическим характером удельного князя на севере и удельное управление было довольно точною копией устройства древнерусской боярской вотчины» [6]. Вся экономическая механика удельного времени осознана Ключевским удивительно отчетливо и ясно: «Лучшим средством удержать при себе вольных слуг было для князя развитие служилого боярского землевладения: через него не только сам слуга привязывался к княжеству, но и становился орудием привязи для низшего населения. Поэтому князь щедро наделял своего боярина поземельными льготами с тем, чтобы он привлекал на свою землю и удерживал на ней вольных поселенцев» [7]. Когда Москва стала

---

[1] «Курс» т. IV, с. 341.
[2] Там же, с. 441.
[3] «Боярская Дума», с. 73.
[4] Там же, с. 79.
[5] Там же, с. 77.
[6] Там же, с. 97 и сл., особ. ср. с. 115.
[7] Там же, с. 168.

собирать удельную Русь и стягивать к себе потерявших свою самостоятельность удельных князей, Ключевский очень определенно указывает на экономическую причину сравнительной легкости этого подчинения: ведь с этим перемещением «они далеко не теряли всего, что имели в уделах. Они ведь и здесь имели не особенно много и не подчинились бы Москве так легко и охотно, если б много имели»[1]. И основа власти московского князя была чисто-экономическая: «Великий князь поднимался над удельным не об'емом власти, а только количеством силы, пространством владений и суммой доходов»[2]. Взгляд на власть и ее величие получил лишь тогда достаточное основание, когда для этого уже был прочный материальный базис: «...успешное расширение побуждало владетелей этого удела постепенно расширять и свой взгляд на себя, на свою власть, чтобы привести ее в меру все улучшавшегося положения»[3].

Докторская диссертация Ключевского «Боярская дума древней Руси» имеет своей темой судьбу учреждения, с X до XVIII вв. стоявшего во главе древнерусской администрации и бывшего «маховым колесом, приводившим в движение весь механизм»[4]. Из трех сторон этого изучения—политической, административной и социальной, Ключевского интересует больше всего последняя, для которой к тому же, имеется большее количество материалов: «...изучение древнерусской боярской думы ставит исследователя прямо перед историей древнерусского общества, перед процессом образования общественных классов»[5]—так формулирует Ключевский свою тему. И в ходе всего этого изучения, по постановке темы имеющего материалистический характер, Ключевский часто дает яркие и очень точные определения классового характера учреждения: «Дума и вече представляли собою не параллельные государственные ведомства и не разные правительственные инстанции, а два общественных класса две различные политические силы, друг с другом соперничавшие»[6]. В XVI в. заметно

---

[1] «Боярская дума», с. 237.
[2] «Курс», т. II, с. 137. Ср. с. 167.
[3] Там же, с. 172.
[4] «Боярская дума», т. I.
[5] Там же, с. 5.
[6] Там же, с. 44.

как будто отклонение Думы с пути выражения классовых интересов, тут нельзя наблюдать подробно разработанного плана государственного устройства, «в котором были бы полно и последовательно выражены и надежно обеспечены политические притязания класса»[1]. Но разгадка этой особенности дается той же экономикой, и следующая глава несет ее в своем заглавии: «Наряду с особенностями политического положения боярства в XVI в. состояние народного хозяйства было одною из главных причин его равнодушия к расширению и обеспечению его политических прав»[2]. Здесь характерен и параллелизм политических и экономических причин, выводы же главы говорят об определенной экономической подкладке явления: боярство «политическим образом действий... производит впечатление властвующей аристократии без вкуса к власти, потому что власть, какую оно имело, лишена была того, что только и могло сообщить ей привлекательный политический вкус: ей недоставало обладания народным трудом. Потому интерес политической гарантии отступал перед интересом экономического обеспечения...»[3]. В описании последнего времени существования Боярской думы, при сравнении ее с Сенатом, Ключевский опять дает нам характерный пример своей «двуликости»: его постоянный взгляд на Думу, как на орудие класса, остается в рамках частного случая Думы и выражен в резкой и определенной форме; во взгляде же на Сенат опять выступает осторожный эклектик, связанный внеклассовой теорией государства: «По своему происхождению Сенат был орудием верховной власти, а Боярская дума ее участницей. Первый вызван был потребностью в хорошо устроенном руководителе управления, а вторая служила органом господства известного класса над обществом»[4].

Ключевский часто излагает взгляд на право: не бытие от права, а право от бытия. Право—завершающий момент длинной цепи предшествующих фактических образований, имеющих своей целью закрепить за каким-нибудь классом положение, укрепляющее его материальные выгоды. Исследуя положение сословного права в первый

---

[1] «Боярская дума», с. 289.
[2] Там же, с. 289.
[3] Там же, с. 311.
[4] Там же, с. 465.

период русской истории, Ключевский дает такую общую формулировку: «Таким образом, различие прав вырабатывалось не из отношений общества к верховной власти, а из экономических отношений лиц между собою, из имущественного неравенства людей»[1]. Опять здесь перед нами заключение этого материалистического утверждения в рамки частного случая: эта формулировка не только не исключает возможности обратного явления, и даже подчеркивает эту возможность происхождения права из области отношений «общества» к такому же, как оно, внеклассовому государству. «Разумеется, юридическое отличие известного класса только тогда можно назвать его преимуществом, когда оно обращается в его пользу: дает ему средства обеспечения его интересов, создает ему выгодное положение в государстве или помогает сохранять и укреплять это положение»[2]. Исследуя в своей «Истории сословий» происхождение сословных привилегий, Ключевский указывает на то, что они суть фиксированные законом сословные экономические преимущества[3]. Особенно отчетливо исследовал Ключевский процесс правообразования на изучении крепостного права. Оно не установилось законом, а сложилось фактически: «В начале XVII в. уже действовали все экономические условия неволи господских крестьян, и оставалось только найти юридические нормы, которые превратили бы фактическую их неволю в крепостную по закону»[4]. Право от'езда крестьян не отменяется законом, а становится фактически невозможным[5]. Самое «крепостное право» Ключевский считает более правильным называть «крепостным фактом»[6].

Иногда Ключевский дает общие формулировки: «Общественные союзы имеют свою природу, требующую соответственных ей политических форм»[7]. Тут допустимы всевозможные толкования, но важен примат социального момента, он—содержание, политический же момент лишь форма. В этом же смысле Ключевский рассматривает, например, политические формы Новгорода, реальным заполнением

---

[1] «История сословий», с. 57.
[2] Там же, с. 200–201.
[3] Там же, с 217.
[4] «Курс», т III, с. 208.
[5] «Боярская дума», с. 299 и в др. местах.
[6] «Курс», т. V, с. 91.
[7] Там же, т. II, с. 162,

которых является прежде всего состав общества [1]. Эта мысль иногда доходит до большой ясности, например в формулировке тем некоторых глав «Боярской думы»: «В составе московской Боярской думы XVI в. отразились довольно точно, перемены в составе московского боярства с половины XV в.» [2], с характерными заключительными строками: «Чиновный состав Боярской думы был лишь отражением... аристократического склада боярства» [3] или тема главы XIX: «Боярский совет в древней Руси был показателем общественных классов, руководивших в данное время народным трудом» [4] и ее разработка, Почему погибли земские соборы? Выше мы видели об'яснения, говорившие о необходимости принести их в жертву государственному росту, но наряду с ними дается и другое: «В обществе не образовалось влиятельного класса, для которого соборное представительство стало бы... потребностью» [5]. Экономическая основа класса стоящего у власти, как мы видели выше, сознавалась Ключевским очень ясно: он иногда бросает даже навсегда остающиеся в памяти образы, — например, говоря об эволюции дворянства при Петре I: «На смену старого боярства теперь рядом с вельможами табели о рангах становилась знать ткацкого станка и чугунно-плавильной печи» [6]. И всю эпоху после Петра Ключевский рассматривает прежде всего как социальную историю. Лейтмотивом здесь является изучение роста дворянского засилья и привилегий и постепенное приготовление настоятельной юридически-необходимой крестьянской реформы. После Петра I «ход дел поставил высшему русскому обществу задачу, как бы все плоды работы преобразователя повернуть в пользу одного господствующего сословия, возможно резче обособив его от других классов, незнающих болванов, наипаче от крестьян и холопов» [7].

По всем работам Ключевского проходит преклонение перед «умственным трудом и нравственным подвигом», многие главы отдельные статьи проникнуты религиозностью. И, тем не менее, за-

[1] «Курс», т. II, с. 96.
[2] Там же. X, с. 216.
[3] «Боярская дума», с. 227.
[4] Там же, с. 379.
[5] «Курс», т. III, с. 273.
[6] Там же, т. IV, с. 153.
[7] Там же, с. 332—333. Ср. т. V, лекции LXXVIII—LXXXVII.

частую те об'яснения религиозным явлениям, которые он дает, в указанном ранее смысле материалистичны и беспощадны в своей меткости. Ключевским определенно поставлен вопрос о «служебной» роли религии в историческом процессе, особенно в вопросе монастырской колонизации. Он ищет этого в житиях святых, в исследовании Соловецкого монастыря [1]. Монашество несет определенную обязанность молитвы, и этот труд хорошо оплачивался: «Монашество, отрекшееся от мира» должно «на его счет молиться о его грехах» [2]. Целое общество городское или сельское иногда строит на общие средства монастырь и заботится о чисто земных насущных нуждах: «Монастырь был нужен городу и сельскому округу, чтобы обывателям было где постричься в старости и при смерти и «устроить» душу посмертным поминовением...». «Братия, которую строители набирали в такие мужские монастыри для церковной службы, имела значение наемных богомольцев и получала «служеное», жалованье из монастырской казны, а для вкладчиков монастырь [3] служил богадельней, в которой они своими вкладами покупали право на пожизненное «прокормление и покой». В параллель к этому материалистическому подходу можно поставить и частые убийственно-насмешливые словечки Ключевского по отношению к монашеству. Вспомним цитированные ранее из студенческой переписки места о торгашах архиереях и их «монгольском отношении к поповскому карману». Однажды ученики Ключевского по духовной академии справляли какой-то его юбилей; на празднество некоторые, уже постригшиеся, явились в черных монашеских рясах. «От всего сердца,—ответил Ключевский,—благодарю, господа, вас всех, как тех которые уже приняли образ ангельский, так и тех, кто еще не утратил образа человеческого» [4]. И, действительно, часто при исследовании в нем просыпается беспощадный и жестокий скептик даже по отношению к любимой идее иночества: «Пустынный монастырь признавался совершеннейшей формой общежития, основание такого монастыря, —

---

[1] «Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в Беломорском крае». Опыты и исследования, с. 1—31.

[2] «Курс», т III, с. 00.

[3] Там же, с. 332 333.

[4] А. Кизеветтер, Из воспоминаний восьмидесятника («Голос минувшего на чужой стороне», 1926 № 3/XV, стр. 130).

высшим подвигом инока. Древнерусское житие недостаточно выясняет из каких практических побуждений составился такой взгляд, было ли то искание пустынного безмолвия ради спасения души, или стремление почувствовавшего свою силу инока иметь свой монастырь, из послушника превратиться в хозяина, или, наконец, желание пойти навстречу общественной потребности»[1]. Посвящая две лекции из II тома своего «Курса» вопросу о монастырях, Ключевский соединяет их характерной фразой: «Мы видели, как древнерусский общежительный монастырь становился земледельческой общиной. Теперь нам предстоит рассмотреть, как многие из этих монастырей превращались в крупных землевладельцев»[2]. Ясные хозяйственные мотивы, руководившие правительством, пока оно до поры до времени покровительствовало монастырям, вскрыты Ключевским и указывались уже в первой главе: «...Казна охотно уступала строителям пустынных монастырей обширные дико-лесные пространства чтобы ввести их в народно-хозяйственный оборот»[3]. Характерно мнение Ключевского о сути литературной полемики, возгоревшейся около монастырского землевладения: почему боярство восстало против монастырского землевладения? Потому, что «отшельники выступили соперниками боярства на поприще, где оно надеялось властвовать безраздельно, в привилегированном землевладении, и успешно оспаривали у него самый насущный его интерес, землю с рабочими руками»— поэтому обличителям «нужно было не об'яснять явление, а бросить тень на него»... Поддерживая «нестяжателей» среди самого иночества, обличители с радостью готовы были приветствовать секуляризацию церковных земель в чаянии, что она разорвала бы эту опасную для боярства связь, дававшую московскому государю такого могучего поборника. Потому же оппозиционное боярство было и горячим противником автокефальной русской церкви: ее независимость от цареградского патриарха «открывала туземной светской власти свободный путь к вмешательству в церковные дела»[4]. Здесь сразу открывается подкладка политики трех крупных социальных групп, вражда их интересов.

---

[1] «Курс», т. II, с. 335.

[2] Там же, с. 341.

[3] Там же, с. 344. Разрядка моя– *М. Н.*

[4] «Боярская дума», с. 272—273. Ср. «Курс», т. II, с. 369.

Итак, в сущности, нет ни одной стороны исторической жизни, ни одной группы явлений, которой бы не коснулся материалистический анализ Ключевского. Но это только один «лик» Ключевского. Он имеет еще другой, идеалистический «лик», яснее всего выступающий в моменты обоснования Ключевским своей общей исторической схемы.

Центральное положение в характеристике этого второго «лика» занимает вопрос о взаимоотношениях государства и «общества».

Ключевский часто говорит о «народе», нации и т. д. Весь людской коллектив, высшей формой которого является государство, представляет собою единое целое, спаянное гражданским и национальным чувством. Этот признак единства и цельности всегда молчаливо предполагается Ключевским в тех случаях, когда о нем не говорится прямо. Он обязательно выступает на сцену в главной роли, когда подводятся итоги периода или строится широкое обобщение. Но в то же время Ключевский подчеркивает определенную социальную диференциацию, на которой он строит изложение. Ключевского в высшей степени интересует социальная история. Докторская диссертация его посвящена боярскому классу и отчасти дворянству; крестьянству и торговому классу он отводит в своем курсе немало отдельных лекций. Привычным для марксиста термином «класс» Ключевский прикрывает совсем иное содержание, чем марксист. Прежде всего, строгого употребления этого термина у Ключевского нет. Часто он употребляется в смысле «группы», «разряда», «слоя» и т. д. Нередко применение термин «класс» к небольшой группе, к классовому слою; например, Ключевский говорит о казаках: «Позднее этому бродячему, бездомному классу в Московской Руси усвоено было звание вольных гулящих людей или вольницы» [1]. Тот же термин применяется к промежуточным, межклассовым слоям: «Особенно важно было распространение переписи на промежуточные классы» [2] пишет он о петровской подушной реформе. Тот же термин применяется к внутриклассовой диференциации. Устройство магистратского управления соединялось с новым классовым делением тяглого посадского населения» [3]. В шляхетстве, рядом с военными и гражданскими служаками возник третий специальный класс «неслу-

---

[1] «Курс», т. III. с. 132. Разрядка Ключевского.
[2] Там же, т. IV. с. 130.
[3] Там же, с. 247.

жащих дворян-хозяев»[1],—даже группа святых княжеского происхождения именуется у него «классом» святых[2]. В иных местах вдруг к термину пред'являются строгие требования, об удельных боярах говорится, например, так: «Вся совокупность этих людей, рассеянных по княжествам, составляла слой, отличавшийся от остального общества богатством, влиянием, родом деятельности, может быть, даже понятиями, но при каждом дворе это был не общественный класс, а изменчивый круг одиноких лиц, случайно встретившихся друг с другом... Только в Москве обстоятельства стали соединять эти одинокие лица в нечто целое, в плотный общественный класс»[3].

Чаще всего Ключевский разумеет под классом два различных понятия, соответственно двум типам государственного развития, разобранным нами выше. В первом случае класс характеризуется «родом капитала, которым работает»[4]. Во втором—ролью завоевателя, ролью во внешней обороне страны[5]. Последнее определение вовсе не имеет в себе экономического содержания. Интереснее первое: нечего и говорить, как далеко отстоит оно от марксистского понимания,—тут не только нет вопроса о производственных отношениях и положении класса в производстве, тут налицо намеренное затушевывание понятия эксплоатации и внутренняя апология капиталистических «незыблемых» категорий. Каждый-де класс имеет свой «капитал» как отличительный признак.

То же затушевывание классовой борьбы и поведение теории классового соглашательства ясно у Ключевского в вопросе о взаимоотношениях классов с точки зрения политической власти. Тут опять налицо мирное разделение труда и классовый мир. Правящий класс—это «организатор народного труда», «обладатель народного труда», сила, вносящая порядок в социальную жизнь. Правящий класс берет в свое «распоряжение» «нити народного труда»[6]. «Люди добровольно отдавались тому, в чьих руках скоплялся капитал...»[7].

---

[1] «Курс», т. IV, с. 420.
[2] Там же, с. 326.
[3] «Боярская дума», с. 164.
[4] Там же.
[5] Там же, с. 7, 10 и мн. др.
[6] Напр. «Боярская дума» цит. изд., с. 5. и др.
[7] «История сословий», с. 17.

Еще своеобразнее у Ключевского употребление термина «социальный». Иногда он употребляет его в обычном смысле, прилагая ко всему, относящемуся к общественной структуре: «Военная реформа Петра,—пишет он, например,—отпечатлелась слишком отчетливо и глубоко на социальном и нравственном складе всего русского общества» [1], хотя и тут словоупотребление довольно туманно. Но обычно он относит термин «социальный» ко всему, что касается классовой борьбы, хотя употребляет это слово не для любого случая классовой борьбы. Там, где дело идет о борьбе боярства с дворянством или одной группы крестьянства с другой, Ключевский не будет говорить о социальной борьбе: это слово употребляется им лишь в случае столкновения «низших» классов с «высшими», «черни» с привилегированными, «низов» с «верхами» и в случае желания захватить имущество «верхов», добиться исполнения своих чисто классовых желаний, а не «общего блага». Пока в Смуте боролись боярство и провинциальное дворянство, она, по терминологии Ключевского, была лишь политической борьбой. Когда же поднялись «низшие классы», «крестьяне холопы, поволжские инородцы—все беглое и обездоленное»—тогда борьба стала иной: «Выступление этих классов продлило Смуту и дало ей другой характер. До сих пор это была политическая борьба, спор за образ правления, за государственное устройство. Когда же поднялся общественный низ, смута превратилась в социальную борьбу, в истребление высших классов низшими» [2]. Этот критерий всегда прилагается Ключевским, когда он хочет определить имеется ли в том или в другом случае народных мятежей и волнений «социальный» элемент. Этого элемента Ключевский не находит в мятежах XVII в., в частности в движении С. Разина, но считает его присутствие ясным в мятежах царствования Екатерины II. Мотивировка этого очень интересна и сразу, как и предыдущая цитата, вводит нас в понимание Ключевским термина «социальный»: «Тяглая масса бунтовала часто как в XVII, так и в XVIII в., но различны были побуждения, вызвавшие эти мятежи. В XVII в. они направлялись преимущественно против орудий администрации, против воевод и приказных людей: такой характер имело и разинское восстание. Очень трудно уловить в этих мятежах социальную струю:

[1] «Курс». т. IV, с. 91.

[2] Там же, т. III, с. 57. Разрядка моя—*М. Н.*

то были восстания управляемых против управителей, а не восстания низших классов против высших. Все царствование Екатерины, особенно первая его половина, было обильно крестьянскими мятежами; но народное негодование получило социальный характер, направляясь не против органов казенной администрации, губернаторов и приказных людей, а против привилегированного класса»[1]. Эта цитата взята из курса, читанного в 1883—84 акад. году в Московском университете. Через несколько десятков лет, во втором издании III тома «Курса», в 1912 г. (первое издание III тома относится к 1908 г.) Ключевский несколько глубже понимает мятеж Разина и «очень трудное» уловление социальной струи в этом движении было уловлено: «в 1670—71 гг. огромный мятеж Разина на поволжском юго-востоке, зародившийся среди донского казачества, но получивший чисто социальный характер, когда с ним слилось им же возбужденное движение простонародья против высших классов»[2]. Продолжая анализ употребления термина «социальный», мы все более углубляемся в суть понимания Ключевским между обществом и государством, а это понимание, в свою очередь, отчетливо выясняет манеру связи исторического материала с общей исторической концепцией Ключевского. Всякий раз, указывая на «социальный элемент мятежей Ключевский дает почувствовать свое отрицательное отношение к нему: плохо, если социальный элемент есть,—это нежелательное историческое явление, этого не должно быть. Почему? Потому что идеал организации общежития—общее благо, а классы борются не за него, а за благо отдельного класса. Между тем, как мы уже видели,—высшая форма общежития — государство, его цель — общее благо и все, мешающее этой цели или прямо ей противоположное,—имеет отрицательную историческую оценку как регресс, шаг назад, тормоз в поступательном движении: «неслужилые земские классы, поднявшиеся (во время Смуты.—*М. Н.*) против всякого государственного порядка во имя личных льгот, т. е. во имя анархии»[3], Ключевским порицаются. Между тем ему как вдумчивому историку часто приходится отмечать яркие случаи классовой борьбы. Анализ этих примеров дает лишний раз случай иллюстрировать отслоение

[1] «Курс», т. V, с. 116 Разрядка моя—*М. Н.*
[2] Там же, т. III, с. 308—309.
[3] Там же, с. 60. Разрядка моя—*М. Н.*

идеала Ключевского от исторической действительности и вынесение его за рамки бывшего и настоящего исторического процесса в безвестные дали будущего. По идеальному представлению Ключевского классы должны сотрудничать, у них гораздо больше общих, чем противоположных интересов, они все стремятся к одной цели. Очень плохо, если они забывают эту цель во имя личных льгот,—это «неправильное» историческое явление, к сожалению слишком часто встречающееся,—один из примеров—положение крестьян в XVII в. «Наиболее энергичным, жизненным интересом землевладельческой среды становилась мелочная, сутяжная борьба господ с крестьянами и друг с другом из-за крепостных: постепенно перерождаясь в глубокую социальную разладицу, эта борьба надолго задержала правильный рост народных сил, и по ее вине землевладельческое дворянство, как руководящий класс, дало извращенное, уродливое направление всей русской культуре» [1]. Последняя часть цитаты дает новую характерную черту: как же быть с «засильем» одного класса над другим? Он не отрицает того, что часто в истории бывает такое положение вещей. Но и при нем возможно проведение идеи «общего блага»: в этом случае совершается лишь трогательное разделение труда: крестьяне и посадские люди заняты своим трудом, управлять им некогда. Общество приспособляется к этому и выделяет класс, берущий на себя обязанность управления. Все бы было хорошо, если бы не было «социальной» борьбы, и если бы дворянство, например, не гналось за личными интересами а думало об общем благе. По Ключевскому это «разделение труда» теоретически возможно и нормально в известные эпохи. «Для каждого общества нелегкое дело создать класс, пригодный к управлению». То же показывает положение крестьян в XVII в. По Ключевскому землевладельческое дворянство было руководящим классом,—в этом ничего плохого нет,—но оно увлеклось борьбой за личные интересы «социальной» борьбой,—и все стало «извращенным», «уродливым», «ненормальным». В этом смысле интересно отношение Ключевского к земскому собору 1642 года. Ключевский проникнут глубокой симпатией к земским соборам: ищет в них хоть отдаленного исполнения своих идеалов воплощения общего блага,—но «с обособлением отдельных сословий и настроение отдельных классов пошло врозь,

[1] «Курс», т. III, с. 241. Разрядка моя—*М. Н.*

их взаимные отношения разлаживались. На соборе 1642 г. послышалась полная разноголосица мнений и интересов»[1]... То же было в 1662 г. «В письменных сказках теперь, как и на соборе 1642 г., гости и торговые люди гостиной и суконной сотни сказали много дельного, обстоятельно вскрыли наличные экономические отношения в стране, их нескладицу, сословный антагонизм села и посада, землевладельческого и торгового капитала, сказали много горькой правды и самому правительству»[2]. Ключевскому совершенно ясен заколдованный круг, в который попали соборы, что и не дало им возможности стать орудием проведения в жизнь идеала общего блага: «тогда (в 1642 г.—*М. Н.*) они (торговые выборные—*М. Н.*) пользовались собором для протеста против этой неурядицы, а теперь (1662 г.—*М. Н.*) смотрят на собор, как на средство ее устранения. Но ведь собор и составлялся из виновников этой неурядицы, из представителей классов, ее создавших своим взаимным антагонизмом»[3]. Но Ключевский не замечает что в этот заколдованный круг попадает и его мысль, признающая борьбу классов и антагонизм интересов, но все же верующая в возможность реальности общего блага. Реальности,—но какой? Исторической? Нет. Даже земские соборы не дали ему многочисленных примеров для этого утверждения. Поэтому чаще всего Ключевскому приходится употреблять, говоря об общем благе, или будущее время или сослагательное наклонение, ему приходится не констатировать, а мечтать: конечно,—логическое основание этой мечты—закон, та норма и могущественная историческая сила, дающая возможность буржуазным политическим мечтателям типа Ключевского обосновывать свои мечты: «Одинаково для всех справедливый закон установил бы общественные отношения, *соответственные историческому направлению жизни*, но очищенные от случайных захватов» —мечтает Ключевский о том, что было бы, если бы правительство Екатерины II заботилось не о дворянах, а об «общем благе»: «При таких отношениях примирились бы интересы различных классов общества: единство интересов помогло бы установиться дружной совместной деятельности сословий в одном направлении, в интересе общего блага. Такая дружная деятельность сословий, основанная на

---

[1] «Курс». т. III. с. 261.
[2] Там же, с. 265.
[3] Там же, с. 266—267.

равном участии каждого из них в народном труде, вызвала бы деятельные нравы, а от деятельных нравов сами собой отложились бы органически связанные жизнью свои самородные понятия»[1]. Но действительность разбивает эти мечты, и сам Ключевский резко и ясно очерчивает причины неосуществления: дело идет об Екатерининском проекте Нового Уложения. В чем причина его неуспеха? В том, что данная депутатам задача—согласовать действовавшее русское законодательство, французскую философию Наказа и нужды населения—была невыполнима: «перед депутатами вскрывались из прений, шедших в комиссии, разнообразные, непримиримые интересы разных сословий»[2]. Даже в мелочах Ключевский иногда подмечает эту скрытую классовую борьбу. Говоря о «всешутейшем соборе» Петра I, он пишет: «В пародии церковных обрядов глумились не над церковью, даже не над церковной иерархией, как учреждением: просто срывали досаду на класс, среди которого видели много досадных людей»[3]. Петровское время обильно разбоями, многие губернаторы, боялись ездить по своим губерниям; шайки разбойников под предводительством беглых солдат рыскали всюду: «Разбоями низ отвечал на произвол верха: это была молчаливая круговая порука беззакония и неспособности здесь и безрасчетного отчаяния там»[4]. И большая доля ответственности лежит на дворянстве, как на правящем классе, не выполнившем всех требований, пред'явленных к нему исторической нормой Ключевского: дворянство «было собственно военное сословие, считавшее своею обязанностью оборонять народ, отечество от внешних врагов, но не привыкшее воспитывать народ, практически разрабатывать и проводить в общество какие-либо идеи и интересы высшего порядка»[5]...

В своем «Курсе» Ключевский всегда строго различает, имеет ли он дело с классом или с сословием, причем последнее, по его мнению — всегда конечное, более высокое по историческому развитию состояние. В XVI в. «общество расчленено, делится на классы, сложившиеся еще в удельные века. Тогда они имели только гражданское значение: это

---

[1] «Курс», т. V, с 144. Разрядка моя—*М. Н.*
[2] Там же, с. 58. Разрядка моя—*М. Н.*
[3] Там же, с. 51, т. IV.
[4] Там же, т. IV, с. 263.
[5] Там же, с. 93.

были экономические состояния, различавшиеся занятиями. Теперь они получили политический характер: между ними распределялись специальные, соответствовавшие их занятиям государственные повинности. Это еще не сословия, а простые служебные разряды, на должностном московском языке называвшиеся ч и н а м и»[1]... Как же расценивались эти общественные группы? По признаку их нужности для государства: «Неодинаковой расценкой видов государственного служения создавалось неравенство государственного и общественного положения разных классов»[2]. Правда, Ключевский признавал двумя крайностями западническое и славянофильское направления, из которых одно обращало преимущественное внимание на историю государства, другое—на историю общества[3]. Сам Ключевский все время хочет избежать этих крайностей, изучать и государство и народ. Ему удается избежать полнейшего разделения понятий, удается изучать их связи, но от фетишизма государства в своих исторических трудах он не сумел избавиться. «Управление обыкновенно устрояется в большем или меньшем соответствии с составом общества и его отношением к государству»[4]. В этом обобщении вылился весь Ключевский; тут и его характерная осторожность и ограничения: «обыкновенно» — но, значит, могут быть и необыкновенные случаи; огромный простор и туманность в формулировке «большего или меньшего соответствия», боязнь широкого обобщения и отсутствие ясности. Здесь же налицо и разграничение государства, управления и общества со смутным чутьем связи этих понятий, термином «большего или меньшего соответствия». Достаточно выступить на сцену понятию государства и правительства, как дотоле ясный анализ Ключевского начинает затуманиваться. Поставив государство выше общества, народа, подчинив последние первому, он теряет нить причинной связи, берет ее не с того конца. Когда восстание «черни» протестует против имущих классов,—Ключевский усматривает здесь неодобряемую им классовую борьбу и дает этому явлению наименование «социального». Но достаточно неимущим восстать против правительства, представленного теми же боярами и дворянами,—Ключевский отказывается уловить тут «социальную струю». Почему? Потому

[1] «Курс», т. III, с. 68.
[2] Там же.
[3] «История сословий», с. 30—31.
[4] «Курс», т. II, с. 482.

что прикосновенность боярства и дворянства к правительству и государству уже лишает их в глазах Ключевского классовых особенностей, возносит над обществом, дает возможность служить общему благу, а не личным классовым интересам. Резкое разделение государства и общества с признанием лишь некоторой и, как видим, своеобразной связи сквозит у Ключевского очень часто: «Общество не распалось: расшатался лишь государственный порядок» [1], пишет он о Смуте. «Петр поставил управлению на первом плане двоякую цель: 1) устройство военных сил и финансовых средств государства 2) устройство народного хозяйства, под'ем производительности народного труда как необходимое средство успешного достижения военно-финансовой цели. Очевидно это две существенно различные задачи: первая—основное дело государства, вторая ближе касается общества» [2]. Здесь чрезвычайно ясна граница между государством и обществом и подчинение первого последнему. Это дает характерные особенности исторической перспективе Ключевского, и государство является здесь не в служебной, а в самодовлеющей роли. «Внешние события 1812—1815 гг. не одинаково подействовали на русское общество и правительство: в первом они вызвали необычайное политическое и нравственное возбуждение. Пережитые события дали возможность русскому обществу почувствовать свое значение в критические минуты, какие выпали на долю русского народа»... «Совершенно иначе подействовали пережитые события на русское правительство. Внешние события поставили русское правительство в борьбу с последствиями революции, сделали его представителем консерватизма в международных отношениях, блюстителем законного порядка, представителем старины и противников новаторских стремлений теоретиков. Это консервативное направление из международных отношений переносится и на внутренние отношения: нельзя было, в самом деле одной рукой поддерживать на Западе охранительные стремления а другой проводить у себя дома преобразовательные «революционные» планы... Правительство и общество таким образом расходились друг с другом, как может быть никогда не расходились прежде» [3]. Кажется, еще один шаг — и остатки тумана рассеются: несколько слов еще, продолжение построения до напрашивающегося конца, — и перед нами

[1] «Курс», т. III, с. 61.
[2] Там же, т. IV, с. 254.
[3] «Курс», т. V, с. 191—193.

вскроется классовая природа как правительства дворянских интересов, так и «общества» молодой русской буржуазии. Ключевский констатировал и точно описал факт, но не дал теоретического освещения.

Веря в идеал общего блага, он надеялся на воспитательную роль правящего класса, на воспитательное значение государственных учреждений и радовался, что Петр I, «веривший прежде только в лицо, теперь стал глубже вникать в силу государственных учреждений, в их значение для политического воспитания народа. Он и прежде понимал необходимость такого воспитания» [1].

Чем ближе к последним периодам истории, тем противоречия Ключевского резче, тем мутнее и неопределеннее становится его позиция. Он боится подойти к современности с точки зрения классовой борьбы. Он и тут прячется от нее за ту же категорию «случайного». Характерный факт—упорное замалчивание Ключевским декабристов, чуть не единственный раз упомянутых в статье о предках Евгения Онегина. Б. В. Ключевский сохранил в памяти любопытное изречение отца: «Декабристы, это — историческая случайность, обросшая литературой».

Только что сказанное уже очерчивает круг тех случаев, когда на сцену выступает исторический идеализм Ключевского. Главным образом это совершается тогда, когда он начинает приближаться в своем историческом изложении к доказательству той или иной части своей общей концепции, своей идеалистической схемы исторического процесса. Удаляясь, в рамках отдельного периода в глубь исторического исследования, отдаленно связанного с общей концепцией,—например возникновения крепостного права, Ключевский чувствует себя свободнее,—приближаясь к концу периода, сводя итоги, прикрепляя только что изученное к определенному пункту общей концепции,—он теряет свою материалистическую манеру. Это, прежде всего, чувствуется в изучении войн: «В 1558 г. начата была ливонская война с целью пробиться к Балтийскому морю и завязать непосредственные сношения с Западной Европой, пользоваться ее богатой культурой» [2]. — Туманно и неубедительно об'ясняет Ключевский цель ливонской войны. Стремясь к достижению искомых границ национальности, Петр начинает ряд войн: приобретены новые портовые

---

[1] «Курс», т. IV, с. 257.
[2] Там же, т. II, с. 222.

города—Рига, Пернов, Ревель, Нарва, Выборг, Кронштадт и С.-Петербург во время северной войны. Факт этого приобретения заставил изменить направление торговых путей сношений с Западной Европой, которые раньше шли Белым морем, об'ясняет Ключевский. Как будто наоборот — и потянула-то Петра к Балтийскому морю экономическая необходимость приобретения новых торговых путей. Но у Ключевского причина и следствие поменялись местами: «По основании Петербурга, по мере того, как Петр утверждался на балтийских берегах, он хотел перевести внешнюю торговлю с окружного беломорского пути на балтийский, направив ее к новой столице» [1]. Как будто от воли одного лица и от любви его к новому «парадизу», Петербургу, зависело изменение торговых путей. Смута, по Ключевскому — эпоха мучительного рождения нового взгляда на государство, и Ключевский, прекрасно изучивший стихийную, экономическую необходимость процесса закрепощения крестьян, совершенно не дает этого почувствовать в беглой формулировке описания деталей этого процесса в Смуте: «при царе Федоре вельможами, особенно из родни и сторонников Годунова, а по примеру их и другими овладела неистовая страсть к порабощению, стремление заманивать к себе в кабалу всякими средствами и кого ни попало» [2]. Почему? Об'яснений тут не дано — все дело в помутнении государственных понятий, в «неблагоразумном образе действий правительства и общества, так печально поддерживаемом самой природой» [3]. Так же «сверху», без нужных экономических об'яснений, говорится о народном хозяйстве во время исторического помутнения идеала государства — в эпоху преемников Петра: «Между тем, народное, а с ним и государственное хозяйство расстраивалось. Торговля упала: обширные поля оставались необработанными по пяти, по шести лет...» — Здесь чистое описание, не связывающее эту хозяйственную эпоху с предыдущей — об'яснение идет сверху, из общей концепции, регистрирующей упадок государственного идеала, а не снизу, из хозяйственного процесса: последний не считается самостоятельным.

Отношение Ключевского к «идеям» столь же двойственно. Теоретически он признает, что они могут иметь значение самостоятельного

---

[1] «Курс», т. IV, с. 163.
[2] Там же, т. III, с. 70.
[3] Там же.

фактора, могут творить действительность. Но в своем фактическом исследовании он часто рисует обратную картину: ход событий, экономика, политика вымогают идеи, бытие творит содержание сознания, а не наоборот [1].

То же явление наблюдается у Ключевского по отношению к политическому процессу и к фактам права. В XV и XVI вв. «Законодательство знало хозяйственные выгоды, которыми пользовались разные классы и которые служили не интересам этих классов, а целям государства». «Практика шла впереди закона»,—говорит Ключевский о древнерусском законодательстве: не столько закон направил практику, сколько практика вырабатывала закон» [2]. Констатируя действительное положение вещей, Ключевский признает принципиально и обратный случай, когда закон творит действительность. Это убеждение—логическая часть системы понятий, возглавляемых правовым государством. Разлад этого идеала с исторической практикой все время остро чувствуется Ключевским, но от идеала своего он не отступает. Об этом говорят некоторые общие формулировки относительно юридических норм, разбросанные в разных местах работ Ключевского: «Право и основанная на нем система общественных отношений—два совершенно различных исторических момента» [3]. «Усиленная строгость законодательства в поддержании общественного порядка не говорит за то, что общество пользуется достаточным порядком» [4]. «Люди хватаются за писанный закон, когда чувствуют, что из-под ног ускользает обычай, по которому они ходили» [5]. «Юридическая норма, поступая из законодательной мастерской в житейский оборот, получает от него особый жизненный смысл, часто независимый от мысли законодателя и им не предусмотренный. Такой непослушной толкованию переработкой закона жизнь обороняется от самоуверенной опеки недальновидной власти» [6]. И в то же время история права служит Ключевскому критерием в предсказании грядущего хода исторических событий: история русского права

[1] Вопрос о взгляде В. О. Ключевского на роль идей в историческом процессе подробно разобран мною в статье на эту тему, помещенной в «Красной нови», 1923, кн. 5.

[2] «Боярская дума», с. 513.

[3] «Курс», т. II, с. 280.

[4] Там же, с. 89.

[5] Там же, т. III, с. 53.

[6] Там же, т. IV, с. 424.

с настойчивостью логического силлогизма указывала на необходимость освобождения крестьян, раз дворяне были освобождены [1]. В аграрном процессе он имеет дело опять с юридической нормой, с юридической идеей поместья [2]. Разбирая закон о престолонаследии, изданный Петром I, или Наказ Екатерины II, Ключевский всегда задает вопрос, насколько эти законодательные меры были ступенью в общем развитии права, насколько они указывали на процесс юридического сознания. В связи с этим, конечно, производится и оценка закона: устав о престолонаследии Петра I был шагом назад, повернул закон на отошедшее в историю право личного назначения наследника, пережиток удельных времен, связанный со взглядом на государство как на вотчину [3]. Екатерининские Комиссии и Наказ не имели большого значения в деле развития русского законодательства. Здесь опять налицо понятие об известной юридической норме, которая предначертала путь развития закона и дала твердый критерий оценки. Еще один шаг—и мы будем опять на идейном пути к прародителю этого взгляда, к Гегелю и его последователям. Каждой ступени общественного развития соответствует определенная степень правосознания и по работам Ключевского можно ясно проследить его убежденность в постепенном прогрессе этого правосознания—от низших форм к высшим,—а от них к будущим, к обязательно будущим формам правосознания в правовом государстве. Всегда, в каждую эпоху имеется «правовой разум народа» [4], с которым надо считаться, например, при составлении нового свода законов, издании новых распоряжений, и юридическое сознание петровского общества заключалось в смутной потребности права [5],—эта смутная потребность в будущем станет все более и более уясняться. И право и отсутствие права—равным образом исторический фактор, показывающий к чему стремится ход истории: так, отсутствие права по мнению Ключевского определило чрезмерное развитие крепостничества: «Власть помещиков над крестьянами развилась без меры вследствие отсутствия точного законодательства» [6].

---

[1] «Курс», т. V, с. 141 и 142.
[2] Там же, т. II, с. 284.
[3] Там же, т. IV, с. 279.
[4] Там же, т. III, с. 173.
[5] Там же, т. IV, с. 296. Ср. «Историю сословий», с. 116 и раз.
[6] Там же, т. V, с. 154.

Сейчас уместно остановиться на одной характерной черточке Ключевского, которую можно было бы назвать его юридизмом. Он редко упускает случай произвести чисто юридический анализ исторических фактов, касающихся права и государства, подвести их под определенные разряды и категории юридических формулировок. На фоне всего только что изученного, особенно на фоне его взглядов на государство, общее благо, роль закона, это увлечение юридической терминологией становится понятным. Эта черта явственна в «Истории сословий», в чисто юридическом анализе первых глав, в разборе юридического состава понятия «сословие» и в выделении права, как основного его признака [1]. Памятники права признаются им единственно надежным источником для истории сословий [2]. Это предпочтение освещается тесной связью Ключевского со школой родового быта, так называемой историко-юридической школой. В том же курсе формулируется юридическая сущность процесса закрепощения крестьян: «со второй половины XVI века начинается дробное деление и в низших классах. Оно началось с самого низа, с холопства. Источником этого деления, видели мы, было отражение принципа, усвоенного государственным правом, в праве гражданском, обязательственном... В этой перемене, происшедшей в обязательственном праве, и заключается самый скрытый источник крепостного права на крестьян, которое, вслед за холопством, осложнило юридический состав и этого класса» [3]. Изучая удельную эпоху, Ключевский считает необходимым произвести юридический анализ власти удельного князя и именно в терминах государственного права: в сферах центрального и областного управления эта власть являлась в различных юридических формах: «Если нужно обозначить эту разницу, применяясь к терминологии государственного права, можно сказать, что в дворцовом управлении князь был вотчинником с правами государя, а в областном являлся государем с привычками вотчинника» [4]. Местничество также подвергается юридическому анализу и также с точки зрения государственного права и государственной целесообразности: «Оценивать служебную годность происхождением или службою предков значило подчинять государственную службу обычаю,

[1] «История сословий», лекции I — III.
[2] Там же, с. 28.
[3] Там же, с. 189—190.
[4] «Боярская дума», с. 108.

который коренился в нравах и понятиях частного быта, а в сфере публичного права становился по существу своему противогосударственным»[1]. Тщательному юридическому анализу подвергается уложение царя Алексея Михайловича[2], устанавливается юридическая природа владения поместьем[3], юридический состав крепостного права[4], юридический состав верховной власти в период царствования Анны Иоанновны[5] и огромный юридический смысл проекта Сперанского[6]. Правда, история иногда туго и с трудом гнется под категории государственного права, часто юридический анализ очень нелегок. Власть царя после Смуты дает пример этого: она была очень сложна, юридически двойственна,—и сам Ключевский волей или неволей указывает на причину этого, на ее классовое происхождение, как раз и тормозящее юридический разбор: «Она была связана негласным договором с высшим правительственным классом, который правил через Боярскую думу, но публично, перед народом, в официальных актах являлась самодержавной в том неясном, скорее титулярном, чем юридическом смысле, который не мешал даже В. Шуйскому титуловаться самодержавцем»[7]. Опять Ключевский вплотную подходит к классовой основе власти и опять не делает последних выводов. Что касается до Уложения Алексея Михайловича, то «можно немалыми усилиями свести главы Уложения в отделы государственного права, судоустройства и судопроизводства, вещного и уголовного права»...[8], и в Боярской думе «каждое дело решали практически, не возводя его к постоянной норме»... но в последующих словах о том, что тут не закон направлял практику, а практика закон, ясна мысль о возможности направления практики законом[9].

Социальный и политико-юридический моменты часто ставятся Ключевским рядом, считаются равноценными, как исторические факторы: «Стоит лишь просмотреть список думных дворян XVI и XVII веков, чтобы заметить двоякое происхождение этого звания, социально-адми-

---

[1] «Курс», т. II, с. 199. Ср. «Боярскую думу», с. 298.
[2] Там же, т. III, с. 178.
[3] Там же, т. IV, с. 112.
[4] Там же, с. 132. Ср. т. V, с. 83.
[5] Там же, с. 383.
[6] Там же, т. V, с. 185.
[7] Там же, т. III, с. 99—100. Ср. т. IV, с. 277.
[8] Там же, с. 181.
[9] «Боярская дума», с. 513.

нистративное» [1]. Еще характернее мнение о роли Елизаветы в пробуждении дворянского стремления к господству, к власти: «... именно Елизаветой, так часто заявлявшей о священных заветах отца, подготовлены были обстоятельства, содействовавшие тому, что в сословии бывшем доселе привычным орудием правительства в управлении обществом, зародилось стремление самому править обществом посредством правительства» [2]. Как уже говорилось, к социальному процессу Ключевский, руководимый своей концепцией, часто подходит «сверху»: законодательство с воцарения Михаила «начинает стягивать общество»... [3], а Петр «не тронул основ общественного склада» [4], как будто мог бы изменить социальную структуру, если бы захотел. О преобладании идеалистических толкований религиозных явлений у Ключевского, конечно, не приходится много говорить: они безусловно преобладают, несмотря на отдельные яркие места материалистических толкований, примеры которых были приведены в начале этой главы. Такие толкования, как бы ярки они ни были оставлены Ключевским на степени частных случаев. Идеалистический же характер общей концепции, идеалистическое толкование религии он возводит, наоборот, до степени обобщения. Необходимо указать, что религиозные силы обычно выступают у Ключевского рядом с силами национальными самым глубоким, таинственным и сильным двигателем истории по мнению Ключевского. В Смуту общество спасли и те и другие. «Когда надломились политические скрепы общественного порядка оставались еще крепче связи национальные и религиозные: они и спасли общество» [5]... «Во время Смуты были моменты, когда, казалось, гибло государство, само государство. Оно стало преображаться в какую-то форменную мятущуюся федерацию. Но с конца 1611 г. когда изнемогли политические силы, начинают пробуждаться силы религиозные и национальные, которые пошли на выручку гибнувшей земли» [6]. В XVII в. поиски новых средств для государственного существования приводят к иностранным заимствованиям,—отсюда ряд политических и ре-

---

[1] «Боярская дума», с. 260.
[2] «Курс», т. IV, с. 449.
[3] Там же, с. 01. Ср. т. II, с. 234, 427, 466, 479.
[4] Там же, т. IV, с. 280.
[5] Там же, т. III, с. 61.
[6] Там же, с. 73.

лигиозных потрясений [1], и польский вопрос, во весь рост ставший перед правительством Екатерины II, был вопросом национально-религиозным—«и только» [2].

Сравнительно небольшая литература о В. О. Ключевском, вышедшая из-под пера историков-немарксистов, не пришла к единому выводу в его оценке. То его считают последователем исторического идеализма [3], то типичным эклектиком, стоящим за «многочисленность факторов» [4]. То считают его основателем новой школы [5], то отказывают ему в этом. Скажем кратко: старые элементы чичеринско-соловьевской теории Ключевский соединил в новое и своеобразное целое, согласно которому целью русской истории явилось правовое государство, давшее Ключевскому критерий для отбора исторических явлений. Централистские шовинистические тенденции этой схемы сказались в понимании правового государства как национального целого. Вся либеральная интеллигентская раздвоенность Ключевского сказывается в том факте, что он в свою бесклассовую концепцию пытается подчас влить изучение классовой, «социальной» истории России. Ясно, что старые теоретические мехи не могли выдержать нового классового вина. Так нельзя создать новой исторической школы. И концепция осталась сама по себе, а фактическое изучение исторических явлений само по себе. Так и не удалось Ключевскому до конца примирить классы русского общества со своей исторической схемой. В этом — его характерная особенность. Он был достаточно чутким исследователем, чтобы видеть в истории классовую борьбу, но он остался достаточно осторожным буржуазным профессором, чтобы возыметь смелость, отречься от старой схемы. Анализ классовой борьбы вел его к новым обобщениям, но он не дошел до них. Эта трагедия Ключевского и определяет его место в развитии русской исторической мы-

---

[1] «Курс», т. III, с. 163.

[2] Там же, т. V, с. 24.

[3] В. М. Хвостов, Историческое миросозерцание Ключевского (в сб. «Нравственная личность и общество». М 1911).

[4] С. Тхоржевский, В. О. Ключевский как социолог и политический мыслитель. («Дела и дни», кн. 2, 1921).

[5] Б. И. Сыромятников. В. О. Ключевский и Б. Н. Чичерин, и М. М. Богословский, В. О. Ключевский как ученый (В. О. Ключевский. Характеристики и воспоминания).

сли. Он напоминает царя Алексея Михайловича, метко зарисованного в его лекциях: «одной ногой он еще крепко упирался в родную православную старину, а другую уже занес было за ее черту, да так и остался в этом нерешительном переходном положении».

БИБЛИОГРАФИЯ.

Список литературы о В. О. Ключевском[1]

1. Айхенвальд Ю. И.—Ключевский мыслитель и художник (сб. „В. О. Ключевский“[2], стр. 117—144).

2. Барсов Е. В.—В. О. Ключевский как председатель Общества (Истории и Древностей Российских). („Чтения в Имп. Обществе Истории и Древностей Российских при Моск. Университете“. М. 1914 г., стр. 37—40)[3].

3. Белов А.—В. О. Ключевский как лектор (из воспоминаний его слушателя). („Ист. Вестн“. 1911. т. VI, стр. 986—990).

4. [Белокуров С. А.]—Василий Осипович Ключевский. Материалы для его биографии. Собрал С. А. Белокуров. („Чт.“, стр. 1—413).

5. Он же—Ключевский Василий Осипович (Богословская Энциклопедия, т. XI, п. ред. Н. Глубоковского. СПБ. 1910, столб. 275—289).

6. Он же.—Список печатных работ В. О. Ключевского. („Чт.“ Мат. д. биогр., стр. 442—473).

7. Богословский М. М.—В.О. Ключевский как ученый (сб. „В. О. Ключевский“, стр. 26—44).

8. Он же.—Из воспоминаний о В. О. Ключевском („Чт.“, стр. 123—130).

9. Бороздин И.—Памяти В. О. Ключевского. („Совр. Мир.“, 1911, № 5, стр. 309—312).

10. Виппер Р.—Памяти великого учителя (письмо в редакцию). („Рус. Вед.“, 1911, № 112 от 17 мая).

11. Виргинская Е. О. (Сестра В. О. Ключевского)—Воспоминания... („Чт.“ Мат. д. биогр., стр. 414—419).

---

[1] Библиография произведений самого В. О. Ключевского помещена в „Чтениях в Имп. Обществе Истории и Древностей Российских“ (составлена С. А. Белокуровым, см. № 6 настоящего списка литературы). С тех пор, собственно, новых текстов В. О. Ключевского не появлялось, за исключением его писем к П. И. Гвоздеву, опубликованных С. А. Голубцовым (см. № 13 настоящего списка). Наш список литературы о В. О. Ключевском не претендует на полноту.

[2] Такое сокращение принято и в дальнейшем для сборника, зарегистрированного в настоящем списке под № 12.

[3] В дальнейшем принято сокращение этого сборника „Чт“—см. № 87 настоящего списка.

12. „В. О. Ключевский".—Характеристики и воспоминания. М. „Научное Слово", 1912.

13. Голубцов С. А.—В. О. Ключевский и студенческие годы (вступительная статья к изданию „Письма В. О. Ключевского к П. П. Гвоздеву". М. 1924, стр. 9—37).

14. Он же.—Теоретические взгляды В. О. Ключевского („Русский исторический журнал". Кн. 8, Лгр. 1920).

15. Готье Ю.—В. О. Ключевский как руководитель начинающих ученых (из личных воспоминаний). (Сб. „В. О. Ключевский", стр. 176—182).

16. Заозерский Н. А.—В. О. Ключевский в его рецензиях диссертаций на ученые степени профессоров и студентов Московской Духовной Академии. („Чт"., стр. 72—122).

17. Он же.—Двадцатипятилетие профессорской службы В. О. Ключевского в Моск. Дух. Академии.—Сергиев Посад, 1897 (из № 12 „Богосл. Вест." за 1896).

18. Иконников В. С.—Боярская дума древней Руси В. Ключевского. („Рус. Ст.", 1882, т. XXXVI, стр. 610—622).

19. Иловайский Д. И.—Поборники норманизма и туранизма, гл. III. („Рус. Ст.", 1882, т. XXXVI, стр. 613—619, ср. стр. 619—620 .

20. Кизеветтер А. А.—В. О. Ключевский как преподаватель (сб. „В. О. Ключевский", стр. 161—176).

21. Он же.—Детские и школьные годы В. О. Ключевского (сборник того же автора „Исторические отклики". М., изд-во К. Ф. Некрасова).

22. Кизеветтер А. А.—Из воспоминаний восьмидесятника („Голос минувшего на чужой стороне", 1926, № 1/XIV, 2/XV и 3/XVI).

23. Он же.—Ключевский Василий Осипович. Статья в Энциклопед. словаре, изд. Гранат, т. 24, столб. 357—367.

24. Он же.—Ключевский и „социализация классиков" („Свобода России", 1918, № 34 от 25/12 мая).

25. Он же.—Памяти В. О. Ключевского („Рус. мысль", 1911, т. VI, ср. „Рус. Вед." от 13 мая. 1911, №№ 109 и 110).

26. Он же.—Памяти В. О. Ключевского („Рус. вед." 1911, № 109 от 13 мая, См. там же „Болезнь и смерть Ключевского" и „Краткие биографические сведения о В. О. Ключевском").

27. Он же.—В. О. Ключевский как ученый историк России („Русск. вед.", 1911, № 110 от 14 мая).

28. Он же.—На рубеже двух столетий (воспоминания 1881—1914)—Прага, из-во „Орбис", 1929. (Издание „Русского заграничного исторического архива". Серия мемуаров, вып. I).

29. К-ий.—Некролог. В. О. Ключевский („Моск. вед.", 1911, № 109 от 14 мая).

30. Клочков М.—Из траурных воспоминаний. В. О. Ключевский. („Современник", 1911, кн. V, стр. 344—253).

31. Ковалевский Максим.—Василий Осипович Ключевский („В. Евр.", 1911, VI, стр. 406—411).

32. Кони А. Ф.—Воспоминания о Ключевском (сб. „В. О. Ключевский", стр. 145—163). Ср. его же „На жизненном пути", т. II. М. 1916 стр. 178—200).

33. Кончина — В. О. Ключевского („Новое время", 1911, от 13 мая № 12631).

34. Котляревский Н. А.—[Некролог о В. О. Ключевском]. (Отчет о деятельности отделения русского языка и словесности Импер. Академии Наук за 1911 г.—СПБ 1911).

35. Котляревский С. А.—Что дает „Боярская дума" В. О. Ключевского для государствоведения (в сб. статей, посвященном В. О. Ключевскому. М 1909, стр. 244—25).

36. Кояловичъ М. О.—История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. Изд. 3-е без перемен. СПБ 1901 (в главе XXII „Господство сравнительного приема при изучении истории", стр. 472—536).

37. Лаппо-Данилевский А. С.—Исторические взгляды В. О. Ключевского (сб. „О. В. Ключевский", стр. 100—116).

38. Лапшин И. И.—Философия изобретения и изобретение в философии (Введение в историю философии) т. I „Наука и Школа" 1922—о В. О. Ключевском, гл. V „Творческое воображение", стр. 151—152).

39. Лигин.—Ключевский—журналист („Русск. Вед.", 1911, № 110 от 14 мая).

40. Львов Лоллий.—Ключевский о России („Свобода России", 1918 № 34).

41. Любавский М. К.—Василий Осипович Ключевский (сб. „В. О. Ключевский", стр. 5—25).

42. Он же.—Василий Осипович Ключевский (Биографический очерк) „Чт.", стр. 1—34.

43. Он же.—Соловьев и Ключевский. (Сб. „В. О. Ключевский", стр. 45—58).

44. Он же.—С. М. Соловьев и В. О. Ключевский („Чт", стр. 41—52).

45. Маловский В.—Воспоминания... („Чт." Мат. д. биогр., стр. 419—422).

46. Милюков П.—В. О. Ключевский (сб. „В. О. Ключевский", стр. 182—217).

47. Он же.—Источники русской истории и русская историография (Энциклопедический словарь, изд. Брокгауз и Эфрон, 55 п/т., стр. 430—446, о Ключевском,—стр. 444—445).

48. Модзалевский Б. Л.—Список членов Импер. Академии Наук.

49. Мякотин В.—Ключевский (Василий Осипович). (Энциклопедический словарь, изд. Брокгауз и Ефрон, 2 п/т, стр. 444).

50. Н. А.—В. О. Ключевский („Новое время", 1911, от 14 мая, № 12632).

51. Нечаев Н. П.—[Воспоминания о занятиях В. О. Ключевского в Александровском военном училище]. („Чт." Мат. д. биогр., стр. 434—435).

52. Нечкина М. В.—Взгляд В. О. Ключевского на роль „идей" в историческом процессе („Красная новь" № 5, 1923, стр. 174—204).

53. Она же.—Ключевский Василий Осипович (Малая советская энциклопедия, т. III, стр. 913—914).

54. Она же.—К характеристике В. О. Ключевского как социолога (в связи с изданием V тома „Курса русской истории" В. О. Ключевского). „Вестник просвещения НКП АТССР", № 1—2, 1923).

55. Она же.— усская история в освещении экономического материализма. Казань, ГИЗ, 1922 (о Ключевском, см. гл. V, стр. 171—176, 182—183 и таблицу периодизации, 195).

56. Открыт памятник В. О. Ключевскому. („Вечерняя Москва", 1929, № 234, 8/X—ср. „Вечерняя Москва", 1929, № 235, 9/X).

57. П. — В. О. Ключевский („Новое время", 1911, от 14 мая, № 12632).

58. Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в древней Руси. С предисл. М. Н. Покровского.—Пгр., из-во „Прибой", 1924 (I-е изд. 1907). (О Ключевском, отд. IV, гл. первой „Теория вотчинная Ключевского").

59. Петров В. А.—[Воспоминания о занятиях В. О. Ключевского в Александровском военном училище]. („Чт.", Мат. д. биогр. ст., 435—440).

60. Пичета В. И.—Введение в русскую историю (Источники и историография). Кооперат. из-во научных работников. М., 1923 (см. о Ключевском ч. II, гл. I „Историография Сев.-вост. Руси": XIV. Новая историческая наука; XVII Школа В. О. Ключевского, стр. 151—157).

61. Платонов С. Ф.—Памяти Ключевского (сб. „В. О. Ключевский", стр. 94—99).

62. Плеханов Г. В.—История русской общественной мысли. М., 1917 г., т. I (о Ключевском, главы II—IV, стр. 11—22).

63. Погожев Петр.—Первая работа В. О. Ключевского („Новое время", 1911, от 17 мая, № 12635).

64. Покровский М. Н.—Борьба классов и русская историческая литература. Лекции, читанные в Ком. у-те им. Зиновьева. Пгр., „Прибой", 1923 (о Ключевском см. гл. III и IV).

65. Он же.—Курс русской истории проф. В. О. Ключевского („Правда", 1904, март, стр. 211—215).

66. Он же.—О „Пятом томе" Ключевского (заметка). („Печать и революция", 1923, кн. III, стр. 101—104).

67. Он же.—Откуда взялась внеклассовая теория развития русского самодержавия. (Первонач. в „Вестнике Соц. Акад.", № 1—2, 1923, перепечат. в сб. того же автора „Марксизм и особенности исторического развития России". Л., Прибой, 1925).

68. Поленова Ел. Дм.—1850—1898 гг. М. 1902, стр. 37—38.

69. Похороны В. О. Ключевского („Русск. вед.", 1911, № 112 от 17 мая).

70. Почему растаскиваются исторические собрания. Найдены остатки архива В. О. Ключевского. („Вечерняя Москва", 1929, 9/V, № 103/1615).

71. Пресняков А. Е.—В. О. Ключевский (1911—1921), („Русский истор. журна ", кн. 8, 1922, стр. 203—224).

72. Пресняков А. Е.—Образование великорусского государства. Очерки по истории XIII—XV столетий. Пгр., 1918 (стр. 19-26).

73. Рождественский А.—Воспоминания... („Чт.", Мат. д. биогр., стр 422)

74. Рудаков В. Е.—Памяти В. О. Ключевского. („Истор. вестн.", 1911 VI, стр. 975—985).

75. Сергеевич.—Русские юридические древности, т. II, кн V, гл. II СПБ, 1900.

76. Смирнов С. И.—Исследование В. О Ключевского „Древнерусские жития святых как исторический источник" („Чт.", стр. 53—71).

77. Соболевский А. И.—Русская литература XVII века в освещении В. О. Ключевского (Русск. филол. вестник, 1908, № 4, стр. 365—368).

78. Струве П. Б.—Пессимизм и оптимизм. (Первонач. в „Слове" от 15 апр. 1908 г., перепеч. в сб. того же автора „Patriotica". Политика. Культура. Религия. Сб. статей за пять лет 1905—1910", изд. Д. Е. Жуковского, СПБ 1911, стр. 200-204).

79. Сыромятников Б. И.—В. О. Ключевский и Б. Н. Чичерин (Сб. „В. О. Ключевский", стр. 59—93).

80. Троицкий А.—Поступление воспитанников пензенск. дух. семин. в высш. уч. завед. за истекш. столетие („Пензенск. епарх. вед.", 1901, 1 окт., № 19)

81. Тхоржевский С. И.- В. О. Ключевский как социолог и политический мыслитель („Дела и дни", ист. журнал, кн. 2—Пб., 1921).

82 Уланов В.—Арфа сломана („Русск. вед.", 1911, № 110 от 14 мая).

83. Умов Н. А.—От „Научного слога" (Сб. „В. О. Ключевский", стр. 1—4, вводная статья к сборнику).

84. Фирсов Н. Н.—Памяти В. О. Ключевского („Исторические характеристики и эскизы"), 1890 1920 г. (т. II, ГИЗ. Казань, 1922).

85. Хвостов В. М.—Историческое мировоззрение В. О. Ключевского (в сб. того же автора „Нравственная личность и общество". М., 1911).

86. Чествование В. О. Ключевского [по случаю 30-летия профессорской деятельности] („Ист. В.", 1901, XII, стр. 1273—1276).

87. Чтения в Императорском Обществе Истории и Древн. Российских пр. Моск. Университете. 1914 г. Книга первая. Двести сорок восьмая. Издана под заведыванием М. К. Любавского.

88. Шаляпин Ф. В.—Страницы из моей жизни. Автобиография. Лгр. „Прибой" s. a. („Дешевая библиотека",—о Ключевском стр. 236, 240, 243).

89. Щетинин Б. А., кн.—Из воспоминаний о В. О. Ключевском („Ист. В.", 1911, кн. 7, стр. 223—226).

А. ПЕТРОВА

Н. А. РОЖКОВ КАК ИСТОРИК РОССИИ

Н. А. Рожков—один из виднейших историков современного нам поколения. В широких кругах читателей он известен как историк-марксист. Долгое время он был даже относительно крупной теоретической силой большевиков. И в то же время более или менее детальный разбор его трудов показывает, что определение «марксист» по отношению к нему приходится сопровождать значительными оговорками.

Что касается самого Н. А. Рожкова, то он в дореволюционных работах называет себя «критическим позитивистом», в работах же революционного периода относит себя к лагерю марксистов. Какая-то неясность царит в собственных оценках самого Рожкова: кто же он по мировоззрению— позитивист или марксист? Ведь, совершенно понятно, что нельзя одновременно быть последователем двух разных школ. Иногда хочется «позитивизм» Рожкова принять за цензурное прикрытие им своего марксистского мировоззрения, небезопасного в дореволюционные времена. Но от этого приходится отказаться, так как позитивизм и контизм снабжает нашего историка не только терминами, но и рядом положений, которыми проникнут историко-социологический анализ Рожкова. Некоторые положения он даже целиком заимствует у Конта и его последователей.

Нельзя принять и такого предположения, что, будучи позитивистом в конце 90-х и начале 900-х гг., Рожков позднее стал марксистом. Правда, его работы 1905—06 гг., напр., «Происхождение самодержавия в России», являются наиболее выдержанными с марксистской точки зрения. Зато работы периода реакции, положим, «Основы научной философии», представляют буквально отречение от марксизма. Стало быть, приходится говорить не об эволюции Н. А. Рожкова от позитивизма к марксизму, а о его шатаниях, которые и отличают его от революционных марксистов.

В данной работе постараемся определить, в какой степени Н. А. Рожков является марксистом и что он заимствовал от позитивистов, переходя тем самым с идеологии пролетариата на позиции мелкой буржуазии. Кроме этого, необходимо определить, насколько верны схема русской истории, предложенная Рожковым, и об'яснения отдельных исторических явлений, сделанные им.

Из многочисленных трудов Н. А. Рожкова подвергнем разбору здесь только работы по русской истории; другие работы мы будем привлекать лишь постольку, поскольку это необходимо для выяснения физиономии Рожкова, как русского историка.

I. МЕТОДОЛОГИЯ РОЖКОВА И ЕГО МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Важнейший вопрос, с которого мы и начинаем, есть вопрос об общем мировоззрении Рожкова, вопрос о его методологии. Последняя в значительной степени уже предрешает как постановку проблем, так и их разрешение, не только в схеме истории, но и в анализе современности.

В основном, конечно, Рожков материалист. Это положение не нуждается в обширных доказательствах. Достаточно хотя бы поверхностно просмотреть основные работы автора, чтобы в этом убедиться.

Когда Н. А. Рожков ставит вопрос, что является первопричиной всех общественных и исторических фактов, то отвечает: хозяйственные, экономические явления. Эти заявления, буквально, рассыпаны во всех его работах. Напр.: «Современная социология м н о г о е об'ясняет н е п о с р е д с т в е н н о влиянием экономических явлений, сводя в с е общественные явления в к о н е ч н о м с ч е т е к явлениям хозяйственным» [1]. Указание, что об'яснение в конечном счете всех общественных явлений сводится к явлениям хозяйственным, конечно, чисто материалистическое.

В «Обзоре русской истории» мы находим: «Социальный процесс слагается под непосредственным воздействием экономических явлений» [2]. Дискутируя тот же вопрос со сторонниками теории взаимо-

---

[1] «Русская история в сравнительно-историческом освещении», т. 1, стр. 10. Разрядка автора—*А. П.*

[2] «Обзор русской истории с социологической точки зрения», ч. 1, стр. 168.

действия, Рожков говорит: «Важно, где первичное влияние», — откося его за счет экономики [1]. Начиная работу «Город и деревня», автор опять подчеркивает, что он исходит в своем изложении из экономических явлений, как основных, и из них об'ясняет явления социальной и политической жизни [2].

Подобные заявления, много раз встречающиеся во всех работах, характеризуют нашего автора как материалиста. Это не значит, что он последователь исторического материализма. Нет, он совершенно определенно говорит, что понятия «исторический материализм», «диалектический материализм» давно устарели и требуют замены новыми понятиями: «эволюция», «экономическое об'яснение» и т. д. («Осн. научн. фил.») [3].

Однако, здесь мы воздержимся пока от оценок и посмотрим ближе, что вкладывает Рожков в понятия: «экономические», «хозяйственные» условия; п о ч е м у явления экономики берутся за исходное положение при анализе явлений общественной жизни. Наконец, определим отношение Рожкова к диалектике. Ведь, чтобы быть марксистом, надо быть не только материалистом, но и диалектиком, т. е. уметь рассматривать общество «как живой, находящийся в постоянном развитии, организм (а не как нечто механически сцепленное и допускающее поэтому всякие произвольные комбинации отдельных общественных элементов» [4].)

Иногда кажется само собой разумеющимся положение, что Рожков—диалектик. Один из крупнейших его трудов, «Русская история в сравнительно-историческом освещении», носит чрезвычайно подкупающий в этом отношении подзаголовок «Основы социальной динамики»: диалектика, так сказать, обещана... Но когда мы раскрываем этот самый труд, то на первых же страницах его находим, что с диалектикой обстоит отнюдь не так благополучно. Наш автор находит возможным противопоставлять динамике общественной жизни состояние покоя, равновесие ее. Так, приводя схему строения общественной жизни, он говорит: «Такова схема социальной статики, учения о взаи-

[1] «Русская история», т. 1, с. 12.

[2] «Город и деревня в русской истории», с. 6.

[3] По поводу замечания Рожкова, что он считает себя марксистом (только что вышедший XII т. «Русская история»), см. в конце этой работы.

[4] Л е н и н, Собр. соч., т. I, с. 93.

моотношениях общественных явлений, взятых не в цельном процессе развития, а в состоянии покоя, равновесия в каждый момент общественной жизни». Несколько дальше: «Строго говоря, следовало бы предпослать социальной динамике социальную статику» [1]. Только «достаточная разработанность этого вопроса в литературе» заставляет Рожкова воздерживаться пока от подробного разбора законов социальной статики, однако он оставляет за собой это право на будущее.

Самое желание Рожкова говорить о «статике общественных явлений» встает против него, как марксиста. Где, какое общество можно рассматривать в состоянии покоя? Развитие производительных сил, с одной стороны, классовые противоречия, возникающие на этом фундаменте, с другой, все время заставляют общество с большей или меньшей скоростью двигаться вперед. Только в результате постоянного столкновения классовых противоречий, в результате постоянного движения общество развивается. Только абстрагирование от всякого общества и всяких фактов, очевидно, могло дать материал для такого рода рассуждений.

Об'являя в «Основах научной философии» понятия «диалектический метод», «материя» безнадежно устаревшими, Рожков упрекает Ленина за то, что он придает им как бы значение «священного завета». Там же Рожков предлагает заменить «диалектику» «эволюцией», не поясняя нам, как произвести такую замену, когда в понятие «эволюция» не может быть включен момент борьбы классов. В понятии «эволюция» не умещается понятие «революция», а мы знаем, что последняя существует не только в теории, но и в практике, особенно в современной жизни, где она заняла самое видное место.

В результате, благодаря всем этим подменам получилось достаточно безобидное учение, отражающее не классовую борьбу пролетариата, а мирное прозябание мелкобуржуазной идеологии. Это как раз та теория, которую более или менее успешно стараются развивать все ревизионисты Маркса; вся та «когорта» ученых, которая сознательно или несознательно пошла на службу к буржуазии.

У Рожкова, в конце концов, получается достаточно стройная, по своему, система социологических выводов относительно революции.

---

[1] «Русская история», т. I, с. 14.

Он утверждает, что неправильно говорить: «революция», «реакция»; гораздо целесообразнее вслед за Сен-Симоном ввести понятие «критических и органических эпох». Правильность такой терминологии аргументируется тем, что под «критической» эпохой (в общежитии — «революцией») должно разуметь не только насильственный переворот, но и более мирный переход власти из рук одной группы общества в руки другой группы или класса. «Реакция» же есть органическое приспособление господствующих классов к завоеваниям, сделанным в «критическую» эпоху [1]. Такое расширенное толкование «революции» и «реакции» дает возможность Рожкову под первое понятие подвести такие явления, как приручение животных и появление мотыжного земледелия [2]: это—тоже «революции». Конечно, при таком толковании «революции» делается понятной и подмена «диалектики» «эволюцией». Но, если эту подмену совершить, то нужно отказаться и от того, что исторический процесс развивается скачкообразно. Зачем «скачки» и борьба, когда мирная, постепенная эволюция и без насильственных переворотов приводит к все более и более высоким фазисам развития, к все более и более высокой ступени техники и экономики. В этой системе «революция есть один из моментов эволюции, когда общественное развитие совершается ускоренным темпом» [3].

Ничего неожиданного для нас теперь не должно быть и в тех выводах, к которым Рожков приходит в результате революции 1905 г. Он говорит:

«... Если взять общественное развитие за продолжительный период времени и сравнить два соответствующих друг другу по содержанию социальных процесса, но различных по способу осуществления этого содержания, — один чисто эволюционный, с медленными и постепенными, безбурными переменами, другой особенно замедленный в начале и конце и сопровождавшийся в средине бурным переворотом,— то окажется, что шаг вперед, совершенный обоими обществами, в сущности, одинаков» [4].

Рожков не хочет видеть и не видит того ярко бросающегося в глаза обстоятельства, что революция содержит в себе неизбежно ко-

[1] «Русская ист.», т. I, с. 41—42.
[2] Там же, с. 73.
[3] «Судьбы русской революции».
[4] Там же, с. 104.

ренное изменение всего общественного строя, передачу политической власти новому классу и, следовательно, предоставление экономике возможности развиваться в новых рамках и на новом базисе.

Стараясь доказать, что революция осуществляет только то, что иными методами осуществляет и реакция, и что вся разница этих двух моментов исторического процесса только в методах осуществления его, Рожков остается верен своей теории эволюции. Он как бы не замечает, что самое изменение метода действия масс в период революции есть следствие и причина изменения содержания происходящего процесса развития.

Нам кажется, что здесь Рожков не считается с одним из важнейших законов развития — законом перехода качества в количество и наоборот. «Количественные изменения, постепенно накопляясь, приводят, наконец, к изменениям качества, и эти изменения качества представляют собой моменты скачков, перерывов постепенности»[1].

«Методы осуществления», на которые ссылается Рожков при сопоставлении революции и реакции, делают то, что во время революции качественные отличия, накопляясь, изменяют все существо положения вещей, вплоть до того, что совершенно сметают с лица земли все старые общественные отношения, выдвигают на арену общественной жизни новый класс, становящийся ее гегемоном.

В случае неудачи революции, наступления реакции, старые господствующие классы, сохраняя за собой власть или возвращаясь к ней, чтобы закрепить ее за собой, конечно, бывают принуждены сделать ряд уступок с целью хоть отчасти сгладить противоречие, возникшее между производственными отношениями и производительными силами В этом смысле, конечно, даже неудавшаяся революция делает некоторые завоевания: несколько ослабляет путы, прежде стягивавшие дальнейшее развитие производительных сил. Но все эти уступки делаются лишь постольку, поскольку их возможно втиснуть в старые общественные отношения, поскольку это может гарантировать от немедленного взрыва.

В. И. Ленин по поводу неудач революции 1905 года говорил, что причины, ее вызвавшие, не устранены, поэтому неизбежен новый взрыв,

[1] Плеханов, К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. М. 1919, с. 139. разрядка автора.

новая революция с теми же задачами, какие стояли перед 1905 г. Все потуги самодержавного правительства разрешить основное противоречие, противоречие аграрных отношений, никакими паллиативами, на которые помещичье-буржуазное правительство только и может пойти, не может быть устранено без революции. Этим прогнозом была о п р е д е л е н а вся тактика революционной партии.

Интерпретация тех же самых событий по Рожкову получает совсем иной вид, что, собственно, и дополняет его схему «эволюции». Он говорит, что причины, вызвавшие революцию и оказавшиеся неустраненными в ее итоге, все-таки будут устранены потом,—но медленнее и другими способами (парламентаризм, при котором по Рожкову самодеятельность масс та же, что и при революции; последняя при нем принимает «более спокойный, менее бурный характер»; столыпинская реформа в отношении аграрного вопроса и т. д. См. «Судьбы русской революции»). Такое положение как будто не приходится много комментировать.

После ознакомления с теоретической стороной приведенных положений Рожкова о диалектике и революции, обратимся к их «прикладной стороне», к практическому применению этого учения.

Мы имеем заявление, что «предмет истории—исторический процесс, связная цепь фактов». Вопреки намерениям автора, мы не в состоянии уловить динамики в его исторических работах; для нас совершенно неочевидна и «связная ц е п ь фактов». Вместо этого мы находим громадный н а б о р фактов, чисто механически соединенных и, я бы сказала, ничем в цепь не спаянных. Никакой картины «живого организма», картины диалектики истории у Рожкова не получается.

Впечатление нединамичности, отрывочности изложения, механического соединения создается в значительной степени от того, что Рожковым вводится деление всей истории на периоды, резко, порой механически, отграниченные один от другого. Правда, автор признает это деление условными. Он говорит: «общественная жизнь идет непрерывно», в ней нет тех резких граней и переходов, которые устанавливаются в литературе. Тем не менее, для ясности и схематичности Рожков считает необходимым введение периодизации.

«Деление на периоды—единственное средство ясно и отчетливо представить себе процессы развития общественных явлений, потому что человеческий ум нуждается в схематизации материала, стремится

различить более или менее точно отдельные моменты или стадии общественного развития» [1]. Может быть, и правильно, что вопрос, ограниченный более или менее узкими рамками, лучше поддается рассмотрению и анализу, но цельность и ясность представления всего процесса, конечно, от такого дробления на периоды страдает. Та же периодизация (если взять в пример самого Рожкова) приводит к очень частым повторениям не только одних и тех же положений, но даже одних и тех же иллюстраций; и несмотря даже на такую повторяемость, выпуклой и отчетливой картины русского исторического процесса не получается.

Неясность у Рожкова получается не только от самого дробления истории на периоды, но и от приемов, которыми он это дробление производит, от тех принципов (или, точнее, отсутствия единых принципов), которые кладутся в основу деления истории на периоды. Рожковым намечаются в истории девять периодов, таким образом формулированных и расположенных:

1) Первобытное общество.
2) Общество дикарей.
3) Дофеодальное общество или общество варваров.
4) Феодальная революция.
5) Феодализм.
6) Дворянская революция.
7) Господство дворянства (старый порядок).
8) Буржуазная революция.
9. Капитализм.

Мотивируя необходимость этого деления на периоды, Рожков говорит: «Где нет схемы, общей единой закономерности, где нет стройности, единства, последовательности, там нет и науки» [2]. Это замечание правильно, но этой «общей единой закономерности», «единства» и «последовательности» как раз и нет в приводимой схеме, на что давно указал т. Покровский: «Только 9-я рубрика, — говорит он, — построена на чисто экономическом признаке. 1-й и 2-й периоды охарактеризованы по признаку общекультурному, 3-й, 4-й, 5-й и 8-й — по признаку социальному, в основу положено строение общества, в

[1] «Обзор русской истории», ч. I, с. 6.
[2] «Русская история», т. 1, с. 21—22.

6-м и 7-м мы благополучно скатываемся к признаку юридическому. Дворянство — это юридическая категория, это — известное сословие. Это не экономическая, но социальная категория»[1].

«Дворянство», конечно, юридическая категория. Рожков это прекрасно понимает, и все же оперирует с этим понятием, как с экономическим в применении к длинному периоду, с половины XVI века до половины XIX века. Дворянство, с одной стороны, как представитель среднего землевладения, противопоставляется феодальной знати, с другой, оно олицетворяет торгово-капиталистическую буржуазию. Сам собой напрашивается вопрос, зачем же было не назвать вещей своими именами и не отметить весь этот период, как период господства торгового капитализма?

Эта подмена экономического содержания юридическим термином (мы еще не раз столкнемся с подобным приемом у Рожкова) унаследована нашим автором ни от кого другого, как от «юридической школы».

Повидимому тем же влиянием «юридической школы» приходится об'яснять и другую, в высшей степени странную для материалиста вещь: постановку вопроса о «цели» государства, об «идее общего блага», которая сопровождает Рожкова буквально со страницы на страницу его работ.

Разбирая вопрос об организации суда и управления в Киевской Руси, Рожков говорит: «Все это как нельзя лучше показывает, насколько затемнена была в то время конечная цель государственного союза—общее благо; как сильно заслонялась она преобладавшими тогда частными и фискальными интересами»[2]. Или: во II томе, освещающем период феодализма, говорится: «Посмотрим теперь, какова была цель (разрядка автора — *А. П.*) государственного союза в удельной северо-восточной России? Ставились ли тогда сознательно и реально, как конечная цель управления, общественные интересы, интересы общего блага, или, напротив, идеи общего блага не было, а господствовало понятие личного интереса, как то было и раньше, в древнейшей России?»

[1] Покровский, Борьба классов и русская историческая литература, с. 114—115.

[2] «Русская история», т. I, с. 216.

И отвечает на это:

«Понятие об общем благе, как цели государственного союза, заслонялось тогда далеко преобладавшим над ним понятием о личном интересе, как основном мотиве правительственных действий» (с. 62).

Необычно странно звучат для нас такие заявления.

Как можно говорить о цели государства? Где, кем, когда мог сознательно ставиться вопрос о цели государства? Кажется, уже азбучной истиной стали для нас такие положения, что «государство есть продукт общества, достигшего известной степени развития; есть сознание, что общество находится в неразрешимом противоречии само с собой; что оно распалось на непримиримые классы и что оно не имеет средств примирить эти противоположности и противоречия» [1]. Или как формулирует Ленин: «По Марксу, государство есть орган классового господства, орган угнетения одного класса другим, есть создание «порядка», который узаконяет и упрочивает это угнетение, умеряя столкновение классов» [2].

Вот понимание и толкование марксистами государства и его назначения. Формулировка же Рожкова: «Ставились ли тогда сознательно и реально, как конечная цель управления, общественные интересы», конечно, ни в какой мере не может быть признана научной.

С того момента, когда мы сталкиваемся с государством, хотя бы и примитивным, как Киевская Русь, мы уже не находим более единого общества, интересы которого государство защищало бы. Возьмем ту же Киевскую Русь. Государственный союз весьма прост и непрочен, и все же отношения господства и подчинения здесь совершенно ясны. Князь с дружиной ходит «на полюдье», собирает дань—расслоение общества налицо: с одной стороны, смерды, вся масса населения, с другой—военная верхушка, князь с дружиной. Эта последняя опять-таки не одна является господствующей. К ней примыкают и гости—купцы и высшее духовенство. Все эти группы общими усилиями стараются обуздать «чернь» и возможно больше использовать ее в своих интересах. Недаром уже в Киевской Руси происходят народные революции.

---

[1] Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1913, с. 63—64.

[2] Ленин, т. XIV, ч. 2, с. 301. Разрядка автора.

Итак, нет никакого «общего блага» в государственном союзе древней Руси. Но. может быть что-нибудь такое найдем в другие периоды истории? Посмотрим, как здесь обстоит дело.

Разбирая систему организации управления государства при Петре, Рожков говорит: «Это само по себе уже показывает, что при Петре Великом русское государство стало приобретать окончательно характер союза общественного господства, имеющего в виду интересы и цель общего блага» [1].

В крепостническом петровском самодержавном государстве разыскать «общее благо» еще мудренее, нежели в Киевской Руси, где классы еще мало оформились. Здесь совершенно ясно выражена классовая организация торгового капитализма (азбучная истина, что самодержавие—его политическая организация). И сам Рожков это замечает и быстро добавляет: «Но ко всему этому, как всегда бывает, жизнь внесла свои поправки, существенно меняющие дело. Общее благо понималось Петром в действительности как благо дворянской государственности» [2].

Это заявление, конечно, «существенно меняет дело», но тут речь идет уже не о «поправке». Ведь в системе государства речь может итти лишь о благе господствующего класса. Идея же «общего блага» есть «идея» ни на чем не основанная, мелкобуржуазная иллюзия.

Можно не касаться этого вопроса по отношению к другим периодам. Вывод можно сделать и на основании приведенных данных. В рассуждениях Рожкова ясно чувствуется школа государственников, а, может быть, и школа Гегеля с его «действительностью нравственной идеи».

Эта идеалистическая постановка вопроса о государстве никак не вяжется с материалистическим мировоззрением. Опять встает вопрос: в чем же и в каком смысле является Рожков материалистом?

Чтобы получить ответ на этот вопрос, обратимся опять к одному из последних его трудов—«Русской истории». Здесь, в вводной главе «Психологические предпосылки социологии духовной культуры», автор подробно рассматривает значение психологии для социологии и происхождение ее. Исходными пунктами анализа являются как-будто

---

[1] «Русская история», т. V, с. 203.

[2] «Русская история», т. V, с. 203. Разрядка моя—*А. П.*

чисто материалистические моменты, но... какие?—природа отдельного человека и даже природа животного организма вообще!

Устанавливая, что «ассоциативно-эмоциональная классификация характеров единственно верная», Рожков говорит, что «существенно необходимы в интересах исследования еще некоторые предварительные сведения о том духовном наследстве, которое получено человеком от его животных предков». И дальше, ссылаясь на Сутерланда, Литтре и Гюйо, наш автор приходит к положению, что происхождение нравственных чувств отодвигается в животную среду [1]. Спускаясь за розыском происхождения нравственных чувств в животную среду, Рожков приходит к весьма примитивному пониманию материализма и не расстается с ним до конца.

В его рассуждениях перед нами все время индивид, от природы обладающий чувствами, и больше того: чувствами, непосредственно зависящими от кровообращения. «Физическая сторона эмоций состоит в изменении тонуса или напряжения сосудистой системы нашего тела». Через несколько строк: «Эмоции сначала были автоматическими, просто изменениями в кровообращении; только потом рефлекс, начинающийся внешним стимулом и оканчивающийся сокращением мускула, стал проходить через сознание. Первые признаки страха замечаются у червей, первые признаки полового чувства—у насекомых. Но у холоднокровных животных эмоции слабы, эмоциональность связана с теплокровностью» [2].

Все это рассуждение ведется с целью «выяснить» и «уточнить» марксистское понимание зависимости идеологии от экономики. Но автор, ставя в основу анализа материальные условия (животный организм), вырывает об'ект исследования из условий общественной среды, определенного уровня развития производительных сил и производственных отношений. Он забывает, что эти, последние, являются решающим моментом в деле и создания и воспитания нравственных чувств. Он забывает, что в известном изречении «человек есть общественное животное» ударение должно стоять на общественном моменте и что поэтому незачем особенно сильно тревожить животных предков.

Собственно, в такой постановке вопроса Рожков имеет предшественника в лице Щапова, относимого нами к представителям до-

[1] «Русская история», т. I, с. 16.

[2] Там же, с. 16.

марксистского материализма. Щапов так же, как позднее и Рожков, сводил влияние материальных условий к влиянию природы непосредственно на организм отдельного человека и отсюда выяснял характер людей (суровая природа, медленность кровообращения и медленность реагирования человека и т. д.).

Исходным пунктом ошибки как Щапова, так теперь и Рожкова, является индивидуализирование ими об'екта исследования, отрыв его от тех условий, в которых он живет. Для времен Щапова (60-е гг.) эта трактовка до некоторой степени понятна. Гораздо труднее ее принять у Рожкова, живущего на полстолетия позднее, имеющего перед собой данные науки XX столетия, имеющего перед собой учение Маркса—Энгельса и все-таки остающегося на примитивной точке зрения.

Рожков, однако, отнюдь не собирается заниматься психологией индивида. Он совершенно определенно заявляет, что «...исторически важной марксисты признают не психологию отдельного лица, равно как и не психологию «человека вообще», а психологию социальной группы, члены которой связаны между собой одинаковыми хозяйственными интересами» [1].

Но, имея в виду выяснение психологии класса, он стремится сначала установить определенные «психические типы», опять забывая при этом основной момент—общественные отношения; другими словами—он устанавливает «психический тип» не общественного человека, а человека с робинзоновского острова. Благодаря этому, поставленной задачи он не достигает, картины психологической диференциации общества не дает. Типы, им приводимые, оказываются слишком абстрактными, не имеющими никакой связи с соответствующими общественными условиями.

Больше того, самое понимание социологов, по Рожкову, оказывается невозможным без психологического метода. Наш автор прямо ссылается на известную систему Конта, где все науки располагаются в порядке усложнения изучаемых ими явлений и представляют такой ряд: астрономия, физика, химия, физиология и социология. Дж. Ст. Милль внес потом в эту схему поправку, вставив перед социологией психологию. По замечанию Рожкова, именно в этой поправке

---

[1] «Истор. и соц. очерки», ч, 1, с. 176.

и нуждалась система Конта, и в этом исправленном виде она и должна сыграть роль в деле научного исследования.

«Изложенная классификация наук занимает центральное место в философской системе позитивизма. Конт делает из нее целый ряд важных выводов, из которых для нас важнее всего теперь один: согласно принципу, на котором построена классификация, явления, изучаемые каждой наукой, слагаются из совокупного действия явлений, рассматриваемых всеми науками, предшествующими ей иерархически, при чем наибольший материал для раз'яснения возникающих вопросов дают выводы б л и ж а й ш е й высшей науки. Таким образом, социологические явления должны об'ясняться суммой всех других фактов, подлежащих научному исследованию, но главным образом, тут имеют значение явления психологические, так как психология—наука, занимающая ближайшее высшее место в классификации» [1].

Принятие этой системы Рожковым создает для него, как марксиста (а таковым он называет себя), довольно неблагополучное положение. Получается, что социология должна об'ясняться, главным образом, психологией, как наукой, «занимающей ближайшее высшее место в классификации». Для марксиста неприемлемо это психологическое об'яснение социологии, так как психология еще сама должна быть об'яснена состоянием экономики. Можно сказать, что она (психология) является в известной степени показателем процессов, происходящих в обществе, но отнюдь не она их определяет и об'ясняет. Приняв-ши последнее, немудрено забрести в идеалистические туманности, что иногда и случается с Рожковым.

Несмотря на явную как будто очевидность того, как мало приемлема для школы Маркса эта контовская система, «где каждая наука исчерпывается прежде, чем успели приступить к другой, где правильная в основе мысль утрирована до математического абсурда» [2], Н. А. Рожков оказывается в плену у нее. С этой мертвенной системой абсолютно не вяжется метод диалектического материализма; из родства Рожкова с Контом, повидимому, и вытекают те чуждые диалектике положения, о которых уже пришлось говорить вначале.

---

[1] «Ист. и соц. очерки», ч. 1, с. 177. Разрядка автора.

[2] «Архив К. Маркса и Фр. Энгельса», т. II, с. 205.

Перейдем теперь к новому вопросу, относящемуся непосредственно к методологии, к вопросу о градации хозяйственных явлений.

Понятие «хозяйственные условия» Рожков расшифровывает далеко не так, как это делают марксисты. Вот, напр., его заявление: «Основным вопросом истории народного хозяйства является вопрос о том, какая отрасль (подчеркнуто мной.—*А. П.*) промышленности преобладает в данный период исторической жизни народа»[1]. Здесь видна абсолютно неправильная постановка вопроса: основным в данном случае является вопрос о системе организации хозяйства, а вовсе не о господствующей отрасли. Нам важно знать высоту развития производительных сил и наличные производственные отношения, а вопрос о господствующей отрасли промышленности—совсем второстепенный. Положим, для XVI века Московской Руси нам важно знать не то, что там преобладает сельское хозяйство, а то, что оно начинает работать для рынка, увеличивается общественное разделение труда. Все это требует новой, более интенсивной обработки земли. новой организации хозяйства, что, собственно, и приводит к закрепощению крестьян.

Возьмем период промышленного капитализма. Отнюдь не можем его характеризовать господством обрабатывающей промышленности. Характерно другое: и обрабатывающая и добывающая промышленность и сельское хозяйство—все эти отрасли капитализированы, или более или менее быстро капитализируются.

Исходя из того, что народное хозяйство нужно делить на периоды по преобладающей отрасли промышленности, Рожков приходит к такой периодизации хозяйственной или экономической деятельности человека: 1) добывающая промышленность, простое почти не сопровождаемое никакими особенными усилиями освоение даровых сил природы; 2) сельское хозяйство, отрасль промышленности. имеющая в виду искусственное добывание новых продуктов, не доставленных непосредственно природой; 3) обрабатывающая промышленность, перерабатывающая продукты добывающей промышленности и сельского хозяйства в новый вид, удобный для удовлетворения потребностей человека; 4) торговля или

---

[1] «Обзор русской истории», ч. 1, с. 16.

обмен, хозяйственная деятельность, состоящая в перемещении продукта от производителя к потребителю [1].

Совершенно ясно, что нельзя произвести деления хозяйства по таким рубрикам, как «господство добывающей промышленности». При какой организации труда, при каких производственных отношениях?—вот решающий вопрос. Тот же самый вопрос можно поставить и относительно обрабатывающей промышленности и сельского хозяйства. Каждая из этих отраслей может включать в себя и деревенского кузнеца и Путиловский завод, и первобытного охотника, и русско-американскую компанию, занимающуюся той же охотой (добывающей промышленностью), но при капиталистической организации этого промысла [2]; сельское хозяйство опять-таки при совершенно разных условиях ведется русским крестьянином с его трехполкой, чересполосицей и деревянной сохой, и американским фермером, применяющим электричество в своем хозяйстве.

Любопытно, конечно, и выделение особой рубрики торговли. Как будто торговля—самодовлеющий фактор, не вызываемый к жизни общественным разделением труда. Обособление сельского хозяйства и промышленности само собой предполагает и наличие обмена.

Поэтому методологически неправильна и дальнейшая постановка вопроса о распределении хозяйственных благ, о котором Рожков говорит: «Непосредственно к предыдущему примыкает и другой вопрос о значении распределения хозяйственных благ, которое оказывает главное влияние на социальный строй» [3]. Распределение хозяйственных благ—вовсе не главный, а второстепенный вопрос. Основным же, конечно, является вопрос о распределении средств производства, что уже само собой предрешает и все «распределение хозяйственных благ». В постановке Рожкова и этот вопрос приобретает мелкобуржуазную окраску, так как сосредоточивает внимание на распределении хозяйственных благ, а не на организации производства.

Дальше из области методологических вопросов встает еще один, весьма для нас интересный. Это — вопрос о движущих силах хозяйственного развития. Интересно, как его разрешает автор.

---

1 «Обзор русской истории», ч. 1, с. 16.

2 Покровский, Борьба классов, с. 111.

3 «Обзор русской истории», ч. 1, с. 64.

«Простейшим процессом является процесс экономический, для об'яснения которого нет нужды в изучении социальных, политических и психологических явлений, а достаточно принять во внимание только отношение пространства страны к ее населению»[1].

Другими словами, достаточно знать плотность населения, и это как будто бы об'яснит нам направление хозяйственного развития. «Выдающийся русский ученый (имеется в виду М. М. Ковалевский.— *А. П.*) в одном из своих последних сочинений провел ту основную мысль, что развитие народного хозяйства в каждой стране определяется, в конечном счете, отношением ее населения к территории, иначе степенью плотности населения. Я и в мыслях не имею отрицать справедливость этого обобщения»[2]. В другой работе находим несколько иначе формулированное, но аналогичное первым заявление: «Соотношением различных отраслей производства равно как и ростом населения и расширением территории определяется в своих основных чертах производственная техника»[3].

Все эти рассуждения о движущих силах хозяйственного развития переносят центр тяжести на абсолютное перенаселение. Как будто оно имеет силу непреложного закона, равного для всех периодов развития человечества. Да и для первых периодов истории оно, конечно, не играло той роли, какую отводит ему Рожков. (Близко к нему стоят в этом вопросе авторы известного «Курса политической экономии» Богданов и Степанов; ср. их «Действие абсолютного перенаселения» (том I, с. 35—38, 84—86 и др., по изд. 1920 г.).

Такой видный представитель марксизма конца XIX—начала XX века, как Каутский, характеризует условия жизни первобытного человека, исходя совершенно из других положений. Он говорит: «Как только человек научился приготовлять и употреблять оружие, у него явилась возможность значительно поднять свой уровень средств существования»[4]. Следовательно, человек получил возможность затрачивать больше сил и на размножение. Увеличивающееся население в большей степени выживало, и в результате рост его стал происходить

[1] «Обзор русской истории», ч. 1. Разрядка в первом случае автора, во втором моя—*А. П.*

[2] «Из русской истории». Очерки и статьи, т. I, с. 3—4.

[3] «Образование» № 1 за 1902 г.

[4] Каутский, Размножение и развитие в природе и обществе, с. 65.

быстрее. Всякое новое изобретение, усовершенствование, вело к дальнейшему расширению средств существования, а, значит, и к дальнейшему увеличению населения.

Мы знаем, конечно, что при учете хозяйственного развития необходимо учитывать и плотность населения. Эти два фактора связаны между собой, но скорее в обратном порядке, нежели в том, как это представлено у Рожкова. У него рост населения выступает как естественный фактор, не ограниченный социальными условиями и не зависящий от них. Но мы знаем, что темп роста населения один у французского крестьянина, другой—у пролетариата и опять-таки иной—у буржуазии.

«Всякому историческому способу производства свойственны свои особенные, имеющие историческое значение законы населения», тогда как «абстрактный закон населения существует только для растений и животных, пока в эту область исторически не вмешивается человек» [1]. Этими положениями Маркса можем мы закончить теоретический разбор вопроса о движущих силах хозяйственного развития.

Проследим теперь, как по отношению к конкретной эпохе, к конкретной стране ставит тот же вопрос Н. А Рожков. Здесь мы находим, в сущности, ту же формулировку, что и при абстрактном исследовании: причиной господства добывающей промышленности в Киевской Руси является разреженность населения; с ростом последнего явилась необходимость в расселении, пока территория позволяла это делать, а потом населению пришлось интенсифицировать хозяйство.

Что касается состояния хозяйства Киевской Руси, то мы бы несколько иначе ответили: господство примитивных форм хозяйства и низкий уровень техники поддерживали разреженность населения. Естественный прирост тем или иным путем сокращался в силу недостаточности средств к жизни, и в первую очередь средств потребления. С повышением уровня развития производительных сил начался новый период увеличения населения. В дальнейшем переход населения Киевской Руси на северо-восток, в места, хотя и менее плодородные, но зато более спокойные в отношении хозяйствования, значительно двинул вперед хозяйственное развитие Московской Руси. Удобное географическое положение способствовало экономическому развитию, а через него — и росту плотности населения.

[1] К. Маркс. Капитал, т. I, с. 649.

Не возражая против того, что плотность населения влияет на экономическое развитие, мы должны в то же время подчеркнуть, что она является не причиной, а следствием его, или, еще точнее: она является больше следствием, чем причиной.

Рожков, утрируя зависимость техники от плотности населения, распространяет затем свои выводы и на вопрос о причинах колонизации страны. «Колонизация страны кроется в господстве добывающей промышленности и первобытного скотоводства, требующих постоянного переселения, в преобладании вольного землевладения и экстенсивной системы хозяйства—хищнической в добывающей промышленности и подсечной в земледелии» [1].

Из этого замечания у Рожкова следует, что колонизация была причиной задержки развития производительных сил. Она уменьшала плотность населения в стране и тем способствовала сохранению хищнических форм хозяйства; стимулом переселения и колонизации было стремление остаться при старой технике хозяйствования. В этом отношении и естественные условия были только «содействующими условиями колонизационного процесса, создавали возможность расселения и переселения, делали их более легкими, но не являлись необходимыми причинами перемен в распределении населения по равнине», говорит Рожков (там же, с. 15. Разрядка моя—*А. П.*).

По его словам, до тех пор, пока сохранялось прежнее отношение населения к пространству страны, оно бродило, переселялось, колонизовало новые районы, оставаясь при старой технике, при старых формах хозяйства и часто—при той же «добывающей промышленности».

Конечно, колонизация, переселение задерживали развитие производительных сил, но на переселение толкало людей не стремление задержаться на экстенсивном хозяйстве, а или чрезмерная эксплоатация развивающегося денежного хозяйства, или набеги степных кочевников, лишавшие жителей возможности вести какое бы то ни было хозяйство.

Как доказательство того, что переселения совершались с целью сохранения экстенсивного хозяйства, Рожков приводит ссылку на ведение хозяйства переселенцами в Сибири в наши времена. Он утверждает, что переселенец в Сибири старается вести хозяйство теми же

[1] «Обзор русской истории», ч. 1, с. 12.

отсталыми способами, какими вел его на родине, а иногда еще делает шаг назад в этом отношении. Мы имеем возможность возразить на это, что называется, с цифрами в руках. Верно, что в первые годы по переселении громадное большинство новоселов ведет хищническое хозяйство, но почему? Потому, что нет никакой возможности человеку, приехавшему без средств, без инвентаря, сразу поставить лучшее хозяйство. А что получается из тех же переселенцев через несколько лет? Часть их, правда, и дальше продолжает хозяйствовать прежними способами или вовсе бросает всякое хозяйство. Зато другая часть быстро начинает увеличивать свой живой и мертвый инвентарь. Вот данные статистики о количестве лошадей: у новоселов, проживших на новом месте не больше 3 лет, целых 84% дворов имеют мало (для Сибири) раб. скота (1—2 гол.), а у старожилов—только 55%. Среди новоселов почти никто не имеет 4 гол. раб. скота, а в группах старожилов—до 30% дворов имеют 4 и более гол. раб. скота. Та же самая картина и в отношении распределения мелкого скота [1]. Еще интереснее данные по распределению мертвого инвентаря по Приморской области: в старожильческих группах в среднем на двор приходится инвентаря на 338 р., а в молодых—на 114 р., почти втрое меньше [2]. Некоторые хозяйства в этих группах не снабжены полностью даже элементарным инвентарем, тогда как у старожилов сравнительно большой % сложных машин и т. д. (Ср. аналогичное замечание о взаимоотношениях поселенцев и старожилов в Сибири у Ленина в «Развитии капитализма в России», гл. 2, § VIII, где он ссылается на «Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний», 1893 г.).

Все эти данные о состоянии переселенческих хозяйств подтверждают наши возражения Рожкову по вопросу о причинах колонизации, во-первых, о взаимоотношении плотности населения и техники хозяйства — во вторых. Колонизация, переселение вызываются, главным образом, тяжестью эксплоатации. Застой техники об'ясняется общими причинами отсталости страны, создавшейся и в силу особенных исторических условий развития страны, и в силу неудобного географического расположения (отрезанность от морей, недостаточная снабженность внутренними водными путями и т. д.).

---

[1] «Материалы по обслед. пересел. хоз. в 4 сиб. губ.», с. 352.

[2] «Материалы по обслед. крест. хоз. Приморской обл.», т. I, с. 33 - 40.

Из сказанного о мировоззрении Рожкова и его методологии можно сделать следующий вывод. В основном это мировоззрение материалистическое, хотя и обнаруживающее иногда совершенно несомненный уклон к идеализму. Но материализм Рожкова примитивен; это — материализм домарксовской эпохи, имеющий некоторое сходство с французским материализмом XVIII века. Пользуясь терминологией Ленина в его «Друзьях народа», мировоззрение Рожкова следует назвать не просто «материализмом» (или «историческим материализмом»), а скорее всего, «экономическим материализмом».

В вопросах методологии Рожков еще менее является марксистом. Его отказ от диалектики и стремление заменить ее «мирной» эволюцией не является выражением пролетарской идеологии.

Для анализа движущих сил хозяйственного развития у Рожкова характерно преувеличенное внимание естественным факторам в ущерб моментам социально-экономическим.

II. ИСТОРИЧЕСКАЯ СХЕМА РОЖКОВА

1. Схема хозяйственного развития

Н. А. Рожков имеет очень большое количество работ по истории России. Многие из них охватывают более или менее подробно историю на всем ее протяжении, начиная с расселения славян или с Киевской Руси и кончая предреволюционным периодом и нашими днями. К таким работам относятся, прежде всего, «Русская история в сравнительно-историческом освещении», «Город и деревня в русской истории», «Очерк истории труда в России» и еще некоторые. Другие работы охватывают начальный период русской истории, заканчиваясь XVI и XVII столетиями. Таковы, напр., «Происхождение самодержавия в России», «Обзор русской истории с социологической точки зрения». Дальше имеется большое количество статей, рассматривающих отдельные проблемы русской истории; сюда же относится и большая работа «Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в.». Кроме этого, значительное количество брошюр и статей освещает вопросы революционного периода 1905—1917 гг.

Все эти работы дают полную возможность оценить Рожкова как историка, а отчасти и как общественного деятеля современной эпохи.

Надо, однако, заметить, что все работы Рожкова весьма однообразны. Они повторяют не только одну и ту же схему, раз навсегда взятую автором за основу, но и повторяют ее часто в одних и тех же выражениях, с одними и теми же иллюстрациями. Для того, чтобы составить себе мнение о Рожкове, как историке, можно ограничиться разбором лишь нескольких его работ, используя остальные только как дополнительный материал [1].

Порядок изучения Рожковым всякого общественного периода или явления располагается по схеме: 1) явления хозяйственные или экономические; 2) явления социальные, т. е. общественный строй; 3) явления политические и, наконец, 4) психологические явления.

Обратим внимание на мотивировку такого именно, а не иного расположения материала в схеме Рожкова. Оказывается, необходимо брать в основу исследования экономические вопросы и экономические явления потому, что они являются наипростейшими (принцип системы Конта). Марксизм же, как мы знаем, берет в основу анализа экономические явления не потому, что они наиболее простые, а потому, что экономика определяет все другие явления, в частности идеологические. Именно экономика определяет место и значение интересующего нас лица или явления в общественной жизни. У Рожкова же получается несколько иное: даже когда он берет положения, близкие к марксистским, он аргументирует их совершенно не по-марксистски.

Весь русский исторический процесс делится Рожковым хронологически на 5 периодов: I—Киевский, до конца XII века; II—Удельный, с XIII до половины XVI столетия; III—Московский, с половины XVI до конца XVII века; IV — новый крепостной период, охватывающий XVIII столетие и первую половину XIX, и V—новый пореформенный, начинающийся со второй половины истекшего столетия и продолжающийся до сих пор [2].

Необходимо сейчас же заметить, что в рамки того или иного хронологического периода не укладывается характеризующее его об-

---

[1] Несколько особняком стоят работы по «текущему моменту» 1905 и 1917 гг. О них придется говорить отдельно.

[2] «Обзор русской истории», ч. 1, с. 6. То же самое деление находим и в работе «Город и деревня». В работах же более поздних, напр., «Русская история» и «Очерки истории труда», Рожков предлагает первый период делить на два: с VI века до половины X—I период и дальше до конца XII века II период.

щественное явление, и поэтому периодизация Рожкова не дает ясности, которой он хочет достичь. Характеристику каждому из периодов можно дать лишь по единому признаку—формам организации хозяйства, но недостатки периодизации именно в этом случае и выступают особенно наглядно. Напр., рост промышленного капитализма, характеризующий у Рожкова V, новый пореформенный, период, фактически распространяется и на первую половину XIX века, которая интересна именно бурным ростом легкой индустрии. Другой пример: натуральное хозяйство не только не заканчивается в III периоде (к концу XVII века), но и конец XIX века видит еще его остатки.

Вследствие указанных причин можно было бы сказать, что периодизация не достигнет цели, и незачем было ее вводить.

В хронологических пределах каждого из периодов Рожков разбирает шесть основных вопросов; первые четыре из них—экономические, 5-й относится к социальной истории, а 6-й—к политическому строю. Экономические вопросы начинаются уже известным нам вопросом о господствующей отрасли промышленности; второй вопрос—о системе хозяйства, 3-й—о землевладении, 4-й—о формах хозяйства или условиях труда.

Первый период, продолжающийся до XII века, характеризуется господством добывающей промышленности—охоты, рыболовства, бортничества, отчасти скотоводства. Эти отрасли промышленности являлись господствующими на первой ступени развития всего человеческого общества, и Киевская Русь в этом отношении не была оригинальна.

В качестве доказательства этого положения о господстве добывающей промышленности в первый период Рожковым приводятся разнообразные данные. В основном все они сводятся к тому, что продукты охоты, бортничества и т. д. по всем памятникам оказываются наиболее ценными. Ими платится дань князю, ими производится одаривание иностранных послов, они же составляют главную статью внешней торговли. Все это дает возможность Рожкову заявлять, что именно эти отрасли промышленности были господствующими. О земледелии в Киевской Руси уже известно, но данные о нем менее многочисленны. «Это и уполномачивает нас,—говорит Рожков,—не ставить земледелие в Киевской Руси в один ряд с охотой и пчеловодством. В чем можно

быть в этом отношении уверенным—это в том, что и тогда уже русские не нуждались в привозном хлебе, потому что им хватало своего» [1].

Вот это последнее замечание полностью, мне кажется, доказывает положение, обратное выдвигаемому Рожковым. Оно как раз говорит за то, что занятием, имевшим наибольшее значение для населения, была не охота и пр. (добывающая промышленность), а земледелие. Повидимому, охота, рыболовство и т. д. пока что являлись относительно редкостными занятиями, начиная играть более или менее видную роль лишь с развитием внешней торговли. Для последней же продукты добывающей промышленности составляли главную статью, ценность которой была особенно высока в силу того, что Киевская Русь в известной степени являлась монополистом в поставке мехов, воска и пр. продуктов, в которых нуждались и Западная Европа и Восток.

Очевидно, высокой ценностью продуктов трудно доказать наибольшую распространенность среди населения занятий добывающей промышленности. Кроме того, есть иного порядка доказательства преобладания в Киевской Руси земледелия. Сюда, напр., относятся данные языковедения, в свою очередь подтверждающие, что земледелие не только знакомо восточным славянам с незапамятных времен, но и является у них главным средством добывания пищи. Охота и рыболовство сосуществует с земледелием, занимая более видное место лишь позднее, с развитием торговли (ср. Покровский — «Очерки истории русской культуры»).

Земледелие широко распространено во всех областях Киевской Руси и за ее пределами, поэтому естественно, что хлеб не является предметом обмена ни на внутреннем, ни на внешнем рынке, а, значит, и в составе дани князю он не занимает большого места,—не хлеб здесь составляет ценность. Что же касается экспорта, то даже и в более поздние времена хлеб все еще не является статьей внешней торговли. Данные самого Рожкова нам говорят, что Англия, наиболее промышленная страна, в XVII веке вывозила из России лишь канаты, мачты, смолу, поташ и воск. В 30-х годах XVII столетия только Голландия вывозила к себе русский хлеб [2]. В рассматриваемый нами столь ранний период, как X и даже XII вв., нужда в русском хлебе не ощу-

---

[1] «Город и деревня», с. 9.

[2] «Русская история», т. IV, с. 190.

щалась ни на Западе, ни тем более на Востоке, с которым особенно тесно была связана Киевская Русь.

Вопросу о торговле Киевской Руси необходимо еще уделить некоторое внимание. По замечанию Рожкова, торговая деятельность была исключительно занятием одних общественных верхов, масса же населения не продавала продуктов, а отдавала даром, в виде дани. Внешняя торговля не затрагивала насущных потребностей даже у верхов общества—продавали избытки, покупали предметы роскоши. Народное хозяйство Киевской Руси оставалось чисто натуральным, глубины народного производства оставались нетронутыми внешней торговлей [1]. Хочется внести ряд поправок в столь категорическое заявление. Во-первых, приходится, конечно, разделить внутреннюю и внешнюю торговлю. Первая, действительно, занимала относительно небольшое место, но все же такой продукт, как соль, привозившаяся со стороны, конечно, фигурировала на внутреннем рынке и, больше того, составляла одну из выгоднейших статей ростовщической эксплоатации масс (вспомним хотя бы киевское народное восстание в 1113 г., поводом к которому было злоупотребление в торговле солью). Торговля местными продуктами была менее распространенным явлением, но все-таки имела место.

Относительно же внешней торговли необходимо отметить, что она в Киевской Руси играла очень большую роль; на этом строилось и все процветание киевских городов. Об этом же говорит и их расположение по Днепру, с одной стороны, по торговым путям на Восток, с другой. Возникает тут только вопрос: чьи интересы затрагивала так или иначе внешняя торговля? Нельзя согласиться с Рожковым, что внешняя торговля не трогала глубин народных масс. Если эти массы сами непосредственно и не торговали, то все же развитие торговли на них сказывалось наисильнейшим образом. Во-первых, даже самая отдача продуктов в виде дани не была равномерной на всем протяжении периода: с развитием торговли ее количество возрастало все в большей и большей степени. Кроме того, предметы торговли добывались очень часто простым грабежом, при многочисленных нападениях княжеской дружины на смердов. Во время этих нападений и само население сплошь да рядом становилось об'ектом захвата, а потом — и одной из виднейших статей экспорта.

[1] «Обзор русской истории», ч. 1, с. 24—25.

Отвергая, несмотря на всю его категоричность, заявление Рожкова о незначительности торговли в Киевской Руси, мы должны, таким образом, лишь оговориться, что широкие массы населения задеты были торговлей, гл. обр., не как суб'екты, а как об'екты ее; и при этом развитие торговли отражалось на них больше, чем на других классах.

Отметим еще один момент из рассуждений Рожкова о развитии хозяйства Киевской Руси. Он говорит: «Историческое развитие Киевской Руси надо признать типическим для первоначального развития всякого другого народа, находящегося на низком уровне культуры и живущего в условиях почти еще совершенно девственной природы» [1].

Таким образом натяжку в выводах, сделанную им в отношении Киевской Руси, он распространяет и на все другие народы, делая как бы законом развития человечества ту схему, под которую он подогнал развитие Киевской Руси. В сущности, в этом заключается весь сравнительно-исторический метод Рожкова, который анонсирован в самом заглавии одной из его крупнейших работ: «Русская история в сравнительно-историческом освещении».

Второй период Рожкова, захватывающий XIII — половину XVI века, характеризуется несколько диференцированной по отдельным районам картиной. Моментом, обобщающим все районы, является господство сельского хозяйства, в частности земледелия. «За исключением крайнего севера и крайнего юга земледелие одержало окончательную победу над другими отраслями народного производства» [2]. Перед земледелием все другие отрасли отступают на второй и третий план. Такое возвышение земледелия оказывает сильнейшее влияние на формы землевладения. Как говорит Рожков, земледелие по сравнению с добывающей промышленностью требует гораздо больших затрат «капитала», которым в громадном большинстве случаев не обладает масса населения. Это обстоятельство ведет к тому, что крестьяне принуждены обращаться за помощью к более имущим частным собственникам и монастырям. Пользуясь этой экономической зависимостью, последние начинают присваивать землю, на которой сидят крестьяне, а затем и самих крестьян прикрепляют к земле, и не только к земле, но и к ее владельцу. Такова картина развития всей северо-восточной Руси.

---

[1] «Обзор русской истории», ч. I, с. 167.

[2] «Город и деревня», с. 47.

Несколько иную картину представляет Новгород, выделяющийся все время как торговый центр. Он имел широкие связи и с Киевской Русью и с низовыми городами. Кроме того, Новгород теснейшим образом связан с Зап. Европой, гл. обр. через Ганзейский союз. Вывозятся из Новгорода за границу меха, воск, лесные материалы, а ввозятся продукты обрабатывающей промышленности, отчасти и хлеб. Последний, однако, идет преимущественно из низовых городов. В этом отношении Новгород весьма зависим от них, и самая страшная угроза для него—прекращение подвоза хлеба с Низовья. Это указывает, что земледелие играет здесь весьма незначительную роль, особенно по сравнению со всей остальной частью страны.

По поводу трактовки «второго периода» напрашивается такое замечание. Действительно с XIII—XV вв. земли крестьян начинают считаться собственностью крупных владельцев. Наступает тот период, который характеризуется положением: «нет земли без господина». Но не переход от добывающей промышленности к земледелию сыграл во всем этом решающую роль. Нужда в материальных средствах крестьян-земледельцев имела, конечно, значение, но она вызывалась переходом к более интенсивному, нежели это было ранее, сельскому хозяйству, это во-первых. Во-вторых, переселение семей из отдаленных районов, хотя бы с юга-запада, опять-таки ставило их в такое положение, что им приходилось обращаться за посторонней помощью. И, наконец, третий момент, это — потребность в военной защите от постоянных набегов (чаще всего — от набегов своих же собственных князей — междоусобицы).

Не переход от добывающей промышленности к земледелию, а более глубокий экономический процесс интенсификации самого сельского хозяйства, осложненный моментами социального порядка, играл решающую роль в возникновении крепостного права.

Третий период, начинающийся с половины XVI века, характеризуется Рожковым как период развивающегося денежного хозяйства. Оно захватывает теперь не только верхние слои общества, а и всю массу населения. Денежное хозяйство постепенно внедряется в натуральное, но далеко еще не разложило его, далеко еще не стало господствующим явлением.

Говоря об аналогии в развитии денежного хозяйства у нас и в других странах, Рожков указывает и на большие различия. Так раз-

витие представляется идущим в такой последовательности: натуральное хозяйство—городское хозяйство (узкий местный рынок)—национальное хозяйство, т. е. идет по схеме Бюхера. У нас же в России хозяйство в своем развитии перескочило через вторую стадию Бюхера (узкий местный рынок), перейдя от натурального прямо к денежному хозяйству с обширным рынком. Это было возможно, по Рожкову, благодаря наличию хороших зимних путей сообщения, позволявших перебрасывать товары на громаднейшие расстояния.

Прежде чем разобрать такое утверждение в применении к России, необходимо хотя бы кратко остановиться на теоретической части изложенного тезиса, т. е. на схеме Бюхера. Ее нельзя признать правильным теоретическим выражением развития хозяйства ни для отдельной страны, ни для всего человеческого общества в целом по ряду причин. Прежде всего она совершенно выбрасывает из поля зрения пол-истории человечества [1].

Как и все буржуазные ученые, Бюхер не видит организации, хозяйства, не видит общественности в отдаленные, так называемые, доисторические времена, когда люди занимаются первобытным земледелием и живут строго организованными общинами. Он хочет видеть здесь обязательно Робинзонов, живущих совершенно изолированно. А там, где он находит общественную связь людей, он определяет тип ее не по организации общественного труда, а по организации р а с п р е д е л е н и я хозяйственных благ.

Поскольку Рожков заимствовал у Бюхера его схему хозяйственного развития, он страдает и в своих схемах тем же самым методологическим дефектом: вместо общественно - производственных отношений у него фигурируют источники жизненных средств; на место производства он все время стремится поставить распределение.

После этого замечания общего порядка обратимся к конкретной картине развития Московской Руси с половины XVI до конца XVII века, как она дается у нашего автора. По освещению этого третьего

---

[1] „Длившиеся целые тысячелетия периоды первобытных производственных отношений, предшествовавших высшему земледелию, условия, в которых еще и посейчас находятся многочисленные народности, Бюхер характеризует, как мы знаем, как «не-хозяйство», как период его прославленных «индивидуального добывания пищи» и «не-работы» (Р. Л ю к с е м б у р г, «Введение в политическую экономию», с. 113).

периода у Н. А. Рожкова имеется одна из крупнейших его работ «Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке». Несмотря на то, что эта работа—одна из лучших у нашего автора, что, появившись в конце 90-х гг., она составила ценнейший вклад в историческую литературу, продолжающийся оставаться ценным и до сих пор,—несмотря, на конец, на все несомненные достоинства этой работы, мы должны указать ряд неправильных посылок, из коих автор исходит в ней и кои приводят его к неправильным выводам.

«Сельское хозяйство» дает хорошую картину состояния хозяйства половины XVI века, точнее сказать, картину аграрного кризиса этого периода.

Рассматривая технику сельскохозяйственного производства, Рожков устанавливает, что в Центральной области, в Западном Полесье, отчасти в Нижегородском уезде и северных уездах Степи в половине XVI века преобладает паровая — зерновая система. Это говорит уже об интенсивном хозяйстве. Но к концу века везде в этих областях техника понижается: все большие площади земли отходят под перелог. В окраинных же областях, наоборот, техника сельского хозяйства все время повышается. Понижение техники центральной области совпадает с увеличением барской запашки, тогда как окраинные области имеют крестьян преимущественно на оброке. Крестьянское хозяйство начинает уже вступать в русло денежного хозяйства: оно все в большей степени вынуждено платить подати и оброки или посопным хлебом или даже деньгами. Очевидно это возможно только в том случае, если обмен занимает определенное и большое место во всей системе хозяйства.

Дальше автор устанавливает, что налогами крестьяне обложены были не больше, нежели в предшествующий период. Тем не менее население из центральных областей разбегается к концу XVI века. Причину этого Рожков видит, во-первых, в возможности для крестьян убегать, переселяться, благодаря наличию большого количества свободных земель на окраинах; во-вторых, и это по Рожкову—главная, основная причина, крестьяне убегают вследствие хищнической эксплоатации их труда и хищнического ведения хозяйства помещиками, получающими земли в поместное, т. е. условное владение. Самая юридическая природа поместного хозяйства ведет к тому, что хозяин-помещик не дорожит ничем, а старается возможно больше заполучить с своего по-

местья — временного владения. Основной вывод всей работы — переход хозяйства из натурального в денежное. Это было обусловлено определенным юридическим положением землевладения—поместной системой— и дало тот кризис, который мы наблюдаем в конце XVI века в Московской Руси.

«Главной причиной такого вредного хозяйственного влияния поместной системы была юридическая природа поместья: поместье было, как известно, собственностью государя, владелец имел право не распоряжаться им, а лишь пользоваться под условием службы; правительство всегда могло уменьшить поместье, взять его у владельца и передать другому, одним словом, могло по своему усмотрению лишать помещика прав пользования предоставленным ему именьем» [1]. «Поместье было временным и условным, непрочным владением, приспособленным к условиям натурального хозяйства и переложной системы земледелия: выпахав одно имение, помещик бросал его и переходил на другое» [2].

Эти заявления автора, в том или ином виде фигурирующие во всех его работах по XVI веку, должны остановить наше внимание. Они, в сущности, говорят одно и то же, именно, что поместная система, как определенный вид землевладения, т. е. как определенная юридическая форма, была причиной аграрного кризиса.

Но посмотрим вместе с Рожковым на настоящее положение вещей. Мы увидим прежде всего, что беспрерывно увеличивается к концу XVI века барская запашка, которая была незначительна до 70-х гг. Этот рост барской запашки (главным образом, в центре Московской Руси) идет параллельно с упадком земледельческой системы вообще и уменьшением мощности крестьянства, в частности. С другой же стороны, этот процесс совпадает с ростом поместных и монастырских владений за счет служилых вотчин и черных земель.—Параллельность этих процессов составляет характерную черту середины XVI века.

И когда Рожков говорит, что «поместное владение органически связано с натуральным хозяйством», он оказывается в противоречии с историческими фактами, ибо с половины XVI века поместья становятся фактически поставщиками сельскохозяйственной продукции на

---

[1] «Сельское хозяйство», с. 456.

[2] «Происхождение самодержавия», с. 39.

рынок (чем дальше, тем все в большей степени). Поместная система является наиболее развитой и укрепившейся в Центре и западном Полесье, где как раз наиболее быстро развивается и обмен. «Наибольшего развития обмен вообще и сельскохозяйственный обмен в частности достиг в Центре Московской Руси XVI века». Московский рынок и, добавим, Новгородский являлись крупнейшими рынками, куда «по целой сети дорог стекались громадные хлебные караваны из ряда хлебородных районов» [1].

Этот факт грандиозного по тем временам развития торговли в Центре и приводит помещиков раньше всех других к увеличению запашки, к хищнической эксплоатации и земли и труда. Это — основной момент, который нам об'ясняет и бегство крестьян из центра на вольные места (степь втягивает значительное количество народа из центральных областей) и весь аграрный кризис в целом.

О быстром росте меновых отношений говорит и тот факт, что земля с половины XV века все больше становится об'ектом купли-продажи. Происходит быстрая мобилизация земель-вотчин и еще больше поместий [2].

Таким образом, хищничество помещиков исходило отнюдь не из «неуверенности в завтрашнем дне» (как говорит в другом месте Рожков) [3], а из самой природы торгового капитализма, агентом которого помещик стал уже на заре его развития [4].

Последуем за Н. А. Рожковым далее и рассмотрим характерные явления четвертого периода (XVIII—первая половина XIX века). Продолжает развиваться торговый капитализм и вместе с этим зарождается промышленный капитализм. Из кустарей и скупщиков растут крупные фабриканты Морозовы, Кондратьевы и др. [5]. Однако на протяжении всего этого периода длится та же «первая стадия в развитии денежного хозяйства в России, характеризующаяся тем, что

[1] «Сельское хозяйство», с. 280.

[2] Там же, с. 451 и 455.

[3] Там же, с. 460.

[4] Этот же момент «неуверенности» подчеркивается Рожковым в ряде других работ, напр. «Помещикам не было расчета сберегать хозяйственные силы крестьян, умеренно и правильно их эксплоатировать, потому что у помещиков не было уверенности в том, что земля за ними сохранится на долгое время». «Ответ г. Батину». Мир божий, кн. 8, 1901 г.

[5] «Город и деревня», с. 76.

все еще не большинство населения захвачено торговым оборотом и притом захвачено не целиком, не во всех хозяйственных функциях, так что многие потребности удовлетворяются попрежнему домашним производством» [1].

Характерный для Рожкова прием: арифметически подсчитать—«большинство» или «не большинство» населения захвачено торговым оборотом! Это ударение на статике, а не на динамике явления обращает на себя внимание в только-что приведенной цитате. Для марксиста был бы гораздо интереснее другой момент: рядом с торговым капитализмом, рядом с простым товарным хозяйством начинает расти промышленный капитализм, товарно-капиталистическое общество. В XVIII в. быстро растет и фабричная, и кустарная (преимущественно—текстильная) промышленность. Стало быть, этот период можно охарактеризовать как период начала развития промышленного капитализма. Самая техника производства начинает быстро изменяться, и не только в обрабатывающей промышленности, но и в сельском хозяйстве. Все острее встает проблема вольнонаемного труда. преимущества которого перед крепостным, подневольным трудом становятся с каждым днем ощутительнее. Именно благодаря этому к средине XIX века вопрос о ликвидации крепостного права делается совершенно предрешенным. 19 февраля 1861 г.—лишь формальное завершение длительного экономического процесса, но вместе с тем—такое «завершение», которое не ликвидирует еще феодализма совсем.

Тем не менее, эту дату (1861 г.) Рожков ставит границей двух периодов, которые будто бы резко разнятся между собой. Мне кажется, что эту границу следовало бы указать или несколькими десятилетиями раньше, в начале XIX века, когда зарождается и быстро делает свои первые шаги промышленный капитализм, или несколькими десятилетиями позднее, 80—90-е годы, когда и капитализация деревни достигает определенных, вполне реальных успехов, когда и развитие тяжелой индустрии у нас в России достигает грандиознейших размеров.

Крестьянская реформа, взятая сама по себе, лишь в незначительной степени способствовала дальнейшей капитализации сельского хозяйства и промышленности непосредственно. На первых порах от

---

[1] «Город и деревня», с. 47.

нее больше выигрывал торговый капитализм; и промышленный капитал был, конечно, заинтересован в реформе, но он не получил ни полной пролетаризации крестьянства, ни условий для фермерского хозяйства, ни широкого внутреннего рынка. А промышленность, работавшая раньше крепостным трудом (суконная, чугунная), в первые годы после реформы даже остановилась на несколько лет в своем развитии благодаря отливу рабочих.

Что касается внутреннего рынка, то его создало позднее начавшееся расслоение деревни. Это относится уже к 80—90 годам. В 60-х же годах ограбленный, но наделенный клочком земли мужик мало способствовал расширению внутреннего рынка.

Итак, мне кажется, крестьянскую реформу ни с какой точки зрения не приходится считать рубежом двух периодов, не приходится считать исходным моментом «производственно-капиталистической эволюции», как это утверждает Рожков. Капиталистическое развитие началось до реформы, полного же выражения своего достигло лишь долгое время спустя после нее.

Здесь мы должны кстати указать, что при исследовании причин реформы Рожковым несомненно преувеличивается возможность крестьянской революции, которая, по его словам, «в шестидесятых годах была не плодом испуганного воображения, а совершенно реальной возможностью» [1]. Это положение является, безусловно, утрировкой, ибо оставляет в тени действительную причину освобождения крестьян — развитие промышленного и аграрного капитализма.

К оценке рожковского четвертого периода остается еще сделать замечание о состоянии торгового капитала, который именно в XVIII и XIX вв. достигает своего наивысшего развития, несмотря на быстрый рост в XIX веке и промышленного капитализма. Господство торгового капитализма проявляется не только и, пожалуй, не столько во внутренней политике, в стремлении сохранить крепостничество со всеми его атрибутами, сколько во внешней политике. За рассматриваемые полтораста лет Россия ведет бесконечное количество войн, начиная с Великой Северной (начало XVIII века) и кончая Крымской кампанией (половина XIX века). Все эти войны можно отнести на счет внешней политики торгового капитала, добивавшегося свободного выхода к морям

[1] «Русская история», т. XI, с. 7.

Балтийскому и Черному, боровшегося за влияние и господство в странах Ближнего Востока и Азии. Главное значение тут имеет именно борьба за свободный выход к морям—этого требовали интересы торгового капитала, экспортировавшего сельскохозяйственные продукты

Таковы характерные черты эпохи, которую Рожков отнес к «четвертому периоду», если ее оценивать по ее экономическому содержанию. Но Рожков, как мы видели, подчеркивает совсем не эти основные признаки (которые изменили бы и самое разделение на периоды). Он обращает наше внимание на то, что войны, положим, XIX века ведутся в интересах сохранения «старого порядка» не только в России, но и во всех соседних странах. А что такое представляет из себя этот «старый порядок», как не господство того же торгового капитализма, сферу влияния которого стремится расширить самодержавие?

П я т ы й пореформенный период Рожков характеризует тем прочным положением, которое занимает обрабатывающая промышленность; при этом, «меновое обращение хозяйственных благ захватывает все более и более глубокие и широкие общественные слои» [1]. Большого значения достигает денежное обращение, и денежное хозяйство становится господствующей формой, хотя еще не изжито окончательно и натуральное хозяйство. Преобладающее явление составляет капиталистическая организация, хотя она соединяется с громаднейшим количеством крепостнических пережитков. Это последнее дает Рожкову возможность отнести вторую половину XIX века к периоду первоначального накопления, который продолжается отчасти до самой революции 1905 г.

«В течение 30 лет—с 60-х по 80-е годы XIX века—Россия пережила с головокружительной быстротой самую тяжелую пору развития промышленного капитализма—период первоначального накопления» [2].

Период первоначального накопления характеризуется накоплением капиталов, с одной стороны, освобождением рабочей силы от средств производства, с другой. Но первое условие, в основном, как мы знаем, достигается задолго до пореформенной эпохи. Весь период развития торгового капитализма в сущности и есть период первоначального накопления; сводить последний на 60—80-е гг. в этом отношении нельзя. В пореформенный период торговый капитализм, конечно, про-

---

[1] «Город и деревня», с. 121.

[2] «Судьбы русской революции», П. 1907, с. 10.

должает существовать, но наряду с ним существует и крепнет промышленный капитализм, который ставит капиталистическое накопление на место первоначального. Почти то же самое можно сказать и относительно рабочей силы: если пролетаризация крестьянства в 60—80-х годах происходит усиленным образом, то лишь потому, что в порядке конкурентной борьбы совершается капиталистическое вытеснение мелких собственников крупными. В подтверждение своего положения о «первоначальном накоплении» автор приводит данные о грубости эксплоатации рабочей силы, отсутствии или незначительности рабочего законодательства в рассматриваемый период. Но все эти данные говорят лишь об отсталости нашего промышленного капитализма, а вовсе не об его эмбриональной стадии, не о том, что его условия лишь подготовляются.

Подводя итоги вопросу о хозяйственном развитии России, мы можем сказать, что Рожков, ставя как будто экономику в основу научного анализа истории, не дает, однако, четкой трактовки исторического процесса. С исследования основных экономических процессов—способов организации общественного труда, организации производства—Рожков все время срывается на моменты второстепенные и третьестепенные, вроде способа распределения хозяйственных благ или характера источников средств существования в каждом из периодов. Во главу угла у него поставлены, таким образом, производные явления вместо основных, определяющих.

«Периодизация» Рожкова разрывает единую картину исторического процесса, затрудняя возможность четко видеть основной стержень развития. Последнее получает ступенчатый, в высшей степени условный, характер. Общие признаки теряются в этом дроблении по периодам, частные и менее важные выпячиваются на первый план.

Что касается конкретного изображения процесса хозяйственного развития России, то у Рожкова дается неправильная схема развертывания хозяйства (охота, скотоводство, земледелие). Умаляется значение торговли Киевской Руси. При анализе хозяйства Московской Руси чрезмерно выпячивается роль обширного рынка и в то же время скрадывается значение роста рыночных отношений вообще и торгового капитала, господство которого составляет основной стержень всего дальнейшего периода развития, в частности. Отсутствие четкости в постановке этого последнего вопроса приводит автора к неправильной трак-

товке и вопросов современной экономики, скрывая от него сосуществование трех типов капитализма (торгового, промышленного и финансового); зато на первый план выпячиваются такие моменты, как отсталость, некультурность! В своем построении схемы хозяйственного развития Рожков сделал значительный отход от основных положений марксизма.

В итоге мы должны констатировать, что у Рожкова господствует статика, а не динамика, арифметический подсчет, схема и упрощенство вместо диалектического метода Маркса, применение которого только и позволило бы изучать самые сложные явления общественной жизни без всякого выхолащивания их.

2. Схема общественного развития

В данной главе предполагается разобрать явления, относимые Н. А. Рожковым под рубрику «социальных и политических». Порядок разбора здесь в общем тот же—по периодам, как это, вслед за автором, сделано нами в предыдущей главе.

Первый период—натуральное хозяйство, господство «добывающей промышленности». Торговлей (во вторую половину периода) захвачены только верхние слои общества. Развертывающаяся на таком экономическом фоне общественная жизнь характеризуется, прежде всего, наличием родового быта. Господствует вервь, задруга, семья—кровный союз. Классовое деление намечается только с VIII, а главным образом—с IX века: выделяются верхние слои общества, занятые торговлей. Государство, даже самое примитивное, не существует, потому что «племя—союз кровный по существу своему, и власть в племенном союзе имеет кровную основу» («Русская история», т. I, с. 88).

Государства действительно еще нет в данный период, но почему? Казалось бы, весьма просто дать ответ на этот вопрос, сославшись на отсутствие классового расчленения общества: раз нет классов, не нужен и аппарат классового угнетения. У Рожкова мы находим совершенно другую теорию: отсутствие государства об'ясняется явлениями порядка естественного, не специального — наличием «кровной основы», племенного союза. Отводя такую большую роль кровному союзу, наш автор тем самым скатывается к родовой теории, хотя формально он и отрекается от нее.

Нельзя не согласиться с тем, что первичной формой об'единения в Киевской Руси была большая семья и вервь. По большей части это действительно были кровные единицы, но не обязательно. И дело тут вовсе не в кровных узах, а в определенных условиях хозяйства, нуждавшегося в наличии больших коллективов для более успешной борьбы с природой. По Рожкову же племенные союзы—кровные, и лишь постольку возможно их существование. «Древнейшая Русь,—находим у него,—знала только кровные коллективы—племя, род и семью» («Оч. ист. труда», с. 23).

Все эти рассуждения касаются, главным образом, первой половины I периода. Во второй половине его Рожков уже отмечает образование государства. Силой, толкавшей к этому, по его словам, являлась потребность в организации внешней защиты и в средствах устранения внутренних раздоров. «Без сомнения, они (военная деятельность князей и княжеский суд.—*А. П.*) и удовлетворяли им (указанным настоятельным потребностям.—*А. П.*) до известной степени и, следовательно, в известной мере достигали цели общего блага, потому что иначе самое существование государства было бы невозможно».

Совершенно верно, что князья все время вели войны. Встает только вопрос, какие войны? В какой мере это — «оборонительные» войны, защищавшие область от нападения со стороны окружавших «инородцев?» Что такое это «устранение внутренних раздоров», в котором «нуждалось» население?

Почти беспрерывная борьба князей с окружающими народами ведется за ограбление их, за присоединение новых районов, в которых «вся благая сходится». «Устранение внутренних раздоров» приходится отнести под ту же рубрику: князья с их военной организацией не устраняли неурядицы, а нуждались в них, так как получали возможность грабить добро и уводить немалое количество пленников—живой товар для восточных рынков.

Рожковская трактовка вопроса об образовании государства Киевской Руси должна быть признана нами совершенно неудовлетворительной. Она не задевает вопроса ни со стороны его классового содержания, ни со стороны экономического развития в целом. Вместо этого нам преподносится уже знакомая «цель общего блага».

Второй период в хозяйственном развитии так же, как и первый, характеризуется натуральным хозяйством. Преобладающей отраслью

хозяйства является земледелие и отчасти скотоводство. Большого развития достигает торговля, при этом она сосредоточивается главным образом в Новгородском районе.

В общественно-политическом отношении этот период характерен раздроблением Руси на ряд княжеств-уделов (удельный период). Именно эта эпоха обычно относится у нас в России к периоду феодализма. Посмотрим, как квалифицирует его в этом отношении Н. А. Рожков.

«В Московской Руси XVI века были налицо все элементы, из которых сложился средневековый феодальный строй: поместья — бенефиции, льготы — иммунитеты и закладничество — коммендация. И, однако, эти зародыши феодализма так и остались в зачаточном состоянии, а затем и совершенно исчезли в нашем отечестве. В русской социально-политической жизни XVI века произошел перелом, не оставляющий места дальнейшей аналогии с западными порядками»[1]. Мы оставляем в стороне вопрос о времени, к которому относится феодальный строй на Руси. Какими чертами наш феодализм характеризуется? Вот вопрос, который нас интересует.

У нас были зачатки феодализма, но они не развились до полного господства его—положение Рожкова. Но к нему он приходит потому, что останавливает свое внимание, главным образом, на правовых нормах. Едва ли это марксистский прием. Из определений самого Рожкова следует, что поместье (бенефиции) есть п р а в о временного владения землей, под условием службы. Поместье органически связано с натуральным хозяйством; оно жалуется князьям за службу в интересах сохранения денежных средств[2]. Иммунитет фактически есть о г р а н и ч е н и е и ослабление государственной в л а с т и в пользу местных единиц и, наконец, закладничество (коммендации)—это тоже момент п р а в о в ы х взаимоотношений различных групп, зависимых сословий, переход их под высокую руку крупных землевладельцев. Ясное дело, что не из таких юридических понятий должен исходить марксист в своем анализе феодализма.

Для периода XIII—XIV в.в. (период феодализма у нас) приходится, прежде всего, рассмотреть вопрос об «окняжении» и «обоярivании» земель. «В их руках (князей, бояр, монастырей.—*А. П.*) и со-

---

[1] «Исторические и социологические очерки», ч. 1, с. 77.

[2] «Русская история», т. II, с. 24.

средоточилась постепенно вся масса земельного богатства области между Окой и Волгой и произошло так называемое «окняжение» и «обояривание» земли. Даже черная земля, т. е. собственно крестьянская, стала считаться княжеской. Крестьяне потеряли право свободного распоряжения землей» [1].

Вот такого рода указания, говорящие о хозяйственных изменениях, происшедших в данный период, действительно, важны и существенны для определения феодализма. Укрупнение земельных владений и переход их в руки немногих собственников—бояр, князей, церквей и монастырей, есть основная черта феодализма. Эти крупные землевладельцы отдают землю в поместное владение более мелким собственникам, которые, в свою очередь, имеют в зависимом от себя состоянии крестьян.

Важен теперь второй момент, характеризующий феодализм—это соединение власти землевладельца с политической властью, переход политических прав от государства к крупнейшим собственникам. Если мы поставим вопрос, имело ли место у нас в России такое соединение прав землевладельцев с политическими правами, то принуждены будем ответить положительно. Сам же Рожков тут говорит: «Обладание землей обусловливало собой и принадлежность помещику или вотчиннику прав суда над всеми жителями его имения и сбора податей с них» [2]. У него же в характеристике удельного княжества с его политической стороны имеется такое указание: «это было типическое вотчинное государство, в котором верховная власть не только принципиально, но и фактически не отделялась от землевладения, носитель верховной власти был таковым именно по той причине, что он обладал землей, верховные права явились не чем иным, как одним из хозяйственных атрибутов земельного владения, вроде отдельных земельных угодий» [3].

Этот факт срастания землевладельческих прав с политическими есть, конечно, яркое доказательство того, что феодализм и у нас в России существовал, причем это были отнюдь не зачатки его, как говорит Рожков, а цельная, хотя несколько своеобразная форма.

---

[1] «Русская история», с. 22—23.

[2] Там же, с. 33.

[3] «Происхождение самодержавия», с. 25.

Все заявления Рожкова о неполности суверенных прав (отсутствие права чеканки монет, иностранных сношений и т. д.) говорят лишь о своеобразии русского феодализма, а не о зачаточных формах его. Заявление же самого Рожкова о политических правах князей показывают нам высокую развитость этого общественного строя. «Лучшим подтверждением юридической самостоятельности князей служит договорный принцип, т. е. правило, в силу которого междукняжеские отношения регулировались договорами, где князья являлись совершенно равноправными сторонами. Эта-то полная самостоятельность князей и дает больше всего права сближать удельный порядок с феодализмом и мешает причислить XIII и XIV века к предыдущему периоду» [2].

Переходя к рассмотрению третьего периода, мы остановимся, прежде всего, на вопросе об образовании Русского государства. Классовое расчленение общества у нас в России начинается весьма поздно. Окончательно классы сформировываются в XVI в. Следовательно, и о государстве, в строгом смысле слова, для более раннего периода говорить не приходится. О государстве, как о таковом, Рожков также говорит, примерно, только с этого периода.

Ко второй половине XVI века один из сюзеренов, увеличивая и расширяя свой феод, поднимается до того, что становится единым, великим князем во главе наикрупнейшего, а потом и единственного, Московского княжества—государства. Здесь у нас уже четко обозначаются классы, борьба их, и государственная организация делается необходимостью. Что же вызвало и что способствовало образованию русского государства в том его виде, какой мы имеем в дальнейшие времена?

Ряд историков (Соловьев, Ключевский) образование государства поставили в связь с борьбой против степи. Но Рожков не связывает эти два явления и поступает, на наш взгляд, совершенно правильно. Подробно рассматривая процесс собирания Руси около Москвы, он говорит: «разложение натурального хозяйства и начавшийся переход его к хозяйству денежному, рассчитанному притом на обширный рынок, приводили к необходимости уничтожения удельного распада, к образованию политического единства, к «собиранию Руси» [2].

---

[1] «Русская история», т. II, с. 49.

[2] Там же, т. III, с. 24.

Та же самая мысль в еще более развитом виде повторяется и в других местах. Ко второй половине XVI в. окончательно оформилось вступление России на новый путь развития, — путь торгового капитализма. «Дело здесь было вовсе не в том, что государство подвергалось внешним опасностям и должно было организоваться по-военному, а в том, что настала необходимость справиться с грандиозной экономической проблемой: приспособить общество, жившее прежде почти исключительно в условиях натурального хозяйства, к новым обстоятельствам, созданным переходом к товарному хозяйству, рассчитанному на обширный рынок, к торговому капитализму» [1]. Совершенно верно, переход к денежному хозяйству, развитие торгового капитализма, который не может не стремиться к об'единению возможно большей территории, собрали Русь воедино.

Приводим дальше одну из цитат, отчетливо говорящую, что образование государства является следствием именно нового этапа хозяйственного развития России, а не результатом войн и внешней политики вообще.

«Война и внешняя политика сами являются отражением соотношения внутренних общественных сил и хозяйственных потребностей, устанавливающих это соотношение... Достаточно бросить взгляд на внешнюю политику России с Ивана Грозного до Алексея, чтобы понять это. Ведь завоевание Волги, Сибири, защита юга и движение к югу по направлению к Крыму и Кавказу шли навстречу потребностям колонизации, в земле для служилого класса. Основными мотивами борьбы с Польшей было приобщение Малороссии к хозяйственному влиянию Великой России и особенно стремление к морю, о чем свидетельствуют войны за Ливонию с Польшей и Литвой при Грозном, и с Швецией при Алексее. Войны и внешняя политика лишь постольку укрепляли самодержавие, поскольку они сами являлись результатом соотношения социальных сил, выдвигаемых в известной перспективе процесса хозяйственного развития» [2].

Заслуживает быть отмеченной трактовка Рожковым вопроса о происхождении самодержавия, об отношении самодержавия к дворянству, торговому капитализму и т. д.

---

1 «Русская история», т. IV, с. 229.

2 «Происхождение самодержавия», с. 154.

Здесь, как и в других местах, у Рожкова отсутствует обусловленность общественных явлений изменениями, происходящими в экономике страны. Правильнее сказать, эта обусловленность маскируется привлечением целого ряда моментов производного порядка, играющих совершенно второстепенную роль.

Например, в качестве предпосылок «дворянской самодержавной монархии», на ряду с товаризацией хозяйства Рожков указывает и крепостные отношения, требующие об'яснения в свою очередь, и «новую административную систему» и т. д. Рожков прямо говорит: «Дворянская самодержавная монархия одержала первую решительную победу (в период Грозного — Годунова—*А. П.),* которая была подготовлена тем, что были заложены основы денежного хозяйства, крепостных отношений, новой административной системы» [1].

В другом месте: «необходимость единой самодержавной власти в России XVI—XVII вв. обусловливалась еще (?) переходом от натурального хозяйства к денежному с обширным рынком; экономически об'единить страну могла только царская власть» [2].

Таким образом, «переход от натурального хозяйства к денежному», этот определяющий факт ставится наравне с производными от него моментами. Тем самым скрывается и связь торгового капитализма с самодержавием, являющимся политической организацией его. Торговый капитал (как дальше и промышленный) нуждается, прежде всего, в единой власти, которая сцепила бы все доселе разрозненные куски территории и дала бы возможность свободного обращения товаров. Переход от натурального хозяйства к товарному должен был обусловить и обусловил переход к новой политической организации—самодержавию, которое политически должно было об'единить страну, уже вступившую на путь экономического об'единения.

Тут может встать вопрос, почему именно самодержавие является наиболее удобной политической организацией торгового капитализма. Ответ достаточно прост: самые методы хозяйства при торговом капитализме требуют наибольшего зажима трудящихся масс, что легче всего осуществляется при самодержавии.

---

[1] «Происхождение самодержавия», с. 146.

[2] «Исторические и социологические очерки», ч. 1, с. 77.

Но сейчас же встает вопрос о том, какие социальные группы являются опорой самодержавия, какую роль в этом смысле играет дворянство?

При такой постановке мы вновь натыкаемся на ряд скользких мест у Рожкова. У него мы встречаем выражение «дворянская самодержавная монархия»; у него при анализе Смутного времени находим такое заявление: «Ставился ребром вопрос о том, кто будет гегемоном восточно-европейского торгового капитализма,—русское или польское дворянство, и попытка польского дворянства окончилась неудачей» [1].

Эти положения дают нам право заметить, что Рожков вновь подменяет экономическую категорию «класс» юридическим понятием «сословие».

Дворянство, действительно, играет одну из главных ролей в период Смутного времени, но выступает как агент торгового капитала, как представитель торгово-капиталистических интересов. Не о гегемонии дворянства над «восточно-европейским торговым капитализмом» нужно говорить, а, наоборот, о торговом капитале, как определяющей силе во всех событиях, начиная с середины XVI века. От торгового капитализма коренным образом зависели судьбы самого дворянства, все более превращавшегося в класс среднего землевладения, работавшего на рынок. И пресловутые дворянские революции Рожкова, которым он посвятил так много места в своих трудах, в особенности Смутное время и петровские реформы, надо определять не по сословному признаку, который нам ничего не говорит о содержании движения. Бунт производительных сил, складывающихся в капиталистическую форму, против феодализма—вот истинное содержание их.

Смешение юридических и экономических признаков является источником целого ряда ошибок, которые делает Рожков при оценке общественных явлений. Вся трактовка вопроса о дворянстве и его роли приводит Рожкова к одной из серьезнейших ошибок «юридической школы»—к теории закрепощения и раскрепощения сословий.

---

[1] «Русская история», т. IV, с. 183. Разрядка моя—*А. П.*

Обычно эта теория связывается с другой—о том, что общество создано государством, поэтому последнее и распоряжалось им, как того хотело, стало быть и закрепощало его, когда это было нужно, и раскрепощало таким же порядком.

Рожков, как мы видели, отрицает первую часть такого тезиса, утверждая, что государство явилось плодом развития общества. Но вторую часть он приемлет целиком, стараясь лишь придать ей материалистическую окраску.

Во всех своих работах Рожков проводит одну и ту же мысль: «наше государство отличалось двумя чертами—сословностью и крепостничеством». «Известно, как к концу второго момента дворянской революции в России,—говорит он,—определились две основные черты ее общественного строя—сословность и крепостничество. С тех пор сословность надолго, до конца периода торгового капитализма, и именно под влиянием условий этого периода, как одно из организующих средств торгового капитализма, сохранилась в русской истории. Но и петровская реформа и вторая половина XVII века сохраняли еще крепостничество, преобладание обязанностей над правами в устройстве даже первенствующего, господствующего сословия: для победы в той революции, которая тогда происходила, дворянству необходимо было наложить на себя тяжелые повинности, и, как класс в то время полный сил, прогрессивный, оно нашло в себе достаточно политической мудрости, чтобы пойти по этому нелегкому пути временных жертв для достижения конечного торжества» [1].

Эта теория закрепощения по существу та же самая, что и у Чичерина и Соловьева, с той лишь разницей, что Рожков старается придать своей теории более благообразный вид. Конечно не государство общество закрепостило, но общество само себя в целях благоразумия, в целях изживания трудного переходного периода закрепостило, чтобы потом раскрепостить. Хозяйственные препятствия, стоящие перед развитием общества, были очень сильны... «и класс, которому в будущем суждено было господство, нашел средства овладеть положением: закрепостив все общество, распределив между отдельными сословиями обязанности, обложив тяглом посадское население и крестьян, усугубив тяжесть крепостничества в отношении крестьян-

[1] «Русская история», т. V, с. 48—49.

ства еще личным его прикреплением к землевладельцам, дворянство оказалось достаточно политически проницательным, чтобы и на себя наложить тяжелую повинность службы: в тех условиях это был единственный правильный выход из положения, единственный залог победы. Вот почему факт закрепощения на государственной службе дворянства, факт дворянского самозакрепощения, конечно, более легкого, чем закрепощение других сословий, в особенности крестьянского, не подлежит сомнению и не стоит ни в каком противоречии ни с экономическим пониманием истории, ни с классовой теорией общества» [1].

Эта теория закрепощения всех сословий обращает на себя внимание, прежде всего, своей идилличностью: все сословия закрепощены, не одно крестьянство... и все это происходит ради «конечного торжества» некоей исторической целесообразности,—как будто законы экономического развития формулируются кем-то и ради каких-то целей!

К анализу рожковской схемы общественного развития многое можно было бы еще прибавить (происхождение общины, вопрос о декабристах, о народниках и т. д.), но тогда разбор может стать слишком монотонным в виду того, что Рожков все время повторяет одни и те же ошибки, соскальзывая с экономического анализа.

Как для анализа хозяйственного развития был характерен арифметический подход, статика вместо динамики, так для его схемы общественного развития характерно постоянное внесение юридического момента, хотя бы и подслащенного материализмом.

III. ПРИЛОЖЕНИЕ ТЕОРИИ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ К АНАЛИЗУ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ

В предшествующих главах мы старались показать, что Рожков и в мировоззрении, и в методологии, и в своей исторической схеме часто отходит от марксизма. Отклонения в том или другом вопросе неслучайны, они все связаны единой цепью. У Рожкова, как деятеля

---

[1] «Русская история», т. IV, с. 229—230.

современной эпохи налицо такая же, в сущности, марксистская и революционная невыдержанность, как и в области чистой теории. Вся его трактовка перспектив хозяйственного развития, политического строя, оценка революции 1917 г., его отход от партии в период реакции—все это является естественным выражением его миросозерцания, его методологии и его неправильной исторической схемы.

Остановимся, прежде всего, на оценке Рожковым хозяйственного развития России в XX веке и перспектив дальнейшего развития.

Уже раньше пришлось указывать, насколько недооценивается Рожковым степень экономического развития России. Она (Россия) только-только миновала период первоначального накопления, сохранив от него во всех отраслях хозяйства массу крепостнических черт. «У нас в России»,—говорит он,—период первоначального накопления только недавно закончился; поэтому особенно много существует остатков крепостничества» [1]. Эти остатки крепостничества существуют прежде всего в сельском хозяйстве, проявляясь в самых разнообразных формах: в виде испольщины, в виде отработков и т. д.

Мы не будем, конечно, утверждать, что нет этих остатков крепостничества. Отработки, испольщина—не есть методы капиталистической эксплоатации, но разве можно отнести их исключительно к методам первоначального накопления? Своеобразие России заключается именно в том, что у нас долгое время сожительствуют, сосуществуют различные хозяйственные уклады. Несмотря на громаднейшее развитие, какого уже в 90-х годах достиг промышленный капитал, продолжает существовать рядом с ним и торговый капитализм, мало заботящийся об уничтожении крепостнических отношений, заинтересованный в их сохранении. Это своеобразие России и привело к быстрой революционизации крестьянства.

Остатки крепостничества Рожков находит не только в сельском хозяйстве, но и в промышленности: «и капиталистическое общество, основанное на наемном труде, во многом еще сходно с хозяйством крепостного времени» [2]. Это сходство, эти элементы периода первоначального накопления Рожков видит в грубости и жестокости эксплоатации рабочих, в длинном рабочем дне, отсутствии или незна-

---

[1] «Капитализм и социализм», М. 1906, с. 13.

[2] Там же, с. 13.

чительности законодательства, чрезмерной эксплоатации женского и детского труда и т. д. То же самое показывает и техническая отсталость нашей промышленности.

Констатируя все это, Рожков приходит к выводу, что если капитализм и в XX веке еще не изжил своего грубо-хищнического характера, если его культурный уровень стоит ниже того, который мыслится теоретически для развитого капитализма, то у него имеются еще грандиозные возможности дальнейшего развития. Он еще далек от тупика, из которого бы не было выхода при старых общественных отношениях; из которого нет иного выхода, как обобществление всех средств производства.

Об'ективный смысл всех этих положений Рожкова сводится к одному: доказывается полная жизнеспособность капиталистического общества, которое еще не только не изжило себя, но имеет перед собою самые блестящие перспективы; оно только еще приступает к развертыванию своих сил. А так как предпосылкой социальной революции, по Рожкову, должно быть «полное расстройство старого капиталистического хозяйства, полная невозможность его вести», то, следовательно, бесплодными будут всяческие попытки «преждевременного свержения» капитализма. Нужно выждать сначала кульминационный пункт его развития, который еще далеко не наступил.

В той же брошюре дальше (с. 27) Рожков говорит, что к моменту социальной революции будет вполне ясным положение, что капиталисты совсем даром, незаслуженно получают свои выгоды. Они «уже вполне превратятся в настоящих паразитов, совершенно бесполезных, даже прямо вредных для народного хозяйства». В настоящее же время, даже на западе, «техника производства не достигла еще такой высоты, чтобы сделать капиталистов совершенными паразитами...»,—говорит он в другом месте [1].

Правильна, конечно, мысль, что, чем дальше развивается капитализм, тем все больше сами предприниматели, передавая руководящую роль техническому персоналу, становятся ненужными для его нормального процесса. Но нельзя эту мысль доводить до абсурда, как то делает Рожков, предполагая, что паразитизм капиталистов примет какую-то особенно наглядную форму. Он давно уже нагляден для про-

[1] Сборник «Вопросы дня», с. 22.

летариата, прекрасно понимающего, за чей счет и как живут капиталисты.

Мысль о необходимости и возможности еще продолжительного развития капитализма с несколькими различными мотивировками повторяется у Рожкова бесконечное количество раз. На с. 28 брошюры «Капитализм и социализм» читаем: «...нет еще необходимых для успеха социальной революции условий: капитализация производства еще не дошла до того, чтобы обеспечить обществу достаточное для социализма количество богатств, а концентрация далеко еще не развилась до такой степени, чтобы сделать сознательным и об'единить весь рабочий пролетариат. Социальная революция возможна только при превосходных машинах и способах производства, обеспечивающих за обществом несметное количество необходимых и полезных вещей и при полной сознательности и единстве рабочего класса. Ни того, ни другого пока нет, потому и социальная революция пока невозможна».

Конечно для успеха социалистической революции необходима возможно более высокая степень развития капиталистического хозяйства, возможно большие технические усовершенствования, которые бы обеспечили наиболее безболезненный переход от одного общественного строя к другому, от капитализма к социализму. Но рядом с этим необходимо учитывать и нарастающие классовые противоречия. Нужно быть очень безобидным мечтателем, чтобы заниматься такого рода философией и ожиданием грядущего общества, к которому «эволюционирует» настоящее. Нужно быть очень слепым, чтобы не заметить, что сама практика настоящего, практика капиталистического строя толкает массу к действиям, к ускорению этого перехода к социалистическому строю; нельзя не видеть, какой ценой массы на собственном хребте выносят все прелести капитализма вплоть до кризисов, вплоть до империалистических войн и т. д.!..

Это рассуждение Рожкова 1906 года, когда еще он был большевиком, роднит с Рожковым—ликвидатором 1910—13 гг. Надежды на эволюцию капитализма, который «сам по себе» дойдет до собственного разложения,—как первый шаг, отрицание неизбежности политических бурь, как его конечный вывод,—таков путь, пройденный Рожковым от большевизма в сторону ликвидаторства.

Как будто подражая формуле царского правительства в годы реакции: «сначала успокоение, а потом реформы», Рожков настаивает: сначала помощь росту капитализма, приспособление к нему пролетариата, а уже потом—социалистическая революция.

Опыт Октября вполне доказал возможность социалистической революции и до накопления тех несметных богатств, о которых мечтает Рожков. Конечно строительство социализма сопряжено в этом случае с массой трудностей. Несмотря на это, СССР двинулся к социализму, конечно, гораздо быстрее, нежели любая из других, хотя бы и наиболее индустриальных, стран.

Говоря, что мы в октябре 1917 года сделали социалистическую революцию, мы не утверждаем, что тем самым мы уже перешли из капиталистического общества в социалистическое. Нет, Октябрьская революция является социалистической потому, что она определенно выразила намерение пролетариата итти к социализму, строить социализм.

Возвращаемся к утверждению Рожкова относительно хозяйственной отсталости России. Каковы же ближайшие перспективы, стоящие перед экономическим развитием России, если она еще так отстала? Ответ Рожковым дается в его статье «Современное положение России и основная задача рабочего движения в данный момент»: «Основная об'ективная задача в России в настоящий момент — это окончательное завершение смены грубо-хищнического, полукрепостнического хозяйствования культурным капитализмом» [1].

Как мы видим, такой ответ в очень малой степени разрешает вопрос о том, что же должно составить «основную задачу рабочего движения в данный момент». Немного выиграет рабочее движение, если в его задачи должно входить только способствование культурному росту капитализма, приспособление к этому окультуренному капитализму! Зато многое выиграет капитализм от этой проповеди гражданского мира.

«Это «либеральная постановка вопроса, — говорит Ленин. — Либералы ограничиваются тем, быть ли «культурному капитализму», или нет... Марксисты... ведут принципиально отличную от либерализма линию создания истинно-демократических, а не вообще «культурных» форм

---

1 «Наша заря» № 9—10, 1911 г., с. 31.

жизни. Мы не то должны понимать под «культурой», о чем толкуют либералы...» [1].

Культурно-капиталистический рост России составляет, по Рожкову, ее об'ективную задачу и заметно идет вперед. Особенно сильное влияние тут оказала война 1914 г., которая, как и всякий кризис, ударила прежде всего, по наиболее отсталым хозяйствам. Она породила кризис и разорение и тем ускорила и ранее совершавшийся процесс к у л ь т у р н о г о развития капитализма в России в ущерб капитализму грубо-хищническому. Война способствовала более быстрому превращению России в типичную страну культурного капитализма.

Эти постоянные, до монотонности, подчеркивания культурности развитого капитализма до последней степени «упрощают» перспективы нашего развития, не оставляя места, по крайней мере на ближайший период, для социалистической революции. Последняя—или утопия, или она, как говорит Рожков, может привести к положению, среднему между монастырем и казармой.

Та же мелодия о культурном росте капитализма развивается Рожковым и в отношении сельского хозяйства. Применительно к аграрной программе он говорит, что нам нужна не социализация или национализация земли; «подобные опыты могут сопровождаться успехом лишь тогда, когда капитализм будет клониться к упадку, когда приблизится социальная революция» [2]. В настоящий же момент эти акты, изымая землю из торгового оборота, будут препятствовать капитализации сельского хозяйства.

В интересах же усиления капиталистических отношений в деревне необходимо, во-первых, сохранить все крупные хозяйства, которые быстро перерождаются из крепостнических в буржуазные; во-вторых, передать крестьянам без выкупа те земли, «которые служат орудием для их хозяйственного закабаления» [3]. Другими словами, программа 1903 года об отрезках должна быть сохранена соц.-демократией и в 1905 году. По тактическим соображениям можно пойти и на предоставление всех помещичьих земель крестьянству, но желательнее все же сохранение крупных хозяйств!..

---

[1] Л е н и н, Собр. соч., т. XI, ч. 2, с. 411.

[2] Сбор. «Текущий момент», ст. Рожкова, с. 2.

[3] Там же, с. 6.

Едва ли можно привести против этих положений более сильное возражение, чем то, которое сделал Ленин: «для развития капитализма конфискация всей помещичьей земли даст несравненно больший плюс, чем тот минус, который получился бы от разделов крупного капиталистического хозяйства»[1]. Необходимо было учесть и соответствующим образом направить революционную энергию крестьян, которые страдали от гнета крепостнических остатков. Они были заинтересованы в свободе развития буржуазных отношений и для этого, прежде всего, нуждались в ликвидации помещичьего землевладения, тем более, что последнее в громадном большинстве случаев велось на крепостнических началах.

Вся борьба крестьян в данный период направлена на «уничтожение крупно-помещичьего землевладения», «на переход его (на тех или иных началах) к крестьянам»[2]. И вопрос заключается в том, каким путем: путем революции или путем реформы совершится, наконец, преобразование помещичьих латифундий в буржуазное хозяйство.

Мы знаем, что в 1905 г. он не разрешился революционным путем. В 1906 году его начал разрешать Столыпин путем реформ. Могло ли крестьянство во всей своей массе удовлетвориться этим разрешением? Нет, и 1917 г. отчетливо показал это.

Иначе, однако, понимал аграрный вопрос Рожков. «Переход к буржуазным порядкам в сельском хозяйстве — факт совершившийся, совершенно несомненный», писал он в 1913 г. «Невозможно то сильнейшее обострение недовольства, которое наблюдалось в недалеком прошлом» («Наша заря», 1913, № 6). «В результате изменений, которые были произведены в аграрных отношениях столыпинской реформой, аграрный вопрос встал в новой форме, в какой он существует в передовых странах всего мира, спешит Рожков сделать признание. «Не надо гальванизировать труп—аграрный вопрос в старой форме: попытка такого рода все равно обречена на неудачу» (там же, с. 44).

Из этих цитат уже нетрудно понять и то, какова у Рожкова общая оценка перспектив хозяйственного и политического развития. Реформы, предпринятые правительством после 1905 г., вносят, по

---

[1] Ленин, Собр. соч, т. IX, с. 382.

[2] Там же, с. 433.

мнению Рожкова, такое коренное изменение в экономический и политический строй России, что о старых взаимоотношениях и формах борьбы не приходится здесь и говорить. Крестьянство вследствие столыпинщины больше не находится под гнетом крепостничества, и поэтому аграрный вопрос встал «в виде части великого социального вопроса», как во всех передовых странах, говорит он в статье 1913 г. Ответ на нее мы находим у т. Ленина (статья в «За правду» 1913 г.), который указывает, что нельзя сравнивать и отождествлять положение западно-европейских крестьян при вполне буржуазном строе их деревни «с голодовками в России, с полной сословной приниженностью деревни, с полным крепостническим режимом в области права и т. д.». «Н. Рожков,—говорит Ленин,—даже и не прикоснулся к данным о степени распространения испольщины, отработок, барщины, кабалы в современной деревне. Рожков с поразительным легкомыслием обошел тот факт, что распространенность их все еще широка» [1].

Можно ли не согласиться, что в писании Рожкова 1913 г.—яркий образчик принципиального родства идей либеральных рабочих политиков и идей контрреволюционных либералов.

По линии оценки периода реакции приходится провести коренной раздел между Рожковым и большевиками.

Нам уже известно положение Рожкова о том, что революция и реакция суть два момента, одинаковые по содержанию, разнящиеся только по методам осуществления этого содержания. Оценка периода реакции дает приложение этой теоретической формуле и приводит к тому, что Рожков не замечает основного во всем периоде между двумя революциями: неудовлетворенность рабочих и крестьян реформами, неразрешенность основных требований, выдвинутых революцией 1905 г. Он успокаивается на том, что даже неудавшаяся революция завершается на более высоком базисе. «Реакция—вовсе не есть время полного застоя или возврата назад... Как ни уродливы ее неистовства, в самых этих неистовствах часто выражаются глубочайшие социаль-

---

[1] Ленин, Собр. соч., т. XII, ч. 2, с. 270—71. Разрядка автора.

ные перемены, которые происходят... под неустранимым влиянием мнимо «неудавшихся» недавних потрясений»[1].

Революция 1905 г., несмотря на ее видимые неудачи, завершается определенными завоеваниями. В экономической области утверждается господство «культурного» капитализма; в политической—учреждается парламент, и господство от крепостников-помещиков переходит (?) к прогрессивной буржуазии. Отсюда задача рабочего движения «содействовать скорейшему или легчайшему для масс переходу от крепостнических, грубохищнических форм сельского хозяйства к формам культурно-капиталистическим» («Наша заря» № 6, 1913 г.).

Исходя из всех этих посылок, Рожков приходит к заключению, что «возможность бурь, разумеется, не исключена, но она не переходит в необходимость, неизбежность, как то было до революции»[2]. Стало быть, всю тактику партии надо приспособлять именно к этим условиям—к отсутствию «бурь и потрясений». Нужна не подготовка боевой организации для предстоящей борьбы, а легальная партия для работы в легальных условиях. «Борьба за свободу коалиции, или, что то же борьба за легальность, является, следовательно, тем основным, главным вопросом текущего момента, на котором, по слову Лассаля, надо сосредоточить все внимание, не оглядываясь ни вправо, ни налево» (там же).

Все предложения Рожкова сводятся, таким образом, к одному—к созданию легальной политической партии. «Необходимо открыть и провести агитационную кампанию в рабочих массах в пользу борьбы за открытую широкую политическую организацию; способ этой организации и борьбы, теперь предвидимой,—обсуждение вопроса в печати, в специальных рабочих собраниях, созываемых с этой целью, в существующих рабочих организациях; петиционная кампания; запросы и специальный законопроект в Думе; заявления в ряде местностей рядом групп рабочих в местные присутствия об обществах, об основании по-

---

[1] «Наша заря» № 9—10, 1911 г., с. 32.

[2] Там же. Почти то же самое говорит и Мартов, утверждая, что революция 1905 года похоронила сословную диктатуру дворянства, поэтому шансы на новый глубокий общественно-политический кризис «того же исторического об'ема и той же глубины падают приблизительно до нуля». («Н. З.» № 5, 1912 г.).

литической рабочей организации; фактическое осуществление последней даже при отказе в регистрации» («Наша заря». № 5, 1912 г.).

Тов. Ленин говорит, что «Рожков начинает сначала и доходит до конца, как человек дела, а не фразы». Он устанавливает отсутствие необходимости «бурь» и весьма последовательно делает вывод о приспособлении к периоду мирного развития. Здесь уже вполне очевидно, что мы имеем дело с Рожковым, ликвидатором и ликвидатором последовательным, как характеризует его т. Ленин.

Постараемся теперь, хотя бы кратко, разобрать освещение Рожковым событий 1917 года.

Уже в годы реакции Рожков не большевик, а последовательный ликвидатор, не верящий в возможность революции и не видящий необходимости в ней. Но пришла Февральская революция, и он становится одним из видных деятелей ее первого периода, в который «все три революционные силы (буржуазия, мелкая буржуазия и пролетариат — *А. П.*) действовали вместе только одну минуту, в первый момент революции; дальше они разошлись: левая ушла в анархию, правая в контрреволюцию, а центр ударился в бесплодное соглашательство с контрреволюцией» [1].

Положение, как видим, для нашего ни-большевика, ни-меньшевика, ни-кадета безвыходное. У революции нет опоры ни в одной из социальных групп. И это в то время, когда «спасение России и спасение революции — одно и то же» (там же). Но выход, оказывается, все же есть—это программа 8 июля. Она и есть «одновременно и национальная и соц.-демократическая партийная платформа дня. Надо только подкрепить ее и провести в жизнь партийной, а не фракционной тактикой» (там же, с. 11, разрядка автора — *А. П.*).

Дальше: «Диктатура революционной демократии... имеет жизненные корни», «фактическое об'единение центра и левой, отрекшейся от авантюризма и анархизма, мыслимо и осуществимо (там же, с. 13).

Мы привели целый ряд цитат Рожкова из брошюры «Диктатура революционной демократии». Они позволяют уже сделать некоторые

---

[1] «Диктатура революционной демократии», с. 10.

выводы. Во-первых, интересно, что Рожков видит и подчеркивает национальный характер революции 1917 г. и только. Он, делая ударение на необходимости спасения России, как бы не хочет замечать, что эта революция, будучи глубоко-национальным движением, в то же время есть пролог международной революции. Сохранение и завершение ее есть не только спасение России, но и создание новых сильных кадров грядущей мировой революции.

Во-вторых, приведенные места показывают всю беспомощность, которую наиболее трезвые соглашатели ощутили уже на другой день революции. Сделана она об'единенными силами всех классов, а на завтра после этого, оказывается, революции не на кого опереться. Понятно, что не буржуазия является движущей силой революции. Она и деятелем-то ее является лишь постольку, поскольку массы вышли на улицу, и буржуазии пришлось присоединиться, чтобы не оказаться за бортом общественного движения. Левые (большевики) ударились в «авантюру и анархизм». Ясно, что при таком понимании позиции большевиков соглашатели не могут на них положиться. Но готовы об'единиться в любой момент... при отказе большевиков от их линии!

Только в об'единении всей революционной демократии (очевидно, под знаменем соглашателей) видит Рожков спасение революции. Оно начертано в программе 8 июля, сводящейся к четырем пунктам: 1) активная работа в пользу мира; 2) борьба с хозяйственной разрухой путем регулирования промышленности и финансов; 3) подготовка демократического решения аграрного вопроса и 4) скорейший созыв Учредительного собрания.

Сами по себе эти пункты, конечно, затрагивали бы существо вопроса, если бы соглашатели не занимались только разговорами, не цеплялись за буржуазию,—а этого они не могли не делать по самой природе своей. Вследствие топтания на одном месте они не сделали ничего и не могли сделать, не могли фактически выполнить ни одного пункта. Программа 8 июля осталась пустой декларацией.

Да и программа 8 июля подверглась ограничительному толкованию со стороны Рожкова. Взять хотя бы такой вопрос, как «активная работа в пользу мира»... Но нельзя, оказывается, опубликовать военный договор с союзниками, «потому что есть военные секреты, которые пока не могут быть опубликованы без согласия с союзниками, с которыми договор составляется». «Мы должны защищаться от

Вильгельма»... Рожков не видит империалистического характера войны. Он не находит возможным порвать с доблестными союзниками, несмотря на то, что на их стороне империализм выступает еще нагляднее. Для него «спасение России», «защита от Вильгельма» являются основными руководящими моментами.

В отношении масс пролетариата и мелкой буржуазии у т. Ленина есть выражение «добросовестные оборонцы», но это определение совершенно неприложимо к Рожкову. Это не просто добросовестный, заблуждающийся оборонец, это сознательный представитель национальной ограниченности.

Третьим пунктом программы 8 июля стоит «подготовка демократического решения аграрного вопроса». Любопытен момент «демократизма» в нем. Берем брошюру: «Как должно распорядиться землей Учредительное собрание» и находим: «помещичью землю даром взять нельзя, потому что все земли заложены в банках, которые от этого разорятся, а это гибельно отзовется на народной свободе... Наконец, если взять помещичьи земли даром, то будет совершена несправедливость: у части богатых людей, именно у тех, которые владеют землею, их достояние будет отобрано, а у людей богатых капиталами ничего взято не будет» (с. 7—8).

Удивительная заботливость об участи богатых людей! Весьма характерная для «демократизма» соглашателей боязнь обидеть помещика. Совершенно забыто положение, что весь смысл демократизма в революции заключается в движении широких масс мелкой буржуазии (крестьянства), поднявшихся с целью захвата помещичьих земель, душивших и глушивших развитие производительных сил сельского хозяйства.

Итак, должна быть начата «подготовка решения аграрного вопроса»; пока же «...для большинства крестьян, как и для большинства всего народа, насильственный захват земель—великое зло, которого не надо допускать... Комитеты должны строго запретить все самовольные захваты и захваченное не оставлять у захватчиков... такой порядок должен существовать до Учредительного собрания. Никакого насилия и самовольства! Никакого беспорядка!» (там же, с. 2 и 3).

Вот рожковское «решение аграрного вопроса». Забудьте, крестьяне, что вы делали революцию, что вы шли в нее с заветными целями докончить войну и взять помещичью землю!

«Нельзя вносить анархию, сеять беспорядок!» Как будто революция не есть один из величайших в мире беспорядков, перестраивающих всю жизнь не на основе каких-либо писанных законов, а на основе революционного н а с и л и я!

Посмотрим в заключение, каково отношение Рожкова к большевикам и как он оценивает их тактику. Брошюра «Диктатура революционной демократии» дает наиболее показательный материал.

«...Крайние левые (большевики—*А. П.*), очертя голову, без удержу и оглядки, устремились, как им казалось, вперед... Сразу же (по приезде Ленина—*А. П.*) обнаружились основы новой, неслыханной в 1905 г. тактики большевизма, или, лучше сказать, ленинизма. Близость социалистической революции представлялась ему (Ленину — *А. П.*) настолько непосредственной, что должна была определять крайнюю агрессивность тактики... В сущности ленинизм родился в атмосфере страха и неверия в силы революции» (с. 5).

Не приходится особенно долго комментировать приведенные положения. Из них совершенно ясно, что Рожков, несмотря на свое пребывание в 1905 г. в рядах большевиков, не усвоил даже самых основных положений большевизма. Для него остался непонятным лозунг «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства», который только и формулировал завершение буржуазной революции.

Не будучи диалектиком, не понял он и факта перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, что мы имеем как раз в период от Февраля к Октябрю. Не понял он и переломного в этом отношении момента—июльских дней. Он так трактует июльские события: «их (большевиков—*А. П.*) тактика разбудила анархические силы, и они оказались непреодолимыми. Анархическая тактика дала свои плоды: получилось нелепое и дикое вооруженное выступление, в котором многое произошло от паники самих выступавших» (там же, с. 6).

Оценка Рожковым Октябрьской революции ясна нам уже из предыдущего. Тем не менее мы остановимся на теоретической постановке вопроса о социалистической революции. Для завершения ее, по Рожкову, нужно, во-первых, совершеннейшее состояние техники, капитализации и концентрации производства; во-вторых, нужно «сделать со-

знательным и об'единить весь рабочий пролетариат. Социалистическая революция возможна... при полной сознательности и единстве рабочего класса».

Нелепость этих «условий» бьет в глаза. Ведь и то и другое абсолютно невозможно в недрах капиталистического общества: первое в силу нарастания классовых противоречий и революционного движения, которое неизбежно приведет пролетариат к свержению буржуазии значительно раньше, чем техника дойдет до идеальной высоты; второе, момент психологической подготовки, охватывающей весь рабочий класс, немыслим уже потому, что даже и после свержения капитализма партия долго будет оставаться лишь авангардом класса. Логикой жизни вся масса пролетариата и даже мелкая буржуазия подталкиваются к авангарду, идут за ним, но далеко не могут отождествиться с ним.

В общем же и первое и второе положения Рожкова сводятся к тому, что он хочет безболезненного перехода к социализму.

Диктатура пролетариата по Рожкову не будет сопровождаться насилием; пролетариат благороден и великодушен[1]. Ясно, что это есть фактически отрицание диктатуры, стремление «доэволюционировать» до социализма. Удивительно ли, что он не очень высоко расценивает Октябрьскую революцию?

«...Неподготовленность, отсталость страны к опытам непосредственного водворения социализма. Нужна, неизбежна, по крайней мере, на десятилетие или на два, школа организаций и классовой борьбы в условиях последовательно-демократической государственности для воспитания трудящихся масс к социализму... Нужна планомерная последовательная подготовка... а не легкомысленная и бесплодная погоня за собственной тенью»[2].

Вместо безмятежной «планомерной последовательной подготовки» он находит в Октябрьской революции лишь «декларативность, террор, укрепление физической опоры» (с. 31). «Максимализм», «на редкость разрушительная роль» и «совершенная неспособность к созидательной работе»—вот эпитеты Рожкова по адресу Октября и большевизма.

---

[1] «Капитализм и социализм», с. 26.

[2] Попов, Октябрьский переворот, ст. Рожкова, Ход революции, с. 28.

Кто идет за большевиками и что их поддерживает? Ответ: «основная причина, влиявшая на ход революции—это некультурность, малосознательность, стихийность масс, наследие слишком долго тяготевшего режима бесправия и произвола»... (с. 56). «Наш пролетариат в массе своей отличался всегда максималистскими тенденциями и склонностью к анархизму...» (с. 17). И, наконец, флот—деклассированная часть пролетариата,—это усиливает наклонность к максимализму и анархизму (с. 18).

«Демократ», мечтатель о безболезненном переходе к социализму, фактически поддерживающий и провозглашающий требования буржуазии, Рожков и в Октябре видит лишь разрушительную его сторону и ничего больше.

Он видит анархизм пролетариата и «деклассированной» части его—матросов—и не видит в Октябрьской революции интересов всей массы трудящихся, вынесших на своих плечах Октябрь, защитивших его и начавших в невероятно тяжелых условиях строительство социализма.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы подробно остановились на мировоззрении Рожкова и его методологии и пришли к заключению, что он является материалистом, но не может считаться выдержанным революционным марксистом.

Будучи материалистом, Рожков отрицает диалектику — основу революционного марксизма. Его материализм, как уже указывалось выше, весьма примитивен. Ставя как будто «экономику» и «хозяйственные условия» в основу анализа, Рожков на самом деле за исходный пункт берет явления производного порядка (правовые установления, способ распределения хозяйственных благ, те или другие источники средств существования и т. д.), о диалектике он того мнения, что она атрибут идеалистического мировоззрения. В системе материализма, по его словам, гораздо более применимо понятие «эволюция», а не «диалектика».

Занимаясь механическим подсчетом «прибыли»—«убыли» тех или других общественных явлений, несмотря на все богатство материала, которым Рожков оперирует, он не в состоянии, однако, дать картины «живого организма», единого процесса развития.

В анализе исторического развития России Рожков, пользуясь неправильной методологией и исходя из неверного толкования экономики, дает неправильную схему процесса. Он классифицирует общественные системы, опираясь, как на определяющий признак, на господство той или другой отрасли производства, а не тех или других производственных общественных отношений.

Работы Рожкова по вопросам современности, являясь как бы приложением его теории к практике, носят яркий отпечаток всех ошибок и неправильностей его мировоззрения, методологии и исторической схемы.

В литературных и публицистических выступлениях Рожкова мы видим такие же шатания и колебания, какие свойственны ему в вопросах «чистой теории» (от Конта к Марксу, от психологической школы к материализму). Рожков с половины 90-х годов подходит к марксизму, становясь в период революции 1905 года большевиком. В период реакции Рожков — ликвидатор и критик революционного марксизма. В 1917 г. мы его видим социал-соглашателем, готовым на всякие компромиссы, лишь бы не нарушить буржуазно-правовых отношений, лишь бы не изменить договорного обязательства перед союзниками. В Октябрьские дни и непосредственно после них он—ярый противник большевизма, предрекающий «бесплодность» Октября, клеймящий «авантюризм», «максимализм» деятелей Октября.

И только следующий период Октябрьской революции, период новой экономической политики вновь приближает к нам Рожкова. Он, правда, не входит в ряды большевиков, но он вплотную подходит к ним и принимает участие в строительстве Советской социалистической республики.

Если сделать попытку определить социальную «природу» историка и социолога Н. А. Рожкова, то придется сказать, прежде всего, что он не идеолог пролетариата. Его идеология скорее всего есть идеология мелкой буржуазии.

С внешней стороны это проявляется в непоследовательности Рожкова, его диаметрально противоположных позициях в различные периоды его деятельности. «Теоретические взгляды» Рожкова, его стремление проревизовать марксизм, подменить его позитивизмом, так же есть не что иное, как одна из многочисленных попыток обезвредить революционную теорию.

Для идеологии мелкой буржуазии в высшей степени характерно то примирение революции и реакции, дополняющих (хотя бы в понятии) друг друга, которое мы видели в трудах Н. А. Рожкова. И разве не мелкобуржуазен взгляд, выражающий надежду, что после 1905 года эволюция обеспечивает достижение социализма «мирными путями». Что будто бы эволюция обеспечивает бесконечное совершенствование человечества, которое, таким образом, в недрах капиталистического строя может создать «социалистическую психологию».—Подобного рода трактовка способствует укреплению оптимистического (с точки зрения буржуазии) взгляда на состояние капитализма и благоприятной перспективы его дальнейшего развития. Тому же способствуют и призывы Рожкова к окультурению капитализма, которые сердцу буржуа и мелкого буржуа столь же будут понятны и милы, сколь непонятны и чужды они пролетарию [1].

Таков портрет Н. А. Рожкова по его работам, оценивающим период дореволюционный и начало революционного. Но на этой характеристике Рожкова нельзя остановиться. Он не застыл на антисоветской позиции. С определенного момента (введения нэпа) он начал эволюционировать в обратном прежнему направлении — очень медленно, постепенно стал приближаться к революции, ее деятелям, партии. После того, как несколько смягчилась острота классовой борьбы, Рожков ушел из рядов противников большевизма, поставил вопрос о сотрудничестве с последним, о содействии ему. Это его поведение ярко иллюстрируется статьей «Новая позиция российского меньшевизма» [2]. Она и начинается знаменательно для Рожкова. В первых же строках ее проводится разница между ревизионистами и оппортунистами, с одной стороны, и революционными марксистами, с другой. Рожков

---

[1] Особо приходится сказать несколько слов по поводу XII тома «Русской истории» Рожкова (М. 1926), вышедшего уже после того, как данная работа была закончена. По сравнению с ранее вышедшими трудами этот том дает кое-что новое. Тем не менее та характеристика Рожкова, которая сделана нами на основании прежних его работ, остается в значительной степени правильной и в настоящий момент.

[2] «Известия ВЦИК» № 38 от 20 февраля, 1923 г. Все дальнейшие цитаты, особо не оговоренные, взяты из этой статьи. Разрядка везде автора—*А. П.*

справедливо указывает, что последние считают революцию «практической задачей дня», тогда как первые (ревизионисты-оппортунисты) видят ее в отдалении. Именно к последним в течение более чем десятилетия принадлежал и Рожков, говоривший, что социалистическая революция — дело далекого будущего, которое принадлежит не нам и нашим детям. Теперь, в 1923 г., наш автор дает некоторую оговорку в своем понимании социализма. Он говорит, что «полное торжество социализма, по крайней мере на первых порах, не будет сопровождаться совершенным обобществлением средств производства», это и есть, очевидно, переходный от капитализма к социализму период, которым начинается социалистическая революция. Этот период в нашей революции отождествляется Рожковым с нэповским периодом, о котором он говорит: «Новая экономическая политика Советской России с ее отражением в области государственной организации и духовной культуры представляет собой попытку ...приспособить русскую действительность... к... социалистическим возможностям».

С таким толкованием нэпа мы можем согласиться в значительной степени. Наша действительность была такова, что, попытавшись после Октября взять крепость капитализма штурмом (период военного коммунизма), мы не смогли этого сделать и перешли к длительной осаде (нэп), во время которой укрепляем и расширяем базу государственной промышленности, электрифицируем страну и кооперируем население. Все это есть элементы подтягивания СССР к социализму. Какова же в этом «приспособлении русской действительности» к социализму роль революционных марксистов, к которым Рожков причисляет себя? На этот вопрос он отвечает следующим образом:

«...Несомненно, что с переходом к новой экономической политике такое сотрудничество, содействие стало возможным.

«Но этого мало, оно является и необходимым для всякого революционного марксиста в данный именно момент».

Признание возможности сотрудничества с большевиками, содействия советской власти, а дальше и необходимости этого для всякого революционного марксиста характеризует Рожкова не как представителя меньшевизма (последний к этому времени совершенно явственно стал контрреволюционным); он тут даже и не «нейтраль-

ный наблюдатель», — нет, это позиция человека, действительно приближающегося к сотрудничеству со строителями Советской республики. Несколько ниже он говорит еще определеннее: «... Не борьба с советской властью, а техническая помощь ей, содействие — вот обязанность всякого революционного марксиста, не коммуниста, в данном сочетании общественных условий». «Такова,—дальше добавляет он,—принципиальная позиция пишущего эти строки».

Рожков в первой революции, в 1905 г., был большевиком. Теперь, при развертывании третьей революции — Октябрьской — он тоже идет к большевизму, хотя еще и не стал большевиком. Теперь, в 1923 г., Рожков правильно трактует вопрос о том, что значение Октября велико не только для русского революционного движения, но и для международного. Конечно, наличие советской страны является значительным сдерживающим началом в отношении усиления реакции. Международная буржуазия вынуждена считаться с влиянием советской республики на пролетариат своих стран, с его притягательной силой для рабочего класса всех стран, и ослаблять тиски реакции.

Все это заставляет Рожкова сделать совершенно справедливое заключение, что в прочности коммунистической России по существу заинтересованы и не одни коммунисты в Европе, а все отряды рабочего социалистического движения на Западе. Все цитированные нами из статьи «Новая позиция российского меньшевизма» положения наглядно показывают, насколько далеко отошел Рожков от меньшевизма. Недаром он яростно выступает против его положений и предложений.

Прежде всего он обрушивается на меньшевиков за то, что они существуют, как партия, которая, конечно, есть организация борьбы, а не содействия советскому правительству. Дальше он, пункт за пунктом, разбивает их программу по существу.

Разбирая заявление «Социалистического вестника» о нэпе, «здоровые начала» которого там восхваляются, Рожков говорит, что под этими «здоровыми началами», в конечном счете, разумеется возвращение к капитализму обычного типа. Тогда как нэп предполагает очень незначительную передачу средств производства из рук государства в руки частных капиталистов, во всяком случае, говорит Рожков, это должно быть сделано в самых ограниченных размерах. В противном случае, станет под большую угрозу самое существование Совет-

ской власти, так как совершенно невозможно сочетание «социалистической власти и буржуазного хозяйства». Ясно, конечно, что на фундаменте буржуазного частно-капиталистического хозяйства нельзя создать социалистической надстройки.

Дальше Рожков разоблачает тезис меньшевистской программы, призывающей к борьбе за политическую свободу, за «формальную демократию». Он говорит, что этот тезис имел бы смысл, если бы революция была разбита, если бы у власти была буржуазия. Но этого нет, и поэтому — «формальная демократия в данное время в России не только лишила бы рабочий класс его властного положения, т. е. отбросила бы его далеко назад с завоеванных позиций, но она была бы эфемерной не длительной государственной формой, очень скоро сменилась бы настоящей буржуазной диктатурой, подлинным бонапартизмом».

Дальше, на возможное возражение меньшевиков, что они тоже против буржуазной диктатуры и оказания помощи буржуазии, он говорит: «Коалиция с буржуазией заключается не только в сознательном участии в одном с ней правительстве, но и в бессознательном содействии целям буржуазной политики и в невольном увлечении средствами буржуазной, контрреволюционной и прямо реакционной политики». Об'ективно сторонники «формальной демократии» работают для победы контрреволюции, а, стало быть, с ними не по пути последовательному марксисту, с ними не по пути и Н. А. Рожкову. Он не только уходит от меньшевиков, разоблачая их, но и встает на путь содействия советскому строительству, на путь сотрудничества с большевиками.

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТА КРАСН. ПРОФЕССУРЫ
№

Два руб. 50 коп.

Издательство Коммунистической Академии

Москва, ГСП, 10, Волхонка, 14.

РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В КЛАССОВОМ ОСВЕЩЕНИИ

Том первый

СОДЕРЖАНИЕ:

М. Н. Покровский—Предисловие. **М. В. Нечкина**—Густав Эверс. **Н. Рубинштейн**—Историческая теория славянофилов и ее классовые корни. **П. Соловьев**—Философия истории Гегеля на службе русского либерализма (историческая концепция Чичерина). **З. Лозинский**—С. М. Соловьев. **Арк. Сидоров**—Мелкобуржуазная теория русского исторического процесса (А. П. Щапов). **Г. Ладоха**—Исторические и социологические воззрения П. Л. Лаврова.

Стр. 422. Цена 2 руб.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ:

Москва, ГСП, 10, Волхонка, 14, Издательству Коммунистической Академии

СКЛАДЫ ИЗДАНИЙ:

Ленинград, 14, Проспект Володарского, 58, тел. 4-67-61, Ленинградское пред-ство изд-ва Комакадемии.

УССР—отделения и магазины Кооперативного изд-ва «Пролетарий»

Сибирь—отделения и магазины Сибкрайиздата.

ДВ Край—отделения и магазины А/о «Книжное дело».

Средне-Волжская область—отделения и магазины изд-ва «Работник просвещения».

БССР, ЗСФСР, Ср. Азия и РСФСР (за исключением Ленинградской и Средне-Волжской обл., Сибкрая)—отделения и магазины Госиздата РСФСР.